

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1975 ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

1977

Редакционная-коллегия:

*М. П. Алексеев, В. Н. Баскаков, Н. В. Измайлов,
К. Д. Муратова*

Ответственный редактор

К. Д. Муратова

Е $\frac{70202-569}{042 (02)-77}$ БЗ-8-36-77

© Издательство «Наука», 1977

Е. И. Анненкова

АРХИВ К. С. АКСАКОВА

1

Дом С. Т. Аксакова (1791—1859), известного писателя, по-московски гостеприимный и открытый, с 1840-х годов сделался средоточием культурной жизни Москвы. Исключительная духовная близость между членами семьи, основанная на понимании и любви, привлекали в дом Аксаковых многих. Дети С. Т. Аксакова — Константин Сергеевич (1817—1860), Иван Сергеевич (1823—1886), Вера Сергеевна (1819—1864) и другие (всего у Аксаковых было 11 детей) — до конца жизни сохранили привитые еще в юности общественные интересы и высокие этические принципы. Можно сказать, что семья Аксаковых, ревностно отстаивающая высокие общественные и художественные традиции русской литературы, представляла редкое, почти уникальное явление в истории культуры.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится значительная часть рукописного наследия семьи Аксаковых (ф. 3, около 2500 единиц хранения),¹ в том числе наследия эпистолярного, позволяющего глубже понять эпоху и атмосферу московской культурной жизни.²

Материалы аксаковского фонда широко характеризуют деятельность К. С. Аксакова — поэта, публициста, критика и фольклориста (ф. 3, описи 7—10, около 300 ед. хр.). Этический пафос,

---

¹ Рукописное наследие Аксаковых хранится также в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ф. 10, 576 ед. хр.) и в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Акс., ГАИС/III).

² См. публикации ряда писем в кн.: Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. М., 1894. Библиография опубликованных писем дана в кн.: История русской литературы XIX в. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. М.—Л., 1962, с. 116—123.

художественная требовательность и служение общественным идеалам, свойственные аксаковской семье, проявились в трудах, в личности К. С. Аксакова если не сильнее, то несомненно явственнее, чем у других ее членов. Будучи впоследствии самым «крайним» представителем славянофильства, в молодости он еще не обнаруживал славянофильских убеждений. Письма его второй половины 1830-х годов к кузине М. Г. Карташевской³ дают довольно полное представление о молодом, «дославянофильском» Аксакове. Эволюция его от 1830-х к 1850-м годам была своеобразной. Оставив поэтическую деятельность, он становится публицистом, в трудах которого «идеальное прошлое» романтически противопоставлялось несовершенному настоящему.

Таким образом, фонд К. С. Аксакова дает возможность исследовать становление его славянофильской концепции и в то же время содержит необычайно интересный материал для изучения романтизма в завершающей стадии его развития.

Дневниковые заметки и письма (как отосланные, так и оставленные Аксаковым у себя), черновики и неоконченные наброски статей и художественных произведений не только позволяют проследить зарождение у него славянофильских убеждений, но и дают материал для анализа самого процесса литературного и научного творчества писателя. Все это важно как для исследования деятельности самого Аксакова, так и для изучения славянофильства в целом; не случайно современники говорили о том, как недостаточно представление о славянофилах только на основании публикуемых ими трудов.

В 68 письмах 1836—1837 гг. к М. Г. Карташевской (ф. 173, № 10604) Аксаков раскрывает свой внутренний мир, формируемый поэтическим укладом семейного дома и самой поэзией. В эти годы Аксаков больше, чем когда бы то ни было, сосредоточен в себе, обращен в собственные ощущения и воспоминания. Позже, будучи в Берлине, он не раз возвратится мыслью к 1836 году, считая его «средоточием» своей жизни (ф. 173, № 10604, л. 69). «Только раз в жизни, — писал он, — бывает прекрасное время, когда человек ближе ко всему благородному, доступнее всем высоким мыслям, всему святому; когда всякое благое дело находит отзыв и участие в его душе, а всякое злое дело наполняет его правым негодованием; время возвышенных мечтаний, благородных порывов и смелых великих дум; время чудное, единственное, когда человек вполне понимает поэзию, — это время:

---

³ Первые пять писем из этой переписки опубликованы, см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976, с. 75—89. Отрывки из писем приводились также в работах: Машинский С. И. Кружок Н. В. Станкевича и его поэты. — В кн.: Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.—Л., 1964 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 29, 31. См. также: Анненкова Е. И. Эстетические искания молодого К. Аксакова. — В кн.: Страницы русской литературы середины XIX века. Л., 1974, с. 110—135.

молодость!» (там же, л. 15). Для самого Аксакова время это неразрывно связано с самым ранним детством, проведенным в Аксакове и Надеждине, «где все населено какими-то странными, чудными мечтами» (там же, л. 17).

Увлечение М. Г. Карташевской, радость от осознания родственности их душ немало стимулировали поэтическое творчество Аксакова и его размышления о поэзии. Но в сферу своих размышлений он включает и более широкий круг вопросов: о познании природы, о содержании философии, о соотношении объективно существующего и создаваемого человеком. Он читает французских историков, ведет с Карташевской дискуссии о Рипшеле, берется изучать «основания религии персидской», учение Зороастра, спорит с А. В. Сухово-Кобылиным, с которым в это время дружен, о способах осмысления мира. «Кобылин, как материалист, думает, — пишет Аксаков, — что человек ничего не изобрел, но все получил извне, что он копирует только природу, а я думаю напротив, что человек все развивает из себя и все внешние впечатления подчиняет тому образцу, который лежит во глубине его духа. Правда, природа внешняя дает иногда толчок его развивающей силе, наводит его на мысль; но развивает и мыслит сам человек, и внешняя природа есть, так сказать, только предлог для постепенного развития всех духовных его сил» (ф. 173, № 10604, л. 117 об. — 118).

Интересно довольно пространное описание спора с братом М. Г. Карташевской, Александром, бывшим в то время в Москве: «Сейчас имел я сильный спор с вашим братцем, милая Машенька: он восстает против философии, и каким образом. Я стал говорить, что только тот вправе заниматься философией, кто чувствует в себе потребность познать то, к чему стремится философия (философия задает себе и старается разрешить такие вопросы, до разрешения которых нельзя достичь никаким опытом <...>). Кого мучили, волновали эти вопросы, тот только смеет коснуться философии. Саша сказал: почему? — Потому, отвечал я, что это основано на законах природы; в мире вещественном, равно как и в мире нравственном, везде мы видим, что за потребностью следует удовлетворение. Ты действуешь вследствие потребности действовать; чувствуешь, предаешься поэзии вследствие потребности чувствовать; учишься вследствие потребности знать <...> Он согласился и сказал, что потребность разрешить философские вопросы не такова, как другие. Я хотел, чтоб он объяснил мне это, и из его объяснений я увидел, что он потребность эту не полагает врожденною человеку, но всегда произвольною, искусственною, пародией то есть потребности. Это совершенно несправедливо; во-первых, пародия не может существовать сама по себе; она существует, если существует предмет пародируемый <...> Если есть искусственная потребность знать тайны, открываемые философией, то есть и истинная потребность того же самого <...> Несмотря на эти доказательства, Саша, кажется, не согласился. Если

мне случается и не убедить в споре, то он все-таки приносит мне ту выгоду, что мое собственное мнение становится мне яснее, и я, споря, нахожу такие доказательства, которые прежде не приходили мне в голову» (ф. 173, № 10604, л. 23 об. — 24).

Последние слова свидетельствуют о способности Аксакова (при всем его стремлении к взаимопониманию и воздействию на спорящего) удовлетворяться внутренним ходом собственной мысли.

Уже в юношеском творчестве Аксакова проявилось его тяготение к научным занятиям. В конце 1830-х годов он пишет романтические повести и в это же время вынашивает план систематических занятий русским языком и русской грамматикой. Характерно, что даже в письмах к М. Г. Карташевской он иногда приводит небольшие образчики лингвистических анализов (синонимов, фразеологизмов).

В эти годы собственно художественные произведения Аксакова получают публицистическую направленность, авторская мысль становится более обнаженной и, пожалуй, более дидактичной. Новые тенденции, может быть, впервые проявились в небольшом наброске, написанном на грани 1836—1837 гг., — «Юного лебедя стали воспитывать заморские птицы. . .». Показательно, что этот набросок, сохранившийся в качестве самостоятельного этюда (ф. 3, оп. 4, № 74), Аксаков включил в письмо к М. Г. Карташевской (ф. 173, № 10604, л. 97 об. — 98), назвав его аллегорией. Аксаков высказал в нем свои мысли о важности самобытности, мысли, которые станут неотъемлемой частью его публицистических статей 1840—1850-х годов. Приводим этот набросок.

«Юного лебедя стали воспитывать заморские птицы.

Они скрыли от него снежную белизну его перьев, они расписали его пестрыми красками, разрисовали его вычурными фигурами, одели по-заморски.

Они скрыли от него его лебединую породу: мощь его крыльев, громозвучность его голоса; они наложили на него цепи своего воспитания, — и лебедь стал летать и петь как заморские птицы.

Но в нем не погасли его силы, его поэтические восторги, — нет: они только притаились во глубине души.

Лебедя окружали птицы, одетые по-заморски, и дух его тосковал среди них.

Вот однажды вдруг увидел он других лебедей в величественной простоте своей снего-белой одежды, он услышал торжественную песнь их, и восторженно встрепенулся юный дух его; родные звуки коснулись его слуха и вызвали из глубины груди его ту же торжественную песнь, простую, высокую.

Он увидал отважный полет других лебедей, и в мышцах своих он почувствовал ту же мощь, взмахнул крыльями и помчался и опередил лебедей — братьев своих.

Дух его откликнулся на родимый призыв. Он оставил заморские вычурные. В нем пробудилась его высокая природа, и, разорвав чужеземные путы, он высоко, высоко поднялся над миром.

Но пестрые краски покрывали его крылья. Плавая по зыблящимся струям озера с лебедями, он погрузился в воды, мутные краски сбегали с его перьев, и бел и чист, как свои братья, показался он из среды волн, всколебавшихся вокруг него.

— Как я переменялся! — вскрикнул лебедь, отряхая с себя капли волн, смывших с него заморскую одежду.

— Нет, ты не переменялся, — сказали лебеди, — ты возвратился к твоему первобытному состоянию, которое скрывалось в тебе под чужими формами: ты сбросил их. Ты стал тем, чем создала тебя Природа» (ф. 173, № 10604, л. 97 об. — 98; отдельный набросок с разночтениями: ф. 3, оп. 7, № 74).

Внимание к природному, самобытному способствовало в дальнейшем пробуждению интереса к народному. В 1840-е годы у Аксакова существенно меняется понятие о критериях оценки действительности. Ранее для него была истинна лишь романтическая действительность, рождающая высокое, прекрасное и таинственное. Позднее его привлекает действительность национальная и историческая. Понятие действительности изменится, но все же сохранится романтическое «конструирование» ее по образцу идеала; действительность перестанет быть непременно вместилищем возвышенного, но обязательной станет возвышенность одной из ее сфер — народной жизни, как и возвышенность служения ей.

Архивные материалы начала 1840-х годов, прежде всего «Записная книжка» (начата 1 января 1840 г. — ф. 3, оп. 7, № 114) и «Листы из записной книжки» (№ 116), свидетельствуют о расширении аспектов деятельности Аксакова. «Записная книжка» лишь начата и содержит как размышления о тех или иных вопросах, так и планы предстоящих занятий: указаны заголовки статей, часть которых полностью или частично была написана в будущем (например, «Ломоносов», «К истории русской литературы»), приведены своеобразные задания себе («перевод Гегеля») и т. д. В этой же книжке имеется несколько записей личного характера, рожденных еще не ушедшим чувством к М. Г. Карташевской. Вот одна из них: «Весь мой портфель и все, относящееся до известного обстоятельства, — Машеньке. Не хоронить меня после моей смерти» (ф. 3, оп. 7, № 114, л. 2 об.). В это же время была сделана и другая запись (с пометой: «прочитать непременно после моей смерти»): «Когда умру я, то, умоляю всех, которые меня любили и помнят, любовью ко мне и памятью обо мне, — не хоронить меня, но сжечь, если возможно. Это последняя моя воля. О, исполните ее, мои милые, любимые друзья. Исполните, молю вас. Константин Аксаков» (ф. 173, № 10791, л. 1).

Став к 1840-м годам сдержаннее в проявлении чувств, Аксаков сохранил пылкость в защите своих убеждений. Постоянное возвращение к проблемам народности, чем бы Аксаков ни занимался, говорит о том, что охват разных сторон действительности оказался в сущности однонаправленным: в изучении истории,

языка, искусства он исследует прежде всего прошлое, настоящее и предполагаемое будущее народной духовности.

Хранящиеся в архиве художественные произведения Аксакова относятся в основном к 1840—1850-м годам. Это ряд стихотворений («Москве», «А. Н. Попову» — ф. 3, оп. 7, № 47; «Племяннице Оличке» — № 36; «Я не знал, что солнце скинет...» — № 51), прозаические произведения («Сцены из современной жизни», два варианта и копия; «Начало повести» с подзаголовком «содержание ее: значение чудесного», копия — № 54) и драматические («Современная сцена», автограф и список — № 53; «Почтовая карета. Водевиль в одном действии»,⁴ копия — № 6).

В названных произведениях Аксакова в отличие от его повестей 1830-х годов мироощущение героя проявляется не во внутренних монологах, а в диалогах и спорах, и споры эти воссоздают реальную атмосферу полемики 1840-х годов, прежде всего полемику славянофилов и западников — как о путях развития России, ее самостоятельности и связях с Европой, так и о жизненном пути отдельного человека, о воспитании и самовоспитании его. Личная позиция проверяется теперь ее общественным значением. Аксаков почти забывает, что меньше чем десятилетие назад его герой находил утешение лишь в уединении и в мечтах.

2

Существенное место в рукописном наследии К. С. Аксакова занимают материалы, связанные с его суждениями о литературе. В конце 1830-х годов — это письма о поэзии, в 1840—1850-е годы — критические статьи (варианты и черновики). Излагая М. Г. Карташевской свое понимание поэзии, Аксаков определит ее как универсальное, присущее далеко не всем, состояние души, ассоциируемое со столь же всеобъемлющими чувствами, как дружба и любовь. «Однажды один мой знакомый спросил меня: „Вы занимаетесь поэзией?“. Вы можете себе представить, милая Машенька, как неприятно раздалось в ушах моих это слово: *занимаетесь*. „Я не знаю, — отвечал я, — можно ли заниматься поэзией; разве она наука или искусство?“. Это все равно как бы спросить: *вы занимаетесь чувством, вы занимаетесь дружбою, вы занимаетесь любовью?* Но к таким стихотворцам, как Бенедиктов и ему подобные, можно применить это выражение: они не понимают высокого значения поэзии, они именно *занимаются* стихами, воображая себя поэтами; но поэзию нельзя превратить в занятие: она неуловима тогда, она улетает от них, и у них остаются одни иногда красивые, но бездушные формы» (ф. 173, № 10604, л. 49 об.).

---

⁴ «Сцены из современной жизни», «Современная сцена», «Почтовая карета» опубликованы в кн.: Аксаков К. С. Соч., т. I. Пг., 1915.

Аксаков пишет Карташевской о современной поэзии, неизменно стараясь обобщить свои наблюдения, уяснить пские законы творчества. «Жуковский передает Шиллера как нельзя лучше, он воссоздает его, так излагает стихи его по-русски, как бы сам Шиллер написал их, если б был Русский. Переводы Жуковского не имеют никакой надстрочной верности, это не переводы слово в слово, которые редко сохраняют поэтическое достоинство подлинника. Я уверен, что Жуковский прочтет иногда какое-нибудь стихотворение Шиллера, которое глубоко западет ему на душу, потом сложит книгу, сядет и напишет перевод его» (ф. 173, № 10604, л. 48—48 об.).

«Мне кажется, — замечает он, — что стихотворение тогда только достигает совершенства, когда, выражая мысль или чувство смыслом слов своих (содержанием), оно выражает ту же мысль или то же чувство музыкою стихов <...> Я слышал, как Шевырев читал нам однажды в русском переводе сонеты Петрарки, и они мне вовсе не понравились, тогда как вся Италия ими восхищается. Отчего же это? Я, кажется, способен понимать поэзию. Я думаю: оттого, что стихи Петрарки имеют более музыкальное, гармоническое достоинство, чем достоинство *смысла* или *содержания*; и из этого само собою следует, что сонеты должно читать в оригинале, чтоб чувствовать музыку стихов, которую выражал Петрарка свои чувства, слегка накидывая на нее тень словесного смысла, слегка придавая ей содержание, которое у него было дело постороннее. Итак, Петрарка писал скорее *музыку*, нежели *стихи*. Немецкий стих — совершенно другое. Тут, напротив, редко бывает гармония; мысль, чувство выражаются здесь более в *смысле*, в *содержании* стихов, а не в музыке их <...> Сколько мне кажется, Русский язык в отношении к поэзии превосходит другие языки. Русские стихи именно могут соединять в себе и *значение* (*смысл*) и *музыку слов*» (ф. 173, № 10604, л. 47—48).

В восприятии Аксакова поэт — и тот, кто творит поэзию, и тот, кто ее воспринимает. «Понимать поэзию, — пишет он, — тоже значит быть поэтом <...> Итак, поэзию нельзя понимать с трудом или легко, ее просто можно понимать или нет, а степеней тут быть не может, потому что это мир не труда, не занятия, но творчества, потому что она постигается чувством» (ф. 173, № 10604, л. 146—146 об.). Таким образом, читатель, обладающий поэтическим чувством, тоже невольно становится поэтом. Но, приближаясь к романтическому восприятию духовной избранности (поэт-творец и поэт-читатель тем более отдалены от непонимающих, чем более едины друг с другом), Аксаков оказывается далек от создания культа избранного поэта. Быть может, немало способствовало этому увлечение Аксакова теоретическими и философскими вопросами.

В «Записной книжке» Аксакова находят отражение также размышления о языке: «Жуковский передавал произведения немецкие и английские совершенно Русским языком, которым он владел

превосходно <...> Карамзин первый начал говорить по-русски в отношении к языку и словорасположению» (ф. 3, оп. 7, № 116, л. 5—5 об.).

Далее, видимо, намечены темы для будущих размышлений: «Словорасположение», «Благозвучие». Аксаков излагает в «Записной книжке» свои мысли об истории красноречия, обращаясь при этом к ораторам Древней Греции и к красноречию судебному и религиозному. В истории красноречия он видит предысторию поэзии, но устанавливает и различия между ними (ф. 3, оп. 7, № 116, л. 10).

Архивные материалы позволяют более углубленно изучить критические взгляды Аксакова. Если в ранней юности его интересовало своеобразие творчества конкретных писателей (Шиллер, Гете и др.), то в 1840-е годы он заговорил уже не о поэзии как таковой, а о процессе самого творчества, об «акте творчества» и его неких вневременных моментах.

К 1850-м годам Аксаков открыл для себя еще один аспект критического подхода к значительным литературным явлениям — их общественный резонанс. Характерно, что в сохранившемся черновом наброске нереализованной статьи (1849 г.) на одном листе делались пометки сразу о двух проблемах: «Искусство и художественность» и «Общественная жизнь» (ф. 3, оп. 7, № 13, л. 1). Логическим и композиционным центром этой намечавшейся работы, видимо, должен был стать один из пунктов плана: «Вопрос искусства в наше время».

В 1850-е годы Аксаков приходит к выводу: «Не нужно нам ни Тургенева, ни Григоровича, ни других подобных».⁵ Он отказывается от прежде любимого, если оно, по его мнению, недостаточно отвечает понятию народности. Говоря о современной литературе, Аксаков утверждает: «Недавно в личном художестве явилось стремление к народности и народу» (ф. 3, оп. 7, № 78, л. 1 об.). Литературно-критические работы Аксакова этого периода непременно затрагивают наиболее актуальные для него проблемы — народности и самобытности литературы.

Незначительное количество опубликованных критических статей Аксакова как будто свидетельствует о второстепенности для него этого рода деятельности. Однако множество вариантов и редакций появившегося в печати «Обозрения современной литературы»⁶ говорит об особой взыскательности Аксакова-критика. Среди его неопубликованных литературно-критических статей наиболее примечательны следующие: «О современном состоянии литературы» (три редакции — ф. 3, оп. 7, № 73), «Для листка. Состояние современной литературы» (№ 10), «Письма о русской литературе» (№ 69), «Письмо II. Литература современная»

⁵ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971, с. 85—86.

⁶ Русская беседа, 1857, т. I, с. 1—39.

Ваше иль милое письмо
Ваше иль милое письмо
Ваше иль милое письмо
Ваше иль милое письмо

Ужасно, ужасно, ужасно
про него и повара, и...
и потому, конечно, судить по...
мне кажется, Бусский...
прева, и... Бусский...
свою, и... Бусский...
моя, и... Бусский...

Итак, прошу вас
Итак, прошу вас
Итак, прошу вас

Письмо

Милый мой, добрый
От вас, прошу вас
Мне очень хочется
Итак, прошу вас

Ваше письмо
мне очень приятно
и спасибо за него

Посылаю вам
Теперь, прошу вас
Еще прошу вас
Итак, прошу вас
Итак, прошу вас
Итак, прошу вас

Письмо К. С. Аксакова к М. Г. Карташевской.

(№ 68), «Новейшее направление в нашей литературе» (№ 72), «Несколько слов о романе Вонлярлярского „Магистр“» (№ 70), «Заметка о русском театре» (№ 31).

3

Публицистическая, а в 1850-е годы и научная деятельность К. С. Аксакова была разнообразна. Часть его научных трудов вошла в незаконченное «Полное собрание сочинений» (т. I—III), издававшееся И. С. Аксаковым в 1861—1880 гг.; художественные произведения изданы позднее Е. Ляцким (в первом томе «Сочинений» К. Аксакова, вышедшем в 1915 г.). Несомненный интерес представляет значительное количество незавершенных статей, в которых Аксаков касается спорных общественных проблем.

В 1855 г., отвечая на вопрос историка А. Н. Попова (1821—1877), Аксаков писал: «Вы спрашиваете, что я делаю, что пишу, что заботит меня. Главный предмет и мыслей, и трудов, и занятий — все тот же: Россия с своим значением, с своими судьбами и с многоразличными выражениями своего духа. Это ответ довольно общий, хотя и верный. Вот вам более частный отчет, который, заключаю из ваших слов, вам будет нескучно прочесть. После известной вам статьи о родовом быте принялся я серьезно за исторический труд: историческое исследование состояния крестьян или вообще простого народа, с самых первых времен» (ф. 3, оп. 8, № 15, л. 20).

В уже упоминавшемся неоконченном «Начале повести» один из героев, отвечая на вопрос приятеля о своих занятиях, говорит: «Философии я, конечно, не брошу, но тянет меня к себе Русская история. В ней заключается и народный, и человеческий вопрос. Ведь я не понимаю личного вопроса без связи с народным и человеческим. Что такое мы, Русские? И что следует делать всякому из нас как гражданину?» (ф. 3, оп. 7, № 54, л. 71). Исторические работы Аксакова непременно затрагивают и названные вопросы. Аксаков как историк обратился к психологии народа, его духовной творческой сущности.

Прежнее общеромантическое возведение в идеал ищущей, возвышенной и внутренне цельной души сменилось у зрелого Аксакова, публициста и ученого, возведением в идеал души народной, представляющей в его глазах единый хор личностей, согласно живущих и не ощущающих диссонансов. Аксаков создавал социальную утопию, но строил ее из элементов, когда-то живых и действенных (собор, вече, общенародный голос, народное самоуправление), вычленив из них нечто непреходящее.

Большинство исторических материалов, хранящихся в архиве, опубликовано («О русской истории», «Записки о русской истории», «Внутреннее состояние России» — в двух вариантах, «Начало записки о внешних отношениях России»). Сохранилась юно-

пешская работа (1833—1834) «О постепенном покорении Россиею земель Сибирских» и др. (ф. 3, оп. 7, № 1).

Судьбы России затронуты в большом количестве набросков и статей («Что такое мы в настоящее время», «Об убеждении», «О воспитании», «Об обществе», «Значение столицы», «Провинция и столица», «О чудесном или сверхъестественном», «Москва. 19 апреля», «Народ есть неопределенное, изнутри строящееся...», «Мнение о телесных наказаниях», «Разговор с министром Норовым», «В обществе ходит письмо...», «Одно из мнений», «Человек ищет счастья...», «Запрещена русская национальная одежда...» и др.). Аксаков пишет о внутренних противоречиях России, ее отношениях с западным миром и возможных (по мнению Аксакова, подчас и единственных) путях ее преобразования.

Сложность современного положения России, вызванного, по Аксакову, длительным искажением цельности допетровской русской жизни, нашла отражение в статьях: «Расколы в России» (ф. 3, оп. 7, № 17), «Значение столицы» (№ 38),⁷ «Россия и Запад» (№ 22), «Статьи и заметки» (№ 91, копии).

Драматизм современной жизни особенно остро воспринимался Аксаковым, когда он видел ограничение народного вольного существования и игнорирование государством народной самостоятельности. Показательны в этом отношении заметки «Вопрос» (ф. 3, оп. 7, № 43), «Мнение» (№ 33), «По поводу предполагаемых законоположений о сельских сходках» (№ 40), «Замечания на доклады Административного отделения» (№ 89, 90).⁸

Внутреннее положение современной России раскрывается Аксаковым также в статьях «Die absolute Negation» (ф. 3, оп. 7, № 102), «Что такое мы в настоящее время» (№ 18). Этим же вопросам посвящены и другие статьи на французском языке («La Russie et l'Allemagne», «La politique russe actuelle est-elle russe?», «De temps en temps» — № 30), «Речь морякам на обеде у Кокорева» (№ 107), «Речь, сказанная на обеде, данном в Москве графу Остен-Сакену» (№ 108) и др.

Интересен «Ответ» на статью И. С. Аксакова «Письмо к чиновнику» (ф. 3, оп. 7, № 14), в котором К. С. Аксаков раскрывает свое представление об истинном характере народной жизни: «Жизнь частная, общественная и народная <...> никогда не может достигнуть в себе истины, но может и должна ее достигать. Народ не может быть совершенным, но может иметь совершенные начала, признаваемые им постоянно за закон. Праведника безгрешного нет на земле, но есть чистый, безгрешный путь <...> Вся сила в *пути*, вся сила в том, что ставит человек себе законом» (там же, л. 3).

⁷ Опубликовано, см.: Русь, 1882, № 1—2.

⁸ Опубликовано, см.: Аксаков К. С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг, 1861.

Вопросам общественного воспитания, которому Аксаков придавал большое значение, посвящены статьи «О воспитании» (ф. 3, оп. 7, № 16), «Об убеждении» (№ 88), «Отрывки из статьи о детских балах» (№ 105).

4

Заслуживают внимания материалы, связанные со «славянским вопросом». Одним из первых К. С. Аксаков затронул столь актуальную на протяжении многих лет проблему, и даже больше — положил начало своеобразной славянофильской программе, развиваемой наиболее целостно уже в последующие десятилетия И. С. Аксаковым. В опубликованных статьях К. С. Аксакова данная проблема освещается мало, в то время как рукописные материалы позволяют говорить о чрезвычайно интенсивных раздумьях писателя о славянских странах и роли России в их судьбе.

Еще в письме 1842 г. к А. Н. Попову, близкому некоторое время к славянофильскому кругу, Аксаков формулирует один из важнейших славянофильских тезисов по славянскому вопросу, непосредственно связывая его с вопросами народности: «...для нас очень важно изучение славян, оно объяснит нам нас самих при изучении истории, законодательств и пр.» (ф. 3, оп. 8, № 15, л. 1 об.). И тут же он выдвигает второй тезис, также подробно развиваемый его братом в последующие годы: «Но не иначе как в России и через Россию понимаю я славян; пусть они примкнут к ней как единственной славянской державе...» (там же). К «святому делу защиты славян» Аксаков вернется в связи с началом Крымской войны. Именно в это время он написал довольно большую статью «Россия и Запад» (1854) об антиномичности западного и славянского мира: мира насилия и лжи, с одной стороны, и мира духовности и простоты — с другой. Увлеченный чувством осознания великой миссии русского народа, Аксаков провозглашает теперь, в условиях войны, как самое первостепенное назначение России — освобождение славян. «Принявши, не колеблясь, подвиг, налагаемый на нее Провидением, Россия должна действовать решительно и не пропускать благоприятной минуты. Она должна провозгласить независимость всех славян и всех православных в Турции и идти освободить их, наконец на деле, от четырехсотлетних страданий» (ф. 3, оп. 7, № 22, л. 14). В славянском вопросе Аксаков занял самые бескомпромиссные позиции. Его построения во многом предугадали неизбежный итог панславистских воззрений, хотя до крайних позиций 1870—1880-х годов было еще далеко.

В годы Крымской войны Аксаков пишет довольно много статей. Характерно при этом своеобразное смешение публицистичности и эпистолярности: ряд писем к князю Д. А. Оболенскому (1822—1881), служившему в это время в Морском министерстве,

писатель строит как статьи, а некоторые начатые статьи обращает в письма. Таковы черновые статьи «Враги в русской земле...» (ф. 3, оп. 7, № 85), «Борьба, которую ведет Россия...» (№ 96). В письмах к Д. А. Оболенскому Аксаков вначале излагает свое мнение относительно характера войны, позднее — относительно «позорного мира». «...это не простая война, — пишет он 10 марта 1854 г., — здесь в ходу нравственные вопросы, единоплеменные, единоверные сочувствия; кроме стратегической операционной линии, идет нравственная операционная линия этих сочувствий, святых и законных, которая, я думаю, будет поважней» (ф. 3, оп. 8, № 12, л. 1). Готовящееся отступление русских войск за Дунай воспринимается им как отступничество от дела спасения славян. «Нет сомнения, что Россия не отдаст ни клочка земли своей <...> Но есть и другие уступки, нравственные. Великая уступка отказаться хотя малейшим образом от святости подвига. Мы провозгласили войну за Веру и за братьев <...> Оборонительная война, ограждение своих пределов не есть война за братьев, которые за пределами. Вот, по-моему, важная и крайне прискорбная уступка» (там же, л. 1 об.).

5

Известный как человек «теоретический», непрактичный, Аксаков почти не привлекал внимания исследователей в роли фактического редактора еженедельной газеты «Молва» (1857). У него были своеобразные представления о периодическом органе «своего» направления. Так, в 1856 г., узнав о полученном А. И. Кошелевым разрешении издавать журнал, Аксаков пишет заметку «Об издании „Русской беседы“» (ф. 3, оп. 7, № 35). По его мнению, журнал не может соответствовать серьезной деятельности, ибо он слишком тесно связан с «преходящею современностью»: необходимость издавать тома журнала к сроку снижает требования к помещаемым в нем статьям. Гораздо больше, по мнению Аксакова, отвечает требованиям серьезного единого направления сборник. «Выражение нашей деятельности — книги, сочинения, брошюры даже, но написанные без всяких стеснительных журнальных условий, являющиеся самостоятельно, особо. В то же время должно сказать, что согласное сочетание статей и всяких сочинений, проникнутых одним духом, вполне может быть серьезно и иметь сильное совокупное действие, как хор. Такое сочетание есть сборник. Вот что должны мы издавать кроме книг и отдельных статей» (там же, л. 1 об.—2). Аксаков предлагает издавать газету или журнал лишь с вполне определенной функцией. «Кроме Сборника можно, следует даже, иметь еженедельную или полумесячную газету (или журнал), посвященную единственно на отзыв явлений современных, следовательно, газету критическую в обширном смысле слова. На всю текущую современность в ней

должен являться отзыв и оценка <...> Она вся должна быть живая речь, как разговор, который уносится в течение времени, но который оставляет свой благой след» (там же, л. 2).

Приступая к изданию «Молвы», Аксаков руководствовался этими положениями, но оказалось, что практически их не всегда можно было реализовать. Аксаков сам писал большинство передовых статей. Что же касается других материалов газеты, то они далеко не всегда удовлетворяли его не только недостаточной глубиной содержания, но и недостойным, как ему казалось, тоном полемики. Две статьи П. С. Савельева («Фельетонист-ориенталист» — ф. 3, оп. 7, № 4 и «Пояснения и заключения к статье „Фельетонист-ориенталист“» — № 10, 11) заставили Аксакова даже помышлять об оставлении своего поста. Довольно пространное письмо к С. М. Шпилевскому, официальному редактору «Молвы», посвящено выяснению создавшегося положения. «Вам известно то место, — писал Аксаков, — какое занимал я в редакции „Молвы“: я имел по условию право цензора над помещаемыми в „Молве“ статьями и, следовательно, нес нравственную ответственность за все, помещаемое в „Молве“. Я должен сказать, что иногда тон полемики в „Молве“ мне не нравился. Кто же виноват в том, что такой тон появлялся в газете? Конечно, я, ибо мог этому воспротивиться. Но как же допустил я то, что противоречит моему взгляду на полемику? Отчасти из непростительной неосмотрительности, поспешности, невнимательности, отчасти из недолжной уступчивости требованиям некоторых сотрудников: подобная уступчивость не в моем характере; но видно, таково уже свойство горячей литературной схватки, что трудно отказать в защите почему-либо обиженным сотрудникам, хотя защиты этой сам одобрить не можешь <...> Если бы я одобрял весь тон полемики, принимаемый „Молвою“, не о чем было бы и говорить, но я не одобряю его в некоторых случаях, а между тем он является в газете. Что должно заключить из этого? То, что я не способен занимать место в редакции, если я не сумел поддержать того тона, какого мне хотелось бы в полемике <...> В 11-ом номере помещена была статья П. С. Савельева, которой я всей не прочел (т. е. в корректуре, — Е. А.), зная, что автор не допускает в ней изменений; по напечатании я прочел в ней строки о воспитании Н. Ф. Павлова, не прочитанные мною в рукописи, строки, которыми я был поражен и крайне недоволен и которых не ожидал; это именно указание на театральное училище как на место воспитания г. Н. Ф. Павлова. Это указание принимает, конечно, неумышленно и против воли уважаемого автора, вид намека с каким-то попреком на происхождение и на общественное положение, какое имел вначале г. Н. Ф. Павлов» (ф. 3, оп. 8, № 31, л. 1—2).

Редакторскую деятельность Аксакова (точнее, не столько деятельность, сколько его замыслы, программы) характеризуют и статьи «Москвитянин в 1848 г.» (программа издания — ф. 3, оп. 7, № 9) и «Черновой проспект газеты „Молва“» (№ 100).

К. С. Аксаков-фольклорист известен как автор статей, основанных на материале не слишком обширном и в известном смысле выборочном, т. е. «работающем» на его народоведческую концепцию. Однако в его архиве хранится большое количество материалов, позволяющих расширить представление о фольклористических интересах не только самого К. С. Аксакова, но и всей аксаковской семьи, поскольку значительная часть их переписана его сестрами или братом Иваном. Материалы эти следующие: «Украинские народные песни», записанные рукою Н. С. Аксаковой, В. С. Аксаковой, П. А. Кулиша (его же пометки) и неизвестных лиц (ф. 3, оп. 7, № 117); «Народные русские песни», запись рукою Н. С. Аксаковой (№ 118); «Свадебные песни», пять текстов из Спасского уезда Казанской губернии (№ 119); «Рукописный песенник конца XVIII века», копия рукою И. С. Аксакова (и его же пометки), 20 песен (№ 120); «Словацкие песни», три текста, списки рукою Н. С. Аксаковой (№ 121); «Песни лужицких сербов» (полевые, плясовые и свадебные песни верхних и нижних сербов — № 122); заговоры (от крови, от змеи — № 123, 124), духовные стихи (№ 125—128) и др. Здесь же хранятся выписки К. С. Аксакова из некоторых научных изданий, например из статьи Ф. И. Буслаева о духовных стихах (№ 129). В «описи» сочинений К. С. Аксакова, составленной И. С. Аксаковым, имеется указание на несохранившуюся статью исследователя «О русских преданиях и сказаниях» с пометой: «судя по почерку, относится к ранней молодости, а может быть, и к 1840 году» (№ 112).

Интересно характеризуют Аксакова-фольклориста письма к А. Ф. Гильфердингу (копии), где он излагает свое представление о своеобразной связи народной поэзии с переменами в жизни общества, которые подчас влекут за собой искажение первоначальных текстов. Аксакову кажется, что петровские реформы препятствовали свободному возникновению народных песен, тормозили их развитие. «Я уверен, — пишет Аксаков, — что поэзия народная, то есть песенная в обширном смысле слова, нисколько не кристаллизировалась до времен Петра; мало того, она не кристаллизировалась и после. Но пораженный, в начале 18 столетия, страшным ударом Петровского переворота, народ Русский должен был стеснить и круг своей жизни, и круг своего поэтического творчества» (ф. 3, оп. 8, № 2, л. 3). В другом письме читаем: «Между современными есть целый разряд песен, которые поются на границе между народом и классом переименованных русских людей или публикою. Эти песни часто запеваются на старый лад, встрепенешься и обрадуешься при первых стихах, но дальше песня становится смешанною, скучною и наконец оканчивается на новый, бессмысленный лад (часто лакейский), становясь из песни ~~народной~~ песнью публичною»

(там же, л. 4). И далее: «Теперь я скупаю всякие песенники и среди дряни нахожу чистое золото. Между тем я читаю наши грамоты и, должен вам сознаться, принялся за другой труд, который давно меня клонил к себе, а именно историческое исследование о состоянии крестьян до Петра. Ах, как много нового открывается, и какая чудная, самобытная картина!» (там же, л. 7—7 об.).

7

В архиве (ф. 3) хранится большая пачка писем Аксакова к родителям (1835—1849), к брату И. С. Аксакову 19 (1845—1860), Н. В. Гоголю (копии и черновые наброски, 1842—1851),⁹ А. И. Кошелеву 3 (б. д.), А. Н. Попову 16 (1842—1856), Н. А. Соханской 5 (1860),¹⁰ А. С. Хомякову 6 (копии, 1848—1859),¹¹ кн. В. А. Черкасскому (1859) и др. Всего 29 адресатов.

В архиве хранятся также письма к К. С. Аксакову: Г. С. Аксакова 18 (1836—1840), его же, обращенные не только к К. С., но и к другим братьям и сестрам 29 (1836—1840), И. С. Аксакова 16 (1836—1860), его же, обращенное к К. С. и сестрам (1840), С. Т. Аксакова 6 (1839—1840), В. С. Аксаковой 9 (1838—1840), Н. П. Вагнера (б. д.), А. И. Герцена (б. д.), А. Ф. Гильфердинга 8 (копии, 1856—1858), Н. В. Елагина 6 (1855 и б. д.), В. И. Ламанского (б. д.), Ю. А. Оболенского 5 (1855—1860), В. А. Панова 4 (1841—1847), Н. А. Соханской 4 (1860), И. С. Тургенева 2 (1852, 1853) и др. Всего 71 корреспондент.

Особый интерес представляют письма Н. И. Надеждина (1839), Т. Н. Грановского 2 (1845), Т. И. Филиппова 3 (1853—1856).

Н. И. Надеждин признается Аксакову: «... я люблю тебя, и хочу любить, и буду любить по-прежнему» (ф. 3, оп. 9, № 54, л. 1). В 1836 г. Аксаков сетовал в письме к М. Г. Карташевской о закрытии «Телескопа». Теперь Надеждин хотел бы возобновить издание и спрашивает у Аксакова: «Что Ник^олай? Степанович <Шевырев>? Ты, верно, не похлопотал у него насчет „Телескопа“! Сделай, брат, милость! Ведь ей! ей! досадно, что родимого детища, стоившего мне столько болезней, не осталось даже и трупа в моих руках» (там же, л. 2). Их сближает в это время и интерес к истории литературы. Узнав, что Аксаков готовится к магистерскому экзамену, Надеждин осведомляется: «... уж не думаешь ли ты избрать себе предметом что-нибудь из „Истории русской словесности“? Дело доброе: но труд тяжкий! Я давно уж собираю материалы, чтобы пуститься в это невозделан-

⁹ Опубликовано, см.: Русский архив, 1890, т. I, с. 139—159.

¹⁰ Опубликовано, см.: Русское обозрение, 1897, № 3, с. 146—157.

¹¹ Письмо 1859 г. опубликовано, см.: Русь, 1883, № 3, с. 34—36.

ное поле <...> Мне бы приятно было с тобой встретиться в одной колее. Как-то ты будешь в пей барахтаться!» (там же, л. 2 об.).

Два письма Т. Н. Грановского относятся ко времени размежевания славянофилов и западников. Грановский посылает с первым письмом билеты на свои публичные лекции: «... будете Вы или не будете, я Вас буду любить и уважать по-прежнему. Разумеется, что Ваше присутствие было бы мне приятно» (ф. 3, оп. 9, № 36, л. 1). Во втором письме он приглашает Аксакова к себе: «Мне самому нужно поговорить с Вами серьезно» (там же, л. 3). Он сообщает Аксакову о своем споре с П. В. Киреевским, который его чрезвычайно огорчил. Можно видеть, как нелегко давалось обeim сторонам расхождение и как в то же время осознавалась его неизбежность.

Т. И. Филиппов сообщает в своем письме о том, что статья Аксакова «Богатыри великого князя Владимира по русским песням» пропущена цензурой («„Богатыри“ пришли из Питера весьма легко поцарапанные: их пропустили с незначительными изменениями» — ф. 3, оп. 9, № 86, л. 1—1 об.). Комедия же «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» вызвала своеобразную реакцию: «Крузе получил выговор за Кп<язя> Луповицкого, но конфиденциальный. Причина замечательна: „Пьеса подает повод думать дурно о столь достойном уважения сословии, каково крестьянское“ (!!!). Хотите — верьте, хотите — нет» (там же). В пьесе крестьянство было поставлено неизмеримо выше всех других сословий, и Аксаков вскоре писал В. С. и О. С. Аксаковым: «Вы никак не ожидаете, что правительство нашло предосудительного в Луповицком. Мне и досадно и смешно» (ф. 3, оп. 18, № 18, л. 5).

Биографические материалы К. С. Аксакова представлены в архиве рядом документов. Это «Диплом» на французском языке, выданный Константину Аксакову в 1844 г. Королевским обществом северных антиквариев в Копенгагене (ф. 3, оп. 10, № 1), краткие заметки разных лиц о последних днях его жизни, извещения о смерти, копии некрологов, написанных А. И. Герценом и М. Лонгиновым, перевод некролога Франческоса Доменечиниса «На смерть кавалера Константина Аксакова», некрологи из «Русской речи», «Северной пчелы» и другие материалы (№ 5—7).

В архиве хранятся также посвященные К. С. Аксакову стихотворения А. Н. Плещеева, Н. М. Языкова и неизвестного лица (№ 7).

С. С. Гречишкин

АРХИВ А. М. РЕМИЗОВА

1

Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) играл видную роль в литературном движении начала XX в. Его творчеством интересовались и поддерживали с ним личные отношения крупнейшие деятели русской культуры — М. Горький, Л. Н. Андреев, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, А. Белый, И. А. Бупин, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Н. К. Рерих, В. Э. Мейерхольд, В. Ф. Комиссаржевская и др. В письме к В. А. Каверину от 15 января 1924 г. М. Горький отмечал, что «„словотворческая“ литература Ремизова» сыграла «свою очень значительную роль, обогатив русский словарь, сделав наш язык более гибким, живым».¹ Писательская манера Ремизова оказала определенное влияние на раннее творчество ряда советских писателей.

В 1921 г. Ремизов, уезжая за границу, откуда он уже не вернулся, разделил свой архив на две части, передав их в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки (материалы до 1913 г., ф. 634) и в Рукописный отдел Пушкинского Дома (ф. 256). В последующие годы ремизовский фонд в Институте русской литературы АН СССР (ИРЛИ) был значительно расширен в связи с поступлением ценных материалов от Н. В. Кодрянской, Н. В. Резниковой, Б. В. Сосинского, В. П. Никитина, А. В. Храбровицкого и Б. Б. Бунич-Ремизова.

Не опубликованная целиком мемуарная книга Ремизова «Иверень»² содержит важный фактический материал, во многом изменяющий сложившееся представление о раннем этапе биографии писателя.

---

¹ Литературное наследство, т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 182.

² Согласно В. И. Далю, «иверень» означает «щепка, черепок, осколок» (Даль В. Толковый словарь, т. 2. М., 1935, с. 2—3). Далее ссылки на «Иверень» даются в тексте с указанием номера листа.

А. М. Ремизов родился 24 июня (6 июля) 1877 г. в Замошворечье, в купеческой семье. Его отец был владельцем нескольких крупных галантерейных лавок в Москве и Нижнем Новгороде. Мать Ремизова испытала сильнейшее влияние идеологии шестидесятых годов, что наложило отпечаток на всю ее жизнь. С пятью детьми она ушла от нелюбимого мужа. Детство Ремизова прошло в доме братьев матери, в быстро капитализирующейся купеческой среде. Грамоте будущий писатель сначала учился у дьячка, затем его отдали в 4-ю московскую гимназию, откуда он перешел в Александровское коммерческое училище. После окончания училища Ремизов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, посещая также лекции и на юридическом факультете. Большое впечатление на Ремизова-студента произвели сочинения Ницше, Метерлинка, первые стихотворные опыты Бальмонта и Брюсова. В то же время он знакомится с работами Маркса, Плеханова, задумывает исследование «История и развитие хлопчатобумажной промышленности». «Я считал себя социал-демократом», — вспоминал писатель много лет спустя («Иверень», л. 23). Будучи студентом, Ремизов посетил Цюрих, где в течение двух месяцев читал нелегальную литературу и откуда в сундуке с двойным дном привез кипу запрещенных изданий, в том числе «Нищету философии» и «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Наши разногласия» Г. В. Плеханова («Иверень», л. 23).

18 ноября 1896 г. Ремизов был арестован как «агитатор» на студенческой демонстрации.³ Вместе с ним было арестовано 26 человек.⁴ Ремизова исключили из университета и выслали в Пензенскую губернию на два года под гласный надзор полиции. Во время полуторамесячного одиночного заключения он впервые серьезно обратился к художественному творчеству, написав нечто вроде фантастического дневника «Шурум-бурум».⁵

---

³ Н. В. Кодрянская, основываясь на неточности Ремизова («Иверень», л. 23), ошибочно указывает другую дату ареста: 18 ноября 1897 г. (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959], с. 79). Сам же Ремизов ранее вспоминал, что демонстрация, на которой его арестовали, была посвящена «полугодовой Ходынке», т. е. трагедии на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. во время народного гуляния в связи с коронацией Николая II (Ремизов А. Автобиография. 1912—1913. — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), ф. 634, № 1, л. 7). В жандармском отчете также сказано, что Ремизов выслан в Пензу в конце 1896 г. (Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1898 и 1899 гг. СПб., 1902, с. 120).

⁴ Подробнее о студенческой манифестации 18 ноября 1896 г., возглавленной московскими социал-демократами, см.: Учен. зап. Московск. гос. ун-та, Юбилейная серия, вып. LI. История. Очерки по истории Московского университета. М., 1940; История Московского университета, т. I. М., 1955, с. 498.

⁵ Интерес к литературному творчеству проявился у Ремизова еще в детстве: свой первый рассказ он написал в 1884 г. («Иверень», л. 11).

В Пензе Ремизов вскоре примкнул к кружку прогрессивно настроенных интеллигентов и рабочих и принял участие в организации Пензенского рабочего союза.⁶ 28 июля 1897 г. на нелегальном литературном вечере Ремизов выступил с сообщением о царской расправе над Н. Г. Чернышевским. В жандармском отчете сообщалось: «... в Пензе энергично велась социалистическая пропаганда между рабочими мастерских Сызрано-Вяземской железной дороги, писчебумажной фабрики Сергеева и машиностроительного завода Крюгера, а также среди местной учащейся молодежи <...> Способами пропаганды служили организации отдельных кружков среди рабочих, устройстве собраний, на которых проводились идеи преступного характера, и распространение нелегальной литературы. Кроме того, Ремизов осенью 1897 г. воспроизвел на гектографе 150 экземпляров прокламаций, приглашавших рабочих требовать сокращения рабочего времени⁷ и <...> разбросал таковые в механических мастерских».⁸ И снова арест (начало марта 1898 г.). На этот раз дело обернулось серьезнее. Жандармы приняли Ремизова за крупного революционера; при обыске у него была изъята запрещенная литература. Ремизов был заключен на несколько месяцев в одиночку, которая, по преданию, предназначалась для Пугачева. Следствие продолжалось полтора года. 8 октября 1899 г. судебная палата закончила составление обвинительного акта, а 31 мая 1900 г. Ремизов в административном порядке был выслан на три года в Усть-Сысольск Вологодской губернии. По трагическому недоразумению его вместе с уголовниками (а не с политическими) гнали пешком свыше тысячи верст в кандалах («Иверень», л. 198). Память об этом Ремизов сохранил на всю жизнь.

В Усть-Сысольске Ремизов продолжил свои литературные опыты. Однако, опасаясь полицейских репрессий (у него опять был обыск по подозрению в пропаганде), он сжег свой архив, в том числе рассказ «Убийца» и черновики других произведений. Через год вологодские друзья выхлопотали Ремизову перевод из Усть-Сысольска в Вологду.

В Вологде в начале века организовалась колония ссыльных. Вместе с Ремизовым там отбывали ссылку А. В. Луначарский, А. А. Богданов, Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), Н. А. Бердяев,

---

⁶ См. подробнее: Морозов В. Ф. Первые марксистские кружки в Пензе. — В кн.: Очерки по истории пензенского края. Пенза, 1973, с. 300—302. Кроме того, Ремизов участвовал в комплектовании рабочей библиотеки нелегальными изданиями и в создании рабочей кассы.

⁷ Летом 1897 г. рабочий М. Г. Сивачев (в дальнейшем писатель), участник пензенского кружка, переехал в Петербург, откуда переслал Ремизову две листовки ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которые были размножены и распространены среди пензенских рабочих (Морозов В. На рассвете. Пенза, 1963, с. 28—31).

⁸ Обзоры важнейших дознаний... с. 120.

Б. В. Савинков, П. Е. Щеголев, О. В. Аптекман и др.⁹ Колония не была изолирована от внешнего мира. Ссылные активно переписывались с оставшимися на воле товарищами, получали столичные газеты и журналы, пользовались относительной свободой общения и передвижения, к ним могли приезжать знакомые. Все это способствовало занятиям литературной и научной деятельностью («Иверень», л. 166—173; о том же свидетельствует в своих воспоминаниях и А. В. Луначарский¹⁰). В Вологде крепнет писательское дарование Ремизова. Здесь он задумал и начал создавать такие этапные для его творчества произведения, как романы «Пруд» и «Часы».

Вступление Ремизова в литературу связано с именем М. Горького, Л. Н. Андреева и В. Я. Брюсова. Л. О. Цедербаум (сестра Л. Мартова) доставила рукописи Ремизова в Арзамас к Горькому, а П. Е. Щеголев направил их В. Г. Короленко. К литературным опытам начинающего автора известные писатели отнеслись весьма сурово,¹¹ однако, по утверждению Ремизова («Иверень», л. 184—189, 200), Горький «переслал» их Л. Н. Андрееву в Москву, по рекомендации которого они и были опубликованы в газете «Курьер».¹²

Окрыленный первым успехом, Ремизов в ноябре 1902 г. хлопотал разрешение съездить на две недели в Москву (под предлогом свидания с матерью, см.: «Иверень», л. 197). Здесь он знакомится с Л. Андреевым и В. Брюсовым, который пригласил его участвовать в альманахе «Северные цветы» и в журнале «Новый путь».¹³

Вологодская ссылка Ремизова закончилась 31 мая 1903 г. Однако в течение пяти лет ему запрещалось проживание в Москве

---

⁹ Интересный факт: Ремизов поддерживал отношения с известным позднее революционером-террористом И. П. Каляевым, часто приезжавшим в Вологду («Иверень», л. 22, 172—173; см. также: Смиренский В. В. Алексей Ремизов. Воспоминания. — ГПБ, ф. 1049, № 3, л. 7).

¹⁰ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 78—83.

¹¹ Еще зимой 1898 г. В. Э. Мейерхольд возил рукописи Ремизова в Ялту А. П. Чехову, воспринявшему их резко отрицательно («Иверень», л. 159). Негативная оценка прозы Ремизова дана в горьковском письме к нему от 21 мая 1902 г. (Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 28. М., 1954, с. 249—250).

¹² Стихотворения в прозе «Плач девушки перед замужеством» (Курьер, 1902, № 248, 8 сентября), «Мгла», «Осенняя песня» (там же, № 262, 22 сентября) опубликованы за подписью «Н. Молдованов», стихотворение в прозе «Колыбельная песня» и рассказ «Бибка» (там же, № 325, 24 ноября) — за подписью «А. Ремизов (Н. Молдованов)». Ремизов взял в качестве псевдонима фамилию воронежского босика, о котором ему рассказывал П. Е. Щеголев («Иверень», л. 184).

¹³ Брюсов следующим образом выразил свое впечатление от знакомства с Ремизовым: «...виделся с Ремизовым, моим поклонником из Вологды. Пришел к „нам“ из крайнего красного лагеря. Говорил интересное о Н. Бердяеве, Булгакове и других» своего, Вологодского кружка» (Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, с. 123).

и Петербурге. В 1903—1904 г. почти без средств к существованию Ремизов с женой¹⁴ и дочерью кочует по югу России: Херсон, Одесса, Киев и т. д. В Херсоне Ремизов участвовал в работе «Товарищества новой драмы», возглавляемого В. Э. Мейерхольдом, с которым писатель познакомился еще в Пензе. Ремизов много пишет, но печатается мало, получая постоянно отказы из различных журналов. В январе 1905 г. Ремизову по специальному разрешению министра внутренних дел было позволено проживание в столице; в феврале он с семьей переезжает в Петербург, где становится заведующим конторой журнала «Вопросы жизни». Имя его делается широко известным в столичных литературных кругах, он начинает много печататься в модернистских изданиях.

Революцию 1905 г. Ремизов встретил с глубоким духовным подъемом, публиковался в прогрессивном сатирическом журнале «Адская почта». Однако после ссылки он отошел от непосредственного участия в революционном движении, целиком посвятив себя литературному творчеству. В 1907 г. выходит его первая книга — «Посолонь» (М., изд. журнала «Золотое Руно»), высоко оцененная А. Белым, Вяч. Ивановым, М. Волопиным и другими литераторами. И последующие произведения Ремизова вызывали многочисленные отклики в прессе.

Творчество Ремизова исследователи часто относят к «чистому» символизму. Однако это не вполне точно, ибо оно «обладает чертами „промежуточного“ художественного состояния» между реализмом и символизмом.¹⁵ Ремизов как писатель восходит к Гоголю, Достоевскому, Лескову, Мельникову-Печерскому. В ряде его произведений («Пруд», «Часы», «Неуемный бубен», «В крепости», «По этапу» и др.) явственно ощутима реалистическая основа. Поддерживая личные связи с лидерами символизма и печатаясь вместе с ними в одних и тех же сборниках и журналах, Ремизов был, однако, далек от их внутрилитературной фракционной борьбы и полемики.

В предреволюционное пятилетие литературная известность Ремизова заметно возросла. В 1910—1912 гг. в издательстве «Сирин» вышло восьмитомное собрание его сочинений. Справедливо суждение о том, «что Ремизов крупно выделился в искусстве предреволюционного периода благодаря безграничному состраданию своему к безвинно обижаемому человеку <...> Его проза привлекала своей родственностью стихии народной поэзии, в особенности русской сказке, с ее мудростью и озорством одновременно».¹⁶

---

¹⁴ В Вологде в 1903 г. Ремизов женился на ссыльной эсерке С. П. Довгелло (1876—1943), ставшей его верной спутницей.

¹⁵ Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. М., 1975, с. 267. О том же пишут и авторы книги: Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972.

¹⁶ Бузник В. В. Русская советская проза двадцатых годов. Л., 1975, с. 38.

В 1917—1921 гг. Ремизов принимал активное участие в литературной жизни Петрограда, работал в Театральном отделе Наркомпроса, часто выступал в Доме литераторов, печатался в советских изданиях.¹⁷ Однако понять исторические перспективы Октябрьской революции Ремизов не сумел. Писатель совершил трагическую ошибку, покинув родину 5 августа 1921 г. Он и сам вскоре понял это: «... русскому писателю да еще в такую пору — столпотворенную — без России никак невозможно».¹⁸

Около двух лет Ремизов провел в Берлине, а с 5 ноября 1923 г. до конца своих дней жил в Париже. В годы эмиграции творчество Ремизова претерпело существенные изменения, его поздние произведения напоминают «герметическую» тайнопись для посвященных. С 1932 по 1946 г. он не издал ни одной книги, позднее его произведения мизерными тиражами (200—300 экз.) издавались на пожертвования друзей. Писатель терпел жестокую нужду. Особенно тяжелыми были для него годы нацистской оккупации Парижа; три года он не брал в руки пера. На закате жизни он признавался: «Русский, Россия — через всю мою жизнь»; «Вся моя жизнь прошла с глазами на Россию».¹⁹ В 1946 г. Ремизов получил в Париже советский паспорт, что явилось в известном смысле актом гражданского мужества, так как этот поступок навлек на него нападки определенных эмигрантских кругов. В последние годы жизни писатель поддерживал тесные связи с Пушкинским Домом, интересовался работой института, присылал свои книги. Он умер 26 ноября 1957 г. с мыслью о России (письма Н. В. Кодрянской и В. П. Никитина к В. И. Малышеву, хранящиеся в ИРЛИ).

2

Материалы архива дают возможность ознакомиться с различными этапами творческой деятельности Ремизова, уточнить факты его биографии, получить представление о Ремизове как своеобразном художнике-каллиграфе.

В архиве хранятся следующие (беловые, черновые, наборные) рукописи Ремизова: поэма «Иуда» (<1903>), рассказы «Богомолье» (<1905>) и «Жертва» (1908), сказка «Облаежа» (<1915>), «приносящее слово» «Святейшая великая Божия церковь София премудрость» (<1915>), притчи «Имя и страж» (<1915>) и «Литеры пророческие» (<1915>).

Особо интересна рукопись неопубликованной повести «Ров львиный» («Плачущая канава»). Ремизов вспоминал, что по-

¹⁷ Об этом периоде жизни Ремизова см.: Федин К. Горький среди нас. М., 1968, с. 114—124.

¹⁸ Ремизов А. Ахру. Повесть петербургская. Берлин—Пб.—М., 1922, с. 31.

¹⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 42, 113.

весть писалась с 1914 по 1918 г., «переписывалась не раз, негде было напечатать».²⁰ Она состоит из 4 частей, включающих 18 глав (в рукописи отсутствует 17-я глава). Фрагменты повести печатались в различных периодических изданиях. Это произведение занимает важное место в творчестве писателя, сам он считал его своей «последней попыткой „романа“»,²¹ т. е. находящимся в русле реалистической повествовательной прозы. И действительно, «Ров львиный», в котором весьма ощутимо влияние Гоголя и Достоевского, продолжает гуманистическую линию русской литературы, развивая тему «маленького человека» на материале действительности начала XX в. «Неудачливость и обиденность» — так сформулировал Ремизов основную тему повести. В ней идет речь о беспросветной жизни бедных чиновников Баландева и Тимофеева, кухарки Овсеевны, о горькой любви Маши Тимофеевой к доктору Труфанову, о трагикомической любви «помощника инспектора» Будылина. Показывая, как существующая жизнь калечит людей, растлевает души, писатель по-своему протестует против «свинцовых мерзостей» предреволюционной действительности. В повести ощутимы автобиографические элементы. В жизнеописании Будылина Ремизов влетает факты из своей биографии: исключение из университета за участие в студенческой демонстрации, поездка в Цюрих и провоз в Россию в сундуке с двойным дном нелегальной литературы, любовь к старинным документам, переписка с хранителем Романовского музея в Костроме — близким другом писателя — И. А. Рязановским.

Помимо названных, в фонде представлены следующие рукописи: беловая рукопись повести «Черная бабушка» (о детстве С. П. Ремизовой-Довгелло), вошедшей в книги Ремизова «В поле блакитном» (Берлин, «Огоньки», 1922) и «Оля» (Париж, «Вол», 1927); наборная рукопись повести «Страница прохожая»;²² рукопись с авторской правкой «Комедии о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе», созданной на основе «народной драмы»; наброски рецензии на пьесу Е. И. Замятина «Огни святого Доминика» (<1919>); черновик (с автоиллюстрациями) «китайской повести» «Переменная башка»;²³ рукопись статьи «Огненная Россия» (<февраль 1921 г.>), посвященной памяти Ф. М. Достоевского.²⁴

Книга «Россия в письменах» (вторая половина 1910-х годов)²⁵ занимает своеобразное место в творческом наследии писателя.

²⁰ Там же, с. 303.

²¹ Там же, с. 109.

²² Отдельное издание см.: Ремизов А. Страница. Пг., 1918.

²³ Опубликовано в кн.: Ремизов А. Шумы города. Ревель, «Библиофил», 1921.

²⁴ Статья вошла в сборник «Пушкин. Достоевский» (Пг., 1921), в котором приняли участие А. Блок, М. Кузмин и другие литераторы.

²⁵ Ремизов А. Россия в письменах, т. I. М.—Берлин, «Геликон», 1922. Главы из этой книги печатались в дореволюционных газетах и журналах.

Книга представляет собой частично публикацию подлинников, частично стилизацию архивных документов, относящихся к различным этапам исторического прошлого России. В архиве находятся: наборная рукопись главы «Росписной сундук»; беловая рукопись расширенного варианта главы «Дьякова память»; фрагменты расширенного варианта главы «Нарва», свидетельствующие о пристальном внимании Ремизова к личности и государственной деятельности Петра I.

Издательство «Геликон», в котором в 1922 г. был напечатан первый том «России в письменах», в 1923 г. прекратило свою деятельность, и ряд книг, подготовленных к печати, остался неизданным, в том числе и второй том «России в письменах», сохранившийся в архиве (начало 1920-х годов).

В архиве хранится еще одна подготовленная к печати и неопубликованная книга. В 1919 г. Ремизов предполагал издать сборник своих рассказов. Замысел не осуществился, однако остался «макет» сборника, который представляет собой свод книжных, газетных и журнальных вырезок с произведениями Ремизова, а также рукописей нескольких рассказов. В сборник должны были войти рассказы «Птичка», «Яблонька», «Аленушка», «Мурка», «Чудо», «Звезды», «Пупочек», «Белый заяц», «К звездам» и др.

Как известно, в первые послереволюционные годы книгоиздательское дело в России претерпевало серьезные трудности. Из-за разрухи, вызванной гражданской войной и иностранной интервенцией, сократился выпуск книг, не хватало бумаги, простаивали типографии и т. д. Многие писатели были вынуждены от руки переписывать и размножать свои произведения, которые они продавали любителям-коллекционерам. В фонде хранятся шесть сброшюрованных и иллюстрированных Ремизовым книжечек (1920): «Ложечка солозобочка», «Квас глоткотык», «О заплечном мастере. Память ярославская» (каждая сказка в двух экземплярах, первый написан нормальным почерком писателя, второй — стилизованным почерком древнерусского писца). Рукописные брошюры затейливо украшены рисунками Ремизова.

Со второй половины 1920-х годов Ремизов стал снимать рукописные копии со своих ранних произведений, предназначая их в дар друзьям и знакомым. В фонде хранятся четыре копии сказок (1926—1927) из сборника «Посолонь»: «Монашек», «Кострома», «Богомолье» и «Змей». Две последние копии с ремизовскими иллюстрациями были посланы писателем в подарок сотруднику Пушкинского Дома М. В. Устимовичу.

Из рукописей последнего периода в архиве хранится иллюстрированный сборник обработанных Ремизовым народных сказок и легенд — «Круг счастья. Книга о царе Соломоне», с дарительной надписью И. В. Кудрянскому от 8 сентября 1948 г.

В фонде находятся две недатированные рукописи: план неосуществленного сборника «Корочуновы сказки» (озаглавленного по названию сказки «Корочун» из «Посолони»; Ремизов предполагал

включить в этот сборник пять сказок: «Морщинка», «Пальцы», «Зайчик-иваныч», «Лиса-летунья» и «Зайка»), а также фрагмент «Сказки о молодце, коне и сабле», оформленный Ремизовым как выписка из «книги подъячего Анфима Шипкова».

Помимо рукописей, архив включает машинописную копию с авторской правкой сказки «Царь Додон».²⁶

Для специалистов по истории русской литературы начала XX в. полезным будет ознакомление с дневниковой тетрадью Ремизова «Сирин», датированной октябрем 1912 г. Речь в ней идет о возникновении крупного издательства под этим названием, выпустившего собрания сочинений Ремизова,²⁷ Брюсова и Сологуба (1912—1915). Издательство было основано 10 октября 1912 г.: в этот день о своем согласии финансировать «Сирин» Ремизову сообщил по телефону М. И. Терещенко — капиталист и видный деятель кадетской партии. 11 октября Ремизов познакомил Терещенко с Р. В. Ивановым-Разумником, фактически взявшим в свои руки руководство издательством. 15 октября сестра Терещенко, Пелагея Ивановна, предложила для издательства название «Сирин». 17 октября в работе редакции согласился участвовать А. А. Блок. 20 октября Ремизов записал: «С Блоком разговаривал по телефону: он 2 дня не пишет, так взбодорожен „Сириню“. Он думает, что новое издательство будет иметь огромное значение для русской литературы и жизни литературной». В записи от 22 октября Ремизов констатирует «согласие» В. Брюсова и осложнения в переговорах с Ф. Сологубом по поводу издания собраний их сочинений. 27 октября писатель сообщает о договоренности с издательством «Шиповник», в соответствии с которой право на дальнейшую публикацию собрания сочинений Ремизова перешло к «Сирину». 28 и 30 октября члены редакции встречались с Брюсовым. В ту же тетрадь Ремизов сделал выписки из «Русского хронографа» и других изданий о мифической птице Сирин и наклеил фотографию церкви в Костроме, имеющей фреску с изображением Сирина, рекламный проспект книгоиздательства «Шиповник», журнальные вырезки с фотографиями Л. Н. Андреева, Ф. Сологуба и др. В тетрадь вклеены телеграммы М. И., П. И. и Е. И. Терещенко к Р. В. Иванову-Разумнику от 12 октября 1912 г. и Брюсова к Ремизову от 18 октября 1912 г., а также письмо С. Я. Осипова (управляющего делами «Сирина») к Р. В. Иванову-Разумнику от 20 октября 1912 г. и письмо (неотправленное?) Иванова-Разумника к Ф. Сологубу от 23 октября 1912 г. с условиями денежных расчетов за издание собрания сочинений последнего. На одном из листов тетради Ремизов сделал шуточный групповой портрет лиц, близких к редакции, использовав для этого переводные картинки.

²⁶ Ремизов А. Царь Додон. Пг., изд. «Обезволпал» («Алконост»), 1920.

²⁷ В «Сирине», кроме того, вышли книги Ремизова «Подорожие» (1913), «Докука и балагурье» (1914), «Весеннее порошье» (1915).

Воспоминания Ремизова «Иверень», о которых шла речь выше, являются непосредственным продолжением его мемуарной книги «Подстриженными глазами» (Paris, YMCA-Press, 1951). Над «Ивернем» Ремизов работал в 1920—1940-е годы (закончена в 1946 г.). Отрывки из книги печатались в зарубежных изданиях («Современные записки», «Возрождение», «Новоселье», «Советский патриот» (Париж) и др.). Отдельные главы никогда не публиковались. В фонде Ремизова находится полный экземпляр «Иверня» — контаминация газетных и журнальных гранок с правой автора и машинописных фрагментов.

«Иверень» открывается разделом «Начало слов. (Запев)», включающим семь глав («Писатель», «Эпиталама», «Не наших измерений», «Сны», «Философия», «Наука», «В каменщиках»). Ремизов рассказывает в них о своей писательской судьбе, о своеобразном понимании им собственного творческого пути, о литературных и философских влияниях, испытанных им в ранней юности. Здесь же идет речь о его первом аресте.

Второй раздел книги носит название «Иверень. (Родословие)». В нем Ремизов повествует о своих родственниках с материнской стороны, в основном о даде — Н. А. Найденове, председателе Московского биржевого комитета. Писатель создает колоритный образ буржуазного деятеля пореформенной эпохи, чья приверженность к славянофильским воззрениям, а также страсть к древнерусской письменности произвели большое впечатление на Ремизова-юношу.

Третий раздел «Иверня» (самый обширный), «Кочевник», состоит из 16 глав («По-проходному», «На мельнице», «В гостинице», «Козье болото», «Блины», «В номерах», «В стойле», «В курятнике», «Ход в окошко», «За занавеской», «В благородном семействе», «В лакейской», «В подвале», «Пугачевская клетка», «На курьих ножках», «В модной мастерской»). «Кочевник» посвящен пензенской ссылке Ремизова. Писатель вспоминает о тяготах жизни политического ссыльного, о встречах с товарищами по несчастью (например, с Д. А. Юрасовым — участником кружка Караковского, помилованным после вынесения смертного приговора), о быте русской провинции конца прошлого века. Интересен рассказ Ремизова о дружбе с сыном крупного пензенского водочного заводчика — юным В. Э. Мейерхольдом, которого он «пронял марксизмом» («Иверень», л. 96). Основное место в «Кочевнике» отведено воспоминаниям о втором аресте и одиночном заключении в пензенском тюремном замке.

Далее следует раздел «В сырых туманах», включающий главы «На заповедной земле», «Несбыточные происшествия» и «Семь бесов»; в них речь идет об усть-сысольской ссылке Ремизова.

Ценным в фактографическом отношении является раздел «Розовые лягушки. (Мое вступление в литературу)», куда входят пять глав («Титаны», «Еркулы», «Сумасшедший», «Курьер», «В Москву»). Ремизов рассказывает о дружбе с вологодскими

ссылками, об их быте, научных и литературных занятиях, о ранних литературных опытах — своих, А. В. Луначарского и Б. В. Савинкова. Подробно останавливается Ремизов и на своем первом выступлении в газете «Курьер».

В разделе «Москва» (главы: «Демоны», «Анафема. (Леонид Андреев)», «Аделаидин цвет. (Валерий Брюсов)») Ремизов вспоминает свою поездку в столицу по литературным делам, о знакомстве и позднейших отношениях с известными литераторами. В своих оценках их деятельности Ремизов весьма пристрастен; эти высказывания проливают свет на его литературные склонности и симпатии. Здесь же Ремизов излагает историю своего знакомства с вологодским экспортером масла, в будущем датским писателем Оге Маделунгом, чьим «крестным отцом» в литературе он явился (Ремизов обработал и передал Брюсову для публикации в «Северных цветах» первый рассказ Маделунга «Сансара»).²⁸

Последний раздел книги — «Северные Афины. (Вологда)» — включает главы «Прощеный день», «Предбанная память», «Олимп и Парнас», «Тарабарщина», «Имена», «Подорожие», «Савинков». Писатель вновь возвращается к периоду вологодской ссылки. Читателя несомненно заинтересуют очерки о П. Е. Щеголеве, И. А. Давыдове, Н. М. Ионове, Н. К. Мукалове, Н. А. Бердяеве, И. А. Неклепаеве, З. В. Александровой, Б. В. Савинкове. В кратком заключении «Судьба без судьбы» Ремизов, не скрывая своего пессимизма, рассуждает о трагизме индивидуальной судьбы.

3

В архиве хранится почти полная коллекция оригинальных книг Ремизова, отдельных изданий переводов его произведений на иностранные языки, две книги, переведенные писателем в молодости для заработка, а также переплетенная им брошюра, в которой он объединил оттиски переводов, выполненных совместно с С. П. Ремизовой-Довгелло,²⁹ для журнала «Вопросы жизни».³⁰ До отъезда за границу писатель издал 37 книг, на чужбине — 45. Переводы его произведений появлялись в Германии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Голландии, Франции, Италии, Англии, США (35 книг). Эти книги были составной частью библиотеки писателя, многие из них собственноручно переплетены Ремизовым. На книгах — дарительные надписи С. П. Ремизовой-Довгелло

²⁸ См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Составление, подготовка текста, предисл. и примеч. П. А. Енсева и П. У. Мёллера. Копенгаген, 1976.

²⁹ О переводах Ремизова см.: Кюдрянская Н. Алексей Ремизов, с. 147—150.

³⁰ В собрании отсутствуют книга Ремизова «Что есть табак. Повесть» (СПб., 1908) и две его книги в переводах на английский и венгерский языки.

(до ее смерти в мае 1943 г.) и Н. В. Кодрянской (иногда и И. В. Кодрянскому), которой он подарил свою библиотеку в конце 1940-х годов.

Пространные дарительные надписи жене на книгах, представляющие собой по существу автобиографические заметки, — весьма ценный материал для исследователя творчества Ремизова. Почти все они опубликованы.³¹ Приведем одну неопубликованную надпись на книге А. Родэ «Гауптман и Ницше» (Перевод с немецкого Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М., 1902) от 19 сентября 1929 г.: «Первая, изданная, получил гонорар — 25 р^{ублей}».

Пропитируем несколько дарительных надписей Н. В. и И. В. Кодрянским. На издании «Голубиная книга» (Гамбург, «Родник», 1946) от 14 июля 1952 г.: «Книга издана без ведома автора. Узнал о ней случайно в 1951 г.».

На книге «Пляшущий демон» (Париж, <1949>) от 3 августа 1949 г.: «Эта книга вышла чудесным образом, как вся моя жизнь; хочу объяснить в ней, вспоминая прошлые века, откуда огонь и мое воронье перо где искать».

На книге «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (Париж, «Оплешиник», 1950) от 23 мая 1950 г.: «Книга писалась год (1948) под вашим глазом, а читано десять тысяч раз; за каждым словом моя жизнь. Очень вам благодарен за ваши замечания, советы и поправки. Это вы, расковав старинные письма, вывели на свет и оголосили русским словом Ихнелата, а за ним Грудцына».

На книге «Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония» (Париж, «Оплешиник», 1951) от 10 апреля 1951 г.: «Без вашего волшебства не одолеть мне было Грудцына и формально: ваши словесные находки и на мои промахи глаз. С какой восторженной болью писал я Грудцына. А сколько потом было *пропуск* осуществить мечту издать книгу, я доходил до отчаяния, как думая о Ваших „Сказках“: ³² удачи ли. Теперь черед за „Мелюзиной“».

На книге «Подстриженными глазами» от 3 июля 1951 г.: «Есть солнечный цвет золотом; в этом доме живет сердце человека. Одни сердца погасли, другие светятся, а есть среди них, которые и светят и звучат. Ваша книга „Сказки“ — сердце, мне звучит и светит. Ваша счастливая доля! Но счастье не праздник, счастье — дар скорбей. Или погаснуть, или тихо светить, или, как чувствую я, счастливый, — моя горечь, моя покинутость, моя тревога».

На книге «Мелюзина. Брунцвик» (Париж, «Оплешиник», 1952) от 10 августа 1952 г.: «Эта книга — сияние моей боли, с какой болью я ее ждал!».

На книге «Тристан и Исольда. Бова Королевич» (Париж, «Оплешиник», 1957) от 24 июня 1957 г.: «Большими словами о любви, чем те, что у Грудцына и тут, мне не сказать».

³¹ К о д р я н с к а я Н. Алексей Ремизов, с. 151—186.

³² Речь идет о книге: К о д р я н с к а я Н. Сказки. Предисл. А. Ремизова. Париж, 1950.

Н. В. Кудрянская передала также в фонд Ремизова отдельные номера французских журналов, принадлежавшие писателю, где печатались переводы Ремизова и статьи о его творчестве («La licorne», «Points», «84», «La table ronde», «La nouvelle Revue Française», «La revue des deux mondes», «La parisienne», «La revue de culture européenne» и др.).

4

Говоря о Ремизове, нельзя не упомянуть о его страсти к мистификации, литературной шутке, розыгрышу. Современники Ремизова нередко вспоминают об основанном писателем в 1908 г. фантастическом обществе — «Обезьяньей Великой и Вольной палате» («Обезвелволпал»). Трагически пережив поражение первой русской революции, Ремизов ушел в призрачный мир изощренной умственной игры, по-своему выразив в ней стремление к простоте и правде, к подлинно справедливым социальным отношениям. В рукописном варианте «манифеста» «обезьяньего царя» Асыки Первого Ремизов восклицал, что в «Обезвелволпале» «нет места гнусному человеческому лицемерию». «Никакие лицемерные ухищрения пузатых от приседа и присяда и называющих идею приемлемой, но не приемлющих борьбу за ту же идею и не допускающих бороться мыслью и идеей там, где это возможно, — писал Ремизов, — не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве».³³ С годами он перестал отделять себя от вымышленного им персонажа, и маска «канцеляриуса» «Обезвелволпала» сделалась подлинным ликом писателя. Игра стала жизнью, а жизнь превратилась в игру. Многие литераторы поддерживали эту ремизовскую игру.

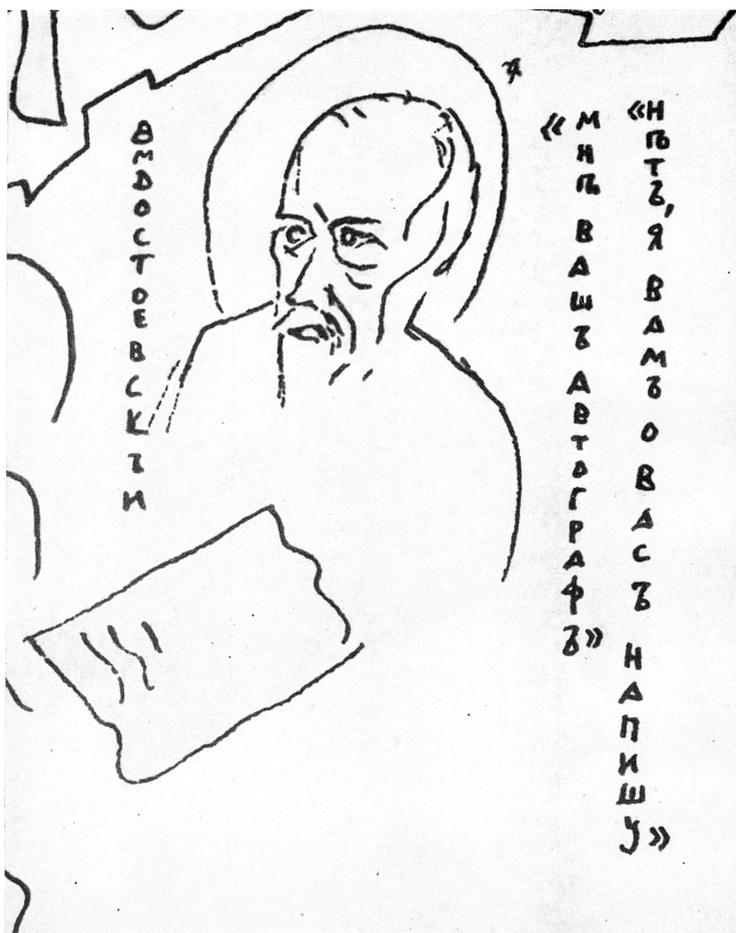
В архиве хранятся многочисленные документы «Обезвелволпала» (в основном берлинского периода жизни Ремизова). Наибольший интерес представляет рукописная тетрадь с составленным им списком членов «Обезвелволпала», где представлена фантастическая иерархия чинов и званий. Среди прочих членами «Обезвелволпала» были: П. Е. Щеголев (старейший князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака), В. Я. Шипков (князь обезьяний сибирский и бежецкий), М. М. Пришвин (князь обезьяний и полномочный резидент заяшного ведомства),³⁴ М. Горький (князь обезьяний и заместитель старейшего в Германии, кавалер обезьянский с глобусом), З. И. Гржебин (зауряд-князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака), И. С. Соколов-Микитов (забеглый князь «дорогобужских дремучих лесов»), А. Н. Толстой (забеглый

³³ В печатной редакции «манифест» см. в кн.: Ремизов А. Ахру. Повесть петербургская, с. 50—51. Имя Асыки заимствовано из житийной литературы: в 1456 г. вогульский князь Асыка убил пермского епископа Питирима.

³⁴ См. заметку Ремизова о Пришвине «Голос из России» (Вопросы литературы, 1970, № 9, с. 254—255).

Портрет А. М. Ремизова работы Л. О. Пастернака. 1923 г.
Литография.

Ф. М. Достоевский. Рисунок А. М. Ремизова.

князь обезьяний парижский), М. А. Кузмин (музыкант «Обезвелволпала»), Л. Шестов, Е. Г. Лундберг, Р. В. Иванов-Разумник (старосты обезьяньи и старейшие кавалеры). Список дополняет карандашная «Разрядная роспись людям Обезьяньей Великой и Вольной палаты», согласно которой в «Обезвелволпал» входили также С. М. Алянский, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, В. В. Розанов, С. В. Чехонин, С. Э. Радлов, А. А. Блок, Е. П. Иванов, Е. В. Аничков, Ю. Н. Верховский, Б. Пильняк, Ф. Ф. Комиссаржевский, М. О. Гершензон, Ю. К. Балтрушайтис, С. С. Прокофьев, М. М. Шкапская, В. Г. Лидин, М. К. Лемке. К «Обезвелволпалу» принадлежали, кроме того, А. Белый, К. Эрберг, В. Б. Шкловский, К. С. Петров-Водкин, И. Г. Эренбург, А. А. Ахматова,³⁵ А. З. Штейнберг и другие деятели культуры.

В другом списке членов «Обезвелволпала», составленном Ремизовым глаголическими письменами, против соответствующих фамилий сохранились подписи А. Белого, А. С. Яценко, Е. Г. Лундберга, И. С. Соколова-Микитова, С. П. Постникова, Б. Пильняка. Здесь же приведен список «трудов» «Обезвелволпала»: книги Ремизова «Сказки царя Асыки» (Берлин, «Русское творчество», <1922>), «Царь Додон» (Пг., изд. «Обезвелволпал» («Алконост»)), (1921), «Заветные сказы» (Пг., «Алконост», 1920) и неосуществленный сборник «Семидневец». В той же тетради находятся карандашные наброски таких «документов» «Обезвелволпала», как положение о денежных знаках, статут и «реликвии», «слова и письма обезьянские», геральдическое описание «ордена палаты».

«Кавалеры обезьяньего знака» получали особые «грамоты», искусно расписанные Ремизовым. В фонде хранятся три такие грамоты, выданные А. В. Осиповой (23 октября 1923 г.), В. П. Вельтер (23 февраля 1947 г.) и В. П. Никитину (15 декабря 1950 г.). Вторая примечательна тем, что на ней приведен список членов «Обезвелволпала» конца 1940-х годов.

Члены «Обезвелволпала» иногда собирались на квартире Ремизова (в архиве есть список лиц, присутствовавших на последнем берлинском «сборище» — 3 ноября 1923 г.) и поддерживали с ним шуточную переписку, пародируя тон и стиль официальных бумаг. В фонде хранится несколько таких писем (почти все коллективные) 1922—1923 гг. за подписями И. Г. Эренбурга, Л. Козинцевой, В. Вишняка, М. Шкапской, А. Бахраха, А. Зискинда, Н. Львовой, В. Лурье, Н. Андреева. К материалам «палаты» прилегают четыре газетные вырезки (с сообщениями о ней), корректура «письма пятого», содержащего «описание Ремизова <...>, быта и нравов великого обезьянского ордена», из книги В. Б. Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза»

³⁵ «Обезьянья грамота», выданная А. А. Ахматовой, опубликована, см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, между с. 64—65.

(Берлин, «Геликон», 1923), и несколько рисунков Ремизова (изображение царя Асыки, абстрактная композиция «Хабар обезьяней», стилизованные карандашные портретные зарисовки И. С. Соколова-Микитова, Э. М. Каплун, автопортрет-шарж).

Ремизов-рисовальщик был достаточно известен, его рисунки публиковались в газетах и журналах, часто он иллюстрировал собственные книги. Зимой 1933—1934 гг. в Праге экспонировалось свыше 1000 его рисунков, интерес к ним проявляли П. Пикассо и А. Бретон.³⁶ Рисунки Ремизова, его тяга к каллиграфии, к украшательству рукописей созвучны творчеству писателя, сознательно имитировавшему древний стиль «извития словес».

В биографическом отношении важен цикл из 22 рисунков «Последний путь из России» (1921), где писатель поэтапно запечатлел мучительную для него дорогу на чужбину. «А как не хотелось мне уезжать из России!», — признается он через много лет в дарительной надписи Н. В. Кодрянской от 17 января 1948 г.

В течение всей жизни Ремизов делал иллюстрации к своей первой книге «Посолонь». Так, во второй половине 1920-х годов он выполнил тушью пять рисунков к сказкам из этого сборника: «Доремидошка», «Калечина-малечина», «Ягиный гребень», «Вындрик-зверь» и «Монашек». В фонде хранится тетрадь с 19 автоиллюстрациями (1948—1949) к книге Ремизова «Повесть о двух зверях. Ихнелат»³⁷ с дарительной надписью Н. В. Кодрянской от 7 июля 1949 г. В самой книге воспроизведены только шесть из них.

К 1949—1953 гг. относится тетрадь с 36 рисунками писателя, выполненными тушью. Почти все они — иллюстрации к его произведениям («Странница», «Повесть о двух зверях. Ихнелат» и др.). Любопытен набросок обложки к неопубликованной книге «Иверень».

В 1950 г. Ремизов создал цикл из 38 рисунков тушью и оформил их в особый альбом «Карты Сведенборга» (дарительная надпись Н. В. Кодрянской от 26 апреля 1951 г.). Рисунки предназначались для лицевой стороны гадальных карт, приписываемых шведскому теософу и духовидцу Э. Сведенборгу.³⁸ В тот же альбом Ремизов вклеил ряд интересных документов: четыре фотокопии (с пояснительными надписями) фресок в своей последней петроградской квартире (Васильевский остров, 14-я линия, д. 31/34, кв. 48) со стилизованными изображениями царя Асыки, З. И. Гржебина, И. А. Рязановского, А. Д. Радловой,

³⁶ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 98, 288. О возникновении своих рисунков Ремизов подробно рассказал в письме к Н. В. Заредькому от 3 марта 1928 г. (*Ceskoslovenska rusistiká*, 1969, t. XIV, 4, s. 179—180).

³⁷ Об этой книге см.: Лурье Я. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнелат». — Русская литература, 1966, № 4, с. 176—179.

³⁸ Подробнее: Ремизов А. Россия в письменах, т. I, с. 111—122; Ремизов А. Подстриженными глазами. Paris, YMCA-Press, 1951, с. 21—26.

Я. П. Гребенщикова, П. Е. Щеголева и др., два рисунка Н. В. Кодрянской в «обрисовке» Ремизова, несколько автоиллюстраций к своим произведениям, два рисунка Д. Д. Бурлюка (1950). В фонде имеется еще один ремизовский альбом — «Альбом Лидии Николаевны Либшютц. Мои письма и картинки» (1954), включающий рисунки и письма писателя к Л. Н. Либшютц; некоторые из писем иллюстрированы.

В дарительной надписи И. В. Кодрянскому от 10 декабря 1949 г. на шмуцтитальном листе особой тетради Ремизов пишет: «В эту тетрадь я вклеивал что печаталось из моих рисунков, безо всякой мысли, как попало <...> Я бы назвал эту тетрадь, как о земле Писцовы книги пишут: „Кривцы и скочки“». Здесь собраны вырезки (79) и фотографии (6) живописных работ Ремизова (1920—1940-е годы) из русских и иноязычных периодических изданий. В их числе автоиллюстрации к книгам «Посолонь», «По карнизам», «Взвихренная Русь», рисунки по мотивам произведений Тургенева «Пегушков», «Конец Чертопханова», «Часы», «Накануне», «Живые мощи», стилизованные портреты М. Горького, В. В. Розанова, Б. В. Савинкова, В. Б. Сосинского, Л. Шестова, А. С. Яценко, первопечатника Ивана Федорова и др. Вырезки с иллюстрациями к произведениям Тургенева наклеены Ремизовым в специальный альбом (дарительная надпись И. В. Кодрянскому от 1 ноября 1947 г.).³⁹

К рисункам Ремизова примыкают его «графические дневники». Происхождение их писатель объяснял так: «Каждую ночь я вижу сны, и по утру запишу. В течение нескольких лет вел графический дневник: рисовал сон, а вокруг события дня».⁴⁰ В фонде хранятся три «графических дневника».

«Именнѣй графическій полупряник Тырло,⁴¹ 550 снов» (22 декабря 1933 — 8 октября 1937 г.), с дарительной надписью Н. В. Кодрянской от 8 сентября 1948 г., состоит из 26 тетрадей для рисования, заключенных в картонную папку, которую писатель украсил рисунком (здесь же хранятся фрагменты черновика предисловия к книге «Мартын Задека»). Записи «снов», весьма разнообразных по сюжетам, представляют собой рисунки Ремизова пером с пояснительными надписями. Их изучение позволяет проникнуть в причудливый мир ремизовских ассоциаций, установить круг лиц, с которыми он общался в эти годы, определить

³⁹ См. иллюстрированное самим писателем издание: Remizov A. Tourgueniev poète du rêve. Paris, 1933. Т. А. Осоргина подарила музею ИРЛИ альбом рисунков русских писателей (А. Н. Толстого, И. С. Соколова-Микитова, М. А. Осоргина, П. П. Потемкина и др.), принадлежавший Ремизову (№ 86698). Писатель украсил альбом своими рисунками, вьетками и заставками.

⁴⁰ Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж, «Оплешник», 1954, с. 9. Свои «сны» Ремизов записывал также в указанную выше тетрадь «Сприн», включались они и в его произведения.

⁴¹ Тырло — «стойло, притон, прют для скота» (Даль В. Толковый словарь, т. 4. М., 1935, с. 459).

людей, о которых он помнил и думал. Героями «снов» Ремизова, например, являлись Ф. М. Достоевский, М. Горький, А. В. Луначарский, А. А. Блок, Н. К. Рерих, М. М. Пришвин, П. Е. Щеголев, Е. И. Замятин, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, Э. Н. Гиппиус, А. Белый, Л. Шестов, М. И. Цветаева, И. А. Бунин, Г. И. Иванов, Р. В. Иванов-Разумник, Н. В. Резникова и др.

Из лиц, упомянутых во втором «графическом дневнике» (20 октября 1939—19 апреля 1940 г.), назовем Ф. И. Шаляпина, В. Я. Брюсова, Ф. Сологуба, М. А. Кузмина, Н. А. Оцуца.

На титульном листе третьего «графического дневника» (20 апреля—11 августа 1940 г.) Ремизов сделал надпись, свидетельствующую об условиях жизни в оккупированном нацистами Париже: «Вынужден был прекратить: под грозой обыска. Имена, хотя бы и приснившиеся, — отвечают». 3 июня 1940 г. на одном из вклеенных рисунков Ремизов записал: «В соседний дом упала бомба, и ударило в стену около моего окна». Писатель был ранен осколками выбитых оконных стекол.

Характерно, что через «графические дневники» проходит один и тот же многозначительный «сон» — возвращение писателя на Родину.

5

В архиве хранится небольшое количество писем Ремизова, переданных после смерти писателя в Пушкинский Дом: Б. Б. Бунич-Ремизову (1946), В. П. Вельтер 3 (1948—1952), В. П. Никитину 9 (1948—1956), Л. Н. Либшютц. В письме от 14 декабря 1946 г. к внуку, сыну дочери писателя, умершей в 1943 г., Ремизов просит подробно написать о ее похоронах. Письма к В. П. Вельтер и В. П. Никитину носят в основном бытовой характер. В письме к Никитину от 14 января 1949 г. Ремизов делится раздумьями о названии своей будущей книги: «Все думаю, как назвать Стефанита и Ихнелата? А если „Звериная комедия“? Сколько ночей я продумал о этих зверях человеческих».

Среди корреспондентов Ремизова (их около 300) много писателей, поэтов, литературоведов, критиков и публицистов. В архиве хранятся письма: Ю. К. Балтрушайтиса 2 (1913), К. Д. Бальмонта (1913), Ф. Д. Батюшкова (1913), А. Белого (псевд. Б. Н. Бугаева) 3 (<1913>—1917), А. А. Блока 5 (1913, 1918),⁴² В. В. Бородаевского 5 (1916), Ю. Н. Верховского 7 (1913—1916), В. Г. Геймана 9 (1913), М. О. Гершензона 8 (1913—1918), Вл. В. Гишпиуса (1915), Э. Н. Гиппиус (1918), В. Н. Гордина 5 (1915—1917), С. М. Городецкого 2 (1913), М. Л. Гофмана (1918), Л. Я. Гуревич 2 (1913), С. А. Есенина (1915),⁴³

⁴² Четыре письма Блока (1913) опубликованы Ц. Вольпе, см.: Звезда, 1930, № 5, с. 161—163.

⁴³ Письмо от 24 апреля 1915 г. опубликовано, см.: Есенин С. Собр. соч., т. 5. М., 1968, с. 55—56.

Рисунок А. М. Ремизова «Комета» (для гадальных карт).

Е. И. Замятина 6 (1915—1918), Р. В. Иванова-Разумника 33 (1913—1919), А. А. Измайлова 12 (1913—1916), Н. А. Ключева 2 (1915, б. д.), А. А. Кондратьева 6 (1913—1915), А. Е. Кручных 2 (1917), Д. А. Крючкова 7 (1915—1916), А. И. Куприна (1918), Е. Г. Лундберга 49 (1913—1918), В. Л. Львова-Рогачевского 6 (1919), Е. А. Ляцкого 2 (1913), А. Мазона 2 (1913), В. И. Нарбута 7 (1918—1919), И. А. Новикова 8 (1916—1917), С. П. Постникова (1914), М. М. Пришвина 5 (1913—1918), С. Л. Рафаловича (1913), П. С. Романова 8 (1916), И. С. Рукавишника 21 (1915—1919), Б. А. Садовского 13 (1913—1915), С. С. Семенова (псевд. — Волжский) 16 (1915—1917), С. А. Соколова (псевд. — С. Кречетов) 2 (1913), И. С. Соколова-Микитова 48 (1913—1919), Ф. Сологуба (псевд. Ф. К. Тетерникова) 3 (1915—1917), П. Б. Струве 3 (1913), А. И. Тинякова (псевд. — Одинокий) 31 (1913—1917), А. Н. Толстого 4 (1916, б. д.),⁴⁴ В. Н. Унковского 29 (1915—1919), В. Н. Фигнер 3 (1917), Д. В. Философова 11 (1914—1918), И. М. Шапиро 3 (1913—1914), А. А. Шахматова (1914), Л. И. Шварцмана (псевд. — Л. Шестов) 30 (1913—1919), В. Я. Шишкова 22 (1913—1917),⁴⁵ И. И. Ясинского 2 (<1916>) и др.

Письма эти, относящиеся к 1910-м годам, когда Ремизов был уже признанным писателем, носят в основном деловой характер. Собратья по перу приглашают Ремизова в различные издания, сообщают сведения о размерах гонорара, просят содействовать в напечатании рукописей и т. д.

Приведем выдержки из некоторых таких писем. К. Д. Бальмонт, в 1913 г. вернувшийся из эмиграции в Россию, по финансовым соображениям решил расторгнуть с издательством «Скорпион» договор на переиздание своих книг.⁴⁶ Зная, что Ремизов близок к издательству «Сирин», поэт обратился к нему 28 мая 1913 г. со следующим предложением: «Я отказал Полякову в переиздании разошедшихся книг и был бы очень расположен уступить их „Сирину“, если и „Сирин“ расположен к тому же. Кажется, Вы свой человек в этой фирме. Быть может, Вы бы затеяли там соответствующий разговор? Не умею сказать, как я был бы Вам признателен. Я был бы расположен уступить „Сирину“ все свои „оригинальные“ книги (стихи и проза)». Издательство «Сирин» просуществовало недолго, и замысел этот не был реализован.

Во второй половине 1913 г. владелец символистского издательства «Гриф» и составитель одноименных альманахов (1903, 1904, 1905) поэт С. А. Соколов (Сергей Кречетов) задумал изда-

⁴⁴ В архиве хранятся фотокопии писем А. Н. Толстого; оригиналы в 1947 г. были переданы в Институт мировой литературы им. М. Горького.

⁴⁵ 11 писем В. Я. Шишкова к Ремизову с пропусками, неточностями и искажениями в текстах опубликованы Н. Яновским, см.: Енисей, 1974, № 5, 6.

⁴⁶ См. его письмо к владельцу «Скорпиона» С. А. Полякову от 6 апреля 1913 г. (ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, № 43).

ние юбилейного сборника по случаю десятилетней годовщины издательства. С предложением участвовать в альманахе он обратился ко многим соратникам по литературному движению. 4 сентября 1913 г. он писал Ремизову: «Ввиду исполнившегося десятилетия „Грифа“ задумал я издать юбилейный Альманах Грифа (903—913). Участвовать будут *только* лица, печатавшиеся или издававшиеся в „Грифѣ“. Ваши вещи были напечатаны в одном из Альманахов.⁴⁷ Потому решаюсь просить Вас пожертвовать на Грифский алтарь какую-либо вещь Вашу, хотя бы небольшую, а равно прислать фотографию Вашу. Альманах будет издан с портретами авторов, в ограниченном количестве экземпляров». Участники получают издание на особой бумаге. Выпустить думаю в октябре, иначе слетит смысл юбилейности. Потому пришлите поскорее. Очень надеюсь, что не откажете по старому дружеству». Писатель откликнулся на эту просьбу.⁴⁸

25 января 1919 г. к Ремизову обратился поэт И. С. Рукавишников, работавший в Наркомпросе под руководством А. В. Луначарского: «Собираем рукописи для „Сборника Дворца искусств“. Дали уже: И. Новиков, Вяч. Иванов, К. Большаков, Р. Ивнев, Мандельштам, П. Орешин, В. Шершеневич, Пяст, Н. Крашенинников. Пополняется быстро. Пришлете? Просим очень <...> О „Дворце искусств“ хочется поговорить. Да долго. При встрече с А. В. Луначарским расспросите». Сборник «Дворца искусств» при Наркомпросе в свет не вышел, но письмо косвенно подтверждает наличие связей Ремизова с Луначарским в первые послереволюционные годы.

Выше шла речь о не опубликованной полностью повести Ремизова «Ров львиный» («Плачужная канава»). Из письма В. Л. Львова-Рогачевского от 1 сентября 1919 г. выясняется, что ее предполагалось напечатать в «Книгоиздательстве писателей в Москве»: «...книга Ваша „Ров львиный“ включена в список книг, назначенных к печатанию в первую очередь, и редакция ждет ее получения с большим нетерпением».

Любопытны суждения писателей о книгах Ремизова. Так, Андрей Белый во второй половине апреля 1913 г. сообщил Ремизову о своем впечатлении от сборника повестей и рассказов «Подорожие»: «Книгу Вашу прочел, — не прочел, а проглотил. „Пятую казнь“⁴⁹ еще никогда не читал. Она меня глубоко потрясла. Как открыл, так и не мог оторваться. Это — что-то колоссальное, чем гордиться может наше десятилетие литературы».

---

⁴⁷ Стихотворения в прозе «Молитва», «Последний час» и рассказ «Иван-Купал» в кн.: Альманах «Гриф». М., 1904, с. 39—46.

⁴⁸ В «Альманахе „Гриф“. 1903—1913» (М., «Гриф», 1914) были опубликованы портрет писателя и притча «Ремез-птица», посвященная С. А. Соколову (Кречетову).

⁴⁹ Описка А. Белого: речь идет о повести «Пятая язва» (Ремизов А. Подорожие. СПб., «Сирин», 1913, с. 45—156).

В. Н. Унговский, которому Ремизов оказывал покровительство, писал ему 21 апреля 1915 г. из действующей армии: «Народные сказки „Докука и балагурье“⁵⁰ — ценный вклад в историю русской литературы. Конечно, по-видимому, — это первый том будущего Вашего большого труда. Мы знаем „Русские пословицы“, собранные В. И. Далем, — в будущем будем знать „Народные сказки“, собранные и обработанные А. Ремизовым».⁵¹

В архиве хранятся две тетради с вклеенными газетными и журнальными вырезками, озаглавленные «Сказки нерусские» (1914—1922 и б. д.). В них Ремизов собрал публикации своих обработок «негритянских», «подкарпатских», «кабилских», «тибетских», «сибирских» и «кавказских» народных сказок. Тетради украшены рисунками писателя.

Как уже говорилось, своеобразная стилистическая манера Ремизова оказывала воздействие на творчество других авторов. По этому поводу П. С. Романов писал 5 мая 1916 г.: «Камень самоцветный — язык Ваш! И сборник вышел прекрасный.⁵² Но не нравится мне появление Ваших наследников. Как они ни хороши, а ведь это дармоеды, — на чужой шее едут, разбойники. Вы свой язык своей жизнью выработали, а они его — пожалуйте — цап-царап! На готовое сели и расписывают».

В письме начинающего литературоведа И. М. Шаширо от 1 декабря 1913 г. проводится на первый взгляд парадоксальное сопоставление творчества Метерлинка и Ремизова: «... мне очень ценно было бы узнать Вашу биографию и сферу, в которой Вы росли, в связи со статьей „Maeterlinck и Вы“ <...> Если Maeterlinck вызвал у Вас некоторые произведения, мысли, то не потому, что он повлиял на Вас, но только потому, что он вскрыл то, что было скрыто в Вас, спрятано; он обнаружил в Вас богатства, залежи, не замеченные Вами <...> Я хочу сказать, что Вы и Maeterlinck в известном смысле люди одного, родственного склада». Ремизов действительно в молодости не только испытал влияние творчества бельгийского драматурга, но и переводил его на русский язык.

Остановимся особо на письмах М. М. Припвина, В. Я. Шипкова и И. С. Соколова-Микитова — писателей, чье зрелое творчество приходится уже на советские годы. Их связывали с Реми-

---

⁵⁰ Ремизов А. Докука и балагурье. Русские сказки. СПб., «Сирин», 1914.

⁵¹ Сходную мысль высказал 25 июля 1915 г. книгоиздатель К. Ф. Некрасов: «Мне кажется, было бы хорошо выпустить большой том: *Русские народные сказки в обработке А. Ремизова* или рассказанные Ремизовым — это не важно сейчас. Не удивительно ли? Ведь у нас так и нет хорошей обработки сказок для детей». Эта идея позднее была воплощена писателем в жизнь (*Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым*. Берлин—Пб.—М., изд. З. И. Гржебина, 1923). Однако книга предначалась для взрослого читателя.

⁵² Имеется в виду книга: Ремизов А. Укрепя. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе. Пг., 1916.

зовым дружеские отношения, они ценили его как художника и человека. В письме от 6 октября 1913 г. Пришвин восклицает, что Ремизов «первый и единственный» из писателей, встретивший его «в литературе душой». В. Я. Шишков 12 апреля 1913 г., намеренно подражая ремизовской манере («Эх, негу крыльев — прилетел бы к Вам, хоть бы птичкой обернуться, да прилететь побеседовать бы с Вами, посидеть хорошо у Вас»), признается в искренней любви к писателю: «Перечитываю Ваши творения и все удивляюсь глубине Вашего ума и мудрости: десять талантов дано Вам, путь тяжелый, дай бог донести. Вам, знаю, неприятны эти мои восторги, но не могу утерпеть».

Значительную роль сыграл Ремизов в жизни И. С. Соколова-Микитова. Он опекал молодого писателя, способствовал опубликованию его первых сказок и рассказов. Из письма от 11 августа 1915 г. явствует, что Ремизов иногда даже правил рукописи вступающего в литературу автора: «Похоже, как Вы исправляли мое писание, — и Ваши поправки для *жизни моей* — также накрепко запомнились». Соколов-Микитов благодарит Ремизова за помощь в работе. Многие его письма (в особенности с театра военных действий) носят исповедальный характер, что лишний раз свидетельствует о сердечной близости писателей.

В числе корреспондентов Ремизова — заметные фигуры художественного, театрального и музыкального мира. Сохранились письма И. Я. Билибина (<1913>), А. М. Гидони (1915), Н. С. Гончаровой (<1916>), А. П. Зонова 19 (1914—1919), В. Ф. Комиссаржевской 5 (1908—1909), Е. С. Кругликовой 2 (1915, 1917), М. В. Матюшина (1913), Д. И. Митрохина 2 (1919), Н. К. Рериха 2 (1913, 1915),⁵³ А. А. Санина (псевд. А. А. Шенберга) (1918), В. А. Сенилова (<1913>), К. А. Сомова (1913), К. С. Стапиславского (1912), М. М. Фокина 2 (1915) и др.

Почти все письма деловые. Например, Н. С. Гончарова дает согласие иллюстрировать «цареградские сказания» Ремизова, Е. С. Кругликова приглашает участвовать в сборнике «Париж перед войной», М. Фокин предлагает «отдать» композитору М. О. Штейнбергу сюжет для балета на тему ремизовского «русального действия» «Алалей и Лейла», и т. д.

Отдельные письма позволяют установить точки соприкосновения творчества Ремизова с другими видами искусства. Так, композитор В. А. Сенилов (1875—1918) в письме от 10 марта 1913 г. сообщает о завершении работы над оперой «Георгий Храбрый», созданной по мотивам драматургического произведения Ремизова: «На днях у меня собрались товарищи композиторы с целью ознакомиться с партитурой „Георгия Храброго“. На фортепиано играл

---

⁵³ О взаимоотношениях Рериха и Ремизова, а также текст письма художника к писателю от 11 декабря 1915 г. см. в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 196—199.

Черепнин,⁵⁴ и очень хорошо, в надлежащих темпах; мы прочие подпевали разными невозможными голосами, так что не на музыкального человека могло бы произвести ошеломляющее впечатление <...> Черепнин очень дельно рассказал свои впечатления. Больше всего ему понравился финал, конец 3-го действия и все 2-е действие. О постановке финала он говорит, что на сцене можно придумать очень величественное шествие. Теперь Черепнин и другие мои товарищи будут ловить Глазунова, чтобы он назначил мне день и чтобы можно было прийти к нему и проиграть ему всю оперу уже с певцами. Если это выгорит и Глазунов будет „за“, то наше дело в шляпе и в оперном комитете задержки не выйдет». К сожалению, эта опера (как, впрочем, и другие опыты композитора в оперном жанре) не увидела сцены.

Режиссер А. А. Санин в письме от 21 августа 1918 г. приглашал Ремизова принять участие в работе киностудии «Русь»: «У меня глубокое убеждение, дорогой Алексей Михайлович, что Вы можете в какой-то исключительно характерной, „ремизовской форме“ дать для кино что-то интересное, живое, значительное. Для нас это было бы настоящей художественной радостью и удовлетворением». Сведениями о деятельности Ремизова-кинорежиссера мы не располагаем.

Внимание интересующихся историей русского театра начала XX в. привлекут письма актера Аркадия Зюнова. Они содержат сведения о деятельности Камерного театра, Театра им. В. Ф. Комиссаржевской, театральной студии Ф. Ф. Комиссаржевского. В литературе ошибочно утверждалось, что пьеса Ремизова «Проклятый принц» («Трагедия о Иуде принце Искаротском») поставлена не была.⁵⁵ В письмах за январь—февраль 1916 г. приведены многочисленные подробности о постановке и премьере этой пьесы в Театре им. В. Ф. Комиссаржевской.⁵⁶

Из письма Н. Бутковской от 4 июля 1913 г. выясняется немаловажный эпизод в творческой дружбе Ремизова и Рериха. Писатель собирался написать о художнике книгу. Бутковская сообщила: «...я переговорила с Н. К. Рерихом лично. Книга, как и Вы хотели, будет представлять из себя ряд Ваших впечатлений, причем Николай Константинович дал мне список групп, приблизительно им намеченных:

Колдовство.

Песнь о викинге.

Архитектура (Проект Храма).

---

⁵⁴ Черепнин Николай Николаевич (1873—1945) — композитор и дирижер.

⁵⁵ См., например: Полякова Е. А. Николай Рерих. М., 1973, с. 155.

⁵⁶ В архиве Ремизова хранятся документы по истории театра: «Положение о репертуарной секции при Театральном отделе Народного комиссариата по просвещению», «Воззвание» репертуарной секции ТЕО Наркомпроса, положение о журнале «Вопросы театра».

Театральные работы.

Иконы.

Художественная промышленность».

Славяне и варяги.

Разумеется, Вы совершенно свободны в Вашем личном выборе тем для Ваших впечатлений и можете изменить или прибавить к этому перечню».

Историк предреволюционной периодической печати и издательского дела в России найдет для себя в архиве писателя интересные материалы. Здесь хранятся письма редакторов газет и журналов, журналистов, издательских и редакционных работников: С. Абрамова 3 (1919), В. А. Азова (1913), Н. Архипова (1913), Н. С. Ашукина (1915), М. Блоха (1915), А. Борисяка 3 (1918), М. Бялковского 6 (1915—1917), В. Волкович и З. Столицы 2 (1916), Г. Гоникберга 2 (1916), В. Н. Гордина 5 (1915), Г. Городецкого (1916), З. И. Гржебина 9 (1914—1917), А. Громова 2 (1914), И. Гунна 3 (1912—1913), М. Дориомедова (1914), М. Долотова (1916), Е. Драшусова (1918), П. Н. Зайцева 5 (1918—1919). С. Исакова 2 (1914—1915), Н. П. Киселева (1915), С. Ю. Копельмана (1915), Г. Лебедева 3 (1918), В. Левитского 2 (1915—1916), С. Линцера 3 (1916), А. Лукьянова 2 (1919), Д. Марьянова (1916), А. Морского (1916), К. Ф. Некрасова 3 (1915), В. В. Пашуканиса (1915), О. Персиц 7 (1913—1914), С. Познера 3 (1916), И. Рабиновича 4 (1919), В. Регинина 2 (1915—1916), И. Розена (1918), А. В. Руманова 3 (1913—1914), М. В. Сабашникова 3 (1916—1918), В. И. Семевского (1915), М. И. Терещенко 2 (б. д., 1917), В. Турбина 2 (1916), Е. Харитоновна (1916), С. Чацкиной 4 (1914), С. Штрайх (1913) и др.

Ремизов, как и другие известные писатели, получал письма от рядовых читателей. Прочитируем отрывок из письма (без даты) провинциального журналиста из приволжского городка Вольска Н. М. Сутырина, шлющего Ремизову «горячее русское спасибо за те часы скорби, и гнева, и тихих молитв за униженных и оскорбленных», которые пробуждаются его книгами. «Но это, — пишет Сутырин далее, — относится к Вам, к Е. Н. Чирикову, В. Г. Короленко, Бунину, Шмелеву, Горькому, а других современных мастеров литературного цеха я имею дерзость не признавать. Бог с этими Арцыбашевыми, Борисами Лазаревскими, с личностями без лиц». Примечательно, что читатель ставит Ремизова в один ряд с писателями реалистическо-демократического направления.

Архив включает также письма к Ремизову родственников, друзей и знакомых: В. М. Ремизова 18 (1915—1918), С. М. Ремизова 52 (1913—1919), В. М. Добронравова 12 (1913—1919), Л. М. Добронравова 8 (1913—1915), И. В. Жилкина 3 (1916—1917), О. Е. Колбасиной 3 (1919), И. Д. Преображенского 3 (1913—1914), И. А. Рязановского 23 (1912—1919), Ф. И. Щеколдина 38 (1915—1917) и др.

Из биографических материалов наибольшую ценность представляет автобиография Ремизова (1913). Упомянем также фотокопию нескольких страниц книги «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1898 и 1899 гг.», на которых идет речь о нелегальной работе Ремизова в период пензенской ссылки.

Для изучения биографии писателя важны дневниковые записи его друга В. П. Никитина («Remezoviana»), изо дня в день фиксировавшего содержание бесед с Ремизовым. В архиве хранятся записи за 1954, 1956 и 1957 гг. В. П. Никитину принадлежат также воспоминания «Кукушкина» (по названию комнаты в квартире писателя, где «находились часы с гирями и кукушкой», самодельные игрушки, книги и рукописи Ремизова), которые изобилуют сведениями о быте писателя и его окружении в 1940—1950-х годах (упоминаются Б. К. Зайцев, И. А. Бунин, С. К. Маковский и др.).

В архиве представлены личные документы писателя и материалы, связанные с его работой в советских учреждениях. Это удостоверения личности, медицинские свидетельства, воинские документы, удостоверения от Театрального отдела Наркомпроса, членские билеты различных творческих организаций, денежные документы и т. д.

В течение всей жизни Ремизов собирал газетные вырезки, наклеивая их на листы бумаги и складывая в папки. В архиве сохранились вырезки за 1913—1916 гг., содержащие хронику литературных и общественных событий, интересовавших писателя. Каждую папку он сопровождал особым листом с помесечной росписью своих петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу, что важно для уточнения отдельных моментов биографии Ремизова. Помимо уже указанных, в архиве хранятся газетные вырезки с заметками Ремизова 1947—1954 гг. о И. А. Бунине, Н. В. Гоголе, Н. Н. Евреинове, Н. В. Кодрянской и др., а также газетные вырезки со статьями о творчестве самого Ремизова (на русском и французском языках) за 1949—1958 гг.

В. П. Никитин передал в архив составленную им библиографию переводов произведений Ремизова на немецкий, английский и французский языки, а Н. В. Кодрянская — подготовленные ею полный список книг писателя и библиографию «Рассказы Ремизова в французских журналах».

Ряд документов связан с кончиной Ремизова: копии писем В. П. Никитина, Н. В. Резниковой, А. Г. Савченко к В. И. Малышеву о последних днях жизни и похоронах писателя и др. В архиве имеются и письма разных лиц, содержащие сведения о Ремизове: И. С. Шмелева к В. П. Никитину (1946), В. П. Никитина к Э. Ло Гатто (1953) и Н. В. Резниковой (1954), Н. В. Резниковой к В. П. Никитину 4 (1954—1955).

Иконография представлена фотографическими портретами Ремизова 2 (1898, б. д.) и тетрадью с наклеенными писателем собственными фотопортретами — 55 (1923—1953).

Архив включает письма к С. П. Ремизовой-Довгелло, написанные Н. С. Бутовой (1915), А. Слепушкина (1917), Ф. И. Щеколдина 2 (1916), а также биографические материалы С. П. Ремизовой-Довгелло, переданные ее внуком Б. Б. Бунич-Ремизовым: машинопись «Из воспоминаний о семье С. П. Ремизовой-Довгелло»,⁵⁷ служащая комментарием к романам Ремизова «Оля» и «В розовом блеске»; «Перечень членов семьи С. П. Ремизовой-Довгелло — прототипов основных действующих лиц в автобиографических произведениях А. М. Ремизова»; фотографические портреты родственников жены писателя (7), фотографии его дочери Н. А. Ремизовой (2).

---

⁵⁷ Таково истинное написание ее родовой фамилии.

Ф. Х. ВЕЙСЕ

«РИЧАРД ТРЕТИЙ»

ПЕРЕВОД П. И. ФОНВИЗИНА (?)

Публикация Н. Д. Кочетковой

Публикуемая рукопись входит в собрание, полученное академиком М. П. Алексеевым в феврале 1975 г. от профессора Загребского университета Й. Бадалича в качестве дара Пушкинскому Дому (ф. 750). Собрание состоит из бумаг XVIII—начала XIX в., хранившихся в архиве Фонвиновых — Павла Ивановича и его сына Сергея Павловича. Рукопись представляет собой фрагменты стихотворного перевода трагедии Феликса Христиана Вейсе «Ричард Третий» (1759). Ряд аргументов подтверждает гипотезу Й. Бадалича о принадлежности перевода П. И. Фонвизину, брату знаменитого драматурга.¹ Предположительно можно датировать перевод 1770—1780-ми годами. Сопоставление с оригиналом обнаруживает, что переводчик в основном довольно точно следовал немецкому тексту, сохранив даже стихотворный размер — александрийский стих. Рукопись, занимающая девять листов, представляет собой разрозненные листы перевода. Первый отрывок — это начало трагедии: первое, второе и часть третьего явления первого действия. Затем следует текст из шестого явления третьего действия. Наконец, последний фрагмент — это текст из шестого действия. В немецком оригинале это отрывок второго, третье и отрывок четвертого явления; в русском переводе нумерация явлений смещена, и четвертое явление озаглавлено как «Явление VI».

Возможно, что рукописный экземпляр русского перевода был сделан в связи с готовившейся постановкой трагедии и предназначался для исполнителей. Об этом могут свидетельствовать пометы на рукописи, сделанные другими, очень слабыми чернилами. Так, перед репликой Катезби «Трепещу, слыша то...» (л. 4) есть помета: «вопия». Перед ответным

---

¹ См.: Кочеткова Н. Д. Русский перевод трагедии Ф. Х. Вейсе «Ричард III». — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976, с. 229—232. Немецкий оригинал трагедии был установлен с помощью Ю. Д. Левина.

монологом Рихарда сделана помета: «трепеща». Английские имена в русском переводе большей частью искажены немецкой огласовкой: Рихард (Ричард), Рихмонд (Ричмонд) и т. д.

Сюжетно трагедия Вейсе лишь частично совпадает со знаменитой одноименной трагедией Шекспира. Действие начинается, когда Ричард уже стал королем. Его наперсником выступает Катеэби (сэр Вильям Кетсби у Шекспира), которому Ричард поверяет свой план убить малолетних племянников, законных претендентов на престол, и жениться на их сестре принцессе Елизавете. Честный министр Стэнли (Станлей в русском переводе) возмущается замыслами Ричарда и стремится им противостоять. Ричард совершает убийство. Однако в это время прибывает с войском Ричмонд, жених принцессы Елизаветы. Ричард погибает в сражении, а Ричмонд и Елизавета счастливо соединяются.

РИХАРД ТРЕТИЙ

Трагедия

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Рихард и Катеэби.

Катеэби

Какая, государь, печаль твой дух смущает?
Лишь только дневный свет казаться начинает,
То зрю, что к Туверу ^{а,1} ты тщишься поспешать;
Не должен ли с тобой я горесть разделять?
Что славы твоя недостает к пространству?
Ты счастье имел, народ привел к подданству,
Трепещут короли, услыша речь твою;
В погибели вотще спасают жизнь свою;
Когда они грозят, ты с тронов их свергаешь,
Себя на их места ты смело возвышаешь,
Но...

Рихард

Ты не знаешь, что с одра лишь я восстал,
Почувствовал, что сон мой разум колебал.

Катеэби

Возможно ль, государь?

а Темница в Лондоне. (Прим. переводчика).

Ужасное виденье!

Трепещут члены все, какое уверенье!
 Ты видишь сам теперь, что я еще дрожу.
 Внимай, Катезби, то, что я тебе скажу;
 Будь ты свидетелем, правдиво ль я страшуся,
 И почувствуй сам тот страх, которого боюсь.
 Вселенну всю уже покрыла темнота,
 И не видна была природы красота,
 Весь наслаждался свет глубокой тишиною;
 Один лишь я во сне не находил покою
 И в горести своей я отдохнуть желал,
 Как мною, наконец, желанный час настал.
 Лишь только я хотел покоить дух смущенный,
 Услышал близ себя я голос развращенный
 И в тот же самый час, как ужас сей терпел,
 Я теней множество вокруг себя узрел.
 Они, приближась все, бедой мне угрожали,
 С одежды их ручьи кровавы протекали.
 То были, коих я щадити не хотел
 И коих смертью корону я обрел.
 В числе том Генриха и с сыном² я увидел,
 И, проклиная их, я всех возненавидел.
 Хотел, чтобы они оставили меня;
 Но, ах! я зрел, что все терзались лишь, стена,
 И грозны на меня все взоры обращали;
 За ними Ваунган, Ривер и Грей³ стояли,
 Которые, свои мне раны показав,
 Вещали, сколько я пред ними был неправ!
 Но Генрих, наконец, сказал мне слово:
 «Мученье вечное тебе, Рихард, готово;
 За злобу скоро ты отмщенье будешь зреть,
 Приди в раскаянье, готовься умереть:
 Которы в Англии должны быть на престоле,
 Влекут тебя во гроб с собою поневоле.
 Достоин ты за злость во аде вечно быть,
 Когда ты не хотел невинных пощадить».
 Лишь только он сказал, как взоры их вспыхнули
 И с стоном все они Рихмонда⁴ называли.
 Три раза слышал я название его;
 Потом лишился я мучения сего.
 Они пропали все в ту самую минуту
 И рану сделали несносно мне и люту.
 Проклятый образ сей всяк час мне предстоял —
 Я за год каждую минуту почитал.
 Какую радость день в убийце производит,
 Который в мрачности всю жизнь свою проводит!

Я к Туверу спешил младенцев⁵ там узреть,
Которым от меня потребно умереть.
И, мучась бывшим сном, не преставал страшиться,
Что могут кем они неволи свободиться.
Но, вшед в темницу, я их зрел у ног моих,
Просящих у меня пощады дней своих.
Я их не умертвил: осталась лишь минута,
В котору обѣих их смерть постигнет люта.

К а т е з б и

Сон страшен, государь, но стоит ли того,
Чтоб столько ужасу терпел ты от него?
От бога счастлив ты, и кто тя устрашает?
Лишь взор ты обратишь, всем смерть твой взор являет.
И принцы, может быть, имея умысл злой,
В твоих руках теперь конец уж видят свой.
Всяк подданный тебе свою жизнь посвящает,
Какая же тебе опасность угрожает?

Р и х а р д

Младых сих принцев мать со дщерю своей...⁶
Когда б сия была во власти уж моей,
Тогда бы ничего я боле не страшился
И, верно б, весь сей страх мне в радость обратился.
Я грамотой ее сюда усильно звал.
Судьба! Подай, чтоб я ее не тщетно ждал!
Я здесь ее узрю и буду тем ласкаться...
Возможно ли сего когда мне дожидаться,
Чтоб мать ее презреть союз могла такой,
От коего ее зависит жизнь, покой?
Она своих детей ко смерти тем приводит
И гроб сама себе через сие находит.

К а т е з б и

Ты, верно, победишь...

Р и х а р д

Я снам смеяться б стал!
И все бы ложные мечты пренебрегал;
Ты, зря намеренье, сам знаешь, что в сем счастьее.
О, друг! имеешь ты немалое участие.

К а т е з б и

Возвысится ли тем хоть мало власть твоя?

Р и х а р д

Теперь хочу ее казати боле я.
Тебе известно то, с какою хитрой лестью
И побежденным зря себя жестокой местью
Из матерних я рук Эдварда с братом взял;
Но к подозренью ей я знаков не казал.
Он был уже король, а я защитник царства.
Всяк мнил, что я тогда для пользы государства
Лишил единого несчастну сына мать,
Стараясь ей всегда надежду подавать.
Но скоро трон его со славой разрушился;
Он с братом от меня в темницу заключился.
Тогда в народе я слух ложный сеять стал,
Что трон по правам им совсем не надлежал,
Что одного отца с отцем его имею,⁷
Но свету я всему свидетелей дать смею,
Что незаконно сей рожден отец его,
Хоть дедом он отца считает моего.
И тем я парламэнт принудил право кинуть,
Чтоб брата моего весь род совсем изринуть.

К а т е з б и

Сие намерение великий кажет дух;
Ты удивление и страх наводишь вдруг.

Р и х а р д

Мне много стоило труда быть на престоле,
Чрез лесть, чрез кровь и смерть умножил власть я боле,
Хотя я страшен был, но принц от всех любим:
Ты знаешь, сколь народ охотно служит им.
При выборе моем хоть все раби молчали,
Но в множестве людей иные возглашала:
«Да будет здрав Рихард, монарх наш и отец!...».
Хоть мало было их, я выбран наконец.

К а т е з б и

Теперь, о государь, ты Англией владеешь
И власть монаршую над нами ты имеешь;
Твой изостренный меч готов уж тех казнить,
Которые хотят прислужниками быть.

Р и х а р д

Но ты, любезный друг, не знаешь той напасти,
Которая грозит моей столь сильной власти.
За несколько пред сим ее лишь я узнал —
Сей страх мне путь к делам великим показал.
Ты знаешь, что Рихмонд здесь с войском будет вскоре;

Недавно перешел сей граф пространно море.
Бесстрашно идет, горд, он славою побужден...
О, если б войском он моим был побежден!
Я не страшусь его, но слышу речи света,
Что принцев обоих сих мать, Елисавета,
Желает дочь ему в супружество отдать.
Ты зришь, не должно ли у принцев жизнь отнять?
Чтобы Рихмонд лишен был права тем к короне
И что Ланкастер, Йорк не тщились к обороне.
В противном случае британцы мне отмстят
И твердый мой престол, конечно, разорят.

К а т е з б и

Трепещу, слыша то...

Р и х а р д

Я сколько ни стараюсь,
Но сей опасности столь сильной устрашаюсь.
Ты знаешь, что лишен супруги я своей,
И знаешь то, что я дал выпить яду ей.
Об ней жалею я, она меня любила;
Но гордость сей закон моя определила;
Ему я следовать, конечно, должен был:
В сих предприятиях меня он подкрепил.
О, если б принцев мать обманом сим прельстилась!
Победа бы моя над нею утвердилась,
С Рихмондовой бы я невестой вместе был
И принцев бы младых, конечно, умертвил.
Тогда б Елисавет престол мой защищала
И в смерти принцев сих спокойство заключала.

К а т е з б и

О, предприятие, достойное тебя!
И счастье леств сию венчает возлюбя.
Ты в трепет всех приттить от слова принуждаешь
И через то златой ты век нам возвращаешь.

Р и х а р д

Изменник что начнет, ты должен примечать
И в подозрении его ты должен взять,
Чтобы Станлей не мог...

К а т е з б и

Но се он пред тобою.

ЯВЛЕНИЕ II

Прежние и Станлей.

Станлей

Известно, государь, тебе да будет мною,
Что королева в сих находится местах.

Рихард

Ты вдруг тем произвел и радость мне и страх.
Одна ли здесь она иль с дочерью своею?

Станлей

Здесь обе, государь, и прочие все с нею.

Рихард

Победа, торжество, вспомоществуйте мне!
Хоть ненавижу их, но милы мне оне.
Смотри, Рихмонд, кому из нас быть на престоле!
Увидишь, чья из нас победа будет боле...
Но что же мнит она?

Станлей

Хоть слов я не слышал,
Но каждое слово вздох ее перерывал,
Из глаз она своих ток слезный испускала
И руки слабые на небо простирала.

Рихард

О, страха действие!...

Станлей

И дщери из очей
Быстрейший протекал горчайших слез ручей.
Какая красота в лице ее блистала!
Но на руках ее простерта мать лежала,
Которая, свою чрезмерно дщерь любя,
Возненавидела и презрила себя;
Но зря ее беды, очей не осушала
И кротость в сих бедах едва употребляла.

Рихард

Когда ты тронут тем, ты робок должен быть.

Станлей

Нет, я отечеству по смерть готов служить.

К а т е з б и

Что ж слез притчиной их?

Р и х а р д

К кому им днесь прибегнуть,
И могут ли они меня с престола свергнуть?
Но время слезное к ним скоро притечет —
Тот день несносную им горечь принесет.
Но был ли тут народ?

С т а н л е й

Веселье все казали
И колесницу их с стремленьем окружали,
Желая счастья им поднятьем рук своих.

Р и х а р д

А мне желали бед? Известна злость мне их.
Когда б хотя один. . .

К а т е з б и

Пускай все яд свой мещут,
Довольно, государь, коль от тебя трепещут.
Пускай и радость все, и злобу кажут вдруг.

С т а н л е й

Но всякий государь граждán быть должен друг.

Р и х а р д

Хотела ль знать о мне?

С т а н л е й

Ни слова не спросила;
Но, ток пуская слез, о детях говорила.
И только требует того лишь от тебя,
Чтоб в Тувере ей жить, детей своих любя.
«Довольна,— говорит,— коль с ними умираю».

Р и х а р д

Сим счастьем наградить я их обещаваю.

С т а н л е й

Лишь только я пошел принести им твой приказ,
То несколько они мне следовали раз;
Но Когинбург их тут старался удержати:

Иначе в Тувер бы могли они вбежати;
В груди сомнение им страх производил,
Что принцев обоих ты жизни уж лишил.

Р и х а р д

Конечно б, то свершил, когда б противны были,
Но наказания они не заслужили.
Пусть в Тувере один покой им отведут,
Но верный чтоб при них из подданных был тут.
Скажи, я показать ей принцев обещаю
И с ними говорить обеим позволяю. . .
Но что ж, Елисавет блистает красотой?
Скажи ей, сколь велик теперь к ней пламень мой!
Я милости хочу единой удостоить:
Отняв у принцев трон, хочу я ей присвоить.

С т а н л е й

Возможно ль, государь?

Р и х а р д

Я сделать то хотел
И, верно, б умертвить супругу пожалел.
Но разум мя к тому и должность возбудила;
Когда Елисавет то счастье заслужила,
То скоро всю печаль я в радость превращу
И гореть чувствовать ее не допущу.

С т а н л е й

Законно ль, государь, Елисавет родилась?

Р и х а р д

Хотя вся Англия о том уж известилась,
Что я Эдвардова отца тем объявил,
И что рожден отцем он незаконно был.
Но чрез нее Рихмонд имети право тщится,
Чрез что он своего оружия лишится.
Народу надобна врожденна суета,
И ею каждая вещь должна быть начата.
Когда ж из отраслей сих на одном корону
Хотят британцы зреть в свою днесь оборону —
Тогда исчезнути должна вся злоба их.

С т а н л е й

Но принцы. . .

Р и х а р д

Вся их жизнь теперь в руках моих.

Катезби

Мгновенно смерть их ждет.

Станлей (*тихо*)

Увы!

Рихард

Скажи без лести,
Какой Рихмондово достойно войско чести?
Какой несется слух об нем по сей стране?
И не готовятся ль беды жестоки мне?

Станлей

Я неизвестен в том, но все то подтверждает,
Что войны его уж близко приступают.

Катезби

Что слышу я теперь?

Рихард

Пусть ближе он идет —
Оружие мое совсем его ссечет.
Не должен над моим он войском величаться,
Но прежде перечесть, потом уже сражаться.
Нордфольк, Нордгумберланд и Сиррей идут к нам.
Он только наведет лишь страх одним женам;
Но скоро знаки я победы видеть чаю,
Я вам за принцами смотреть повелеваю.

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Катезби и Станлей.

Станлей

Что скажешь, друг наш?

Катезби

Но что ты хочешь знать?
Сих женщин стон мой дух не престаёт терзать.

Станлей

Тирана лютого жестокое злодейство
Во мне произвело прежалостное действо.
Жизнь кончить принцев он еще не предпринял,

Но не довольно ли он крови проливал?
О, принцы бедные! О, ты, великий боже!
Доколе не отмстишь ему как можно строже?

«III ДЕЙСТВИЕ. ОТРЫВОК ИЗ 6-го ЯВЛЕНИЯ»

К а т е з б и

Он подозрителен давно уж тем мне стал,
Что лестию к себе народ весь обращал.
А что тебе злодей, он сам мне открывался:
Иттить против тебя он смело воружался.
Вспомни, государь, как ты нам объявлял,
Что с королевою ты сделать предпринял.
Сколь дерзкими за то он поносил словами,
Что я служу тебе, и мне грозил бедами.

Р и х а р д

Станлей — изменник мне! ах, можно ль ожидать?
Представь его. . .

К а т е з б и

Погтись ты ярость удержать.

Но может ли нас сей изменник одолети?
Нам должно лестию ему расставить сети.
Он осторожен, мудр и прежде друг мне был,
Доколь о пользе он твоей со мною мнил.
Коль я пойду к нему, он умысл наш приметит
И с возмущенным сам меня он войском встретит.
Уж королеве он два раза повторял,
Что возвратится к ней, ее он уверял.
О, если б можно путь ему сей запретити
И, кровь его пролив, измену прекратити!

Р и х а р д

Исполню твой совет. Но коль умедлит он?
Поди, чрез лесть его представь ко мне пред трон.
Скажи, что прислан ты от королевы с вестью,
Чтоб в Тувер к ней пришел, клянись ему в том честию.
Кажись ты жалостным и грусть с ним раздели;
Потом в сей нежности ты сердце проколи.
Не буду уже я его тогда страшиться,
Когда от жизни сей он к мертвым преселится.
Имением его тебя я награжу;
Кто не щадил меня, я сам не пощажу.

К а т е з б и

Желание твое вотще я не оставлю,
Пойду и в торжестве к тебе его представлю.
Тогда казни врага, суд праведный любя:
Станлей уж мне не друг, коль предал он тебя.

Р и х а р д (один)

Но для чего ж мое столь сильно сердце бьется?
Я не страшусь, что кровь моей рукой прольется.
Враги спокойствия, величества враги...
Младенцы двое! ах! — но ты себя береги.
Одно меня теперь на жалость то приводит,
И только то одно мне слезы производит,
Коль дядею меня при смерти назовут
И на руки ко мне в отчаяньи падут.

<V ДЕЙСТВИЕ>

<ОТРЫВОК ИЗ 2-го ЯВЛЕНИЯ>

<Е л и з а в е т а >

Иду — должна иттить, хотя б ты стал стремиться
Пронзить кинжалом грудь — мой дух не устрашится.
Должна иттить туда, должна иттить сейчас.
Я слышала сама несчастных жалкий глас,
Пойду их ран смотреть и кровь, тобой пролиту,
Бесстыдный!...

Р и х а р д

Возвратись! Сама найдешь дверь скрыту.
Что хочешь? Не страшись, но только то ты знай,
Коль хочешь жить еще: меня не раздражай!
(Они подходят к двери, которая и отворилась.)

<ОТРЫВОК ИЗ 3-го ЯВЛЕНИЯ>

Что вижу я? иль их Тирель туда впускает?
К тому ль его избрал? — Тирель мне изменяет!
О, малодушный враг! О, дерзостный злодей!
Он жив еще, и мне изменник в тайне сей!
Лишь только жалостный он детский вопль услышал,
Меч пал из рук его, из мужества он вышел;
Колена преклоня, об них меня просил:
Когда б не я, то б он в них меч свой не вонзил.
Лишь только вышел я, он мне уж изменяет,

И прѳотиву меня столь дерзко поступает!
Приказ мой пренебрег — им двери отворил
И к детям мертвым он стеньящу мать пустил.
Все изменяют мне, и все мя ненавидят,
Но пусть они сие позорище увидят,
Пускай лиется кровь ручьями принцев сих!
Довольно: не страшусь совсем я гневу их.
Со трепетом от них сидел я на престоле,
А днесь ни от кого не зрю препятств уж боле.
Но что за жалкий вопль пронзает днесь мой слух?
Давно уже, давно из тел их вышел дух,
И к жизни уже им ни малого нет следу...
Катезби!...

«ОТРЫВОК ИЗ 4-ГО ЯВЛЕНИЯ»

Р и х а р д и К а т е з б и (*вшел скоро*).

Р и х а р д

Кто из нас, кто одержал победу?

К а т е з б и

Погибли мы совсем.

Р и х а р д

Погибли! ах, злодей!

К а т е з б и

Погибли, и Станлей...

Р и х а р д

Где скрылся варвар сей?

К а т е з б и

Ушел... Но нам судьба ужасна угрожает,
И воинство твое назад все отступает,
Станлеев брат...

Р и х а р д

Увы! Но можно ль то стерпеть?
Вы все должны теперь от рук моих умереть.
Станлеев брат...

В Петербурге пьеса «Ричард Третий» (на немецком языке) впервые была поставлена 23 октября 1779 г.

¹ «Тувер» — Тауэр. Примечание отсутствует в немецком оригинале.

² «Генрих с сыном» — король Генрих VI и его сын Эдуард, убитые Ричардом.

³ «Ваунган, Ривер и Грей» — сэр Томас Воган, граф Риверс, брат королевы Елизаветы, и лорд Грей, ее сын от первого брака; все они были казнены по приказу Ричарда.

⁴ «Рихмонд» — Генрих, граф Ричмонд, впоследствии король Генрих VII, жених принцессы Елизаветы.

⁵ «Младенцы» — сыновья Эдуарда IV и королевы Елизаветы: Эдуард, принц Уэлльский, и Ричард, герцог Йоркский.

⁶ «Младых сих принцев мать со дщерию своей» — имеются в виду вдовствующая королева Елизавета и ее старшая дочь принцесса Елизавета.

⁷ «Что одного отца с отцем его имею» — речь идет о брате Ричарда, умершем короле Эдуарде IV, отце малолетних принцев. Ричард распространял версию о том, что Эдуард был незаконнорожденным, чтобы оспорить право на престол у его детей.

М. Л. НЕВАХОВИЧ

«ЭДУАРД XII, КОРОЛЬ АНГЛИИ»

Публикация Ю. Д. Левина

Автор публикуемой пьесы-пародии Михаил Львович Невахович (6 VI 1817, Варшава—23 VIII 1850, Одесса),¹ известный в свое время петербургский художник-карикатурист, был сыном литератора Л. Н. Неваховича (1776—1831), переехавшего в Петербург из Варшавы и опубликовавшего несколько философских, богословских и критических сочинений, а также драму «Суллоты, или Спартанцы XVIII столетия» (1809), которая с успехом шла в петербургском театре. Старший брат карикатуриста, Александр Львович Невахович (ум. в конце 1880-х годов), драматург и переводчик, служил начальником репертуарной части императорских театров.

М. Л. Невахович с 1829 г. учился два года в Горном корпусе, затем в разное время служил в Курляндском уланском полку, в Сумском и Клястечком гусарских полках и в 1841 г. был по болезни уволен в отставку с чином штаб-ротмистра. Он поселился в Петербурге и в 1842 г. женился на известной танцовщице Т. П. Смирновой.

Невахович не получил специального художественного образования и самоучкой начал рисовать карикатуры и шаржи, которые пользовались успехом в петербургском обществе. В 1845 г. у него возникает идея создания

---

¹ См. о нем: Лонгинов М. Некролог М. Л. Неваховича. — Современник, 1850, т. XXIII, № 10, отд. VI, с. 206—209; Максимов Г. М. Свет и тени петербургской драматической группы за прошедшие тридцать лет (1846—1876). СПб., 1878, с. 131—139; Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах. — Исторический вестник, 1890, т. XL, № 4, с. 103—113; Иммертинский Н. К. Из записок старого преображенца. — Русская старина, 1893, № 4, с. 42—43; Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972, с. 33—34; Русский биографический словарь («т. XI». «Нааке-Накенский—Николай Николаевич Старший»). СПб., 1914, с. 166—168; Тевяшов Е. Н. Описание нескольких гравюр и литографий. СПб., 1903, с. 146—153; Коростин А. Ф. Русская литография XIX века. М., 1953, с. 39—40, 132.

периодического карикатурно-юмористического сборника, и в следующем году он начал выпускать такое издание — первый русский иллюстрированный сатирический журнал под названием «Ералаш». Всего вышло 16 выпусков журнала, в которых отражались различные стороны петербургской общественной жизни, литературы, искусства. Особым успехом пользовался шарж Неваховича «Шествие в храм Славы» (1846), в котором были изображены в карикатурном виде известнейшие писатели того времени. Заглавие «Ералаш» и социально острые вопросы: винные откупа, показную филантропию, проделки аферистов и т. п. «Невахович бесспорно имеет право на имя первого русского карикатуриста в смысле современного, — утверждал М. Н. Лонгинов. — Конечно, „Ералаш“ нельзя назвать совершенным; но вспомним, что это было *первое* русское издание в своем роде и уже породило подражателей. Вспомним то богатство колкой остроты и неподдельной веселости, которое рассеяно в листах „Ералаша“, и подивимся этому неисчерпаемому юмору».² А по выходе первых выпусков журнала рецензент «Библиотеки для чтения» заявил: «Признаюсь, мне очень понравилась эта поэзия в картинках, умная, толковая поэзия, написанная черным карандашом и белыми стихами. Что перед ней наша рифмованная проза, которая всем надоела, так что даже дева, луна и мечта перестали ее читать?»³

В 1849 г., в пору «цензурного террора», «Ералаш» был закрыт властями за «предосудительное направление».

Другое сатирическое издание Неваховича — «Волшебный фонарь», альбом карикатурных листов, выпускавшихся в виде приложения к «Литературной газете» (редактор В. Р. Зотов) в 1848 г. Однако вместо намеченных 52 листов было выпущено только 16, после чего печатание их прекратилось, видимо, также из-за цензурных препятствий.⁴

Пьеса «Эдуард XII, король Англии» была написана Неваховичем для «Ералаша». Зотов называл ее: «историческая хроника в пяти действиях, в стихах, с маршами, пожарами, сражениями, разрушением хижины и великодушным спектаклем» — и вспоминал, что к этой хронике Невахович «составил целую серию карикатурных сцен и рисунков, которыми хотел занять целый выпуск „Ералаша“ 1849 года».⁵

Внешне «Эдуард XII» осмеивал исторические пьесы Шекспира. На это должны были указывать и ремарка: «Действие происходит в Англии во времена междоусобий», и псевдоанглийские имена действующих лиц (в частности, «герцог Глостерский», имитирующий английское написание имени Глостера — Gloucester), и реплика герцога Глостерского: «А мне скорей — коня! коня!», пародирующая известный воаглас Ри-

² Современник, 1850, т. XXIII, № 10, с. 207.

³ Библиотека для чтения, 1846, т. LXXVI, № 5, отд. VI, с. 2.

⁴ Подробнее об этом см. в нашем комментарии к письмам М. Л. Михайлова к В. Р. Зотову (Литературный архив, т. VI. М.—Л., 1961, с. 139—140).

⁵ Исторический вестник, 1890, т. XL, № 4, с. 111. Там же (с. 111—113) приведены первое действие и пересказ остальных действий пьесы. Зотов ошибочно назвал пьесу «Эдуард CXII». Эта ошибка повторена в нашей статье «Шекспир и царская цензура» (Звезда, 1964, № 4, с. 202).

чарда III (в прошлом — герцога Глостера) в одноименной хронике: «Коня! коня! Все царство за коня!».⁶

Однако Шекспир был внешней завесой. В действительности пародия имела другой адрес. Зотов в своих воспоминаниях прямо указывал, что Невахович «написал остроумную пародию на исторические и драматические фантазии, поставляемые Кукольниковом и его последователями».⁷ И, конечно, заключительный выход герцога Глостерского со словами:

Отечество, спаслось ты от врага!
Не будет больше здесь его нога! —

должен был вызывать ассоциации не с шекспировскими хрониками, а со знаменитой казенно-патриотической драмой Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», которая нравилась Николаю I и прославлялась официозной печатью.

Напечатать свою пародию Неваховичу не удалось. В. Р. Зотов писал об этом: «Цензура запретила и пьесу, и рисунки. Напрасны были и переделки названия в „Герцога Глостерского“, и совершенное исключение из трагедии короля, его наследника, цареубийства: во Франции, в Германии, в Австрии вспыхнули революции, и потому русская цензура сделалась строгой до абсурда. В ней тоже произвели своего рода революцию — только в реакционном направлении — Мусин-Пушкин, цензоры Елагин, Фрейганг и другие достойные их сподвижники».⁸

Автограф «Эдуарда XII» сохранился в архиве В. Р. Зотова, в той его части, которая поступила в Рукописный отдел ИРЛИ в составе собрания П. Я. Дашкова (ф. 93, оп. 2, № 177, л. 4—9).

ЭДУАРД XII, КОРОЛЬ АНГЛИИ

Большая историческая трагедия в стихах в V действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдуард XII, король Англии.
Принц Валийский, сын его.
Герцог Глостерский.
Герцог Йоркский.
Лорд Грей.
Граф Кентенбури.
Граф Пенденмури.
Лорд Диндерлаво.
Лорд Адмиралтейства.
Граф Эссекс.
Кромвель.

⁶ Цит. по переводу, который мог иметь в виду Невахович: Шекспир. Перевод с английского Н. Х. Кетчера. Ч. III, вып. 9. Ричард III М., 1842, с. 153.

⁷ Исторический вестник, 1890, т. LX, № 4, с. 111.

⁸ Там же, с. 113.

Лорд Рамберлей.

Лорд Финдерлей.

Лорд Диндерлей.

Гордон }
Андерсон } офицеры герцога Йоркского.

Синктон, доктор Эдуарда XII.

Принцесса Кларенская.

Агнесса, ее наперсница.

1 }
2 } часовые.

Старец.

1)
2)
3)
4) } гонцы.
5)
6)
7)

Члены парламента. Офицеры. Войны. Народ.
Музыканты.

Действие происходит в Англии во времена междоусобий

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет лес; вдали виден дворец. Слышен звук труб.

На правой стороне скамья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глубокое молчание продолжается десять минут. 1-й и 2-й часовой.

1 часовой

Зачем бог создал часовых?

2 часовой

Чтоб на часах стояли.

1 часовой

Когда же не было бы их?

2 часовой

Тогда часов бы мы не знали.

Перемена декорации. Зала. По левой стороне два стула, стол. По правой трон, а над троном портрет короля. Вдали ходит часовой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С правой стороны входят Принцесса и ее наперсница.

Принцесса

О милый мой отец! —
Страдает твой птенец.

Наперсница

Принцесса!..

(Принцесса убегает налево, за ней следует наперсница.)

Перемена декорации. Лагерь. На левой стороне скамейка. На правой дерево. Войны спят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцог Глочестерский, лорд Грей входят с правой стороны.

Герцог

Как дни жестоко знойны,
Проснитесь, мои войны.

Лорд

Как наши войны
Теперь все крепко спят,
И как они стройны,
Когда врагов разят.

(Войско просыпается. Герцог и лорд уходят налево.)

Перемена декорации. Галерея. По ней ходит часовой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Принцесса вбегает с правой стороны, за ней ее наперсница.

Принцесса

Ах! Боже мой!
Что станет со мной!

Наперсница

Принцесса!..

(Убегают налево.)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет залу во дворце. Направо трон. Налево стоят скамейки.
Вдали ходит часовой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эдуард XII, Принц Валийский, герцог Глочестерский, лорд Гастингс, лорд Кентенбури, граф Эссекс, граф Пенденмури, лорд Адмиралтейства, лорд Грейг, лорд Диндерлаво, Кромвель, члены парламента, войны и народ.

Эдуард XII (*сидясь на трон*)

Враги тревожат нас.

Лорд Адмиралтейства
Ваше величество! да-с!

Принц Валийский
Их надо истребить.

Герцог Глочестерский
На части раздробить.

Эдуард XII
О боже! помоги! —
Герцог! всех их истреби! —

Народ и войны
Ура! Ура! да здравствует король!

Перемена декорации. Сад. Вдали дворец, слышен звук труб, часовой ходит.
Принцесса и наперсница входят с правой стороны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Принцесса
Когда враги воюют,
Они вот здесь пируют!

Наперсница
Принцесса!
(*Убегают налево.*)

Перемена декорации. Внутренность покоев герцога Глочестерского. Часовой входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцог Глочестерский и лорд Грей.

Герцог

Врагов Отечества намерен я губить,
Ее же я век хочу любить!

Лорд

Герцог! остановитесь,
В любви ей не клянитесь.

Герцог

Я трепет сердца ощущаю,
Отечество же защищаю.

(Уходят налево.)

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Лагерь герцога Йоркского. Войны спят в разных положениях. Налево скамейка. Слышны удары грома.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Герцог Йоркский, лорды: Рамберлей, Финдерлей, Диндерлей. — Гордон, Андерсон.

Гордон

Ваше высочество! здесь сильно дует.

Андерсон

Да! ветер сильно тут бушует.

Герцог Йоркский

Ничего! Гордон — подай вина.
Погода скверна — не беда!
Лишь бы врагов нам усмирить.
За гибель их — мы будем пить.

Лорд Диндерлей

Ты так сказал, великий предводитель.

Лорд Финдерлей

Всея Англии ты избавитель!

Перемена декорации. Комната Принцессы. Вдали ходит часовой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Принцесса

Долго ль нам еще страдать
И ночи целые не спать?

Наперсница

Принцесса.

(Убегают налево.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Перемена декорации. Лес. Налево скамья, направо вход в пещеру.
Старец выходит из пещеры.

Старец

О Англия! несчастная страна!
Теперь что делает она?
Потоки крови проливает
И дружбу, братство забывает!

(При этих словах из-за куста выскакивает Пенденмури и убивает старца. В это время из пещеры выбегает Гордон и закалывает Пенденмури. В ту же минуту выбегает Кентенбури и убивает Гордона. Раздается удар грома, и Кентенбури падает, пораженный молнией. Пещера загорается. Вдали виден часовой.)

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зала во дворце, вдали двое часовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принцесса, наперсница, доктор Синктон,
лорд Адмиралтейства.

Принцесса

Что король?

Доктор

Его не укротилась боль.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и принц Валийский в глубоком трауре в сопровождении свиты.

П р и н ц

Король сейчас скончался.

Лорд Адмиралтейства (*в сторону*)

В этом я не сомневался.

П р и н ц е с с а (*рыдая*)

Его лишилась я, Агнесса.

Н а п е р с н и ц а

Принцесса! . . .

(*Уходят налево.*)

Перемена декорации. Внутренние покои принца Валийского. Ходит часовой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П р и н ц В а л и й с к и й (*в парадном платье*) и лорд Адмиралтейства.

П р и н ц

Англии королем я буду
Услуги ваши не забуду!

Лорд (*закальвает принца*)

Умри, отцеубийца!

(*В это время вскакивает в окно лорд Гастингс и закальвает лорда Адмиралтейства.*)

Лорд Гастингс

Умри! цареубийца!

(*В эту минуту вбегают лорд Финдерлей и закальвает Гастингса.*)

Лорд Финдерлей

Умри! човекоубийца!

Бросается из окна, слышен за кулисами стон.

Перемена декорации. Спальня принцессы, посреди комнаты кровать, вдали часовой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Принцесса и наперсница.

Принцесса

Прости! любимая страна,
Где я малюткой рождена.

Наперсница

Принцесса! . .

Принцесса

Ах, Агнесса!
Во Францию ты удались
И о душе моей молись!

Наперсница

Принцесса! . .

Принцесса

Милая Агнесса,
В груди моей уж яд разлился,
Страдаю я ужасно — ох!
Перед глазами мрак разлился,
Я умираю! — о мой бог!

(Падает и умирает.)

Наперсница

Принцесса! . .

(Убегает налево.)

Конец четвертого действия.

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Лагерь герцога Глостерского, войны **спят**, расцветает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из палатки выходят герцог, лорд Грей и несколько офицеров.

Герцог

Настал уже рассвет,
Еще ли день для новых бед?
Отечество, что сталося с тобою?
Мучимо ты ужасною судьбою!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и 1 гонец.

1 гонец

Ваше высочество! Солнце уже заходит
И герцог Йоркский к нам подходит.

Герцог

Велите войску выступать
И битвы место указать.

(Гонец удаляется.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и 2 гонец.

2 гонец

Ингерманланд ранен в ногу,
Но жив он — слава богу.

Герцог

Я радуюсь, что он
Не будет пищею ворон.
Скажи, чтоб шел скорей направо
И дрался бы, как храбрый Диндерлаво.

(Гонец удаляется.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и 3 гонец.

3 гонец

Неприятель подступает,
А где он — никто не знает.

Герцог

О демоны! что станет со мною?
Трубите в трубы! войны к бою!

(Гонец удаляется.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и 4 гонец.

4 гонец

Неприятель на носу!

Герцог

Страм этот я в могилу унесу.
Ступайте все скорее в бой. (*К лорду Грейю*)
А ты, друг мой, останься же со мной.

(*Войско уходит налево при звуке труб.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Герцог

Любовь ее вовеки не забуду
И верен ей до гроба буду.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и 5-й гонец.

5 гонец

Враг в двух шагах.

Герцог

Держите меч в моих руках.
Друзья, умрите вы, врага кляня,
А мне скорей — коня! коня!

(*Лорд Грей и гонец уходят налево, а герцог берет щит и меч у оруженосца и убегает направо.*)

Перемена декорации. После сражения, Герцог Йоркский и вся его армия убита.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Герцог Глочестерский выходит с правой стороны и становится на колени.

Герцог

Отечество, спаслось ты от врага!
Не будет больше здесь его нога!

Войско кричит ура. Трубы трубят. Занавес опускается.

Конец.

А. Н. МАЙКОВ

ПИСЬМА

Публикация И. Г. Ямпольского

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся многие сотни писем А. Н. Майкова. Большинство из них обращено к родным — жене, сыновьям, но немало и к другим лицам, в том числе к видным писателям того времени. Для настоящей публикации отобраны письма к друзьям-литераторам и знакомым, относящиеся к 1840—1860-м годам. Они насыщены интересными автобиографическими признаниями, высказываниями о собственном творчестве, об искусстве вообще, характеризуют его литературные и общественные взгляды в их эволюции. В следующей публикации, которая явится продолжением этой, предполагается напечатать письма Майкова 1870—1890-х годов.

Майков неоднократно утверждал, что не владеет эпистолярным стилем. «Писем писать не умею, хоть очень люблю получать их», — сообщает он Н. Ф. Щербине в начале 1850-х годов (ф. 351, № 7076.XXXVI6.60). Через много лет Майков пишет А. А. Голенищеву-Кутузову: «Я уверен в том, что писем писать не умею и терпеть не могу» (16662.CVII6.7).¹ Однако его неопубликованное и неизученное эпистолярное наследие не подтверждает столь категорических суждений. Многие письма не только интересны по содержанию, но и написаны очень живо, ярко и эмоционально.

Майков был весьма требователен к себе. Об этом свидетельствуют обильные черновики, в которых отражена настойчивая работа над воплощением замысла, скрупулезная работа над каждым словом (после публикации своих произведений поэт сравнительно редко занимался их переработкой), немалое количество брошенных по разным причинам стихотворений, завершенные, но так и не напечатанные, не удовлетворявшие его вещи.

Знакомство с перепиской поэта начисто разрушает довольно распространенное представление о его самоуспокоенности, уверенности в себе

---

¹ Далее всюду, где не обозначен номер фонда, имеется в виду фонд 168 — архив Майкова.

и душевной умиротворенности. Если это в какой-то мере и было ему свойственно, то во всяком случае не в 1840—1860-е годы. Об этом говорят, в частности, и весьма критические оценки собственного творчества.

Так, в 1855 г. Майков пишет А. Н. Островскому, что, разбирая свои бумаги, пришел к выводу, что за исключением драмы «Три смерти» у него нет ничего подлинно хорошего: «...от этого мне сделалось очень грустно; все не выдержано, незрело, есть попытки, задатки чего-то художественного, но ничего полного, готового, словом, хорошего». О том же свидетельствует письмо к М. П. Заблочному-Десятовскому, в котором Майков кроме «Трех смертей» выделил еще несколько стихотворений.

Эта неуверенность, строгость Майкова к самому себе сказалась также при подготовке первого собрания стихотворений, вышедшего в двух томах в 1858 г. Он сожалеет, что люди, которые могли бы ему помочь советом (П. А. Плетнев, Я. П. Полонский), находятся далеко, за границей. Сомнения и колебания поэта заключались в следующем: издать ли избранные свои произведения или полное их собрание. Но когда Плетнев предпочел последний вариант, Майков все же не последовал его совету и многое, очень многое оставил за пределами издания.

Бесспорный интерес представляет и то обстоятельство, что Плетнев рекомендовал «заплатить дань современным требованиям, т. е., сколько можно, расположить все строго хронологически»; однако Майков пренебрег и этим советом, поскольку он противоречил его эстетическим представлениям. И в издании 1858 г., и в последующих собраниях сочинений произведения распределены по жанрово-тематическим циклам и разделам. Отмечу попутно, что и позднейшие издания отнимали у Майкова немало времени и усилий; он дополнял те или иные циклы и разделы, переносил стихи из одного в другой, менял названия разделов — и все же оставался недо-волен.

В одном из публикуемых ниже писем — в письме к критику С. С. Дудышкину — Майков дает характеристику своего творчества, говорит об особенностях своего лиризма, его сдержанности, о том, что лиризм, как правило, не выплескивается наружу, а присутствует, так сказать, в скрытом виде. «Странное еще это чувство объективности, — делится поэт своими мыслями. — Верь мне, что каждая пьеса, хотя бы она взята была из чуждого мира, возникла вследствие личного впечатления, положения и чувства, но во мне есть способность личному впечатлению дать эпическую важность и восторг, волнение и слезы, сопровождающие рождение всякой почти пьесы, скрыть под спокойным и живописным стихом».

Майков сознательно, аналитически относился к собственному творчеству, и приведенные выше соображения не были у него случайными. Он болезненно реагировал на упреки в холодности, хотя и сам подчас с горечью отмечал отсутствие «личного участия и чувства» (в письме к М. П. Заблочному-Десятовскому) в своих ранних, антологических стихотворениях. Однако еще в начале 1840-х годов в одном из его стихотворений (16474.СВБ.3, л. 8) мы встречаем следующее программное заявление:

Ты говоришь: в стихе моем
Огня сердечного не блещет,
Он жаром чувства не трепещет,

Он' дышит холодом и льдом...
Напрасен сей упрек жестокий...

И дальше:

Не обнаружу перед светом
Святую исповедь любви.
Я не могу в ней лицемерить,
Я чувство пылкое храню,
Подобно Вестину огню

Я не могу, подобно многим.
Разбить шалаш на площади
И всем творениям двуногим
Кричать: пожар в моей груди!
Придите, можете увидеть,
Как я умею изнывать,
Любить, терзаться, проклинать,
Боготворить и ненавидеть
и т. д.

В этой сдержанности поэт склонен был видеть своеобразную целомудренность. Уже в конце жизни, в 1893 г., он пишет сыновьям: «Меня <...> упрекали в холодности, главное указывая на то, что нет у меня любовных стихотворений <...> Но о любви своей мне всегда было писать и говорить стыдно. Что кому до этого за дело! Каждого пускать с своим носом к себе в сердце!» (17003.CVIIIб.10, л. 29 об.—30). И еще через три года: «Вообще то, что вам представляется, может быть, во мне зрелостью ума, есть плод многого горького опыта, очарований и разочарований, и „взгляды и убеждения“ сложились не без внутренних бурь и потрясений. Только мне всегда стыдно было их обнаруживать в стихах, ибо мне всегда противны были как байроновские проклятия, так и лермонтовские: „И скучно, и грустно, и некому руку подать“. Но все это легло в основу совершенно объективных образов и лиц» (17892и.CXIб.4, л. 53 об.—54). В письме к сыновьям от 1890 г. Майков говорит, что он «все *свое* облакал в объективную форму» и «все личное», которое являлось подпочвой стихотворений, изгналось «как лишнее, ненужное никому».²

В письмах отразились и менявшиеся в связи с ходом русской жизни политические настроения Майкова. В начале царствования Александра II в письме к М. П. Заблоцкому-Десятовскому поэт сообщает, что в 1840-е годы «не вел ни журнала, ни переписки <...> находясь под страхом внезапного взлома замков и осмотра жандармского». «Ох, тяжелое время! сколько развития и жизни у нас украдо оно! и подумать страшно», — восклицает он. И многое в своем творчестве — обилие «выдуманного», далекого от русской жизни, наличие произведений «с недосказанною мыслью» — Майков объясняет «гнетом <...> и господством кривды и всех мерзких правительственных систем, которые до того возбудили ненависть к существующему порядку вещей», что писатели «сделались неспособны к преследованию чистых целей искусства». Самое обращение к древнему миру, к античной культуре Майков связывает с цензурными условиями. Разумеется, и это

² Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 27.

и все прочее нуждается в проверке и уточнении, в выяснении того, таково ли действительно было душевное состояние Майкова в 1840-е годы, насколько устойчиво оно было, или здесь в большей степени сказалось его позднейшее самочувствие. Однако в любом случае признание эти представляют бесспорный интерес.

В годы «мрачного семилетия» Майков, как известно, резко поправел. Ближе всего становится ему «Москвитянин» М. П. Погодина, и не только его «молодая редакция» во главе с Ап. Григорьевым и Островским (теплые слова о «молодой редакции» см. в письме Майкова к Пестелеву). В годы Крымской войны он прославляет в стихах и в письмах Николая I и резко отмежевывается от круга «Современника».

Однако с началом нового царствования его симпатии опять меняются: он с сочувствием отзываясь о программе предпринятых правительством реформ. В письме к Я. П. Полонскому от 2 марта 1858 г. Майков характеризует эти годы как «эпоху, когда правительство само пустилось по спасительному пути реформ и призывает само все разумные силы нации к открытию мер для осуществления идей, за которые некогда гнало». Конечно, либерализм Майкова носит весьма умеренный характер. Он считает, что теперь во главе журналистики стоит «„Русский вестник“, как живой орган общественно-политической мысли разумной России». Не следует, однако, забывать, что это был «Русский вестник» первых лет его существования, когда на его страницах появились «Губернские очерки» Щедрина.

Но общественная дифференциация в бурную эпоху шестидесятых годов шла очень быстро, и Майков совершает эволюцию вместе с «Русским вестником» Каткова. Напуганный ростом революционного движения, он через несколько лет (в мае 1862 г.) пишет новгородскому педагогу и поэту И. П. Можайскому о «мерзостях петербургской жизни», среди которых на первом месте фигурируют «утопические взгляды», т. е. революционные теории, господствующие в петербургских кружках. Питательной почвой для распространения этих взглядов является, по утверждению Майкова, незнание русской истории и русского народа, а их крайним проявлением — революционные прокламации. Одну из них — «Молодую Россию» — он с ужасом пересказывает. Справедливости ради нужно отметить, во-первых, что «Молодую Россию» без всякого сочувствия встретили и многие передовые люди, а во-вторых, что в число «мерзостей петербургской жизни» Майков включает также «безмозглых стариков», которые раздражают порядочных людей, «грубо проводя шпионство в дома посредством прислуги, что, разумеется, тотчас становится известно».

Аналогичные мысли о «мальчишках»-революционерах и «старцах» находим в письме к Ч. Валиханову (начало 1863 г.).

Проходит еще некоторое время, и всякие оппозиционные настроения вовсе исчезают у Майкова, и его реакционные политические взгляды приобретают вполне устойчивый характер. Это происходит в конце того периода, к которому относятся публикуемые письма. В 1887 г., мысленно обращаясь к шестидесятым годам, Майков так писал своему сослуживцу и биографу М. Л. Златковскому: «Сначала никто не замечал, однако, что в этом, так сказать, легальном освобождении от всяких пут кроется еще иная струя, выродившаяся в прокламациях Чернышевского и Добро-

любова» к Молодому Поколению, в романе „Что делать?“, в пожарах, в польском бунте. Последний был новым отрезвлением. Нет, господа, не то, не туда! Господи! где же правый путь! Тогда не замечали, что правитель«ельство» само пошло по этому наклону и барьер здесь чисто идеальный, и если остановишься, то ты ретроград — катись, катись в бездну. Пожары, польский бунт, Каракозов заставили одуматься правит«ельство»».³

С политической эволюцией Майкова во многом связаны его литературные взгляды и оценки. В годы близости к передовым кругам он написал поэмы «Две судьбы» и «Машенька» (1843—1845). Впоследствии поэт резко осуждал их как надуманные и тенденциозные и ни разу не включил в собрания своих сочинений. Были осуждены как тенденциозные и казенно-патриотические стихотворения, написанные в годы Крымской войны, и их постигла та же участь. Тенденциозное искусство стало для Майкова жупелом.

Интересно, что в письме к Заблочному-Десятовскому, негодуя по поводу гнета, господствовавшего в николаевской России, Майков замечает, что ненависть к существующим порядкам делала писателей «неспособными к преследованию чистых целей искусства». С этими словами перекликается высказывание Майкова в письме к Я. П. Полонскому 1858 г. о правительственных реформах. Логика его мысли такова. В эпоху реакции литература поневоле была оппозиционной и тенденциозной. Теперь же, «когда всё более и более стремится стать в нормальное положение, и литература должна найти свое место в обществе и искусство должно предъявить свои права, чтобы течь параллельно к жизни народа со всеми другими его силами». Теперь литературная дидактика и обличение потеряли, по его мнению, всякий смысл. «Я читать не могу стихов теперь, где, кроме задирательной идеи, ничего нет. А уж рассказы об исправниках — мочи нет! Двадцать рассуждений бы прочел лучше о преобразовании земской полиции, чем одну такую повесть». Характерны с этой точки зрения и отзывы о Щедрине. Майков готов признать в «щедринской литературе» (он не проводит грани между «Губернскими очерками» и их подражателями) важное общественное явление, но никак не явление искусства (письмо к Полонскому от 7 октября 1857 г.). В этой связи следует рассматривать и план чисто литературного журнала и стремление превратить в такой журнал задуманное тогда «Русское слово». В качестве главного критика Майков рекомендует Ап. Григорьева, который, по его мнению, «все-таки лучший из современных критиков, и единственный, чистосердечно любящий искусство. Чернышевский — публицист, Дудышкин — юрист в эстетике, а критик, в котором бы сидел хоть маленький поэт, не имеется, и посреди молодых не предвидится» (письмо к Полонскому 1858 г.).

Развивая план журнала, в котором «художественный элемент должен быть <...> главным», Майков сочувственно упоминает редактора «Библиотеки для чтения» А. В. Дружинина: «Дружинин это понял, но у него нет сил одному поддержать это». Литературно-эстетические взгляды Дружинина были вообще во многом близки Майкову, даже ход мыслей у них сходен. Через полгода после письма Майкова в статье по поводу «Очерка

³ Беловой текст этого письма не сохранился. Черновой автограф — 17304.CIX.6.11.

истории русской поэзии» А. Милюкова Дружинин подобно Майкову писал, что «поэзия во время застоя общественного может быть общественным побудителем и двигателем, но <...> никакой закон не удержит ее в области одних насущных интересов житейских, чуть для этих интересов будет открыто широкое поле в государстве». Именно так, считал он, обстоит дело «в наше благотворное время»; в обществе, вступившем на «широкую стезю плодотворных реформ», должен быть положен «естественный предел сатире» и возвращена поэзии «вся ее независимость от интересов случайных <...> Общество настолько созрело, что от беллетристики и поэзии ждет одних умственных наслаждений».⁴

Меняются и оценки творчества Некрасова. К середине 1850-х годов относятся отзывы о поэмах «Саша», которую Майков считает «лучшей его вещью и всей современной поэзии» (письмо к Заблочкиму-Десятовскому), и «Тишина». «Тишину» он причисляет к выдающимся литературным явлениям, о которых, однако, ничего не пишут (письмо к Полонскому 1858 г.). Без сомнения, «Саша» и «Тишина» пришлись Майкову по душе прежде всего потому, что в них, помимо их художественных достоинств, он увидел произведения нетенденциозного искусства. Через несколько лет, касаясь направления возобновившегося «Современника», Майков с неприятно пишет о двуличии Некрасова-редактора (письмо к Ч. Валиханову). Правда, и в 1860-е годы, в письме к Б. Н. Алмазову, он признает, что из всех современных поэтов Некрасов «ближе всех был к почве», но сопровождает это утверждение такими оговорками, которые почти сводят его на нет: Некрасов, по его словам, знал русского крестьянина, но «без исторических корней», без понимания его прошлого, его религиозного духа и пр. Здесь же Майков дает краткие, но по-своему выразительные характеристики творчества других современных поэтов — Фета, Полонского, Мея.

Письмо к Алмазову написано по поводу присланных Майкову стихов какого-то начинающего поэта. Размышляя на тему о том, как развить его способности, считая, что этого можно достигнуть только «трудом и терпением, наукой и знанием», Майков обращается к своему любимому Пушкину. Майков не раз говорил, что преклоняется перед зрелым Пушкиным, Пушкиным конца 1820-х и 1830-х годов. «Как хорошо бы было, — пишет он, — если б молодые начинали тем, чем кончили старые. Пушкин кончил „Борисом Годуновым“, „Медным всадником“, „Русалкой“ и пр. Это уже не байронический „Кавказский пленник“, „Цыгане“ и пр. Перелом — в „Полтаве“. Но вы Пушкина не поймете, если не примете в соображение его исторических трудов — „Пугачевского бунта“ и цветка, распутившегося на этом труде, — „Капитанской дочки“. Лермонтов шел сюда же». Характерно, что Майков не назвал «Евгения Онегина».

Разумеется, оценки и характеристики Майкова, равно как и его суждения о «почве» и истории, связаны с его личными исканиями, с собственным путем в поэзии (Майков несомненно считал себя наиболее близким к пушкинским заветам, хотя никогда не говорил об этом открыто). Но они представляют интерес и сами по себе, независимо от этого.

---

⁴ Библиотека для чтения, 1858, № 11. См. также: Дружинин А. В. Собр. соч., т. 7. СПб., 1865, с. 472—473, 477.

Заслуживают внимания отзывы Майкова о «Рудине» Тургенева и «Трех смертях» Л. Толстого (письмо к А. Ф. Писемскому). В них тоже, естественно, сказываются личные вкусы и пристрастия. В «Рудине» Майков выделяет «дух примирения», который «приятно действует на душу», и «предпочтение, отданное сердечной натуре перед головной». «Три смерти», по его мнению, «очень хорошая вещь», но тут же Майков замечает, что «анализ и наблюдательность, главные рычаги нынешней литературы», ему «очень уж приелись», т. е. берет под сомнение основной пафос творчества Толстого.

Интересны суждения Майкова о будущем русского стиха, о стихе народном и «наших милых ямбах и хорях» (письмо к Полонскому 1858 г.).

Хотелось бы отметить в заключение выраженные в письмах личные, чисто человеческие чувства и привязанности Майкова: с одной стороны, переживания в связи с гибелью брата Валериана (в письме к Ю. Д. Ефремовой), а с другой — трогательные заботы о своем давнем друге Полонском.

Часть писем печатается по черновикам.

1

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ

Милый друг Юния! Мне кажется, что я еще ни одного письма не начинал иначе, как извинением, что не писал — или вовсе, или давно. Вот и к тебе я должен также извинением начать письмо; впрочем, я знаю, что это почти бесполезно, потому что ты, зная меня, поймешь, отчего я не могу приняться за переписку. После смерти Валериана у нас водворилась такая скука, что мочи нет. Эта смерть унесла с собою, кажется, все, что одушевляло нас всех, что связывало не только весь круг наших знакомых, но даже самих членов семейства. Я до сих пор еще не могу совершенно освоиться с своим положением; не только прошедшее нас связывало с братом, но все будущее созидалось вдвоем, так что один был необходим другому, и всякий план не иначе мог быть осуществлен, как трудами обоих. Но независимо от прошедшего и будущего всякий момент настоящего мы проживали вдвоем: мы были один для другого единственными людьми, которым могли, не краснея и без утайки, поверить задушевные мысли, все шалости, проделки — не говоря уже о более важных вопросах. Всегда приятно говорить о себе; всегда хочется кому-нибудь рассказать, что нас занимает, но много ли у нас таких людей, которые бы заменили нам этих вторых нас самих? Конечно, многие, утратив одного, найдут другого; но для меня такого другого — нет.¹ Ты скажешь, что это от излишнего самолюбия, боязни себя унижить, показаться смешным, от неуверенности, как на тебя взглянут, — согласен; пусть это самолюбие, пусть эта подозрительность и недоверчивость и происходят от довольно мелких при-

чин, но от этого мне не легче, et le fait est toujours le même.^а Бывают иногда такие минуты, что я не знаю, не с ума ли я сошел; мозг горит, грудь надрывается, и все-то скверно, и все-то гадко, а никто даже не подозревает за мной этих минут, даже маменька укоряет меня, что я не любил Валериана и что скоро утешился в своих *рассеянности*.² Хоть на подобные упреки я не даю никакого ответа, но они тяжелым грузом лежат на сердце, и только становится горько, что перед человеком надобно метаться и плакать, чтоб он поверил, что другой человек тоже чувствует, и что мало людей, которые могут понять человека, если он не рисуется перед ними в трагической позе, в роли отчаянного или убитого.

Но, впрочем, все это до тебя не касается, и я только вижу, что мне бы совсем не надобно было приниматься писать тебе. Именно и вышло то, что останавливало меня всякий раз, когда я брал бумагу: я наговорил о себе, и таких вещей, которые обыкновенно кажутся другому вздором. Я, право, в эти немногие месяцы постарел, предоставленный совершенно одному себе, одному вечному молчанию. Вот отчего я всегда ценю доверенность других: потому что сам неспособен питать ее ни к кому, и для меня всегда все равно, что бы обо мне ни думали.

Нет, друг прекрасный, окончу я лучше свою иеремиаду; из нее я вижу, что мне, кроме официальных писем, не годится писать; сделать письмо мое забавным я, пожалуй бы, и мог, но думаю, что оно бы только тебя оскорбило. Не требуй же от меня писем. Прощай, душа моя; надеюсь — до скорого свиданья!

А. Майков.

Сентябрь 30
1847.

В Институте русской литературы (ИРЛИ), кроме настоящего письма (16667.CVIIб.7), есть еще одно письмо Майкова к Ю. Д. Ефремовой, тоже 1847 г. (17014.CVIIIб.5).

Ефремова Юлия Дмитриевна (урожд. Гусятникова) — двоюродная сестра А. Н. Майкова, приятельница И. А. Гончарова, с которой Гончаров переписывался в течение многих лет.

¹ Майков Валериан Николаевич (1823—1847), младший брат А. Н. Майкова, умер во время купания от апоплексического удара 15 июля 1847 г. В. Н. Майков — выдающийся литературный критик и публицист 1840-х годов, близкий к кружку М. В. Петрашевского; он принимал ближайшее участие в первом выпуске «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка»; заведовал критическим отделом «Отечественных записок» после ухода В. Г. Белинского из этого журнала в «Современник». А. Н. Майков и впоследствии неоднократно вспоминал о своем брате. Так, в биографических заметках второй половины 1850-х годов читаем: «Юридический факультет (...) не дал мне почти ничего для того поприща, по которому я пошел потом, так что всем моим гуманическим образованием я более обязан младшему брату моему Валериану, который тоже бросил юридические науки (по выходе из университета), стал зани-

^а Факт есть факт (франц.).

маться философией, естественной историей и политической экономией и увлек меня за собою. Но у меня плоды этих занятий выразились не в научной форме. Изучение философских систем породило „Три смерти“, пьесу, которая писалась *долго* или, лучше сказать, за которую я принимался несколько раз, обдывая то одно, то другое лицо, смотря по тому, находился ли я под влиянием стоицизма или эпикуреизма» (Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 453, оп. 1, № 1, л. 4—4 об.). Эти заметки легли в основу биографии Майкова, напечатанной в «Русском художественном листке» В. Тимма (1858, № 7).

² Имеется в виду роман Майкова с его будущей женой А. И. Штеммер (1830—1911). В январе 1856 г. Ф. М. Достоевский писал Майкову из Семипалатинска: «Вы пишете мне, помню ли я Анну Ивановну? Но как же забыть. Рад ее и Вашему счастью, оно мне и прежде не было чуждо; помните в 47 году, когда все это начиналось» (Достоевский Ф. М. Письма, т. I. М.—Л., 1928, с. 164). Через много лет после этого сам Майков, касаясь своих связей с Петрашевским, сообщал П. А. Висковатову: «По смерти же брата (1847 летом), глубоко меня потрясшей, да притом тогда же был в самой горячей завязке мой роман с Анной Ивановной, — я был у Петрашевского всего раз, в декабре 1847 г.» (Ф. М. Достоевский, Статьи и материалы. Пб., 1922, с. 267).

2

А. Н. ОСТРОВСКОМУ

«Начало 1855 г.»¹

Любезнейший Александр Николаевич,

Прежде нежели что-нибудь сказать Вам, должен я первым делом выразить Вам душевную благодарность за радушный прием мне в Вашем милом кружке, — это здоровая атмосфера, где и верится, и любитя, и так тепло, тепло...² Передайте, пожалуйста, мою благодарность и Григорьеву, и Эдельсону,³ и Садовскому,⁴ и всем. Теперь в Петербурге я опять сиротен: литераторы здесь смотрят дико и не интересуются тем, что нас интересует, другие — люди деловые, и у них у всех более всего развит критический ум, так что вообще я опять скучаю: здесь все *делают карьеру*. (NB. Кстати: что Вы не оскуете драмы на карьере? хоть много писано на эту тему, но она еще ждет своего художника, а тема-то горячая). Ожидаю с нетерпением весны и уберусь скорей за город. Нет, кажется, города в России менее благоприятного для жизни писателя и особенно лирика, как Петербург, хотя, впрочем, приезжать в него месяца на три или на 4 в год полезно. Я всем здешним передаю мои московские впечатления и также все (или многое), что видел и слышал у Вас и Ваших; не знаю, верят ли мне; может быть, считают за помешанного — в одном только соглашаются, что «это люди честные». Писемский только очень доволен, что я с Вами познакомился, и укоряет Вас только в том, что зачем Вы ленитесь и ничего не работаете. На это я отвечаю: «может быть, и работает, кто его знает;

ведь это не блины печь». Что касается до этой статьи, то есть работы, я должен признаться, что тоже ничего не могу делать. Сегодня занимался переборкою своих бумаг и нашел, что, кроме «Трех смертей», ничего нет у меня хорошего; от этого мне сделалось очень грустно; все не выдержано, незрело, есть попытки, задатки чего-то художественного, но ничего полного, готового, словом, хорошего. Только в «Трех смертях» есть места недурные.⁵ Все же прочее надо или кинуть, или переделать. Мне кажется, что и книжка «1854-й год» по миновании нынешних обстоятельств утратит всякое достоинство. Досадно, да что делать! мало силы дано! Пожалуйста, если Григорьев будет что писать обо мне, попросите его, чтоб он писал строже, не стеснялся бы знакомством и знал бы, что я не рассержусь ни за какое мнение или приговор, если только это приговор не желчный и злой. Если же он будет только хвалить и умалчивать о дурном, то тогда я рассержусь, ибо, ей-богу, я лучше всех знаю, что чего сто́ит, по крайней мере в том, что касается до меня. .⁶ Клянусь Вам, что я не прикидываюсь, не говорю для того, чтобы иметь удовольствие слышать опровержение моих слов, — нет, этого со мной не бывает, да Вы и не отвечайте на эти слова. Письмо же это пишу я безо всякого дела, а только потому, что если б был я с Вами в одном городе, то пошел бы теперь посидеть у Вас. Впрочем, заключу мое послание жалобой на И. Ф. Горбунова⁷ — глаз не кажет, хоть дал я ему мой адрес. Я искал его у Бурдина,⁸ где он хотел остановиться, но не нашел ни Бурдина, ни его. Если он придет в Москву, не повидавшись со мною, то обругайте его за меня. Прощайте, дражайший. Кланяйтесь от меня всем достопримечательностям Москвы, и древним и новым, которые я любил.

До свидания.

Ваш А. Майков.

¹ Письмо (р. III, оп. 2, № 1100) относится к 1855 г. Об этом говорят слова: «Мне кажется, что и книжка „1854-й год“ по миновании нынешних обстоятельств утратит всякое достоинство». Сборник стихотворений Майкова «1854-й год» вышел в начале 1855 г. (экземпляр с дарственной надписью сохранился в библиотеке Островского, см.: Библиотека А. Н. Островского. Л., 1963, с. 81). «По миновании нынешних обстоятельств» — по окончании Крымской войны. Указанная дата подтверждается и словами Майкова из его речи на праздновании 50-летия его литературной деятельности. «В одну из самых тяжелых для меня эпох, — говорил он, — в Крымскую войну 1853—1855 годов, я бросился из Петербурга в Москву, чтобы почувствовать под собою почву, найти для себя оправдание и сочувствие хотя бы только у стен кремлевских, у этих золотых куполов соборов, под сенью которых я родился; я попал в молодую редакцию „Москвитянина“, где были Островский, Филиппов, Аполлон Григорьев, Эдельсон, Горбунов и многие, которых теперь не помню. У них я нашел не только оправдание и сочувствие, но увидел в них моих единомышленников» (Юбилей А. Н. Майкова. — Исторический вестник, 1888, № 6, с. 694—695). Письмо Майкова к Островскому, напечатанное в книге «Неизданные письма

к А. Н. Островскому» (М.—Л., 1932, с. 204), также относится к 1855 г., но предшествует публикуемому нами. См. также более поздние письма Майкова к жене и сыновьям с теплыми словами об Островском и «молодой редакции» «Москвитянина» (16996.CVIII.6.6, л. 4, 102; 17001.CVIII.6.9, л. 48; 17892ж.СХI.6.4, л. 127, и др.).

² Перифраза строк из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...»): «И верится, и плачется, И так легко, легко».

³ Эдельсон Евгений Николаевич (1824—1868) — литературный критик. Через три года А. Ф. Писемский от имени редакции «Библиотеки для чтения» обратился к Эдельсону с просьбой написать статью о Майкове в связи с выходом собрания его стихотворений (Писемский А. Ф. Письма. М.—Л., 1936, с. 119—120). Однако она написана не была. Лишь в 1863 г. появилась статья Эдельсона «Два слова правды нашим лирикам» — по поводу «Смерти Люция» Майкова (Библиотека для чтения, 1863, № 5), в которой дана весьма критическая оценка его поэзии. Как и многих других современных поэтов, Эдельсон упрекал Майкова в отсутствии «серьезного содержания, отражения эпохи, духа времени, одним словом — живого голоса среди других голосов».

⁴ Садовский Пров Михайлович (1818—1872) — артист московского Малого театра, друг Островского.

⁵ Первоначальная редакция лирической драмы Майкова «Три смерти» относится еще к 1842 г.; драма была завершена в 1851 г., а напечатана по цензурным причинам только в 1857 г. (Библиотека для чтения, 1857, № 10).

⁶ Наиболее подробный отзыв о поэзии Майкова дан Ап. Григорьевым в начале 1853 г. в статье «Русская изящная литература в 1852 году» (Москвитянин, 1853, № 4; Григорьев А. Литературная критика. М., 1967, с. 103—107), т. е. до их личного знакомства. Впоследствии критик лишь бегло, в разной связи, упоминал о нем в своих статьях. Сообщая жене о похоронах Григорьева, Майков писал ей 29 сентября 1864 г.: «Аполлон Григорьев все собирался разбирать мои стихи, да так и не успел; теперь уж никто не в состоянии написать мой литературный портрет» (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 397). Сохранившиеся письма Григорьева к Майкову свидетельствуют о близких дружеских отношениях между ними. Интересно, что одна из основных статей Григорьева, «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (1858), посвящена Майкову, а одно из лучших стихотворений Майкова, «Сон в летнюю ночь» (1857), — Григорьеву.

⁷ Горбунов Иван Федорович (1831—1895) — автор юмористических рассказов и сценок, артист Малого, а затем Александринского театра.

⁸ Бурдин Федор Алексеевич (1827—1887) — артист Александринского театра, приятель Островского.

3

М. П. ЗАБЛОЦКОМУ-ДЕСЯТОВСКОМУ

«Декабрь 1855—январь 1856».

Скажи мне, пожалуйста, любезнейший дружище, отчего при твоей известной страсти к переписке я с полгода от тебя не получаю никакого письма?¹ Если б с вами случилось какое несчастье, это было бы мне известно, но нет, ничего такого не слышно. Уж не получил ли ты как-нибудь генеральский чин — и потому уж начал презирать синиоров прежних товарищей. Право, бог тебя

знает. Если ж ты злишься на мою неаккуратность, то это нехорошо; все-таки писал бы. Нечего делать, начинаю я, и начинаю потому, что решился вообще завести переписку и решился на это потому, что на днях попались мне мои письма, которые я писал к вам из-за границы.² Я об этих письмах всегда говорил, что они очень глупы; возвратясь из чужих краев, я увидел в журналах письмо об Испании и был поражен, как автор глубоко изучил Испанию в историческом, статистическом, литературном, этнографическом и пр. отношениях, а я-то, думаю, прожил год в Италии, и ничего этого не сделал, и писал только о том, что меня занимало. Теперь же я прочел их с великим удовольствием и очень рад, что не писал об Италии в разных отношениях, а писал о себе и свои мысли. Тогда я еще не знал, что такие письма (как об Испании) пишутся, не выезжая из города, по источникам.³ После этого и стал сожалеть, что не вел ни журнала, ни переписки; впрочем, этого я не делал, все находясь под страхом внезапного взлома замков и осмотра жандармского. Ох, тяжелое время! сколько развития и жизни у нас украло оно! и подумать страшно. Но, кажется, времена меняются — можно писать письма, не видя над собою палки за откровенную мысль. Хочу начать журнал собственных мыслей. Как началась эта оттепель нынешнего царствования, вдруг проглянули во всех разные надежды и предприятия.

Что касается до меня, то я вздумал было собрать свои стихи и издать их, но представь себе мое разочарование! Первая книга стихотворений⁴ мне решительно опротивела по недостатку самостоятельности — картины неизвестного мира, быта, пейзажи без всякого географического значения. Прославили тогда это как бы отражение классической древности, ergo^a чужого для нас мира, — теперь все это холодно; и если бы тогда критика, вместо поощрения, сказала бы мне тогда: это все чужое, не имеющее места на земле, с неизвестно какими людьми, а вот вы, мол, поэт, берите пейзажи из России и того, что видите, то будет, может быть, что-нибудь.⁵ Но этого не сказали, и хоть я сам потом выбивался и выбиваюсь на божий свет, то все еще мне колют глаза моей антологией. За первой путного написано мною только «Очерки Рима»: тут есть верность природе, и есть сколько-нибудь моего личного участия и чувства, хоть есть тоже выдуманное. За сим мною писано много с недосказанною мыслью: все написанное гибнет от этого ложного основания и объясняется, конечно, тем гнетом, который на нас лежал, и господством кривды и всех мерзких правительственных систем, которые до того возбудили ненависть к существующему порядку вещей, что мы сделались неспособны к преследованию чистых целей искусства. С другой стороны, и будучи не в состоянии (по причине) цензуры) брать сюжеты из действительной жизни, стал я почерпнутые из жизни идеи

---

^a Следовательно (лат.).

облекать в греческие формы: «Алкивиад», «Анакреон», н<а>пр<и>мер». Этого рода пьески еще годны, ибо в них есть правда психологическая. Уединясь наконец от всего тогдашнего движения литературы, которое погубило т<аким> обр<азом> у меня несколько трудов — «2 судьбы», «Машенька» и пр., я занялся моими мрачными «Тремя смертями». Хотя тогдашний терроризм невольно сближал с идеей о смерти, но это было произведение, независимое от всех направлений эпохи, дитя уединения. Это одна истинная моя вещь. За сим тоже взятые из жизни: «Весенний бред», «Дурочка» и три-четыре мелкие — недурны. После этого опять увлечение: полное отрицание чужих начал — книжка «1854-й год», опять другая крайность, увлечение, смело высказанное, но временем не оправданное, отчего все ее пьесы в художественном отношении теряют. Только в самом деле «Пастух» лучше других. Уклонения требуют восстановления равновесия, и вот теперь я написал пьесу «Подражание Данту», после которой клянусь уже или вовсе не писать, или уже политических созерцаний не касаться. Эта пьеса не увидит печати, хотя выработана строже всего, что мной написано...⁶ Спрашивается теперь: какой же всему итог? что выбрать для издания?.. Очень мало, и лучше не издавать, ибо повторять глупости, раз сделанные, — значит, силиться доказывать, что это не глупости. Вот, судырь ты мой, тебе разбор мой собственный моих трудов, и весьма для меня горький — утешаюсь я только тем, что мое сознание собственное предупредило критику. Ох, как бы я теперь желал хоть на год отделаться от Петербурга и пошляться по России, чтобы и для себя начать новую жизнь, и попробовать — может быть, к чему-нибудь послужит опыт литературный — решить для меня самого вопрос, не решаемый другими, — есть ли у меня какой талант или нет. Такой случай представлялся мне. Великий к<н>язь Константин Николаевич вызывал охотников из литераторов ехать в разные концы России для осмотра побережий и описания их в «Морской сборник». Я просил, но мое министерство не пустило, а поездка была бы для меня новой эпохой жизни.⁷

Вот тебе письмо длинное и для тебя более или менее постороннее. Мне кажется, что я больше к самому себе его писал. Не думай, что оно писано в минуту огорчения, напротив, весьма спокойно, и ты, пожалуйста, не считай долгом меня утешать.

25 дек<абра>. Вообще, чем я более вдумываюсь в эту недостаточность моих стихов, то нахожу, что плохи они (или из них те) потому, что имеют мало личного, мало связаны с собственной жизнью моею. В 1-й книжке — все это картинки воображения или иногда (редко) понравившиеся в природе (те и хороши), напр<имер> «Картина вечера», «Сомнение» и пр., или попались мне у древних и обработаны более или менее самостоятельно. За сим множество дряни писано и, по счастью, никогда не печатаны, когда я был влюблен в институте; в них, когда они истинны, совершенно нет владения собою, равновесия формы и страсти, спо-

койствия художника — их я и не считаю. В «Очерках Рима» почти, впрочем, все правда, кроме какого-нибудь «Logenzo», «Здесь можно умереть вдвоем», «Ах, люби меня без размышлений». Прочее в них все верно и недурно. «Две судьбы» — все ложь, кроме двух-трех лирических мест, и пьеса верх скверности. В «Машеньке» мотивы взяты из жизни, но неопределенна, не признана общая мысль поэмы; в герою — несколько общих черт, рассуждения о любви, отношения к свету, — все заученное, ходившее тогда в литературе с легкой руки Ж. Занда. Но посреди всего, что тогда я писал, и что, увы! тогда правилось (а теперь меня бесит), прошла незамеченная одна пьеса, которая верна правде, — «Барышне». Ее не заметили, а напрасно. А лучше она других, потому что и написана была в огорчении. Был я влюблен тогда не в барышню; когда она находилась с барышнями, сии последние оказывали ей пренебрежение, тогда как я построил ей в воображении моем великую будущность примадонны. Я, взбесившись, и написал барышням — «барышню», чтоб показать, что они. Той же девице, в которую я был влюблен, предстояла жизнь, исполненная лишений и борьбы, такая жизнь, которая должна была или ее погубить, или вывести победительницей из борьбы, с развитым сердцем, знанием тягости жизни. Вышло последнее — и слава богу.⁸ «Три смерти» — хотя по форме своей кажутся совершенно объективны, но писались они несколько лет, в течение которых, смотря по стечению обстоятельств и по своей изменчивости и впечатлительности и по пристрастию к той или другой философской системе, «увлекался» то эпикурейцем, то Сенекой, то просто человеком (Луканом). Конечно, много бы лучше была пьеса, если бы все, что мною из жизни уловлено тогда, выливалось бы в форму более для нас близкую, но этого не вышло, и оттого чувствуется постоянно некоторый холод при чтении.⁹ Впоследствии написанные мною антологические вещи — «Алкивиад», «Анакреон», «Юношам», «На могиле», «Аспазия», «Ребенок», «Порывы нежности» — уже гораздо лучше антологии в книжке, ибо основаны или на воспоминании о прошедшем, или на действительной заметке жизни; но, говорили критики, в книжке лучше, — ну и бог с ними.¹⁰ «Весенний бред» весь взят из жизни; как глупо его растолковывали: гонение на науку! Я-то — на науку! нет, никогда! а на клопов, которые заводились в храме науки, — это так. Клопы и разбегались, опшаренные кипятком. «Дурочка» недурна, но я не знаю и определить не могу, что в ней правится: я думаю, что свежесть колорита в ней и в «Весеннем бреде» общая; написаны они в том же году, хоть принимался я за них года два или три, пока не сложились они вполне.¹¹ Вся книжка «1854-й год» верна чувству, меня одушевлявшему, но недостаток в ней опять, как в любовных стихах институтского периода, — невладение страстью, желание навязать ее всем, гнев на тех, кои ее не разделяли, отчего разрыв с западниками в «Арлекине»; мечты о России, рисование того, что должно бы быть, при закрытых глазах на то,

что есть. Грех этой книжки искупается не менее страстно, и, следовательно, опять далеко от истинной поэзии, — «Сном» — подражание Данту...

О господи! неужели не выбиться мне от этих уклонений! Да хоть бы перестать мне думать о России и заняться человеком! Перестать бы заботиться об форме общего устройства — пусть идет само собою (вредное влияние Петербурга на таланты) и уехать куда-нибудь, увидеть новых людей, новую жизнь, уехать для того, чтоб разорвать все умственные нити, которые меня притягивают к политике, просто не видеть петербургских умных и почтенных людей. Нет у нас кружка художников! о горе, о горе!.. А уехать меня не пускают!

(После этого написано послание к Анненкову).¹²

26 <декабря>. Был у Некрасова. Он читал «Сашу». Лучшая часть ее — первая, жизнь молодой девушки в деревне и лес. Просто и верно природе, совсем хорошо; стихи большею частью (по два) типичны, но вообще стих как будто требует еще выработки; вторая часть хотя, может быть, больше выработана, но как в ней задача психологическая только обозначена, а не развита, то вся 2-я половина кажется слабее. Вообще же это лучшая его вещь и всей современной поэзии.¹³ Для меня это любопытно, что этой пьесой как будто оправдалось мое послание к нему, за два или за три года перед сим писанное (NB. Послание, где хороша только картина природы, а прочее надо выработать, ибо стихи фольговые).¹⁴

Письмо это не отсылается к Заблоцкому, но обращается в дневник, если только выдержу его.

27 <декабря>. Читал статью Дружинина о Г. Краббе — поучительно.¹⁵ Надобно написать к Никитину — чтоб он научился, как управляться с знанием природы, и бросил бы социальные идеи, которые его губят.¹⁶

«Урядник, или Новое уложение и устройство чина Соколичьего пути» (1668).¹⁷ Царь <Ал<ексей> Мих<айлович>.

Если б меня спросили, чего я хочу для себя? — Осень Пушкина в Болдине 1830-го года — и ничего более.

Купил Альф<реда> Мюссе.

Января <4>. 1856.

Il leur faut (aux Russes), de choses qui se savourent lentement et à longs traits, le thé qu'ils hument les yeux à demi fermés en se caressant la barbe, la danse de Tsiganes qu'ils aiment à contempler à travers la fumée du tabac, les récits qui'ils se plaisent à écouter et qui les dispensent de penser et de causer.¹⁸

Небольшие отрывки из письма (17380.СІХб.15, л. 73—76) напечатаны мною в статье «А. Н. Островский и В. П. Боткин» (Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексева. Л., 1976, с. 42) и в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год» (Л., 1976, с. 39). В ИРЛИ хранятся еще одно письмо Майкова к Заблоцкому

1844 г. (копия, 17021.CIX6.1) и письма Заблоцкого к Майкову 1842—1843 и 1854—1856 гг. (16797.CVIII6.1).

Заблоцкий-Десятовский Михаил Парфенович (ум. в 1858) — статистик, близкий приятель Майкова со студенческих лет; ему посвящено стихотворение «Весенний бред» («Здорово, милый друг! Я прямо из деревни!..»). Как и его старший брат, известный экономист и государственный деятель А. П. Заблоцкий-Десятовский, он был постоянным посетителем кружка Майковых в 1840-е годы.

¹ Заблоцкий был в длительной командировке в Москве и работал в Московском главном архиве.

² Речь идет о письмах из Италии и Франции, где Майков прожил почти два года (лето 1842—весна 1844). Его письма этих лет сохранились в очень небольшом количестве; см. 16994.CVIII6.6, 17018.CIX6.1, 17020.CIX6.1, 17021.CIX6.1.

³ Здесь явный намек на «Письма об Испании» В. П. Боткина. Об отношении Майкова к Боткину см. в упомянутой выше моей статье «А. Н. Островский и В. П. Боткин». Слова «не выезжая из города, по источникам» не соответствуют действительности: в 1845 г. Боткин провел в Испании несколько месяцев. Следует отметить также одну хронологическую неточность («возвратясь из чужих краев, я увидал в журналах...»): Майков вернулся в Россию в марте 1844 г., а первое из «Писем об Испании» появилось в «Современнике» через три года — в марте 1847 г.

⁴ Имеется в виду издание: Стихотворения Аполлона Майкова. СПб., 1842.

⁵ Говоря о критике, Майков имеет в виду прежде всего Белинского, высоко оценившего первый сборник его стихотворений в специальной статье о нем в «Отечественных записках». Наибольшим достижением поэта Белинский считал именно антологические стихотворения, хотя и высказывал надежду, что талант Майкова распространится на другие сферы человеческой жизни: «Но придет время — и, может быть, в духе поэта совершится движение: прекрасная природа не будет более засланыть от его глаз явлений высшего мира — мира нравственного, мира судьб человека, народов и человечества... И мы почли бы себя счастливыми, если б эти строки могли послужить хоть косвенною причиною к ускорению этого времени» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1955, с. 21). С большой похвалой отзывались об антологических стихах Майкова и другие журналы; см.: Библиотека для чтения, 1842, № 2; Современник, 1842, т. 26 (отзыв П. А. Плетнева).

⁶ «Подражание Данту» — поэма «Сны». См. примеч. 2 к письму 5.

⁷ Майков пишет о так называемой «литературной экспедиции», организованной Морским министерством «для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в „Морской сборник“». В ней приняли участие А. Н. Островский, М. Л. Михайлов, А. Ф. Писемский, А. А. Потехин, С. В. Максимов. См. о ней: Максимов С. Литературная экспедиция. — Русская мысль, 1890, № 2; Черных Л. В. Литературная экспедиция 1855 года. Автореф. канд. дис. Л., 1950. Максимов также указывает, что министр народного просвещения А. С. Норов, в ведении которого находилась тогда цензура, в том числе Комитет цензуры иностранной, где служил Майков, не согласился на его длительное откомандирование (Русская мысль, 1890, № 2, с. 21—22).

⁸ Стихотворение «Барышне» («Вас, ангел, реющий в гостиных...»), написанное в 1846 г., было напечатано в № 4 «Современника» за 1847 г. «Не барышня», в которую был влюблен Майков, это, по всей вероятности, его будущая жена А. И. Штеммер.

⁹ О лирической драме «Три смерти» см. также примеч. 5 к письму 2.

¹⁰ «Алкивиад», «Анакреон» («В день сбирая винограда...»), «Юношам» и «Аспазия», относящиеся к первой половине 1850-х годов, вошли в цикл более поздних антологических стихотворений Майкова «Из древнего мира» (во втором томе двухтомного издания «Стихотворений»

1858 г.); впоследствии цикл назван «Камей». Остальные перечисленные Майковым стихотворения имеют весьма отдаленное отношение к антологическим и свидетельствуют о том, как широко понимал тогда поэт этот жанр. Стихотворение «Порывы нежности обуздывать умея..» Майков включил не в этот цикл, а в цикл «Из прошлого» (в издании 1858 г.), затем переименованный в «Из дневника». Стихотворение «На могиле» («Сладко мне быть на кладбище, где спишь ты, мой милый..»), вошедшее в издание 1858 г. (т. 2, с. 118, в разделе «Мгновения, как и «Порывы нежности обуздывать умея..»), в другие прижизненные издания не включалось; не попало оно и в наиболее полное посмертное собрание сочинений под редакцией П. В. Быкова. Стихотворение «Ребенок» («Лежу на ковре, а по мне-то, пыхтя..») появилось в № 2 «Отчетственных записок» за 1854 г., но не было включено в издание 1858 г.

¹¹ «Весенний бред» и «Дурочка» напечатаны в 1854 г. Однако на автографах «Дурочки» (16499.CV16.3, л. 1 и 16505.CV16.3) значится 1853 г. На первом из них следующая надпись: «Задумано и начато в июне 1853 и кончено в октябре 1853».

¹² Послание к Анненкову («В уединеньи кабинета..») было написано 25 декабря 1855 г. в связи с завершением «Собрания сочинений» Пушкина под его редакцией. Оно не было окончено и осталось непечатанным. Автограф стихотворения — 16488.CV6.17, л. 12.

¹³ Поэма Некрасова «Сапа» опубликована в № 1 «Современника» за 1856 г.

¹⁴ Послание Майкова к Некрасову было вызвано стихотворением последнего «Муза», впервые напечатанном в № 1 «Современника» за 1854 г. Послание упоминается в письме А. П. Нордштейна к И. С. Никитину от 22 февраля 1854 г. (Русский библиофил, 1916, № 7, с. 70). Напечатано по черновому автографу, озаглавленному «Н. А. Некрасову. (По прочтении его стихотворения «Муза»)», в «Литературном наследстве» (т. 49—50. М., 1946, с. 615—617). В своем послании Майков призвал Некрасова отказаться от «злости и вражды», умирить «свой дух мятежный» и обратиться к жизни природы.

¹⁵ Имеются в виду первые две из шести статей А. В. Дружинина об английском поэте Г. Краббе («Георг Крабб и его произведения»), напечатанные в № 11 и 12 «Современника» за 1855 г.

¹⁶ Написал ли Майков Никитину — неизвестно. Но он давал ему такие советы и раньше (см. письмо от 24 апреля 1855 г.: Русский библиофил, 1916, № 7, с. 77).

¹⁷ «Урядник..» напечатан в «Полном собрании законов Российской империи» (т. I. СПб., 1830, с. 762—774, № 440).

¹⁸ Перевод: «Им (русским) нужны вещи, которые можно смаковать медленно, неторопливо; чай, который они потягивают с полузакрытыми глазами, поглаживая бороду; цыганский танец, который они любят созерцать сквозь табачный дым; истории, которые они с удовольствием слушают и которые избавляют их от необходимости думать и разговаривать». Источник цитаты не установлен.

4

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

«Апрель 1856».

Получил я твое письмо из Астрахани и долго не мог собраться отвечать на него, хотя, впрочем, отвечать не на что. Это не значит, однако, чтоб писать было не о чем; напротив, если бы только сообщить тебе события одного литературного муравейника, то и

вышло бы письмо длинное-предлинное; но мне, как некоторым образом стороннему человеку, не очень-то хочется писать об этом, да и в письмах вообще как-то неохотно я выражаюсь; так-то иногда думаешь, написать об этом Писемскому, а как сядешь за бумагу, то кажется очень мелко и не стóит. А впрочем, что же тебя и интересоваться может из Петербурга, как не эти вести? Забавного и хорошего, пожалуй, есть что сообщить. Нынешняя зима ознаменовалась двумя событиями, которые дали тон всему. Первое — это позволения на издание журналов — ты, верно, и в Астрахани об этом знаешь из объявлений и газет; журнальных предприятий множество — «Сын отечества» Старчевского, «Россия» (?), «Месяц», «Беседа»; говорят, еще Зотов будет издавать «Иллюстрацию»,¹ и еще какие-то темные слухи ходят. Где они наберут сил и деятелей? неизвестно. Другое событие — это событие между литераторами. Островский произвел в Петербурге эффект,² как можешь увидеть из отзывов «Современника» и «Отчественных записок»; дружба воцарилась в кружке. Результат этого, как ты, вероятно, знаешь, будучи и сам, конечно, к тому приглашен, — союз некоторых для участия только в «Современнике» и в получении дивиденда от совокупного участия в одном журнале. Все это очень недурно для литераторов, но что всего лучше, это — как взбеленились оттого издатели: одни совсем побелели, у других пена у рта, у третьих уныние. Побелевший страшает, что будет за это ругать союзников — вообще все это довольно весело.³ Идут теперь переговоры, чтобы Дружинину быть редактором «Библиотеки для чтения».⁴ Один редактор будущего журнала на вечере у одного архитектора в пьяном виде оскорбил одну девицу и схватился в рукопашку с одним художником, который рисует страшные сцены; должна была быть дуэль, но уладили дело, конечно, с тем, чтобы этот редактор не бывал у архитектора, чрез что, мы с тобой понимаем, какая потеря произойдет для вечеров архитектора.⁵

Вообще жизнь пробуждается, есть движение. Панаева двинулась за границу. Некрасов движется за нею.⁶ Мы передвигаемся в Гатчину на лето, в утешение, что не удалось поехать в экспедицию; этого я никогда не прощу тем, от кого вышло препятствие, и по злобе на них я перестал почти к ним ходить — ты понимаешь, кто не пустил-то...⁷

Ну как-то тебе на юге? вот что-то будет летом! воображаю твою почтенную фигуру в постоянной потной ванне — хорош будешь! Писать-то будет весело! вот насочинишь!⁸ А ведь это мотив хороший — мучения северяка на юге. Что твои болезни — ломоты, поносы, насморки всякого рода, ревматизмы, аневризмы холеры и холерины, сухотки, чахотки, водяные, спиртовые и пр. ... Чай, лечишься кизляркой? Универсальное лекарство.⁹ В городе по-прежнему носится много неуловимых надежд, и пр. Я произвел эпиграмму, которой много смеялись:

Видал ли ты на небесах Комету?
Видал ли ты, как хвост ее поймал

И, привязав к нему свою карету,
Езжал один известный генерал⁹
Народу-то сбежалось — о мой боже!..
Видал ли ты? — «Нет не видал». — Я тоже,
А Гр.....ъ так видал.¹⁰

Писать пока мне более нечего. Сияет солнце. Лень одолевает и равнодушие ко всему человеческому. Если ты встретишь в степи «Отчужденные» записки» и прочтешь там мою пьесу «Рыбная ловля», то, пожалуйста, напиши об ней откровенное мнение, да, пожалуйста, без обходов и обиняков.¹¹ У нас здесь нынешнюю зиму имел большой успех «Рудин» Тургенева, возбудивший много толков. Мне он ужасно нравится; много напоминает из собственного, что прочел в жизни (т. е. в Книге жизни), и дух примирения приятно действует на душу, равно как предпочтение, отданное сердечной натуре перед головною. Но как непременно нужно находить недостатки, то, по-моему, один главный — на этот сюжет можно бы написать роман, а написана повесть. Между знатоками очень нравится и похвывается «Метель» Толстого; очень хорошая вещь, только бы вместо 3 печатных листов все бы это лучше было сказать в 2 страницах стихов. Потом, скажу тебе по секрету, анализ и наблюдательность, главные рычаги нынешней литературы, мне очень уж приелись — всё это второстепенные достоинства писателя, необходимые при чем-нибудь более важном, в чем бы видно было творчество. Может быть, я ошибаюсь, впрочем не знаю.¹² От жены твоей имели письмо. Говорил Володе твои поручения — они будут тебе писать, если уже не писали.¹³

Автограф (16666.CVII.6.7) без обращения и без подписи. При разборе архива Майкова адресатом предположительно назван С. С. Дудышкин, но в самом деле им является А. Ф. Писемский. Публикуемое письмо — ответ на письмо Писемского к А. Н. и А. И. Майковым из Астрахани, где он находился как участник организованной Морским министерством «Литературной экспедиции», от 20 февраля 1856 г. (Писемский А. Ф. Письма. М.—Л., 1936, с. 92—93; там же, кроме писем Писемского к Майкову 1853—1878 гг., шесть писем Майкова к Писемскому 1874 г.). Еще одно письмо Майкова к Писемскому опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» (1854, № 176, 11 августа).

¹ Славянофильская «Русская беседа» и «Сын отечества» стали выходить в апреле 1856 г. В. Р. Зотов начал издавать «Иллюстрацию» лишь в 1858 г.; план Л. А. Мей, о котором никаких других сведений не сохранилось, вообще осуществлен не был.

² А. Н. Островский был в Петербурге с 7 февраля до конца марта или начала апреля 1856 г.

³ Речь идет об «обязательном соглашении» между редакцией «Современника» и крупнейшими писателями тех лет — Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, А. Н. Островским и Д. В. Григоровичем, согласно которому они становились участниками в доходах журнала, но должны были печатать в нем все свои произведения. Первоначально предполагался, по-видимому, более широкий круг писателей. Об этом свидетельствуют слова Майкова: «будучи и сам, конечно, к тому приглашен». Ходили аналогичные слухи

и о Майкове. Писатель и художник М. П. Бибиков писал 11 мая 1856 г. своему приятелю скульптору Н. А. Рамазанову: «А знаешь ли ты, что против Краевского составился заговор? Григорович, Толстой, Майков, Тургенев с братией заключили с „Современником“ контракт: в продолжение целых четырех лет помещать свои статьи *только* в „Современнике“ <...> Кажется, и наш Островский также в лиге» (Литературное наследство, т. 88, кн. 1. М., 1974, с. 600). Но ни Писемский, ни Майков привлечены к «обязательному соглашению» не были. Как видно из письма Майкова, другие журналы отнеслись к «обязательному соглашению» весьма недоброжелательно. Об этом же свидетельствует и В. П. Боткин. 19 апреля 1856 г. он писал Некрасову из Москвы: «Злоба, которую возбуждал здесь контракт „Современника“, неописанна. „Русский вестник“ решительно упал духом <...> не могу я удержаться от некоторого чувства удовольствия, слыша об их ужасе и изумлении» (Евгеньев В. Н. А. Некрасов и люди 40-х гг. — Голос минувшего, 1916, № 10, с. 93). Однако сразу же после того как соглашение было заключено, оно стало нарушаться и в начале 1858 г. было расторгнуто. Подробнее об этом см.: Евгеньев В. — Максимов В. Неудавшаяся коалиция. — Литературное наследство, т. 25—26. М., 1936; Макашин С. Ликвидация «обязательного соглашения». — Там же, т. 53—54. М., 1949; Деметьев А. Некрасов и «обязательное соглашение». — Вопросы литературы, 1971, № 6.

⁴ Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — главный критик лагеря, противостоявшего «Современнику» Некрасова и Чернышевского, пропагандировавший теорию «искусства для искусства», в 1856—1860 гг. редактор «Библиотеки для чтения».

⁵ «Один редактор будущего журнала» — Л. А. Мей, «один архитектор» — А. И. Штакеншнейдер. Его дочь, Е. А. Штакеншнейдер, записала в дневник: «У нас опять была глупая история с Меем. Первая была в начале зимы <...> Но вторая была хуже, потому что после нее Мей больше не бывал у нас. Случилась эта вторая из-за нашей англичанки, Аннет <...> В тот злополучный вечер с нее рисунок портрет Гоффер. Они сидели в гостиной, и несколько молодых людей окружали их; подсел к ним и Мей, — это было уже после ужина, — и стал что-то говорить, что не понравилось Страшинскому. Он подошел к Аннет и со словами „Позвольте вас увести отсюда“ подал ей руку. Мей вспылил. Поднялся крупный разговор и дошел до того, что Мей поднял стул на Страшинского. Но тут прибежала Софья Григорьевна Мей, и ей удалось увести, с помощью других, своего мужа». И дальше: Мей — «премилый и, конечно, вполне приличный и умеющий себя вести во всяком обществе, но он, увы, одержим пороком, он пьет. К тому же Страшинский поступил нахально, и намеренно нахально» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М.—Л., 1934, с. 125—126).

⁶ А. Я. Панаева уехала за границу весной, Некрасов — в августе 1856 г.

⁷ См. письмо 3 и примеч. 7 к нему.

⁸ В результате своей поездки Писемский написал ряд очерков, появившихся в «Морском сборнике» в 1857 г. и позже в «Библиотеке для чтения».

⁹ Майков пронизирует над мнительностью Писемского и его пристрастием к спиртным напиткам. Через несколько месяцев, уже по возвращении Писемского из поездки, В. П. Боткин писал Тургеневу: «У Островского встретил я Писемского — бледного, исхудалого, больного <...> Он приехал сюда (т. е. в Москву, — И. Я.) лечиться. Островский говорит, что у него развилась ипохондрия. Дело в том, что Писемский начался медицинских книг и нашел в себе многие болезни <...> На мои глаза — кажется, у него болезнь печени, подготовленная прежнеею склонностью к водке. Теперь он уже более не пьет ее» (Боткин В. П. и Тургенев И. С. Незданная переписка. М.—Л., 1930, с. 92).

¹⁰ Какими фактами вызвана эпиграмма Майкова, установить не удалось. «Гр. . . . .» — бесспорно Д. В. Григорович, который, по свидетельству современников, любил рассказывать всякие небывлицы.

¹¹ Стихотворение «Рыбная ловля» было напечатано в № 3 «Отечественных записок» за 1856 г.

¹² «Рудин» был опубликован в №№ 1 и 2, а «Метель» — в № 3 «Современника» за 1856 г.

¹³ Эти слова являются ответом на следующее место письма Писемского: «Володю попроси написать мне о моих очерках и комедии Иванова, которую я послал к нему из Костромы. Володя — младший брат Майкова (см. о нем примеч. 3 к письму 7). Речь идет об отдельном издании «Очерков из крестьянского быта» Писемского, которое вышло в этом году, и о какой-то пьесе беллетриста и драматурга А. В. Иванова (какой именно — неясно).

5

П. А. ПЛЕТНЕВУ

15 апр(еля) 1857.¹

Почтеннейший Петр Александрович! Бывало, по годам не виделся я с Вами, живя в одном городе. Вы встречали меня после такого исчезновения без тени упрека и неудовольствия, совсем не давая мне чувствовать, что я провинился перед Вами. Знаете ли, отчего это я так пропадал и потом опять появлялся? Это оттого, что, пропадая, я ничего не писал, а написавши, уже не мог, чтоб не прийти к Вам. Нынешнюю же зиму я бы очень часто бывал у Вас, очень часто мне хотелось Вас видеть, сообщить кое-что и попросить совета, так хочется Вас видеть, что (необычайнейшее для меня дело!) даже нудит меня что-то написать Вам письмо и хотя в письме сообщить о том, что для меня важнее всего из дел мира сего, — письмо, что нынешняя осень и зима были для меня самые счастливые в моей жизни авторской, что я написал очень много и, чувствую сам, попал наконец на хорошую дорожку. И стих и приемы — всё стало иное. Этому много виною, что в общих-то положениях (в моей философии) попал я на хороший Standpunkt,^a забрался на такую высоту, откуда понял значение событий и явлений, каким был свидетель в жизни, и решил инстинктивно, для себя, разумеется, многие из вопросов литературных, которые составляют предмет споров нашего пишущего мира. Следствием этого был величайший, благословеннейший мир в душе моей, полная свобода от чужих принятых и отвергаемых воззрений и новое, спокойное течение мыслей и стихов. Успокоенная на счет вопросов века, муза моя разродилась 18-ю стихотворений таких, которые напечатаны или будут напечатаны, и, кроме того, целой поэмой в 4-е песни. Поэма эта развилась из тех двух видений, которые я читал Вам прошлого года. Эти видения

^a Точку зрения (нем.).

вошли в нее. Теперь вся она, кажется, кончена, и я, развернув тетрадь, уже только похаживаю с молоточком и постукиваю там и сям гвоздиком да кирпичиком потираю скобочки. Смерть хочется все это прочесть. Опять повторяю, забегал бы к Вам часто, будь Вы в Петербурге. К сожалению, половина одной песни должна пропасть в печати.²

Заговоривши о себе и только о себе, уж докончу все, что имею сказать об этом интересном для меня лице; все, что можно знать об Вас, — я все знаю из некоторых Ваших писем и живо себе представляю, как Вы странствуете по Европе. Но как я был доволен за Вас, что Вам так многое понравилось в Европе, доволен за эту юность сердца и живость впечатлений, которую не притупили в Вас ни вечное сидение на одном месте, ни годы, ни горе, ни важный чин, ни блестящие связи! Ей-богу, Петр Александрович, а в этом много хорошего, когда люди Вашего возраста заставляют себе рукоплескать юношей! Это лучший аттестат человеку! Воображаю себе, что если бы здоровье Вашей милейшей супруги было лучше, как бы выиграло еще Ваше путешествие... Но возвращаюсь к интересному для меня лицу. Нынешнее лето я хочу заняться собранием моих стихов. Тут представляется два затруднения: выбирать или печатать все, т. е. собирать. Советуют и так и эдак. Я поэтому и хочу знать Ваше мнение и прошу Вас, если будет Вам досуг, обо мне подумать, написать Ваше мнение. Те, которые советуют просто *собрать* все, говорят, что интересно видеть, как шел, развивался, увлекался, кидался в стороны и пр., что тут весь человек виден. Я хоть не боюсь быть виден весь, думаю, однако, иначе. Собрать все, что написал, — значит так дорожить своею личностью, что, мол, мне ничего выйти в публику во всей своей неопрятности и заставить собой любоваться, любоваться тем, что уж и самому не нравится, и за это еще платить лишние деньги. По-моему, лучше выбрать то, что я считаю достойным предстать перед публикою, и то, в чем есть что-нибудь живое, одним словом, предложить товар, по крайнему разумению моему, хороший, а не раздувать его и не набивать сеном, а потому выкинуть многое, что писано с чужого голоса или под влиянием страсти и что не возведено в сферу чистого искусства. Так, напр<имер>, из 1-й книжки³ выбрать антологические пьесы, отбросив дрянь, бросить «Две судьбы», «Арлекинов» и пр. Я думаю, что Вы одобрите мою мысль, но опять жалею, что почти не с кем мне посоветоваться в самом отборе.⁴ Все-то вокруг меня уезжают за границу — один я, как подстреленный журавль, остаюсь и перелетаю только на Гатчинское болото. Там я жил и прошлое лето, изменив Парголову, — изменил я потому, что вдруг спохватился, что в моих стихах нет уже другого пейзажа, как парголовские. А ведь местность имеет большое влияние на поэзию; поэзия как цветы — всё разные на разных почвах... Но конец! я было начал писать мелко, думая, что этот листок наполню перепискою стихов, но вот заболтался, уже стихам нет места. Дышите хорошим

воздухом! дай бог, чтоб все это принесло Вам пользу и восстановило все Ваше семейство; у юной моей мамыши⁵ целую ручки и прошу ее вести себя умно, слушаться Вас и быть терпеливой; мальчуганы⁶ же пусть шалят — чай, как наострились по иностранному-то! До свидания! только как бы поскорей увидеться.

Весь Ваш А. Майков.

В ИРЛИ, кроме публикуемого (ф. 234, оп. 3, № 394), хранятся еще семь писем Майкова к П. А. Плетневу 1855—1860 гг. (ф. 234, оп. 3, № 395 и 16033.XCIX.6.17) и письма Плетнева к Майкову 1849—1858 гг. (ф. 234, оп. 1, № 129 и 16896.CVIII.6.3).

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — поэт, критик и историк литературы, профессор и ректор Петербургского университета, друг Пушкина, Жуковского и Гоголя, после смерти Пушкина до 1847 г. редактор-издатель журнала «Современник». Плетнев с большим сочувствием отнесся к первым же поэтическим опытам Майкова. В 1842 г. в отчете о деятельности университета он дал восторженную оценку незадолго до этого вышедшей книге «Стихотворения» бывшего университетского воспитанника (Годичный торжественный акт в имп. Санктпетербургском университете, бывший 25 марта 1842 года. СПб., 1842, с. 46—47), а в «Современнике» (1842, т. 26) напечатал рецензию на нее. Через три года в «Современнике» (1845, т. 38) появилась рецензия Плетнева на поэму Майкова «Две судьбы». К Плетневу обращено послание Майкова «За стаею орлов двенадцатого года...».

¹ Сверху письма надпись: «Получил» 27 апр(еля)/9 мая. Ответил» 29 апр(еля)/11 мая 1857».

² Речь идет о поэме «Сны», впервые напечатанной в журнале «Русское слово» (1859, № 1). Больше половины третьей песни было заменено отточиями, и в таком урезанном виде она была известна до последнего времени. См. мою публикацию в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год» (Л., 1976, с. 46—49), где напечатаны запрещенные цензурой строки.

³ Имеется в виду сборник «Стихотворения» (СПб., 1842).

⁴ Плетнев склонялся к плану издания полного собрания стихотворений. Он писал Майкову из Парижа 29 апреля (11 мая) 1857 г.: «Важный задали Вы мне вопрос о лучшем издании „Собрания стихотворений“ Ваших. То, что говорите Вы в пользу строгого их выбора, конечно, справедливо. Но не менее этого можно сказать и в защиту их полного собрания. Во-1-х, Вы еще так молоды, что странно и даже неестественно с этой поры начать обходиться с собою так, как поступил И. И. Дмитриев, дожив чуть не до 70 лет. Между тем я помню, как и на него нападали за это чадоубийство. Знаете ли Вы, что публике часто гораздо более нравится то, что отвергает автор, и наоборот? Во-2-х, брошюры Ваши и в журналах печатавшиеся стихи не были еще под хорошим ножом критики: следовательно, ни Вы сами, ни публика еще не определили в точности, чем исключительно дорожить надобно и что пропускать. Полезно для всех, чтобы побольше, потолковее и с разных точек зрения поговорили о каждом из стихотворений Ваших. В-3-х, можно сказать, что предполагаемое Вами издание будет первое как собрание стихотворений Ваших. Как же умерщвлять в нем то, что и не являлось в свет официально? Сами спартапцы только тогда подымали на негодных детей руку, когда эти бедные создания покидали уже чрево матери. Нет: мой совет — все без исключения напечатать. Заплатите дань современным требованиям, т. е., сколько можно, расположите все строго хронологически и, сколько нужно, присоедините к некоторым стихотворениям коротенькие примечания для предупреждения праздных или неблагонамеренных толков критики. Прав

всем будет радостно (я по себе сужу) обнять и прижать Вас к сердцу неистерзанного, полного, как господь показал нам Вас по рождении. Еще успеете состариться, сделаться брюзгою и начать играть роль Сатурна. Карамзин перед самою смертью ни слова не выкинул из „Писем Русского путешественника“ — и прекрасно сделал. Он остался для нас вечно юным» (16896.CVIIII.3, л. 2). Однако Майков не последовал совету Плетнева, и двухтомное издание стихотворений (СПб., 1858) было осуществлено как собрание избранных его сочинений. В него не вошли, в частности, ни поэмы «Две судьбы» (1845) и «Машенька» (1846), в которых отразилось воздействие демократических идей 1840-х годов, ни стихотворение «Арлекин» (1854), где вся политическая история последнего времени и революционное движение рассматриваются как некая арлекинада, ни стихотворные отклики в казенно-патриотическом духе на события Крымской войны. См. также публикуемое письмо к Полонскому от 7 октября 1857 г. (письмо 7).

⁵ Речь идет о второй жене Плетнева — Александре Васильевне (урожд. кн. Щетиной, 1826—1901).

⁶ «Мальчуганы» — два сына Плетнева, Александр (1852—1911) и Алексей (1854—после 1913), и внук Петр Лакиер (1852—1880-е годы), сын его покойной дочери Ольги. Отправляясь за границу, Плетнев писал Я. К. Гроту, что едет «с больною женой и тремя малолетними детьми» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3. СПб., 1896, с. 619).

6

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Сентября 26 ст<арого> ст<илия> 1857.¹

Спешу, милейший Яша, отвечать немедленно на твое письмо, отвечать хоть коротко, но все-таки перемолвиться. Ты меня закидываешь вопросами, но прежде, чем удовлетворить твое любопытство ответом на них, поспешу поговорить о деле. Вот видишь ли, меня очень беспокоит, что ты можешь вдруг остаться без денег.² А я знаю по опыту, как это приятно. Русскому, правда, у всех почти банкиров есть кредит, но у тебя ведь нет, как у меня, родительского дома, откуда бы ждать субсидий. Поэтому, поверь, я немедленно приступлю к продаже пяти повестей, хоть Печаткин теперь охает, говоря, что «дорого становится журнальное дело».³ Но я хотел тебе вот что предложить. Присылай что у тебя есть стихов (а уж как бы хорошо было тебе окончить «Кузнечика»!) — эти стихи я продам гораздо дороже Кушелеву, который скупает материалы для журнала, имеющего издаваться с 1-го января 1859-го года.⁴ Также если пришлешь и повесть, то и повесть ему же продадим. Ты только назначь, за сколько бы ты отдал, а я надбавлю. Оба стихотворения я предложу или «Современнику» или «Библиотеке»,⁵ и деньги вышлю, или не прикажешь ли скопить их тебе, чтоб выслать побольше разом. Вообще твое положение ужасно меня беспокоит, и я предупреждаю тебя, что если ты засядешь где-нибудь безвыходно от безденежья, то тотчас пиши ко мне, и — хоть я не родительский тебе дом, — а уж выручу как-нибудь из беды собственными средствами.

Путешественники наши мало-помалу возвращаются. Краевский,⁶ Некрасов приехали. Я их видел. В Кр<аевском> поражает отступление от докторального тона к восторженному. Некр<асов> ознаменовал свое возвращение отличной пьесой «Возвращение на родину», — пьеса и тем уже хороша, что писана без особого угла зрения, впечатления правдивы и приняты открытой грудью, прямо, без наперед сочиненной себе роли.⁷

Я, возвратясь из Гатчины, съездил в Москву. Есть ощутительная разница между тамошним и здешним литературным людом. Там более заняты внутренним содержанием: в катковском кругу — вопросами, о коих трактуется в «Вестнике»,⁸ а в другом кружке, где Эдельсон, Островский, Садовский и пр.,⁹ — эстетическими вопросами. В Петербурге слышишь только цифры, и отсутствие эстетических рассуждений крайне опугительно для меня, надумавшегося по этой части много в одиночку, в Гатчине. Главное горе, что не с кем поговорить о стихах, — помнишь, как мы беседовали во время твоей долгой болезни. Особенно бы теперь мне это было нужно, при выборе из всего, что я написал, для составления книжки.¹⁰ Уж как я жалею, что тебя здесь нет. Из этого можешь видеть, что все идет у нас по-старому. Журналы, старые и новые (которых число с будущего года возрастет до 17), все бросились в колею, открытую Щедриным и «Русским» Вестником». ¹¹ Все это хорошо и нужно для общества, понимаю, но художнику-то скучно. Дружинин держится хорошей мысли в ведении «Библиотеки» по эстетической дороге, но робок и не имеет крепости в мысли. Михайлова ¹² в Петербурге нет — он засел и занемог в Лисине,¹³ потому что в одну ночь написал, говорят, десять планов десяти романов. Я его не видал. Писемский кончает «1000 душ» — это будет событие в литературе.¹⁴ Гончаров за границей кончает «Обломова»: не знаю, что из этого будет.¹⁵ Ходят по-прежнему разные слухи у нас, но и остаются слухами. Я, кажется, устроюсь по изданию моих стихотворений с Кушелевым, пока еще не кончено дело. Если где услышишь за границей о Трубецких, то отыщи их, у них найдешь Аполлона Григорьева, который проездом через Питер бывал у меня в Гатчине. Он тоже будет издавать журнал, а теперь пока живет у Трубецких, кажется во Флоренции.¹⁶ Он очень желал тебя видеть.

На сей раз больше тебе писать не буду. Отнесу эту записку к М. Ф. Шт<акеншнейдер>,¹⁷ и буду писать, как только что-нибудь для тебя устрою. Жена тоже хотела тебе писать, но маменька вытащила ее с собою, по визитам; велела она тебе кланяться и сказать, что тебя любит, *несмотря на все твои поступки*. Италии не бойся: ведь Дружинина руководил В. П. Боткин,¹⁸ а он и сам во цвете юности оплешивел. Италия не виновата, что Дружинин теперь на диете и, говорят, серьезно болен; видно, потерял чувство меры. Но прощай, желая быть кратким, начинаю врать.

Твой А. Майков.

Скажи, пожалуйста, как зовут того грека, который заменил тебя у Смирновых, — не Гумалик ли это?¹⁹ Если он, то мне многое объяснится.

Кроме публикуемых нами трех писем (16684.CVII6.8), в ИРЛИ хранится еще 41 письмо Майкова к Полонскому (под тем же шифром, а также: 12220.LXX6.1; 16996.CVIII6.6, л. 38—39, среди писем к жене). Письма Полонского к Майкову: 16904.CVIII6.3; 11753.LXVII6.15.

¹ Карандашная помета Майкова.

² В 1855—1857 г. Полонский жил у петербургского гражданского губернатора Н. М. Смирнова, мужа известной А. О. Смирновой-Россет, приятельницы Пушкина и Гоголя, в качестве преподавателя истории литературы и русского языка и воспитателя их сына. В мае 1857 г. поэт поехал со Смирновыми за границу, но уже в августе расстался с ними, еще более остро, чем в Петербурге, почувствовав свое униженное положение в их семье. Он отправился в Женеву учиться живописи у швейцарского художника-пейзажиста А. Калама. Однако этот план не осуществился.

³ Печаткин Вячеслав Петрович (1819—1898) — издатель журнала «Библиотека для чтения».

⁴ Кушелев-Безбородко Григорий Александрович (1832—1870) — беллетрист (псевдоним — Грицко Григоренко), в 1859—1862 г. издатель журнала «Русское слово». Майков пользовался у него известным авторитетом. Еще в конце 1856 г., сообщая Б. Н. Алмазову о затевавшемся Кушелевым издании нового журнала, А. Ф. Писемский писал: «Сначала его окружала его литературная саранча, но потом он познакомился с Гончаровым, Майковым и Дружининым, и те хотят его направить на более истинной путь» (Писемский А. Ф. Письма. М.—Л., 1936, с. 103). Поэма Полонского «Кузничек-музыкант» с подзаголовком «Шутка в виде поэмы» появилась в № 3 «Русского слова» за 1859 г. 9 марта 1859 г. Полонский писал Майкову: «Если какими-нибудь судьбами ты эту уморительную глупую поэму получишь — и она тебе не понравится, то вини себя — ты подстрекнул ее кончить — ты хвалил — и я тебе поверил» (Полонский Я. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1935 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 754—755). В поэме в аллегорической форме Полонский изобразил свое положение в аристократическом обществе.

⁵ Имеется в виду журнал «Библиотека для чтения».

⁶ Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — либеральный журналист, редактор-издатель журнала «Отечественные записки».

⁷ Речь идет о поэме Некрасова «Тишина», впервые напечатанной в № 9 «Современника» за 1857 г.

⁸ Т. е. в «Русском вестнике» — журнале, выходившем под редакцией М. Н. Каткова, в то время органе умеренно либерального направления.

⁹ См. также письмо 2.

¹⁰ См. также письмо 5 и примеч. 4 к нему.

¹¹ «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, напечатанные в «Русском вестнике» в 1856—1857 гг., имели большой успех и вызвали много подражаний.

¹² Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт и переводчик, беллетрист, критик и публицист; в 1861 г. за революционную деятельность был приговорен к каторжным работам и умер в Сибири.

¹³ В селе Лисине Царскосельского уезда Петербургской губернии находилось учебное лесничество, где должность ученого лесничего занимал друг Михайлова Н. В. Шелгунов. Михайлов опасно заболел в Лисине (тиф с осложнениями) и, по словам Л. П. Шелгуновой, «долго боролся со смертью». Об этом см. в ее воспоминаниях: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания, т. 2. [М.], 1967, с. 83.

¹⁴ Роман Писемского появился в «Отечественных записках» в 1858 г. (№ 1—6).

¹⁵ Роман Гончарова был напечатан в «Отечественных записках» только в 1859 г. (№ 1—4).

¹⁶ Ал. Григорьев жил у Трубецких в качестве домашнего учителя и воспитателя сына — И. Ю. Трубецкого. Его раздражал аристократический дух, господствовавший в семье, и, не поладив с княгиней, Григорьев сначала перебрался на отдельную квартиру, а в августе 1858 г. вовсе порвал с Трубецкими. Этот эпизод в жизни Григорьева аналогичен службе Полонского у Смирновых (см. примеч. 2). Слова «он тоже будет издавать журнал» говорят о намерении Григорьева возродить прекратившийся «Москвитянин». Этот план, однако, не осуществился. См.: Зильберштейн И. С. Аполлон Григорьев и попытка возродить «Москвитянин». — Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 567—580.

¹⁷ Штакеншнейдер Мария Федоровна (1811—1892) — жена придворного архитектора, профессора Академии художеств А. И. Штакеншнейдера, хозяйка литературного салона, где бывали и Майков, и Полонский, и многие другие писатели 1850—1860-х годов.

¹⁸ Боткин Василий Петрович (1810—1869) — литератор, в 1840-е годы близкий друг Белинского и Герцена. В 1850-е годы сотрудник «Современника» и вместе с тем, как и Дружинин, один из идеологов «чистого искусства», активный противник Чернышевского и Добролюбова. Впоследствии эволюционировал еще более вправо.

¹⁹ Гумалик Дмитрий Христофорович — адъюнкт кафедры греческой словесности Главного педагогического института; впоследствии служил в Главном управлении цензуры.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Окт⟨ября⟩ 7 1857.

Любезнейший друг Яков Петрович! Я все занят твоим делом и твоею судьбою. Пока еще я не устроил продажи повестей.¹ У Печаткина нет денег — у них в «Библиотеке» произошли перемены в устройстве редакции. Теперь Писемского они приняли в редакторы тоже,² так что их теперь трое — Дружинин, Писемский и брат.³ Это всё новые траты, ибо Писемскому дают (разумеется, за имя и исключительное сотрудничество) 1800 р., не считая полистной платы. Но я придумал другое. Сюда будет скоро Кушелев — не продать ли ему твою поэму «Кузнечик» — Кушелев будет издавать только с янв⟨аря⟩ 1859 года, след⟨овательно⟩ ты успеешь кончить. Напиши мне только, согласен ли ты и за какую сумму, назначь не конфузись — уж за 300-то, я полагаю, можно, или как ты усмотришь, я не знаю ведь величины, и как и что. Напиши поскорее. Тогда я берусь устроить. Жаль, что нет рукописи, хоть твое имя и мое ручательство под присягой, что вещь отличная, я полагаю, будут достаточны. Отсутствие рукописи только мешает назначению цены. Напиши немедля, а то Кушелев уедет за границу и надо будет переписываться, дело затянется.⁴ Пока все-таки буду хлопотать с повестями.

Что у нас в литературе? спросишь. Ждут Гончарова, Тургенева.⁵ В критиках опять вопрос о цели искусства. Журналы и еще более кружки бьют на Щедрина, что, мол, только это и есть постоянное дело, а за Тургенева, Гончарова, Толстого, говорят, копейки теперь не стоит давать, а уж об нас, поэтах, говорить нечего, разве кто будет писать *gelegenheit Gedichte*.⁶ Все это требовало бы сильного отпора, но за искусство стоит только Дружинин, да у него силы нет и журнальные отношения мешают; к тому же в щедринской литературе выражается важный шаг общественной жизни и общественного мнения, так что не совсем прилично, по другим-то соображениям, доказывать, что это деловые записки по общественному делу, а не искусство. Пожалуй, совпадешь с воплями недовольных ими бюрократов и поклонников старого беспорядка. Вообще у нас без крайностей не может обойтись, и никак того не хотят понять, что благоустроенное государство есть то, в котором всё делают хорошо, т. е. сапожник шьет сапоги хорошо, мужик пашет хорошо, политико-экономы пишут пол^{итическую} эк^{ономию}, романисты — романы, поэты стихи, и пр., и что одно другому не должно мешать.

Моя книжка, значит, выйдет в самое неблагоприятное время.⁷ А я ею очень доволен, особенно тем, что писано в этот год, а писал я много. В выборе из старого я руководствовался неволью таким соображением: отсечь все временное, навременное, полемическое, и выкинул «2 судьбы», «Машеньку», весь «1854-й год»; остаются только пьесы, могущие возбудить сочувствие всегда и во мне, и в других. «Три смерти» напечатаны в «Библиотеке» (они войдут в книжку).⁸ Вообще жалею, что тебя нет помочь мне в этом деле. Оно только и сидит у меня в голове. Каждый день с утра сижу и перелистываю свое собрание. Но странно: нет никакой возможности поправить старые пьесы, выходит заплата. Но, возвращаясь к тебе: не слишком ли ты налег на живопись? Смотри не осерди другую-то музу. Из письма видно, что ты ничего не пишешь. А ведь эта муза уже знакома и вернее. Подумай об «Кузнечике»-то. Напиши все тебя целуют. Прощай, пиши скорее ответ.

Твой А. Майков.

Если устроится дело с повестями, то с каких оригиналов печатать? Ведь их портила цензура.⁹ Надобно с старых корректур — где они? Что-то такое есть <у> М. Ф. <Штакеншнейдер>.¹⁰

¹ Через несколько дней, 14 октября, М. Ф. Штакеншнейдер писала Полонскому: «Я третьего дня уведомила Вас, что Куш^{елев}) взял Ваши повести за 300 р. сер^{ебром}» (ф. 241, 12613.LXX6.7, л. 63). Сборник Полонского «Рассказы» вышел только в 1859 г. (изд. «Русского слова», СПб., в типографии Рюмина; дата цензурного разрешения — 4 апреля 1859 г.); он рассылался подписчикам в качестве приложения к № 4 «Русского слова» за этот год.

² Об этом писал и сам Писемский А. Н. Островскому 6 октября 1857 г., излагая ему свои планы: «На этих днях со мной совершился важный

казус: я вместе с *Дружининым* делаюсь редактором „Библиотеки для чтения“ <...> Заведывать я буду по преимуществу изящною литературою <...> Получив это письмо, будь так добр: собери всю вашу московскую братию — Григорьева, Эдельсона, Алмазова, Шаповалова и еще кого знаешь, участвовавших в молодой редакции покойного „Москвитянина“, и попроси у них от меня покорнейше помочь мне; я открою им свободнейший орган для выражения их убеждений, в которых, вероятно, мы не будем разниться и которые в „Библиотеке“ будут состоять в том, чтобы восстановить и хоть сколько-нибудь раскрыть не достоинства уж, а свойства человеческие русского человека, которые „Русский вестник“ окончательно у него отнял, и что в самых пороках и преступлениях наших есть нравственное макбетовское величие, а не мелкое мошенничество, которым они всё хотят запятнать. Второе: привести в ясность, напомнить те эстетические требования, без которых литература все-таки не может назваться литературой — и Мельниковский донос (в «Медведем угле») на инженера все-таки не повесть и вовсе не имеет той прелести, которую она благоухает для некоторых» (Письма А. Ф. Письма. М.—Л., 1936, с. 110).

³ Брат — Владимир Николаевич Майков (1826—1885), детский писатель и журналист, впоследствии редактор журналов для детского и юношеского возраста. В. Н. Майков не был равноправным членом редакции «Библиотеки для чтения», но помогал Дружинину в редактировании журнала.

⁴ О Кушелеве и о поэме Полонского «Кузнечик-музыкант» см. примеч. 4 к письму 6.

⁵ Гончаров вернулся из заграничного отпуска 8 октября 1857 г. (Александров А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.—Л., 1960, с. 78), а Тургенев весь 1857 год провел за границей и вернулся в Россию только летом следующего года.

⁶ «Gelegenheite Gedichte» — стихотворения на случай (*нем.*); здесь имеются в виду стихотворения на современные темы.

⁷ Речь идет о собрании стихотворений Майкова, вышедшем в двух томах в 1858 г.

⁸ См. примеч. 5 к письму 2.

⁹ Через тридцать лет в письме к Фету Полонский вспоминал: «Писать в последние годы царствования Николая 1-го было невозможно; цензура разоряла вконец; мои невинные повести „Статуя весны“, „Груня“ и др. были цензурой запрещены; стихи вычеркивались; надо было бороться с цензором из-за каждого слова» (Литературно-художественный кружок им. Я. П. Полонского за 1905-6 и 1906-7 гг. Отчет Совета. СПб., 1908, с. 17).

¹⁰ Сохранились ли корректуры у М. Ф. Штакеншнейдер и были ли они использованы при подготовке «Рассказов» Полонского, неизвестно. Следует, однако, отметить, что в рассказе «Тифлиссские сакли» были устранены существенные цензурные искажения, менявшие смысл. В журнальном тексте (Современник, 1853, № 7) отсутствуют последние главы (XXIV—XXIX), а вместо них добавлен благополучный конец. Ср. также журнальный (Современник, 1855, № 9, с. 111) и книжный (Полонский Я. П. Рассказы, с. 241—242) тексты рассказа «Дом в деревне».

8

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Марта 2 <1858>.

Не получаю я что-то от тебя, любезнейший мой Яков Петрович, никакой вестки; на мое письмо, отправленное вместе с письмом к графу,¹ нет ответа, а уже, по времени судя и по твоей

склонности писать письма, мог бы быть ответ. Не бабы ли сплетни, которыми я занял свое письмо, тому причиною? Я ведь, впрочем, вдался в эти сплетни только для того, чтобы оправдаться перед тобою и рассказать, что подало повод известию о том, что я на тебя сержусь. Теперь я в свою очередь беспокоюсь — не рассердился ли ты на меня за это? ²

Пишу тебе, не дожидаясь твоих писем, теперь вот по какому побуждению. С тех пор как ты стал принимать участие в «Русском слове», меня стала занимать будущность этого журнала, и я об нем часто подумываю и часто мне хочется об нем с тобою беседовать. Прежде всего надобно тебе сообщить известие для журнала благоприятное. Обязательное соглашение рушилось. Четыре сотрудника «Современника» свободны от обязанности, их связывавшей; по предложенным им новым условиям они дивиденда не получают, но получают по 150 р. «серебром» за лист за свои сочинения, печатаемые в «Современнике», и могут печатать в других журналах, если «Современник» не даст за представленную статью этих денег.³ Таково новое положение. 150 р. назначено для того, чтобы они предпочитали «Современник» другим изданиям, но если другие журналы дадут больше, тогда что? Они свободны, тем более что в этом новом условии есть статья обидная, та, что у меня подчеркнута. Словом, вся эта история повела только к возвышению цены на статьи и больше ничего. Сообщаю это для того, чтобы редакция «Русского слова» приняла это к сведению и поспешила бы заказать кому желает из бывших обязанных статьи.

Теперь о том, каков должен быть журнал «Русское слово» и какое место он должен занять посреди других своих товарищей. Мне кажется, ему надобно дать особенную физиономию, и это теперь нетрудно. Теперь во главе нашей журналистики все-таки стоит «Русский вестник», как живой орган общественно-политической мысли разумной России. Все прочие журналы и газеты стремятся к тому, чтобы подняться теми же путями, и, оставляя литературную часть в пренебрежении, селятся получить учено-политический, социальный характер. Спору нет, что это хорошо, но, с другой стороны, это крайне скучно и утомительно, тем более что все это наполняется статьями спешными по делам, требующим зрелого обсуждения, а теперь уже прошло у нас время, когда достаточно было только *шевелить* вопросы. В эпоху, когда правительством само пустилось по спасительному пути реформ и призывает само все разумные силы нации к открытию мер для осуществления идей, за которые некогда гнало, — тут уже шевелить нечего, тут нужно дельное и спокойное рассуждение. Словом, теперь, когда все более и более стремится стать в нормальное положение, и литература должна найти свое место в обществе, и искусство должно предъявить свои права, чтобы течь параллельно к жизни народа со всеми другими его силами. Смотри Англию. Вот почему я полагаю, что «Русское слово» должно

быть по характеру своему журналом преимущественно *учено-литературным* и художественный элемент *должен* *быть* в нем главным. Дружинин это понял, но у него нет сил одному поддерживать это.⁴ Конечно, приобретение статей есть дело случайное, но редакция должна заявить себя критикою, единством критического взгляда. Искусство рождается из жизни и из иного материала, как тот, который представляется жизнью, не может и не должно заимствовать обстановки своей идеи. Как оно выполняет эту идею (нравственную, психологическую, конечно, задачу) и как автор обращается с материальной обстановкой (краски) — вот Standpunkt^a разумной критики, соединяющей в себе и так называемые у нас художественное и общественное направления. Это раз; и ты, верно, со мной согласишься в этом отношении, отчего я не распространяюсь в развитии моей мысли. Другое, что я хотел бы тебе сообщить для памятки, это вот что: перенесем-ко в журнал, где ты будешь хозяйничать, то, что мы, помнишь, хотели завести в предполагавшемся нашем стихотворном журнале. Будем постоянно следить за стихотворной поэзией в России и ей посвящать много места в журнале; помилуй! у нас появилось в печати за эти годы много такого, что следует изучить, например» поэма Некрасова,⁵ — и об ней нигде ни слова, все проходит в мертвом молчании журналов, между тем как публика знает и отмечает все выходящее из ряду вон. И представь себе — вообще стихи ужасно идут и изданные отдельной книгой. Будем разбирать друг друга, спорить, рассуждать об стихах и поэзии. Но ты себе представить не можешь, как надоело всем и каждому Gelegenheitsgedichte⁶ и как все рады вдруг посреди этой дидактики встретить строчку, где сказалось сердце. Я уже о своем впечатлении не говорю. Я читать не могу стихов теперь, где кроме задира-тельной идеи ничего нет. А уж рассказы об исправниках — мочи нет! Двадцать рассуждений бы прочел лучше о преобразовании земской полиции, чем одну такую повесть.

В силу всего сказанного я бы и советовал вам приобрести Аполлона Григорьева.⁷

Но ты не выведи из моих слов одностороннего заключения. Вообще в журнале должно помещать все, что дает время; и в ученом отношении, и, пожалуй, повести с исправниками, но надобно, чтобы в публике образовалось такое мнение. Если я хочу установить свое мнение о литературном достоинстве того или другого явления в словесности или по поводу вопроса, возникающего в литературе, надобно, чтоб я знал, что мне об этом следует прочесть в «Русском» слове». Словом, критика *должна* *быть* *историко-эстетическая* и *психологическая*. Без исторического элемента, т. е. без отношения ко времени, настоящему или прошедшему, один эстетический взгляд недостаточен, равно недостаточно рассматривать произведение без отношения его к психологическим

^a Точка зрения (нем.).

вопросам, как тем, на которых автор строит свое создание, так и без внимания к тому психологическому, личному его побуждению, которое дало бытие этому созданию. Но об этом полно. Я думаю, что ты меня понял и, вероятно, согласен со мною.

Я все нахожусь в хлопотах. Сбираюсь к поездке в Архипелаг, учусь по-гречески, читаю путешествия,⁸ читаю по цензуре,⁹ заседаю в Комитете о пересмотрении <цензурного> устава¹⁰ и издаю свои книжки.¹¹ Столько занятий, разумеется, не благоприятны для того, чтобы писать стихи. Для стихов мне необходима лень, свобода. На днях я вышла к графу первый отпечатанный том. Второй обещает типография изготовить к Святой. В этом издании для меня утешительное вот что: все говорят, кому я покажу второй том, еще рукописный, что второй том лучше первого и первый убит вторым. Рад я этому потому, что во 2-м более меня самого, более прожитого, прочувствованного, более правды, натуры, чем в первом, в котором много сочинения. Почти каждое стихотворение имеет свою историю для меня; я знаю, какой момент жизни его породил. Насчет поездки весьма естественна во мне борьба, два голоса, один зовет в неизвестную даль, в эту бродячую жизнь, в которой представляется столько заманчивого, новых чувств, новой тоски, новой обстановки... но вместе с тем тяжело оторваться от семьи. Ну, как кого-нибудь из нас не хватит налицо через год?

Марта.¹²

По обыкновению моему я удовлетворился в желании моем побеседовать с тобой только тем, что написал письмо, — и оно опять завалилось. Вчера получил от тебя¹³ — и еще раз посмеялся, но на этот раз посмеялся над тем, как тебя изумила и сконфузила весть об идее <Мариши> Ф<едоровны> Штакеншнейдер> смотреть для тебя квартиру. Ты как будто хочешь оправдаться! Вот что забавно! Мы очень хорошо понимаем М. Ф. и подтруниваем над нею; например, она не может слышать равнодушно, когда я говорю (а говорю я это ей часто для забавы), что Людм<ила> Петр<овна> Шелгунова¹⁴ получает от тебя каждую неделю письма: она просто ревнует. Портрет твой к Анне Иван<овне> тоже она не вынесла равнодушно.¹⁵

Я несколько раз хотел было тебе писать о проделках редакции графа. Но вижу из письма к Л. П., что ты все знаешь. Каких литераторов-то она отыскала! Это мерзость, позорящая все сословие наше.¹⁶ Графу объяснять это здесь мне было неловко, хотя я знал, что он рано или поздно узнает, но что ему за этот опыт заплатить тысяч 10 ничего не стоит. Вот только твои слова о поэме Мея «Кн<ягиня> Вяземская» меня несколько оставили в недоумении. Дело в том, что я слышал ее в чтении автора и был поражен мастерством подделки под русскую народную поэтическую речь, и я задал себе вопрос: какова будет речь будущего нашего Пушкина? Судя уже по явлениям, совершающимся в нашей прозаической литературе, и принимая в соображение демо-

кратическое [народное] направление века и обработку истории и народности, я решил, что будущий Пушкин оставит наши ямбы и хорей, как и всю поэзию нашу, которая есть выражение верхнего слоя общества, и будет воспроизводить народ в его истории, которая тогда разработается, и в его светлых силах, которые тогда выдвинутся вперед. Из этого я заключил, что Мей один из нас угадал путь, по коему пойдет этот Пушкин. Посему его «Кн. Вяземская» получила в глазах моих огромное достоинство. Под этим обаянием я находился долго; но мне представился потом другой вопрос: при большем развитии образования верхний ли слой общества будет принимать в себя прилив от народа, или, напротив, народ будет цивилизоваться, принимая формы, а следовательно, речь и ее выражения этого верхнего, передового отряда? Разумеется, выйдет compromise; но все-таки сила мысли, науки, перенесенных страданий за мысль, словом, европейский общий элемент одержит верх — и наши милые ямбы и хорей будут бессмертны. Вследствие этого размышления «Кн. Вяземская» опять понизилась в глазах моих и представилась мне просто натянутою. Впрочем, чтоб решительно сказать, надобно ее прочесть самому.¹⁷

Я писал тебе об Аполоклоне Григорьеве не потому, чтобы видел в нем второго Белинского, не потому, что он расположен ко мне, а потому, что он все-таки лучший из современных критиков и единственный, чистосердечно любящий искусство. Чернышевский — публицист, Дудышкин — юрист в эстетике, а критик, в котором бы сидел хоть маленький поэт, — не имеется, и среди молодых не предвидится. Григорьев часто дичит. Но прочти его две большие статьи, одну в «Русской беседе», другую в «Библиотеке для чтения»,¹⁸ ты увидишь, не говоря о блестящих страницах про Байрона и Ж. Занд, чрезвычайно дельные заметки о таких сторонах искусства, о которых и не снится другим нашим критикам, ибо поэзию Григорьев понимает чувством. Я, разумеется, не настаиваю и не ручаюсь, чтобы Григорьев не поврал, но представляю тебе мое мнение. Друг наш М. Лар. Михайлов может быть тоже хорошим критиком — он об Мее написал прекрасную статью, но на Михайлова как на работника полагаться нельзя, притом он может быть гораздо полезнее как повествователь; в нем сидит художник, который не позволяет ему быть тем отличным сотрудником журнала, каким бы он мог быть.¹⁹ Кто же еще? Старов? — он, рассказывают, говорит хорошо, но пишет плохо.²⁰ Современники открыли какого-то Добролюбова, но этот господин до сих пор произвел только две позорнейшие статьи «русской» журналистики, об гр. Растопчиной и Мее, каких давно уж не бывало.²¹ Придется тебе самому работать, да жаль тебя тратить на это дело. Не завести ли критику посредством художников? Пусть Писемский пишет о Салтыкове, Толстой — о Тургеневе, примерно... Мысль недурна — но журнал тогда в стороне и уж совсем выходит сборник.

Но, милый мой, я уже злоупотребляю. Тебе скучно, я вижу, тем более что в результате ничего не выходит, а потому прощай. Авось сегодня занесу письмо это к Закревскому.²² Что Кроль?²³ Кланяйся ему, равно кланяйся и графу, и всем. Что Тургенев, получил ли мое письмо? Мне было потом совестно, с чего я взял ему вдруг написать.²⁴

До свидания.

14 марта ст<арого> ст<илия>.

Говорят — мы *идем* в начале июня.²⁵ Что если бы нам увидеться хоть раз до новой годовой разлуки?

Три фразы из этого письма процитированы (не вполне точно) в книге Л. Э. Варустина «Журнал „Русское слово“. 1859—1866» (Л., 1966, с. 10, 14).

¹ Граф — Г. А. Куселев-Безбородко. Это письмо к нему Майкова нам неизвестно. В ИРЛИ хранится более позднее письмо, относящееся к маю 1858 г. (16674.CVII6.7).

² Письмо Майкова с «бабыми сплетнями» находится в ИРЛИ (16684.CVII6.8, письмо 39, без даты). В нем он не без проныи пишет о М. Ф. Штакеншнейдер, о ее поисках квартиры для Полонского, о ее отношениях с Л. П. Шелгуновой и т. д. См. также письма Полонского к М. Ф. Штакеншнейдер от 25 января и 1 марта 1858 г. (ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 2071 и 2073) и письмо Штакеншнейдер к Полонскому от начала марта 1858 г. (ф. 241, 12613.LXX6.7, л. 117 об.—118). Отголоски всего этого содержатся в комментируемом письме.

³ Об «обязательном соглашении» 1856 г. см. примеч. 3 к письму 4.

⁴ В это время в близких Майкову литературных кругах мысль о необходимости чисто литературного журнала всячески муссировалась. Так, 15 апреля 1858 г. Дружинин писал Л. Н. Толстому: «Потребность в чисто литературном журнале с критикою, энергичски противодействующею всем теперешним нестерпимым и безобразиям, чувствуется в сильной степени. Гончаров, Ермил (т. е. Писемский, — И. Я.), Анненков, Майков, Михайлов, Авдеев и многие еще встретили эту мысль с великим одобрением; если к этому сборищу присоединятся Вы, Островский, Тургенев и, пожалуй, наш уродливый Григорович <...> то можно решительно сказать, что вся изящная словесность наконец соединится в одном пункте» (Ч у к о в с к и й К. Люди и книги шестидесятих годов. Л., 1934, с. 260). Об этом см. также: К р а с н о в Г. В. К расколу редакции «Современника» в 50-е годы XIX в. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 121—123, 125.

⁵ Имеется в виду поэма Некрасова «Тишина».

⁶ См. примеч. 6 к письму 7.

⁷ В начале 1858 г. Полонский по рекомендации Майкова (см. его письмо к Полонскому от 14 октября 1857 г. — 16684.CVII6.8) стал редактором давно задуманного Г. А. Куселевым-Безбородко «Русского слова», а весной А. А. Григорьев по рекомендации Полонского был приглашен в качестве помощника редактора и с начала издания журнала — с января 1859 г. — стал его ведущим критиком. Однако между Полонским и Григорьевым вскоре возникли трения (см. публикацию Г. В. Прохорова: Звенья, т. I. М.—Л., 1932), и Полонский принужден был уйти из редакции. До конца жизни он сохранил чувство обиды на Григорьева. В 1889 г. Полонский писал Фету: «Григорьева я когда-то разыскал во Флоренции и привел его к графу Куселеву-Безбородко с тем, чтобы тот пригласил его в сотрудники „Русского слова“ <...> Сделавшись присяжным критиком „Русского слова“, выгнал меня из редакции за то, что я в одной из

критических статей его сделал отметку такого места, которого ни я не мог понять, ни те, кому я читал это место» (Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Пг., 1917, с. 339—340). См. также: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М.—Л., 1934, с. 236—237; Варустин Л. Э. Журнал «Русское слово»..., с. 26—30. Но и Григорьев недолго продержался в редакции, вытесненный привлеченным по его же совету А. И. Хмельницким. «Русское слово», довольно аморфное по своему направлению, успеха не имело, и летом 1860 г. Кушелев-Безбородко передал его в руки Г. Е. Благосветлова, превратившего журнал в орган демократической мысли.

⁸ Речь идет о морской экспедиции в Грецию, к участию в которой по инициативе великого князя Константина Николаевича был приглашен Майков. Новогреческий язык поэт изучил под руководством Г. С. Дестуниса, впоследствии профессора греческой литературы Петербургского университета. Литературным результатом поездки Майкова был цикл его стихотворений «Новогреческие песни». Корвет «Баян», на котором он плавал, побывал также в Италии. Итальянские впечатления отразились в цикле «Неаполитанский дневник».

⁹ Майков служил цензором в Комитете цензуры иностранной, а впоследствии стал его председателем. Часто жалуясь на материальные трудности, Майков свою службу в цензуре рассматривал как единственный источник существования. Так, в сентябре 1858 г. он писал родным: «Как подумаешь, все-то мы бьемся из-за проклятых денег! Что и со мной было бы, если бы не мой милый К. Ц. И.! (Комитет цензуры иностранной)» (16996.CVIII.6, л. 33 об.).

¹⁰ По словам биографа Майкова, «в ноябре 1857 г. министр народного просвещения А. С. Норов, признавая необходимым пересмотр цензурного устава 1828 года и согласования с ним отдельных распоряжений по цензуре, для приведения устава в полное и законное единство, образовал для этой цели временный комитет под председательством товарища своего <П. А. Вяземского> и пожелал, чтобы в состав этого комитета был командирован А. Н. Майков, с возложением на него вместе с тем и производства дел этого комитета» (Златковский М. Л. Аполлон Николаевич Майков. Изд. 2-е. СПб., 1898, с. 54).

¹¹ Речь идет о двухтомном издании «Стихотворений» (СПб., 1858).

¹² Число не дописано.

¹³ Это письмо Полонского — от 10 марта н. ст. 1858 г. — находится в ИРЛИ (16904.CVIII.6.3).

¹⁴ Шелгунова Людмила Петровна (1832—1901) — жена видного публициста и критика революционно-демократического лагеря 1860-х годов Н. В. Шелгунова, друг М. Л. Михайлова, автор интересных воспоминаний «Из далекого прошлого». Несколько писем Полонского к Шелгуновой опубликованы в газете «Русская земля» (1904, № 3, 3 января).

¹⁵ Об этом портрете см. письма жены Майкова, Анны Ивановны, к Полонскому от сентября 1857 г. и 8 февраля 1858 г. (16684.CVII.6.8).

¹⁶ Подбором сотрудников для «Русского слова» занимался в это время фельетонист и беллетрист Е. А. Моллер. 10 марта 1858 г. Полонский писал Л. П. Шелгуновой: «Граф вполне сознался, наконец, что для журнала еще ничего не сделано, что окружали его не литераторы, а литературная тля, что из числа приобретенных им рукописей более трех третей — дрянь никуда не годная, — нынче получено было письмо от Моллера, в котором он присылает список статей, им приобретенных по отъезде графа за границу. Боже ты мой! Каких-каких имен я там не встретил!».

¹⁷ «Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую» была напечатана через год в «Русском слове» (1859, № 3). «Вывод из всей моей летописной работы», — писал о ней Мей Н. Ф. Щербине (Мей Л. А. Стихотворения и драмы. [Л.], 1947 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 537). В указанном выше письме к Л. П. Шелгуновой Полонский резко отозвался о произведении Мей: «По моему мнению, это такая стихотворная нел্পость, что... совестно даже думать, что эту песню произвел на свет

человек даровитый». Нелепости Полонский усматривал и в языке «Песни», и в отдельных ее образах.

¹⁸ Имеются в виду статьи А. А. Григорьева «О правде и искренности в искусстве» (Русская беседа, 1856, т. 3) и «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (Библиотека для чтения, 1858, № 1). Вторая статья посвящена Майкову.

¹⁹ Статья Михайлова о Мее, напечатанная под его именем, неизвестна. Возможно, это большая неподписанная рецензия на «Стихотворения Л. Мея» (СПб., 1857) и «Слово о полку Игореве... Перевод Л. Мея» (СПб., 1856), появившаяся в «Библиотеке для чтения» (1858, № 1, «Литературная летопись», с. 11—35).

²⁰ Старов Николай Дмитриевич — педагог. 21 апреля 1858 г. Е. А. Штакеншнейдер записала в дневник: Полонский, через мамá и Майкова, приглашает и Михайлова в сотрудники редактируемого им журнала, а также и Старова, этого восторженного учителя словесности» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М.—Л., 1934, с. 203). Осуществилось ли сотрудничество Старова в «Русском слове» в 1859 г., неизвестно. См. также: Юнге Е. Ф. Воспоминания. [М., 1914], с. 145—147.

²¹ Имеются в виду язвительные рецензии Добролюбова на «роман в письмах» Е. Ростопчиной «У пристани» и «Стихотворения» Л. Мея (Современник, 1857, № 10 и 12), напечатанные, как и другие рецензии Добролюбова, без подписи. Слова «только две» свидетельствуют о том, что степень участия Добролюбова в «Современнике» была еще неизвестна в литературных кругах.

²² О каком Закревском идет речь — неизвестно.

²³ Кроль Николай Иванович (1823—1871) — поэт и драматург. В 1850-х годах лирика Кроля находилась в русле школы «искусства для искусства»; в 1857 г. он выпустил сборник «Эскизы». В конце 1850-х годов во время путешествия во Францию Кроль сблизился с политическими эмигрантами и, проникнувшись демократическими симпатиями, стал писать юмористические стихотворения, иногда с яркой политической окраской; сотрудничал в «Искре» и других журналах демократического направления. Кроль был своим человеком в редакционном кружке «Русского слова»; Куселев-Безбородко был женат на его сестре. По свидетельству современника, Кроль рекомендовал Куселеву Г. Е. Благосветлова, который в 1860 г. и стал редактором «Русского слова».

²⁴ Майков вспоминает о своем восторженном письме к Тургеневу от 5 декабря 1857 г., в котором он призывал его вернуться в Россию: «Возвращайтесь сюда! Здесь строятся, нужны работники, — а главного артефакта и нет...». Письмо напечатано в воспоминаниях Л. П. Шелгуновой, см.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания, т. 2. [М.], 1967, с. 86—89.

²⁵ Корвет «Баян» отправился из Кронштадта лишь 5 августа 1858 г., см.: [Панаев И. И.]. Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта. — Современник, 1858, № 9, с. 108.

<19 мая 1858>.

Я вчера, уезжая из Петербурга, написал тебе записку;¹ теперь по поводу того же разбора пишу другую. Меня заняла мысль — неужели не выражается никакой общей идеи в массе моих литературных трудов? Пообсудив все хорошенько, я дошел до заключения, что выражается, и именно та, которая проходит

через всю мою жизнь. Идея эта есть природа, натура, натуральность и норма. Не говорю уже о природе внешней: что автор любит ее и любит жизнь с ней и в ней, это уже не подлежит сомнению, и я уверен, что читатель в затруднении даже сказать, которую природу он больше любит — роскошь ли юга или северное болото. Но успокоительное ее влияние, мне кажется, заметно и в нормальности отношений автора в житейском мире. Посмотри отношения к женщине: он нигде не рисует, не становится на дыбы; отсюда происходит также и отчужденность от собственно современных вопросов, ибо мир человека как будто кажется мал для того, кто жизнь ведет под влиянием космических сил, а впутавшись в него, немудрено такому стороннему зрителю и вздор иногда понести, поддавшись влиянию великих идей, которые двинут иногда предержавшие власть для корыстных своих целей. Но, с другой стороны, — и именно это довольно сильно высказывается в ряде пьес, постоянно во все годы следующих одна за другою, — эта природа и любовь к ней заставляет глубже чувствовать уклонение условий общественной жизни от нормы. См. Послание к барышне,² «Грезы», в «Очерках Рима» многие пьесы, «Жрец», «Весенний бред», «Он и она», «Вихрь» и много других, вроде «После бала», «Старый хлам» и пр. Одним словом, автор не может уже оставаться равнодушным к условным формам общества и порождаемых ими аномалий. И действительно, во всей моей жизни я никогда не лгал и не мог терпеть лганья, даже перед самим собою. В «Трех смертях», самой уже объективной пьесе (это, конечно, я только теперь уразумеваю, а не тогда, когда писал), я не мог этих философов заставить остаться отвлеченными идеями, — в каждом из них сказывается человек, несмотря на то что у каждого в голове теория: Лукан — малодушный мальчик, который, по восприимчивой натуре, в минуту может быть героем; Сенека все-таки вышел стариком и падает перед сомнением в своем призвании; Люций тоже иногда выходит из себя.

Странное еще это чувство объективности. Верь мне, что каждая пьеса, хотя бы она взята была из чуждого мира, возникла вследствие личного впечатления, положения и чувства, но во мне есть способность личному впечатлению дать эпическую важность и восторг, волнение и слезы, сопровождающие рождение всякой почти пьесы, скрыть под спокойным и живописным стихом.

Вот тебе несколько мыслей моих о себе. Но знаешь ли что? мне как-то вдруг страшно стало спю минуту, страшно, что я так отрешился от себя и взглянул на себя, как третье лицо. Пренеприятное чувство, вследствие которого перестаю писать и думать об этом и иду спать, с тем чтоб завтра рано удрать на озеро.

Дача наша очень хороша, но все-таки такая, что если бы я два последние года прожил здесь, то ни за что бы не написал того, что написал близ Гатчины, а вернее, не написал бы ничего. Кругом есть дачники и аристократы, лесу нет, ловля в саду, дом барский, ни уют, ни приюта, ничего такого, что бы полюбить.

Словом, не моя скорлупа. А все-таки, когда будет тепло, приежай на день, на два поудить. Ей-богу, хорошее дело, и для тебя, мой друг, полезное, так что я тебя не столько уже приглашаю, сколько прошу, и настоятельно прошу. К тому и то аргумент — я исчезаю надолго,³ так надо разок поудить вместе, то есть денек провести по душе.

До свидания же, надеюсь.

Твой А. Майков.

Небольшой отрывок данного письма (16666. CVIIб. 7) напечатан Н. Л. Степановым в статье о Майкове (История русской литературы, т. 8, ч. 2. М.—Л., 1956, с. 298). В ИРЛИ хранится также письмо Дудышкина к Майкову 1857 г. (16792.CVIIIб.1).

Дудышкин Степан Степанович (1820—1866) — литературный критик, ближайший сотрудник «Отчужденных записок» А. А. Краевского, а с 1860 г. его соредактор; приятель Майкова с университетских лет.

¹ Эта записка сохранилась: «Сию минуту я отправляюсь на дачу и сию же минуту я прочел в „С. Петербургских ведомостях“ разбор моей книги. Истинно он меня порадовал, и я уступаю первому движению сердца и прошу тебя передать Краевскому за напечатание, а неизвестному рецензенту за написание этого разбора, тем более что так давно я не видел даже упоминания имени моего в рецензиях. Это смелость, за которую вдвойне благодарю...» (почтовый штемпель: 18 мая). Речь идет о литературном обозрении, большая часть которого представляет собой характеристику творчества Майкова в связи с выходом собрания его стихотворений (Русская литература. — С.-Петербургские ведомости, 1858, № 100, 10 мая, без подписи). В ней много похвальных слов о «строгой, спокойной, основанной не на преобладании одного элемента над другим, а на их гармонии» красоте, о том, что мысль и чувство отличаются у Майкова «не поэтической неопределенностью, а своею внешнею осязательностью», о стихе, которым никто после Пушкина не владел так мастерски. Вместе с тем критик дал общую оценку творческого облика Майкова, которая, как видим из письма к Дудышкину, задела его за живое. Основной его чертой автор статьи считает, если выразить сказанное им современным понятием, эстетизм. По его словам, поэзия Майкова «преимущественно обращается в отвлеченных, чисто художественных сферах: это поэзия без отношения к современной эпохе». Она «идеализирует действительность, облакает ее в художественные формы, несколько не стараясь выскочить в смысл этой действительности. Она вдохновляется более внешнею стороною действительности и возводит эту сторону до художественного совершенства, но при таком процессе трудно угадать личное воззрение поэта на жизнь <...> трудно дать отличительный характер поэту, если только эта отличительность не состоит в одном исключительном воспроизведении идеи красоты». Критик называет творчество Майкова «чисто объективным» и говорит о его «безучастности» к изображаемому. Это свойственно, по его утверждению, не только пейзажной лирике Майкова, но и такому произведению, как «Три смерти», в котором много «истинно поэтических красот». Однако Майкова, по словам рецензента, «занимает здесь не мысль, а картина; он интересуется не столько мыслью, сколько процессом воплощения этой мысли в выведенных им лицах. Насколько прав Лукан, Сенека или Люций и есть ли где-нибудь правда вне этих лиц, до этого поэту нет дела». Правда, автор статьи делает оговорку, что речь идет «не о достоинстве, несостоятельности или отсутствии мысли в каком-либо произведении г. Майкова, а о том, какую роль играет элемент мысли в его поэзии».

² Имеется в виду стихотворение Майкова «Барышнее» («Вас, ангел, релюций в гостиных...»). См. о нем также в письме 3.

³ Майков имеет в виду морскую экспедицию в Грецию.

Ф. А. КОНИ

Четверг, утро <17 марта 1860>.

Милостивый государь Федор Алексеевич!

В издающемся ныне «Энциклопедическом лексиконе» мне вверена редакция по отделу изящных искусств, к которым отнесен и театр. Никогда не занимавшись историей драматического искусства, я желал бы передать все статьи по части театра и истории его в какие-нибудь опытные руки, и полагаю, что не ошибусь, если предложу их Вам. Поэтому прошу Вас, буде это Вас не затруднит, пожаловать ко мне в пятницу в 6 часов вечером, — в это время обыкновенно собираются у меня все мои сотрудники для разбора алфавита, чтения статей и общих совещаний, так как труды по всему моему отделу у меня обсуживаются всеми сотрудниками коллегиально. Извините меня, что не являюсь просить Вас лично, ибо сегодня никак не могу улучшить для этого минуты, а откладывать дело далее мне бы не хотелось, и хотелось бы вместе с тем, чтобы завтра Вы уже были бы в общем нашем заседании и, если согласитесь, тотчас бы вошли в состав редакции. Живу я: в Большой Садовой, против Юсупова сада, в доме Куканова, 3-й подъезд от угла Екатерининского проспекта, в 3-м этаже.

Надеюсь, что Вы примете мое предложение.

Честь имею быть

с совершенным уважением

Ваш покорнейший А. Майков.

Дата письма (ф. 134, оп. 5, № 199) определяется по почтовому штемпелю: 17 марта 1860 г. (17 марта и был четверг). Еще одно письмо Майкова к Кони (без даты) опубликовано в «Русском архиве» (1909, № 11, с. 253—254).

Кони Федор Алексеевич (1809—1879) — водевилист, театральный критик и историк театра, журналист, редактор «Литературной газеты» (в начале 1840-х годов) и театрального журнала «Пантеон» (в 1840—1841, 1847—1856 гг.; название его варьировалось).

«Энциклопедический лексикон», о котором пишет Майков, — это «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами». Он выходил в 1861—1863 гг. и прекратился на шестом томе. Участие Майкова — заведование «редакцией изящных искусств» — было отмечено в первых четырех томах, а затем имя его из состава редакции исчезло. В первых трех томах помещен десяток небольших статей и заметок Кони. В ИРЛИ находится письмо Кони к Майкову от 12 ноября 1860 г. по поводу статей для «Энциклопедического словаря» (16832.CVIII.6.2). Кони сообщает, что две статьи («Агвийяр», «Айра Ольдриддж») он переделал и сократил, а статью «Актер» не хочет портить и просит передать другому лицу. В 1-м томе напечатана заметка Кони о португальской артистке Агвийяр; статья «Актер и актриса», помещенная во 2-м томе, подписана инициалами П. Л., т. е. принадлежит П. Л. Лаврову.

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

Милостивый государь Егор Петрович!

Получив вчера от Вас мое стихотворение «Поля», я крайне был удивлен, что цензура вымарала в нем почти весь его смысл, и пришел к убеждению, что она остановилась только на одном поверхностном прочтении. Я стал вдумываться в эту пьесу и уверился, что из нее *нельзя* вывести иного заключения, как следующее.

В ней представлен дворовый человек, который недоволен «волей». Взят мною дворовый как представитель рабского, испорченного класса; он с помещиком старого времени кутил, даже разбойничал иногда вместе, словом, был его сеидом; правда, был бит и барином, но зато чванился перед дворней и мужиками, играл роль, вертел всем домом, — явление ненавистное, но нам всем знакомое.^а Такой человек недоволен «волей» потому, что она лишила его прежнего значения, что он уже по-старому не может удовлетворять своим страстям и порокам, и, разумеется, плачет по старине и ругает новое. *Кто же не поймет, что брань на новый порядок в устах старого подлого холопа есть величайшая похвала благодетельной реформе, ныне у нас совершившейся.*^б Это ясно для каждого, кто имеет хоть какое-нибудь понятие о художественном образе. Надо брать смысл всей пьесы, а не отдельные выражения: ведь мой старик смешон тем, что в своих lamentациях плачет и о *каруселях для гостей!* Неужели не ясно!

Далее: этот холоп пристаёт к ямщику, чтоб тот сказал, чего они хотят? Ямщик не находится, что отвечать: да разве инстинктивный еще человек может сказать что-нибудь определенное? А в его движении, что он поскакал, видно только, что он, по инстинкту, *хочет и в жизни уйти от того порядка, который уничтожен уже правительством, уйти «как от волков», «как из-под тучи грозовой»* и пр. Ведь этими чертами характеризуется *старый крепостной порядок!* А куда уйти? он и этого не может сказать, а к чему-то уже осуществляющемуся лучшему, что характеризуется последним стихом: *А даль-то, даль — как широка!* Ясно — это горизонт, открытый новым Положением.

Если бы можно было обратить внимание цензуры на общий смысл пьесы, а не на отдельные выражения, взятые без связи, то она бы тотчас нашла, что эта пьеса есть самая *большая похвала Положению 19 февраля*, какую я только могу сказать, по эпическому складу моего литературного дарования, а эту похвалу мне

^а Оно так известно в литературе, что его узнают по одному намеку, по одной черте: известно, какие люди дворовые! (Прим. А. Н. Майкова).

^б Это то же, что плач взяточника по взяткам, плач подъячего по прежнему хаосу в законах и т. п. (Прим. А. Н. Майкова).

даже хочется заявить публично, ибо я душевно сочувствую этому величайшему деянию нашего государя.

Впрочем, для большей ясности, но в границах моего искусства я сделал некоторые изменения в кой-каких стихах, чтобы рельефнее выставить мою мысль. Может быть, эти поправки в глазах цензуры прольют более ясный свет на все содержание пьесы, и я почти не сомневаюсь, что с этими поправками она ее дозволит для чтения. Вверяю Вам еще раз мое детище, похлопочите, чтобы и теперь оно не вышло уродом. Ей-богу, в нем нет никакой затаенной мысли!

С истинным почтением и совершенной преданностью

Ваш покорнейший слуга А. Майков.

Декабря 6
1861 года.

В архиве Майкова сохранились два автографа этого письма: неполный черновик (17380.СIX.6.15, л. 78, среди писем к неизвестным лицам) и перебеленный текст (16672.СVII.6.7); оба — без даты. Автограф, отосланный Ковалевскому, с несколькими мелкими исправлениями и датой, хранится в его архиве в ГПБ (ф. 356, № 261). Нами письмо печатается по этому автографу. В ГПБ находятся еще два письма Майкова к Ковалевскому.

Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) — горный инженер, путешественник, дипломат, во второй половине 1850-х годов директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел; автор книг «Четыре месяца в Черногории», «Путешествие в Китай», «Граф Блудов и его время» и др.; брат министра народного просвещения (в 1858—1861 гг.) Евграфа П. Ковалевского; со дня основания Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) его председатель.

Стихотворение Майкова «Поля» и другие произведения, предназначенные для публичного чтения в пользу Литературного фонда, были представлены в Министерство народного просвещения, в ведении которого тогда находилась цензура. 4 декабря 1861 г. министр Е. В. Путятин сообщил Ковалевскому, что некоторые из них, в том числе «Поля», дозволены с купюрами — «отрывок из стихотворения г. Майкова „Поля“ — за исключением стихов, не пропущенных Государственной канцелярией и зачеркнутых красным карандашом» (ГПБ, архив Литературного фонда, т. 9, л. 377—377 об.). В Государственную канцелярию направлялись цензурным комитетом все произведения, так или иначе затрагивающие крестьянский вопрос. Что именно беспокоило Государственную канцелярию в стихотворении Майкова, ясно из его письма к Ковалевскому. В ГПБ (ф. 453, оп. 1, № 2) хранится автограф стихотворения «Поля», в котором красным карандашом отчеркнуты строфы 14—23. В искаженном виде «Поля», озаглавленные «Из путевых впечатлений» (см.: СПб. ведомост. 1861, № 286 и 287, 24 и 29 декабря), и были прочитаны 29 декабря 1861 г. Но и в таком виде они вызвали беспокойство агента III отделения, который докладывал своему начальству: «Стихотворение это произвело фурор и глубокое впечатление и служит предметом всеобщего разговора. Все видят в этой картине изображение России и впадают в какую-то невыразимую тоску. Известно, было ли оно процenzуровано» (Краснов Г. В. Выступление Н. Г. Чернышевского с воспоминаниями о Н. А. Добролюбове 2 марта 1862 г. как общественное событие. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 146). Интересно, что в том же № 287 «С.-Петербургских ведомостей» напечатано объявление о литературном вечере в пользу бедных учащихся 2 января 1862 г., в программе которого значатся «Поля».

И. П. МОЖАЙСКОМУ

21 мая 1862.

Любезнейший Иван Павлович!

Я не мог до сих пор ничего сообщить Вам нужного о поручении Вашем к Иероглифову,¹ потому что не заставал дома, или нет его, или спит. Наконец оставил ему стихотворение Ваше и изложил в записке кондиции. На днях опять пойду и о результате уведомя Вас. Неделя, проведенная мною у Вас в Новгороде, вышла для меня каким-то светлым оазисом с населением, в котором древние мужи новгородские, вызванные к жизни Ник^олаем Ивановичем,² как-то странно перемешались со всеми вами, и с Ив^аном Куприяновичем, и с милейшим Никол^аем Карловичем, и со всеми вашими семьями.³ Надо будет повторить эту прогулку.

В Петербурге нашел опять старую мерзость, и что всего досаднее, это утопические взгляды во всех кружках до того упрямые, что нет возможности говорить с ними человеку, чуть-чуть знакомому с историей и народом. Ей-богу, одиночества больше здесь, чем у вас. Утопии, кажется, договорились до конца. Далее уж той слепости, до какой прогрессисты дошли в своих прокламациях, кажется, уж нельзя идти. В одной из самых свежих между прочим, например, говорится, что Конвент французский был слишком кроток, что террор был мал, ибо зарезал только 300 000 чел^овек, а что они намерены учетверить эту цифру: не знаю, кого соблазнят они такой программой; но, кажется, это производит обратное действие, заставляя оттолкнуться от них тех, которые еще полуверили этим неизвестным регенераторам отечества.⁴ Это, с одной стороны, дети с коммунистами в голове, а с другой — безмозглые старики, которые раздражают частных смирных людей, весьма грубо проводя шпионство в дома посредством прислуги, что, разумеется, тотчас делается известно. Вот две мерзости петерб^урской жизни, отравляющие существование на каждом шагу.

Сейчас иду хоронить *Мей*. Жаль мне его! все-таки поэтом меньше! и хотя Мей давно разрушал себя вином и был развалипа, но чуждой был души человек, благододен и светел умом! А уж как так горячо и верно понимает теперь поэзию, как он, — я и не вижу вокруг себя. В этом отношении для меня незаменима его потеря: без его суда я не выпускал ни одного стихотворения, и как он понимал самотончайший эфир этого неуловимого *je ne sais quoi*,⁵ что и есть поэзия.

Недокончив письма, я пошел на похороны, видел Ероглифова, он взял у меня ваш адрес, хотел сам писать, но цену 40 к. нашел великою. Уж как знаете, списывайтесь с ним.⁵

До свидания. Ваш А. Майков.

¹ Я не знаю чего (*франц.*).

Пифр письма: 16678.CVII6.7.

Можайский Иван Павлович (1828—1893) — новгородский педагог и поэт. В 1860-х годах сотрудничал в «Искре» и «Будильнике». Автор книг «Собрание стихотворений (прежних и новых)» (СПб., 1885; под псевдонимом «Дядя Пахом», которым часто подписывался и в журналах), «Учебный курс географии Новгородской губернии» (1878), ряда статей об эпохе Александра I в «Историческом вестнике» 1880-х годов. В начале 1860-х годов был одним из руководителей нелегального кружка в Новгородской гимназии. Штаб-офицер корпуса жандармов по Новгородской губернии Буцковский сообщал в III отделение, что учителя Отто, Можайский и Войнаровский писали на губернатора Филипповича «разные сатиры, которые помещались в „Искре“ и других повременных журналах». Будковский аттестовал новгородских учителей как людей, придерживающихся «республиканских, демократических направлений» (см.: Дьяков В. А., Фильгус В. Е. Революционные кружки в Новгороде в 1859—1863 гг. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 502—504). Разумеется, Майков об этом не подозревал. Майков вместе с Н. И. Костомаровым и Н. П. Барсуковым побывал в Новгороде в начале мая 1862 г., осматривал исторические памятники и места в городе и его окрестностях. Об этой поездке подробно рассказал Н. П. Барсуков в своих «Воспоминаниях о Н. И. Костомарове и А. Н. Майкове» (Русское обозрение, 1897, № 5).

¹ Гиероглифов Александр Степанович (1824—1890) — журналист, в 1860—1863 гг. редактор еженедельной газеты «Русский мир»; в 1862 г. при этой газете в качестве приложения выходил журнал с карикатурами «Гудок».

² Николай Иванович — Н. И. Костомаров (1817—1875), русский и украинский историк, этнограф и писатель. Через несколько месяцев вышло его двухтомное сочинение «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегов уклада» (СПб., 1863), значительная часть которого посвящена древнему Новгороду. До этого, в январе 1862 г., была напечатана его работа «О значении Великого Новгорода в русской истории. Статья из публичного чтения в Новгороде 3 апреля 1861 года» (Отечественные записки, 1862, № 1). Но Майков, без сомнения, имеет в виду устные рассказы Костомарова во время пребывания в Новгороде (см. указанные выше воспоминания Н. П. Барсукова).

³ Иван Куприянович — И. К. Куприянов; Николай Карлович — Н. К. Отто; оба — учителя Новгородской гимназии.

⁴ Речь идет о прокламации «Молодая Россия», появившейся незадолго до этого — в первой половине мая 1862 г. В ней говорилось между прочим: «Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года; мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах» (Прокламации шестидесятых годов. М.—Л., 1926, с. 64). Об авторе прокламации, ее содержании, впечатлении, которое она произвела на современников, см. в работе Б. П. Козьмина «П. Г. Зайнчевский и „Молодая Россия“», вошедшей в сборник его избранных трудов (Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961). Майков, по-видимому, не видел прокламации и знал ее в пересказе.

⁵ В «Русском мире» и «Гудке» стихотворение Можайского напечатано не было.

1863. Февраля 10.

Если б Вы, любезнейший друг, знали, какую радость доставили Вы мне, когда, вынув из конверта иероглифическую рукопись, я узнал, что это от Вас письмо, — Вы бы, верно, писали мне и больше и чаще. Мы немного времени провели вместе, но я так полюбил Вас, как будто всего насквозь знаю, и нахожу только один недостаток у Вас, которым и сам страдаю, — это лень писать. У меня в семействе вспоминают Вас часто, не только жена, но и дети. Изо всего этого Вы видите, конечно, что об Вас у нас только одна фраза: что он там у себя делает? и отчего бы ему не основаться в Петербурге, с частыми, конечно, выездами туда и сюда. Я к этому присоединяю еще вот какое рассуждение: ведь Вы, собственно говоря, ученый; не знаю, что Вы можете сделать у себя, но для себя и для Европы несказанно много! а уж об России и говорить нечего! Чтобы Вам быть полезным для своего народа — извините, у Вас к тому вряд ли есть способности, а именно Вы слишком образованы и учены для своей среды, а кроме того, совсем непрактичны. Последнее — главное. Ведь среда заест, а Вы едва ли будете на кого-нибудь иметь влияние. Лучшее, что можете сделать, — это хлопотать об учреждении гимназии в степи — если хоть дворянство к этому приготовлено и желает, а хлопотать надо в Петербурге. Вообще, по всем моим соображениям, Вы должны быть здесь. Хоть скверное место — да нечего делать — устройте так дела, чтобы получать здесь из дому деньги на прожиток, да и приезжайте сюда. Другое дело, если б Вы там в Азии состояли на службе, если б с Вашими идеями совпали наши дальнейшие действия в Средней Азии и клонились бы к обоюдной выгоде народов, но ведь Вы, кажется, совсем в стороне и ничем таким не занимаетесь.

Вы спрашиваете, что у нас в литературе, в обществе? Вопрос, на который отвечать трудно: подробности осаждают и заставляют терять взгляд на целое, я же всегда люблю смотреть на события с высоты птичьего полета, знать все карты у всех партнеров и рассматривать каждый факт как историческое явление. Вследствие этого я не мог и не могу встать сам ни в каком лагере. Да поэту, ей-богу, и не следует, ибо поэт есть вместе и философ, а уж никак не уличный боец. Но у нас есть и философы — уличные бойцы, философ — и последователь какой-нибудь крайней теории! да совместимо ли это? Философ — это результат всего прожитого человечеством; все явления дня — он должен знать их смысл и смотреть на них как на явления, повторяющиеся всегда и везде в истории в известный период общественной жизни. Ведь Вы отчасти тоже философ — вот почему сомневаюсь, чтоб могли быть полезным деятелем дома: Вы еще не нужны там, то есть там нужны

двигатели закала попроще, а Вы уж, как ни вертитесь, принадлежите Европе. Совмещая в себе цвет европейской образованности и науки с ученостью Востока, Вы должны Европу знакомить с Азией, а для Азии ничего не сделаете, разумеется, покамест. А звено между Азией и Европой — Россия. Вы и должны на нее смотреть как на разумное поприще Вашей умственной деятельности. Еще время не пришло для Ваших родных степей, чтобы им нужны были деятели такие, как Вы. Вы очень воздержны в описании того, что Вы делаете, но я вижу Вашу жизнь, друг мой! вижу и глубоко за Вас страдаю! Не смейтесь надо мною: я горячо полюбил Вас! да и не я один!

Вот — я зову Вас в Петербург, а кроме грустного-гнусного ничего об нем не могу сказать! Впрочем, говоря вообще, хоть и трудно жить в наше время, но все-таки мы с гордостью можем говорить об историческом периоде, который переживаем. Освобождение крестьян повлекло ряд преобразований, которые дадут нам физиономию образованного народа: наши революционеры смысла не имеют и просто противны, ибо стоят на воздухе, декламируют вздор, а главное, невежды и в науке и в жизни. С другой стороны, бесят вас люди в правительстве, которые им придают значение и смотрят на них как на опасных людей. Да пустите их на все четыре стороны! Боятся, что эти мальчуганы народ взбунтуют: взбунтовать народ против царя, который его освободил и несказанно улучшил в быте! да народ их свяжет и представит, если не избыет как недобрых людей. Вот эти, с одной стороны, мальчишки, с другой — старцы отравляют вам дни! И, несмотря на это, руководящая временем и общим ходом события мысль идет и не останавливается, и за это воздаст хвалу история виновнику. Вот Вам общий очерк положения, от подробностей увольте.

Перехожу к себе. Я все живу так же, как Вы видели. Написал без Вас много: 1. «Неаполитанский альбом», см. «Отечественные» записки за декабрь 1862, и 2. «Смерть Люция», вторую часть поэмы «Три смерти». Это — серьезная вещь. Жалею, что не могу прочесть ее лично Вам — не знаю еще, где она будет помещена. Я уведомя Вас, где она будет напечатана,¹ и попрошу, если прочтете, написать, как Вы ее нашли — в ней все мною прожитое и вынесенное из жизни, хотя краски и взяты из древнего мира, но у меня взята переходная эпоха, и мы живем в такую же; нисколько не натягивая и избегая даже аллюзий, я чувствую, что нашел рамку, в которую вложил весь результат моего опыта. Брани ожидаю много — именно за свое объективное отношение к лицам. Вы поручаете мне хлопоты о Ваших трудах. 1. Корш² просит сказать, что с распростертыми объятиями встретит все, что Вы доставите; 2. О сказках редакторы предлагают вопрос — в каком у Вас они виде? в виде обработанных статей или сказки *in crudo* ³? Во всяком случае присылайте мне все, что

¹ а В первоначальном виде (лат.).

у Вас есть, и уж будьте уверены, я буду хлопотать как о своих собственных вещах, даже более, ибо хлопотать о своих вещах не мастер.³

На днях кончился срок запрещения «Современнику» и «Русскому слову». Первый № «Современника» вышел левиафаном⁴ — я еще не читал, просмотрел критику — запевают на старый лад, в духе партии, которая только в своих рядах хочет видеть честных людей, а кто не ее — тот просто подлец. Это так и объявлено. Инако не смей думать! сожжем!.. Логика инквизиции и Конвента. Как странно сходятся крайности! Более всего ругни на «Русский вестник». Это, кажется, кошмар петербургских журналов — и нет клеветы, которую бы на него не выдумали.⁵ «Время» плетется кое-как, — но Вы его, верно, получаете, — оно все забирает возжи, горячится, помахивает кнутом, да решительно не знает, куда коней направить. Я уж перестал их понимать: кипит, как самовар, и ни с места.⁶ «Отечественные записки» серьезны и сухи, знают, где раки зимуют, да достать не могут, и ходят около. То-то и есть — у нас или честный деятель, да жизни не знает и науки не имеет; или и знает много, да таланту нет: много званных, да ни одного избранного! Некрасов двуличествует: говорит нам: меня эти скоты (sic) поставили в скверное положение в отношении к товарищам — черт знает что там писали — я все перемену, я их выгоню вон, и через три дня печатает огромными буквами, что будут у него постоянно трудиться такие-то.⁷

Ну до свидания, любезнейший, когда же увидимся? Пора!

Ваш А. Майков.

Письмо (17380.CIX.6.15, л. 42—43) находится среди адресованных к неизвестным лицам. Однако оно обращено к Ч. Валиханову и является ответом на письмо Валиханова от 6 декабря 1862 г. (Валиханов Чокан. Избр. произв. Алма-Ата, 1958, с. 566—569; автограф — 16743.CVII.6. 9).

Валиханов Чокан Чингисович (1835—1865) — казахский просветитель-демократ, историк, этнограф и фольклорист, путешественник, автор исследований по истории и культуре Средней Азии, Казахстана и Китая. В 1860—1861 гг. жил в Петербурге, работал в Главном штабе над подготовкой карты Азии, принимал участие в трудах Русского Географического общества. Большое влияние на формирование взглядов Валиханова оказали представители русской передовой демократической мысли и литературы. С Майковым Валиханов познакомился, по всей вероятности, через своего давнего друга — Ф. М. Достоевского.

В письме к Майкову Валиханов жаловался на свое одиночество, хотя он и живет «среди родных и окруженный милыми земляками», на «национальные <...> и сословные предрассудки», заблуждения, освященные временем. «Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров, мы начинаем расходиться». И дальше он с горечью замечал: «Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми». Валиханов спрашивал Майкова о Петербурге, о петербургских друзьях и литературных новостях («Что делают Достоевские? <...> Как их журнал идет? <...> Что с „Современником“?»). Далее он просил узнать о возможности печатания его корреспонденций и научных работ.

¹ «Смерть Люция» появилась в № 2 «Русского вестника» за 1862 г. (этот номер вышел с большим опозданием: цензурное разрешение датировано 23 марта 1863 г.).

² Корш Валентин Федорович (1828—1893) — либеральный журналист, редактор газеты «С.-Петербургские ведомости».

³ Это ответ на просьбу Валиханова, который писал Майкову: «Я бы хотел быть корреспондентом „Санкт-Петербургских ведомостей“ о делах среднеазиатских и киргизских степей. Нельзя ли поговорить с редактором? <...> Нельзя ли также узнать у „Отечественных записок“, можно ли им будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у киргиз и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях...». Судя по библиографии работ Валиханова, его сотрудничество в «С.-Петербургских ведомостях» и «Отечественных записках» не осуществилось.

⁴ В июне 1862 г. «Современник» и «Русское слово» были приостановлены правительством на восемь месяцев. Двойной номер возобновившегося «Современника» — за январь и февраль — вышел накануне, 9 февраля 1863 г.

⁵ Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» с начала 1860-х годов из органа умеренно либерального направления превратился в рупор политической реакции и стал главным идейным врагом демократического лагеря. Между тем Майков оставался его постоянным сотрудником.

⁶ «Время» — журнал, издававшийся Ф. М. и М. М. Достоевскими в 1861—1863 г., орган так называемого почвенничества. Сдержанный и пролический отзыв о «Времени», которое, несмотря на неопределенность своей программы, в некоторых отношениях еще было близко к демократической журналистике, свидетельствует о резком поправении Майкова. Слова Валиханова о неясности идейных стремлений «Времени» («я что-то плохо понимаю их *почву, народность*, — то славянофильством пахнет, то западничеством крайним») имели другую окраску: он склонялся к преобразованиям коренным по западному образцу.

⁷ Во время вынужденного молчания «Современника» Некрасов, добиваясь его возобновления, принужден был лавировать. По словам одного из близких сотрудников журнала Г. З. Елисеева, «все друзья и враги интересовались знать, почему остановлен „Современник“, и все приставали к Некрасову с этим вопросом; Некрасов <...> чтобы отвязаться от вопрошающих, отвечал кратко: „да я не знаю, за что остановили „Современник“; верно, моя консистория там что-нибудь в нем напутала“» (Шестидесятые годы. Антонович М. А. Воспоминания. Елисеев Г. З. Воспоминания. [М.—Л.], 1933, с. 315—316). «Консистория» — руководящие сотрудники журнала, выходцы из духовного сословия, во главе с Чернышевским. Жена Елисеева утверждала, что Некрасов сказал это, отвечая на вопрос «кого-то из своих высокопоставленных знакомых» (там же, с. 449). Стали ходить слухи, что он хочет изменить направление журнала. Однако первый же вышедший номер разочаровал всех тех, кто надеялся на это, в том числе и Майкова. Слова Майкова «говорит нам» вряд ли следует понимать буквально: он давно уже был далек от редакционного круга «Современника».

14

Б. Н. АЛМАЗОВУ

<1867>.¹

Любезнейший Борис Николаевич!

Извините, что долго не отвечал на Ваше письмо, весь был погружен в своих раскольников и Карамзина. А между тем по прочтении присланных Вами стихотворений² много поднялось

в душе, что бы и высказал тотчас, в искренней импровизации, с плачем по собственным ошибкам, с горячим рвением, дабы избегали их начинающие поэты. Это уже показывает Вам, что в присланных стихотворениях чую талант: в них есть уже стих, и этого много, есть нечто личное, что еще более. Но они еще как плоды, так и сидят на том древе, на коем выросли; но, слава богу, древо то хорошее, Пушкин и Лермонтов. Дело в том теперь, когда отпадут, на какую попадут почву? Есть почвы разные, и ее-то надобно приготовить. А готовится она трудом и терпением, наукой и знанием. Без этой подготовки будет пустоцвет, который издаст несколько первых подающих надежду звуков, истощится и в состоянии будет только пробавляться обличительными стишками и гражданской скорбью, чем будет маскироваться злоба на собственное бессилие, сваливать свой грех на среду, на общество.

Как же приготовить почву? Соблазнительно сказать следующее. Как хорошо бы было, если б молодые начинали тем, чем кончили старые. Пушкин кончил «Борисом Годуновым», «Медным всадником», «Русалкой» и пр. Это уже не байронический «Кавказский пленник», «Цыгане» и пр. Перелом — в «Полтаве». Но вы Пушкина не поймете, если не примете в соображение его исторических трудов — «Пугачевского бунта» и цветка, распустившегося на этом труде, — «Капитанской дочки». Лермонтов шел сюда же. Из поэтов моих товарищей только Мей раньше всех понял, где раки зимуют; Фет всегда был верен себе, т. е. миру легких ощущений, он и особь статья, он мил в этом мире. Полонский до сих пор еще теряется в неопределенности, стараясь обнять взором и прошедшее, и настоящее, и неизвестное будущее, уживаясь как-то со всеми идеалами — и Аксакова,³ и Чернышевского. Некрасов ближе всех был к почве, но смотрел на нее с точки зрения сегодня, без исторических корней, видел русского мужика до освобождения, а не видал России в ее тысячелетнем существовании, словом, не знал истории. Это иностранец, приехавший в Россию и пишущий стихи о бедных мужиках. Он мне напоминает появляющиеся теперь истории России, где описываются бедствия народа, но не сказано умышленно, во имя чего он страдал и что утешало его в страдании, т. е. страдал во имя государства, каким дорожил по инстинкту, как средством своего сохранения, и утешался в религии. . .

Все мы понесли кару за свое воспитание, которое было более или менее иностранное, на чуждых образцах; необходимо поэту иметь всестороннее литературное образование, но нельзя терять из-под ног своего народа. Все это я веду к тому, чтобы высказать следующий практический совет или завещание поэту: пройти хорошенько университетский курс (по какому бы то ни было факультету), а самому заниматься так, как будто бы готовил себя в профессора русской истории. . . Чтение подлинников — как обогащает язык! какие образы! новые, не истасканные! какие лица! и как все, что при невежественном взгляде кажется нам мертво

и неподвижно, как все оживет, люди, характеры, борьба, страсти!..

Письмо (16654. CVII б. 7) не окончено. Было ли оно переписано, завершено и отослано, неизвестно. В небольшом фонде Алмазова его нет.

Алмазов Борис Николаевич (1827—1876) — поэт, переводчик и критик, в прошлом член «молодой редакции» «Москвитянина».

¹ Датируется на основании слов: «весь был погружен в своих раскольников». Майков имеет в виду драматическую сцену «Странник» (из неосуществленной поэмы «Жаждающий»), написанную в 1866 г. и напечатанную в № 1 «Русского вестника» за 1867 г. Майков читал ее на Карамзинском вечере, устроенном Литературным фондом 3 декабря 1866 г. В письме, на которое отвечает Майков, Алмазов благодарил поэта («еще раз») «за то великое наслаждение», которое он доставил ему своей новой поэмой. На обороте письма Алмазова — черновик письма Майкова (16706. CVII б. 9) на французском языке, в котором говорится об изданной в 1867 г. книге, необходимой ему для работы: «De l'influence exercée par les slaves sur les scandinaves dans l'antiquité. Colmar, 1867».

² Алмазов не назвал автора стихотворений: «Вот несколько стихотворений того подающего надежды юноши, о котором я Вам говорил...».

³ Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — публицист и поэт, редактор ряда славянофильских изданий.

Ф. А. КОНИ

ПИСЬМА

Публикация Е. В. Свиясова

Значительное количество писем общественных деятелей и писателей (Е. П. Гребенки, Д. В. Григоровича, М. Н. Загоскина, Н. А. Некрасова, Я. П. Полонского и др.) к известному в свое время литератору и журналисту Федору Алексеевичу Кони (1809—1879) публиковалось на протяжении ряда лет его сыном, известным юристом А. Ф. Кони.

Из большого же числа писем самого Ф. Кони опубликовано лишь несколько: ¹ к Н. А. Некрасову, П. А. Корсакову, в редакцию «Петербургских ведомостей», к П. А. Каратыгину.² Между тем письма Ф. Кони, в том числе хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, не только проливают свет на далеко еще не изученные стороны его литературной и журналистской деятельности, но и существенным образом дополняют наши сведения по истории театра, журналистики, цензуры.

Интересна переписка Ф. Кони с женой Ириной Семеновной (урожд. Юрьева, по сцене Сандунова, 1811—1891), актрисой и писательницей.³ В архиве хранится 8 писем Ф. Кони к жене за 1836—1862 гг. (ф. 134, оп. 5, № 34) и 104 письма Ирины Семеновны за 1835—1855 гг. (там же, № 69—70). Их переписка, являющаяся ценным источником по истории театра, дает возможность как бы попасть за кулисы, познакомиться с не-

---

¹ Библиографию опубликованных писем Ф. А. Кони и к нему см. в кн.: История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1961, с. 376—377.

² Два письма П. Каратыгина к Ф. А. Кони напечатаны в статье М. Д. Веляева «История старого водевиля. (Ф. Кони и П. А. Каратыгин в театральном сезоне 1850—1851 гг.)» (в кн.: Анатолий Федорович Кони. 1844—1924. Юбилейный сборник. Л., 1925, с. 62—79 (далее: А. Ф. Кони. Юбилейный сборник)).

³ Подробнее об И. С. Кони см.: Леткова Е. Несколько слов об Ирине Семеновне Кони. — В кн.: А. Ф. Кони. Юбилейный сборник, с. 89—96. См. также очерк А. Ф. Кони о матери: Русский биографический словарь («Кнаппе—Кюхельбекер»). СПб., 1903, с. 103—104.

легким трудом актеров. Переписка не прекратилась и после разрыва с женой. В письмах 1850—1860 гг. тема воспитания детей вытесняет тему театральную. От первого брака у Ф. Кони было два сына — Анатолий и Евгений. Характерно письмо от 9 октября 1862 г., в котором Ф. Кони излагает основные принципы воспитания, а именно необходимость внушать «омерзение ко лжи и обману, отвращение к притворству и любовь к прямоте, без которой, равно как и без чести, в настоящее время человек в России порядочно существовать не может» (там же, № 34, л. 15 об.). В письмах И. С. Кони, а они еще ждут своего исследователя, много биографических данных, касающихся студенческого периода жизни А. Ф. Кони.

Большая дружба связывала Ф. Кони с известным в свое время журналистом и театральным деятелем Владимиром Рафаиловичем Зотовым. Редактирование последним «Литературной газеты», а также сотрудничество в «Отечественных записках», «Северной пчеле» и других изданиях не мешало его активному участию в журнале «Пантеон», редактором которого в 1852—1856 гг. был Ф. Кони. Именно его сотрудничество, а также привлечение в журнал таких писателей, как Д. В. Григорович, М. Л. Михайлов, Я. П. Полонский, превратили ранее бесцветный и рассчитанный на столичного обывателя журнал в издание, стремившееся дать объективную оценку явлениям, наметившимся в литературе 1840—1850-х годов. Так, «Пантеон» с одобрением встретил первые драматургические произведения А. Н. Островского; со страниц журнала исчезло восхищение поденщиками от литературы.

Утверждая, что «Кони нередко поднимался в своих лирических произведениях до высокой ювеналовской сатиры», В. Зотов как бы в доказательство включил в свои воспоминания ходившее в списках стихотворение Ф. Кони «Биография благородного человека» (1848),⁴ которое, как и другое его стихотворение — «Не жди, чтобы цвела страна...» (1843—1848?),⁵ пользовалось большим успехом. «Биография...», видимо, и послужила поводом к вызову Кони в III отделение собственной его имп. величества канцелярии,⁶ куда он не раз вызывался в разные годы (ф. 134, оп. 5, № 125).

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся 34 письма Ф. Кони к В. Р. Зотову за 1851—1876 гг. (ф. 548, оп. 1, № 153 и ф. 357, оп. 3, № 48) и 3 письма В. Зотова к Кони за 1850-е годы (ф. 134, оп. 5, № 61).

На протяжении всей жизни Кони не только следил за политическими событиями в России, но и стремился откликнуться на них. К этому его побуждали звание журналиста, интерес к истории и политике. Подобным интересом пронизаны письма Ф. Кони к его гражданской жене Анастасии Васильевне Каировой (1844—1888), видной журналистке, корреспондентке газеты «Голос». В публикуемых письмах отражены события, связанные

---

⁴ Исторический вестник, 1890, № 5, с. 317—318.

⁵ Стихотворение это также распространялось в списках. Впервые оно было опубликовано в Париже в журнале «Будущность» (1861, № 6, с. 47). См. также: Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков. М., 1975, с. 224—226.

⁶ См.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 69.

с русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Сохранилось 12 писем Кони к Каировой (р. I, оп. 12, № 332 и 345) за 1876—1877 гг. (из них публикуются 3 — там же, № 345).

И. С. КОНИ

1

17 августа 1836.

Человеку в жизни дано много страданий: за одну каплю радости — страданий море! Легко сносить еще горе, когда оно — принадлежность несчастья, отяготевшего над нами, но горе, вследствие утраченного счастья, невыносимо! Это испытал я в продолжение моей длинной, тяжелой, убийственной дороги.¹ Тысяча планов, предположений, надежд, выводов, ожиданий — и все во мраке, где ощупью надо искать верного и где рискуешь раздробить сердце и голову об несбыточность и неудачу! Я был безумен в дороге и не могу еще очнуться здесь. Тревога, грусть, тоска жгучая, похожая на предсмертную агонию, истомили, истомили меня в трое суток, и я в изнеможении до сих пор, в хандре, в расстройстве нервов и мозга и ничего не способен ни сделать, ни сообразить. Мысли, как разбитый полк в сражении, не повинуются закону разума. Я не ценил жизни: я испытал все, что дано человеку испытать; я выстрадал молодость, я горел душою и хотел прилепиться всем сердцем к существу сочувствующему, но везде встречал холод и измену. Я сам очерствел, жизнь потеряла для меня иллюзию, я не ценил ее и не глядел в будущее, как путник, которого везут в дальнюю ссылку. Я не был счастлив, не хотел счастья и не веровал в него. Я оставлял Москву с тем равнодушием, с каким оставляют перчатку, оброненную и не стоящую труда согнуться для ее поднятия, и почти готов был благодарить бога за этот сердечный холод, потому что знал, что в этом безграничном городе, где я потратил столько светлых чувств и порывов, столько чистых восторгов, не было существа, которое бы меня поняло и оценило, не было души, которая бы чистосердечным вздохом благословила добровольного изгнанника. Я заблуждался: твоя душа меня разуверила. Я стал несчастнее прежнего. Я нашел то, чего не думал найти, я должен был бросить свое счастье, не очнувшись от первого восторга. Не правда ли, судьба ко мне немилосердна? Облить душу льдом страданий, потом указать ей на блаженство и требовать неземных восторгов: это безжалостно, это бесчеловечно! Но я вступил теперь на новый рубеж жизни: передо мной зеленое поле надежд со цветами радости: может быть, это не сон и счастье возможно! Но довольно об этом: прости меня! Я измучен, я расстроен! Это сплин севера, невская вода подействует и все пройдет.

А ты?

О, этот вопорс у меня вечно перед душою! Это неугасимый светильник для сердца, то жгучий, то греющий отрадно.

Благослови меня на все то, что хочу предпринять, что желаю исполнить.

Пожелай мне смерти, если можно, она приятней неудачи, пожелай мне жизни, если случай в первый раз свершит мои желания.

О, письмо мое безумно, я это знаю; безумно, как я сам в минуты моей слабости. Прости безумие грусти, как прощалась слабость! Это мне нужно для спокойствия сердца.

Теперь только чувствую, что я здесь на чужбине; все мое родное осталось в Москве.

Что будет здесь со мною далее, ты узнаешь из частых, длинных, может быть, тяжких, но верно чистосердечных писем.

Я стою у Дюра.² Теперь один. Он в театре: нынче играет. Завтра выеду из дому и пушусь хлопотать; ты знаешь, как мне дороги эти заботы и чего я не употреблю, чтобы достигнуть своей цели!

Бог даст тебе здоровья, я могу только дать свою жизнь в поруки за чистоту желаний.

Твой друг навсегда

Theodor.

¹ Годы 1834—1836 были для Ф. Кони периодом испытаний и творческих поражений. Несмотря на некоторый успех его водевилей, переделок с французского и немецкого, журналы беспощадно критиковали молодого литератора. Это обстоятельство побудило Кони покинуть Москву и отправиться искать счастья в столице. Публикуемое письмо дает основание считать, что неудачно сложились и его личные отношения с женой.

² Дюр Николай Осипович (1807—1839) — актер. Сначала был певцом, затем перешел на драматическую сцену. С наибольшим успехом исполнял водевильные роли. Издал три «Музыкальных альбома водевильных куплетов» (СПб., 1834—1839). В архиве хранится машинописная копия письма Н. Дюра к Ф. Кони от 23 июня 1838 г. (ф. 134, оп. 5, № 58). Ф. Кони — автор наиболее полной биографии Н. О. Дюра, опубликованной в «Репертуаре русского театра» (1839, кн. 2, библиограф. отд., с. 1—24).

2

С. П. Бург. 1836. Сентября 5-го.

Ты спрашиваешь меня, добрый милый друг, что мое здоровье, как мои дела? Здоровье плохо. Думаю — больше от нравственного расстройства. Дела плохи. От причин самых простых. От физического расстройства карманов и недостатка протекции. Еще сижу я у моря и жду погоды. Здесь надо иметь чрезвычайно гибкую шею и голову, крепко сложешную. Я теперь в первый раз чувствую, что я здесь очень дурно сложен и ужасно плохо организован. Но обмелется все — мука будет... так говаривал один мой знако-

мый антик заморский; я вспоминаю его изречение и укрепляюсь терпением, чуть-чуть не лошадиным. Впереди предвидится много, назад я не оглядываюсь и потому, кажется, довольно спокоен и приготовлен ко всем превратностям будущего. Я завален теперь работой по горло и, признаюсь, работаю день и ночь, как кондуктор. Надо жить, надо приобретать, надо трудиться. Пусть болит спина, пусть ноет грудь, по крайней мере не от поклонов, не от усилий пронырства. Это усладительно с одной стороны и тяжело с другой. Я, как зубастая мышь, завален со всех сторон книгами и кипами бумаг по самые уши.¹ Другей у меня здесь меньше — следовательно, больше покоя, театры далеки — следовательно, и развлечения мало. Врагов еще не нажил: я твердо помню твое завещание. «Москвич в Петербурге» — моя кличка в «Северной пчеле», и «Москвич» пока в ней не хуже тутопных. Все пьесы мои, здесь еще не игранные, у меня расхватили: все пойдут еще в нынешний карнавал. Публикой я здесь любим крепко, и она, скучая в «Иване Савельиче», говорит «и скучно, да умело», и кричит «Фора» куплетам и «Автора» по окончании пьесы.²

Да что в этом: это все дразги. Пропадай они! Ну а ты? Ты со мною часто: при малейшем отдыхе от работы и во сне каждую ночь. Сувениры твои у меня на глазах ежечасно, а письма читаются поминутно. Что у вас там в Москве? Что саранча театральная? Что швабра закулисная? Что начальствующие олухи? У тебя были С. с З. и тебя удивляет, что они не заговорили с тобой обо мне?³ А с какой бы это стати? и по какому поводу? Это была бы нелепость со стороны старухи и бесстыдство от Агнессы⁴ в новом роде. Что нового у вас случится — пиши. Любопытны московские новости. И гадка Москва, а все не могу оторвать от нее сердца. Точно оса, которая впилась в труп, и бездушный и поврежденный. Что делает В.?⁵ Что пишет? Он смешон с своею старинной, и немудрено, что дом его тебе казался как бы домом сумасшедших, когда несколько сумасбродов начали спорить о том, что не стоит даже и памяти, не только речей. Дюр дивится, что я часто к тебе пишу: я его уверил, что мне тобой поручено дело, об котором хлопочу, и обязан часто уведомлять. Целую тебя, мой ангел! Да хранит тебя Аллах и да расточатся враги твои, вот чего желает тебе

Твой Theodor.

¹ Ф. Кони работал над «Книжкой-малюткой», которую он опубликовал в 1837 г. под псевдонимом «Федор Инок» (цензурное разрешение 23 сентября 1836 г.).

² Первые попытки Ф. Кони вырваться из рамок легковесных переделок с французского и вести на сцену русские сюжеты и образы, реалистически отобразить быт и нравы современной ему жизни окончились неудачей. Водевиль «Иван Савельич», изданный в 1835 г., как и предшествующие водевили 1834 г. («Не влюбляйся без расчета», «Муж в камине, а жена в гостях»), вызвал поток неодобрительных рецензий. Белинский, уже ранее критически отзывавшийся об упомянутых водевилях Кони, писал, имея в виду «Ивана Савельича»: «О новом произведении г. Кони

нечего много говорить: оно как две капли воды похоже на бывшие, сущие и будущие изделия, как его собственного пера, так и прочих наших водеvilных переделывателей» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 406). Если в критике Белинского отразилось желание увидеть в будущем на сцене подлинно русский народный водеvil, то рецензия журнала «Библиотека для чтения» носила злопыхательский характер, обвиняла Ф. Кони в плагиате (Библиотека для чтения, 1835, т. XIII, Лит. летопись, с. 26). Эта рецензия особенно возмутила Кони. Он опубликовал в «Северной пчеле» (18 февраля 1836 г.) «Пояснительную статью на Литературную летопись „Библиотеки для чтения“», в которой недвусмысленно обвинял автора рецензии О. И. Сенковского («Барона Брамбеуса») в грехах, несправедливо приписываемых самому Кони. Эта статья — первое свидетельство об участии Ф. Кони в газете Ф. Булгарина и Н. Греча.

³ Очевидно, речь идет об Аграфене Тимофеевне Сабуровой (урожд. Окуновой, 1795—1867), с 1831 г. игравшей роли «благородных матерей» и «комических старух», и Надежде Васильевне Репиной (в замуж. Верстовской, 1809—1867), оперной и драматической артистке московского театра. При исполнении песни Земфиры (инсценировка «Цыган» Пушкина) Репина, по словам Белинского, «вся была огонь, страсть, трепет, дикое упоение» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 285). Сохранились и другие свидетельства о превосходном исполнении ею этой роли (Родиславский В. Надежда Васильевна Верстовская (Репина). — Искусство, 1883, № 9, с. 93—94). Судя по письмам И. С. Кони мужу, между нею и Репиной установились довольно натянутые, холодные отношения. В ответном и других письмах И. С. Кони, упоминая Репину, называет ее сокращенно «Р.», и только в одном письме, от 26 сентября 1836 г., — «Р. З.» («Р. З. бывает у меня очень часто и против моего желания, я этому очень не рада. Признаюсь, прости меня, но я не могу любить ее» — ф. 134, оп. 5, № 69, л. 34 об.).

⁴ Агнесса — лицо неустановленное. Отвечая на вопрос мужа, И. С. Кони писала: «Агнесса и все закулисные живут по-старому, то есть сплетничают и бранятся» (ф. 134, оп. 5, № 69, л. 37). Тема неблагоприятной для творческой работы обстановки в московских театрах — лейтмотив большинства писем И. С. Кони 1836 г. Так, в письме от 14 октября она взволнованно писала: «Все что только можно вообразить низкого, подлого, развратного (прости за выражение, но нельзя утерпеть), — все это теперь у нас и, бог знает, чем это кончится. Сплетней по крайней мере по 50 выходят каждый день, и, пройдя мимо кулис, каждый из нас поймает их сколько-нибудь на свою долю; грустно смотреть на все это, больно быть связанну неразрывно с этою толпою, у которой нет ни чувств, ни воли, которая думает и поступает по приказанию Репиной». Право, это больно» (там же, л. 27).

⁵ Речь идет об Алексее Николаевиче Верстовском (1799—1862), композиторе, театральном деятеле, авторе оперы «Аскольдова могила», поставленной на сцене московского Большого театра 15 сентября 1835 г. Здесь же содержится намек на оперу-водевил «Дом сумасшедших, или Странная свадьба» — перевод с французского и музыка Верстовского (1822). С 1830 г. Верстовский был инспектором репертуара московских театров. Он много работал и в области водевиля.

3

С. П. Бург. 1836. Сентября 17.

Здравствуй добрый, милый друг мой! Давно с тобой я не видался — даже письменно. Не был в середине города, не знаю, нет ли от тебя письма. Наконец я начинаю привыкать к адской

жизни здешней, но хлопоты, заботы, пужды... уф! вертится голова! Здоровьем слаб: это оброчная дань осени, самой гнусной поре года, похожей на 49 год хорошенькой женщины. Дел много — толку мало. Сердцу скучно. Надо иметь здесь ум оборотливый и гибкий, а то иссякнешь, как лужица в зной полдневный. Сегодня съезжаю от Дюра. Я завел только себе квартиру и купил мебель на 1000 рублей, которые обязан к январю заработать пером и башкой. С богом в путь, авось достанет чернил и смыслу. Я здесь похож ужасно на больного, облитого варом или опаленного огнем, которому не дают опомниться и почувствовать настоящей боли, а все удружают припарками да примочками. Я еще не на службе и пачальства не имеем: следственно, чистенек и душой и волей; а вот, что бог даст, про то перший знает. Подождем. Терпение — мать всех добродетелей.

Что ты делаешь, друг мой? Какие занятия? Ты думаешь, ты помнишь обо мне, это я знаю: это утешает меня. Ты спрашиваешь, сколько я получил от тебя писем? Мало, очень мало, только пять. Ты опасаясь, что письма могут пропасть: напрасно, ко мне доходят они вернее смерти. Что там... у вас... на огромном гумне злословия, где молотят пустое да порожнее в зерна злости и вражды? Нового на здешних театрах не обещать, хорошего немного. К последнему принадлежат: трагедия «Заколдованный дом»¹ и водевиль «Жена кавалериста».² Я также изготовлю кое-что для театра по заказу и в срок.³ Что выйдет, не знаю сам. Напиши мне что-нибудь о Самарине.⁴ Он, кажется, меня уже больше и знать не хочет, а едва ли его в Москве кто больше любит, чем я. Горько. Вон из глаз, вон из сердца: дурная черта. Есть же скотолудие, которое меня внутренно ненавидело и которым я гнушался иногда явно, что ж? Теперь бомбардирует меня письмами, не стоящими пяти минут на ответ и 40 копеек на почту. Нынче Софьи, Веры, Надежды, Любви; года три тому назад мы проводили этот вечер вместе и весело и счастливо.

Сегодня я рыскаю по городу с чопорным поздравлением. Бог тебя сохранит для сердца.

Твой Theodor.

Адресуй ко мне письма: в книжную лавку Лисенкова в доме Пажеского корпуса в Садовой.

¹ «Заколдованный дом» — трагедия немецкого драматурга барона фон И. Ауффенберга (1798—1857), переведенная П. Г. Ободовским в 1836 г.

² «Жена кавалериста» — комедия-водевиль в одном действии П. И. Григорьева.

³ Речь идет о водевилях Кони 1835—1836 гг.: «Титулярные советники в домашнем быту», «Женская натура», «Студент, артист, хорист и аферист», «Деловой человек». О водевиле «Титулярные советники в домашнем быту» благожелательно отзывался В. Г. Белинский (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 15—17).

⁴ Самарин Ивип Васильевич (1816—1885) — актер Малого театра в Москве, ученик М. С. Щепкина. Отвечая мужу, И. С. Копп писала 26 октября: «Ты желашь узнать что-нибудь о Самарине. Он здоров и счастлив, играет очень часто <...> Говорит он о тебе очень часто и, кажется, очень любит тебя» (ф. 134, оп. 5, № 69, л. 38).

4

С. П. Бург. Декабря 18. 1836.

Добрый, милый друг мой! Сейчас получил я твое письмо, тогда как думал встретить тебя лично. Что делать — человек предполагает, а судьба располагает. За болезнь твою можно только пожуричь, ибо это — следствие твоей неосторожности, а за разные намеки можно даже побранить и порядком. Что это за известия, Аллах Керим? Асенкова¹ прекрасная актриса, и притом хорошенькая актриса — и ее хвалят; я пишу водевили, и притом пишу их недурно — и меня хвалят: по что же, кроме этого, общего между водевилистом и водевильною актрисою? Об них говорят нераздельно, потому что труды их являются в совокупности.² Вот и все, а вы... ох, уж вы мне там — Москва! «Девушка-Гусар» напечатана и даже посвящена Асенковой и Сосницкому — и за дело, талантами своими из простой бенефисной блестяшки они сделали алмаз.³ Репертуара, может быть, на несколько лет, ибо, сколько заметно, здешняя публика не соскучивается глядеть его и каждый раз вызывает артистов и автора. Странное дело: я послал водевиль к Щепкину, а получил его Живокиши; ⁴ не могу понять, как это случилось.⁵ Разговорись со Щепкиным обо мне, узнай, получил ли он мое письмо, адресованное на Контору, даст ли водевиль в бенефис и будет ли писать ко мне. Об этом я желал бы быть скоро уведомленным. Еще было бы мне любопытно узнать, что шло в бенефис Сабуровой и что идет у Лаврова.⁶

Я измучился на службе совершенно; работы тьма, экзамены, отчеты, лекции, которые должно литографировать, даль, мороз — все вооружилось против меня вдруг; что я пишу как кошка, работаю как лошадь и болел как собака, об этом уж и говорить нечего.⁷ При сем прошу принять новинку, только что полученную здесь из Парижа к Новому году. У вас таковых, вероятно, нет, и поэтому она произведет эффект. Готовлю теперь анафему на Верстовского и Репкину⁸ и хочу ее напечатать им в подарок к Новому году. Знаешь ли, что лицо у меня стало очень длинно, чинно и преважно, а сам я расхаживаю с педантической миной профессора и, говорят, преуморительно, ко мне такие святочные хари нейдут. Ты полагаешь, что я здесь счастлив и спокоен? Заблуждение. В продолжение пяти месяцев, как я здесь, уж удалось мне проглотить приемов с десятков самых неотразимых, самых гадких и непредвиденных неприятно-

стей жизни: я проглотил и запил их глотком терпения, этим низким средством бессилия, этой добродетельной слюной почтовой лошади. Что делать, живи не так, как хочется, а так, как бог велит!

Жду весьма скорого ответа от тебя. Праздников у меня четыре дни: предаюсь лени и провожу их праздну, как московская купчиха, — вот наслаждение! Я его слишком много и часто испытывал дома, там у вас, и потому не знал ему настоящей цены, а теперь хоть на 4 дни хочу быть москвичом, среди Петербурга, дряхлеющего в кровавом поте и труде. Куликов⁹ бывал у меня часто и был здесь тише воды и ниже травы; разве перед вами распустил прить парижскую. Оно так и быть должно. Целую тебя хоть 1000 раз на первый случай, желаю быть весело-приятного расположения и велю быть в полном здорвьи с получения этого письма.

Весь твой Theodor.

¹ Асенкова Варвара Николаевна (1817—1841) в январе 1835 г. дебютировала на сцене Александринского театра, в 1836 г. была зачислена в его труппу. Блестяще выступала в водевилях.

² Ф. А. Кони отвечает на письмо жены от 15 декабря 1836 г., в котором она писала: «На днях я читала „Северную пчелу“, где тебя, твой водевиль и г-жу Асенкову хвалят. Уж эта мне Асенкова, где только г. Кони, там и она, и к совершенной же моей беде, говорят, что она очень хороша собой, — прошу покорно, что тут делать нам, московским жителям? Терпеть да и только, и что ж мудреного, что ваши имена неразлучны. Но шутки в сторону, а ты, как видно, обворожил петербургскую публику, давай тебе бог успеха, это истинное и всегдашнее желание твоего друга» (ф. 134, оп. 5, № 69, л. 3—3 об.).

³ Первое представление водевиля «Девушка-гусар» (переделка французского водевиля Ш. Варена и Деверже) состоялось в Александринском театре в Петербурге 16 ноября 1836 г. В главных ролях выступили Иван Иванович Сосницкий (1794—1871), Н. О. Дюр, В. Н. Асенкова. В начале 1837 г. текст водевиля вышел отдельной книжкой (цензурное разрешение 19 ноября 1836 г.), со следующим посвящением: «И. И. Сосницкому и В. Н. Асенковой, дань благодарности и уважения талантам от Ф. Кони». «Девушка-гусар» принесла известность Кони-водевилисту, однако, несмотря на большой успех водевиля, «Библиотека для чтения» продолжала поносить автора: «Особливо все переделки г. Кони жестоко скучноваты, по неодолимой страсти этого любезного переделывателя к каламбурам. Каламбурит себе, да и только; а между тем иной каламбур его приходится разгадывать как логогриф, а иного и вовсе не разберешь. Разумеется, потеря тут не велика, но все ж немножко досадно, что хоть пустого, а не разгадаешь!» (Библиотека для чтения, 1837, т. XXI, Лит. летопись, с. 17).

⁴ Живокини Василий Игнатьевич (1805—1874) — с 1824 г. актер Малого театра. См. статью Ф. Кони о нем: Репертуар и пантеон театров, 1847, т. 4, Летопись, с. 10—16.

⁵ Кони недоумевает по поводу следующей фразы в письме жены: «Недавно Живокини получил твой водевиль „Девушка-гусар“ или, может быть, это мне показалось, но только я знаю, что он его очень хвалил; он говорил об нем Щепкину, прибавя, что это один из лучших теперь водевилей». М. С. Щепкин (1788—1863) играл во многих оригинальных и переводных водевилях Кони. 19 февраля 1837 г. в свой бенефис Щепкин выступил в водевиле «Девушка-гусар» в роли Роланда. Кони с большим

уважением относился к нему. «Щепкин — самый просвещеннейший сценический художник и лучший знаток своего дела», — писал он (Пантеон и репертуар русской сцены, 1850, кн. 3, № 5, Смесь, с. 15).

⁶ Лавров Николай Владимирович (1803—1840) — певец московской оперной труппы, выступал как драматург. См. статью Ф. Кони о нем: Пантеон русских и всех европейских театров, 1840, № 6.

⁷ В Петербурге Ф. Кони получил должность преподавателя истории во втором кадетском корпусе и «наставника-наблюдателя» по русской и всеобщей истории в Дворянском полку. В 1839 г. вышла его книга «Живописный мир, или Взгляд на природу, нации, искусство и человека» в двух томах, которая была принята в качестве руководства в военно-учебных заведениях. В 1844 г. Кони издал «Историю Фридриха Великого», за что Иенский университет присвоил ему степень доктора философии. Сохранился его диплом (ф. 134, оп. 5, № 122).

⁸ Статья, направленная против А. Н. Верстовского и Н. В. Репиной, в «Северной пчеле» не появилась.

⁹ Куликов (псевд. Крестовский) Николай Иванович (1812—1891) — с 1830 г. актер Малого театра, драматург, переводчик, писал водевили. В 1837 г. был переведен в Александринский театр. Автор «Театральных воспоминаний» (Искусство, 1883, № 1, 13—15, 17—22).

В. Р. ЗОТОВУ

1

Не отвечал Вам до сих пор, добрейший и любезнейший Владимир Рафаилович, потому что все хотелось лично увидеться, но у меня навязалась преглупая следственная история, которая вместе с трусостью моего цензора отняла у меня все мои свободные часы.¹ Я полагал, что Вы уже за работу, и на этом основании напечатал о том.² В кондициях мы сойдемся, Вы не захотите невозможного, я готов на все должное. При свидании установим определенительную цифру. Я еще Ваш должник за «Дочь Карла Смелого», и приятно было бы мне, если бы Вы как-нибудь могли мимоходом зайти ко мне, чтобы получить Вашу собственность.³ Я уверен, после этого, что между нами больше споров не будет и все дело закипит.

Может быть, на днях урвусь на полчаса, чтобы приехать к Вам, если же нет, то жду Вас к себе со статьею — и дело будет покончено.

Второй № мой немножко подгулял, зато третий будет очень хорош.⁴

До приятного свидания.

Ваш душевно преданный Ф. Кони.

2 марта <1852>.

¹ Ф. Кони имеет в виду постоянные трения с Н. И. Пейкером, цензуровавшим «Пантеон и репертуар» и «Пантеон» с марта 1851 г. по ноябрь 1853 г. Отголоски этих трений мы находим в письме Кони к В. Р. Зотову от 7 февраля 1852 г. (?): «Я вынес в этом месяце пытку, об которой никакой Тантал или Прометей и понятия не могли себе составить. Если

мне теперь в этой жизни встретится что-нибудь скверное, что хуже я уже ничего придумать не сумею, то я и тогда не решусь признать это худшим. Природа в бесконечном своем многообразии решительно не имеет границ как в прекрасном, так и в безобразном. Вот мудрость, которую я вынес из школы моего нового цензора» (ф. 548, оп. 1, № 153, л. 18—18 об.).

² В февральском номере литературно-художественного журнала «Пантеон», редактором-издателем которого являлся Кони, в отделе «Петербургский вестник» среди прочих участников журнала был пазван и В. Р. Зотов.

³ Драма В. Р. Зотова «Дочь Карла Смелого» опубликована в «Пантеоне» (1852, т. 1, № 2, с. 1—78). Зотов выступал в «Пантеоне» и как критик.

⁴ В третьем номере «Пантеона» были опубликованы комедия «Домашнее уложение» гр. Е. П. Ростопчиной, «Брат и сестра. Эпизод из романа» М. М. Достоевского, статья Ф. Кони «Екатерица Николаевна Жулева, артистка русской сцены».

2

Добрейший и почтеннейший Владимир Рафаилович!

Накануне моего отъезда, ввечеру, принесли мне Вашу статью «Журналистика».¹ Прочитав ее наскоро, я нашел два места, которые необходимо надо было исключить. Не трогайте Вы эту жюветину Булгарина: ну, что за охота будет после с ним перебраниться в журнале; я желал бы, чтобы и имя-то его никогда не упоминалось в «Пантеоне», до того он мне уже опротивел. Поэтому я исключил прямой намек на него. В другом месте я смягчил несколько отзывов о Майкове.² Что тут сказано — мы ему высказывали уже не один раз. Повторение и беспрестанное на него нападение подает повод думать, что у нас есть какая-нибудь личность против него, в чем нас и то уже упрекают. Лучше приударить редко, да метко. Я уверен, что Вы с моим мнением согласитесь и за эти изменения в Вашей статье не посетуете, тем более что она и без этих двух мест прекрасна и сильна, а главное — хладнокровна.

Меня задержали дела в Москве, и я, вероятно, еще неделю проживу там. Прошу Вас, будьте так добры, присмотрите за № 4, прогляньте последние корректуры и, что найдете нужным, исключите или измените. Еще есть просьба: не согласится ли Ваш батюшка написать разбор всех новых пьес, появившихся на русской сцене с открытия театра после Святой доньине?³ Я ничего не видал, а ему все известно.

Если он согласен, попросите его тотчас приняться за работу и отправьте статью в типографию, в «Петербургский вестник».⁴

По приезде моем мы с Вами сочтемся за № 3.⁵

Как-то у Вас, а здесь в Москве погода дождливая и холодная, а скука смертная. Будьте все здоровы и веселы! Вы, верно, уже принесли себя в жертву крестовским комарам,⁶ здесь их мало.

Мой усердный поклон Вашей супруге. Пересылаю это письмо моей жене и прошу ее, если она Вас скоро не увидит, отправить

его к Вам на квартиру по городской почте. Боюсь только одного, оставили ли Вы квартиру за собой?

Ваш душевно преданный

Ф. Кони.

Москва.

Мая 18-го 1856.

¹ Статья В. Р. Зотова «Журналистика» не была напечатана в связи с закрытием журнала «Пантеон» (на № 6) по финансовым соображениям.

² «Северная пчела» (издатели-редакторы Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч) критиковалась в предыдущих номерах «Пантеона», в том числе в № 3, в анонимной статье «Литература» (в отделе «Петербургский вестник», с. 7). Ф. Кони порвал отношения с Булгариным и «Северной пчелой» в 1840 г. В этом же году в водевиле «Петербургские квартиры» он вывел Булгарина в образе продажного журналиста Абдулы Фадееча Задарина (Кони Ф. Прощание с «Северной пчелой». — Литературная газета, 1841, № 122, 28 октября). В вышеупомянутой статье «Литература» критиковалась также поэзия А. Н. Майкова (1821—1897), в частности его поэма «Рыбная ловля» (с. 10—12).

³ Зотов Рафаил Михайлович (1795 или 1796—1871) — отец В. Р. Зотова, писатель, критик и театральный деятель. Святая — дни празднования пасхи.

⁴ «Петербургский вестник» — постоянный отдел журнала «Пантеон».

⁵ В № 3 «Пантеона» было опубликовано стихотворение В. Р. Зотова «Русскому писателю».

⁶ Имеется в виду Крестовский остров, в то время дачное место в Петербурге.

А. В. КАИРОВОЙ

1

С. П. Б. 27 апреля 1877.

Насилу я дождался минуты, когда могу написать тебе, милый друг. Письмо давно было к тебе изготовлено в Царьград, но боялся его отправить, ожидал, как мне сказали в редакции, <с> часу на час твоего выезда. В Афины не знал как адресовать, и этого мне не умели сообщить, потому что сами не знали еще, примешь ли ты предложение.¹ Вчера только получил я твою посылку и тотчас же принялся за письмо.

Прежде всего расскажу тебе, какую ты наделала здесь курьерьму телеграммою об открытии парламента и речью султана.² Вообрази, что военный министр³ в тот день при докладе государю, в 9 часов утра, завел об этих предметах речь. Государь спросил, откуда он почерпнул эти сведения, потому что он официальной телеграммы еще не получал. Министр указал на «Голос». Тотчас же потребовали №, и пошла потеха. Донесение посольства пришло только в 4 часа. Можешь представить последствия. «Голос» с тех пор появляется в императорский кабинет в 8 часов. Но это не все. Дело, разумеется, огласилось, и все редакции до того взъелись на Краевского,⁴ что составили

целый заговор, собрались в общий совет и потребовали на расправу Бильбасова.⁵ «Мы-де, мол, по контракту абонированы на телеграммы Междунар<дного> агентства, почему же вы нам не доставляете тех, которые печатаете в „Голосе“?». — «Потому что это специальные». — «Знать ничего не хотим, подавайте!». — «Это телеграммы не Междун<ардного> агентства, а газеты „Голос“, т. е. ее собственные, от ее личного корреспондента». — «Но „Голос“ и Междун<ардное> агентст<во> принадлежат тому же Краевскому, стало быть и телеграммы наши». — «А если Краевский завтра передаст агентство и оставит „Голос“ за собою, тогда как?». Это их ошеломило. Пришлось пояснить этим олухам, во главе которых стояли твой *джентльмен*⁶ и *незнакомец*,⁷ что «Голос» имеет собственного корреспондента независимо от агентства, что платит ему гонорар и не иначе поделится его телеграммами, как, во-1-х, с его на то согласия, а, во-2-х, если они ему назначат плату и с своей стороны. Слово о деньгах обдало их как холодной водой, и они отстали, причем многие констатировали, что у «Голоса» действительно есть свой корреспондент, а некоторые сказали, что знают этого корреспондента и что это дама. На том, кажется, все и решилось и Бильбасову его хитрой штукой не удалось увеличить твоих доходов. Платить им нечем, у «Нового» времени» свист в кармане, а джентльмен продает газету за 10 тысяч в год, уплачиваемых в течение 10 лет.⁸

По объявлении войны,⁹ о чем мы уже знали за три дня, мы за тебя страшно трусили, а в особенности я испугался, узнав, что посольство наше выехало, а ты еще осталась. Письмо твое, последнее, я получил с неделю назад без числа и месяца и без означения, откуда послано. Совершенно по-женски. Храбрость мужская, а повадки бабы. Исправься, пожалуйста, в этом отношении. Благодарю тебя очень за купальный бурнус, лучшего и полезнейшего подарка ты мне сделать не могла. Только напрасно ты тратишь деньги на все эти вздоры. Мы тебя помним и всегда сердцем с тобою и без подарков. Зотков¹⁰ очень тебя благодарит и, было, с дуру вломился в амбицию, что-де, мол, он взятки не берет, а я его ошелолил, что-де, мол, и не за что. Дарят, мол, по дружбе, на память — берите и покорнейше благодарите, па что он и решился. Остальные вещи развезу по назначению в воскресенье. Восторг от войны здесь неопишутый. Государя всюду встречают с торжеством и овациями, жертвы летят миллионами. Праздникам, встречам, иллюминациям, приветственным речам нет конца. А бедный «Голос» запрещен на два месяца, и это меня сначала обеспокоило за тебя, но потом узнал, что твои корреспонденции все-таки печатаются в газете «Наш век», которая рассылается подписчикам на место «Голоса».¹¹ Запрещение последовало за прекраснейшую статью Ев. Маркова «С кем мы будем воевать».¹² Смысл, что воевать надо с чиновниками военного министерства и с ворами интен-

дантского управления, которые истребляют армии не оружием, а голодом и отравой.

Девочки здоровы,¹³ веселы и отлично успевают в учении. Оля шутя выучилась читать по-английски и выговор у нее отличный. Рисовать стала очень хорошо. Иван Осипович¹⁴ уехал в действующую армию главным корпусным врачом. Что буду делать летом, еще не знаю. Я получил назначение в Ригу, в Высочайше назначенную Комиссию по железнодорожному делу в России, но, кажется, война оставила это предположение.¹⁵

Кстати, о твоих подарках. Ты назначила коробочку г-же Багницкой, но не написала, что она именно в себе заключает и где живет г-жа Багницкая. Ты, вероятно, не догадалась, что посылку будут осматривать в таможне и все из коробки вытащат. Так и случилось. Я в коробке нашел только два черных шарфика. Уведомь в письме, что именно тобою назначено в подарок Багницкой.

Теперь ты в стране древней Эллады и новейших мошенников, среди священных памятников Сократа и Платона и сливок новейшей квинтэссенции плутократизма.¹⁶ Я уверен, что здесь тебе будет гораздо хуже, чем среди грубых, но добродушных турок.

Но здесь есть предположение скоро переменить твою резиденцию и вместо востока послать тебя на дальний запад — в Лондон.¹⁷ Когда это будет решено, я тебе дам несколько полезных советов касательно столицы англичей с указанием экономических данных, которыми тебе надо воспользоваться, если не хочешь узнать, как «эта просвещенная нация нравственный бокс выдумала». Кланяются тебе Стратоники и многие другие, которых поклонны однако ж настолько неискренны, что я не считаю даже нужным упоминать их имена. Мать в вечных хлопотах и всегдашнем безденежье. Я заметил, что у нее по этому предмету промолвлено ниже донушко, так что кледи в нее сколько хочешь, все насквозь проваливается без всякой пользы. Меньшую дочь Обневской, Лидию, разбил паралич, и мои детишки лишились в ней отличной наставницы. Потеря ее будет для них незамедлительна. Но если б ты видела, как они растут. Точно сказочные дети, не по дням, а по часам. Ольга совсем большая девица и часто дивит меня своими знаниями, почерпнутыми из чтения. Обе становятся прехорошенькие, а уж какие кокетки, все в мать. Да куда! еще превзойдут ее. Ну, пора кончать мою длинную болтовню, спешу отослать письмо на почту. Обнимаю, целую тебя и желаю всего лучшего и сверх того — еще и того, чтобы ты ни выдумала себе пожелать.

Твой Ф. К.

¹ А. В. Каирова (1844—1888) — специальный корреспондент газеты «Голос», сначала в Афинах (с мая по июль 1877 г.), а далее в Вене; публиковала корреспонденции за подписью «А. В.».

² Имеется в виду сообщение А. В. Каировой за подписью «Н. С.», посланное из Константинополя (Голос, 1877, № 68, 9 марта). В речи султана

было заявлено о заключении мира с Сербией и «даровалась» конституция турецкому народу.

³ Имеется в виду Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — государственный и военный деятель, военный министр (1861—1881).

⁴ Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — издатель, журналист, редактор газеты «Голос» (1863—1884) и органа Международного телеграфного агентства — «Телеграммы международного телеграфного агентства» (1875—1883).

⁵ Бильбасов Василий Алексеевич (1838—1904) — историк и публицист; в 1871—1883 г. сотрудник газеты «Голос».

⁶ Имеется в виду Полетика Василий Аполлонович (ум. в 1888 г.) — публицист и экономист; с августа 1876 по 1879 г. редактор газеты «Биржевые ведомости» и вечернего ее издания — «Вечерней газеты».

⁷ Речь идет о Суворине Алексее Сергеевиче (1834—1912) — публицисте, с 1876 г. издатель газеты «Новое время». «Незнакомец» — псевдоним, которым он подписывал свои фельетоны в «С.-Петербургских ведомостях».

⁸ Продажа газеты «Биржевые ведомости» не состоялась. С февраля 1879 по 1881 г. она стала выходить под названием «Молва» под редакцией того же В. А. Полетики.

⁹ Манифест об объявлении войны был подписан Александром II 12 (24) апреля.

¹⁰ В. Р. Зотов, активный сотрудник газеты «Голос», находился с Каировой в дружеских отношениях. В архиве ИРЛИ сохранилось 6 писем Зотова к ней за 1876 г. (р. 1, оп. 12, № 330).

¹¹ «Наш век» — ежедневная газета, выходившая в 1877 г.; издателем ее являлся Ф. Сущинский, редактором — А. Шавров. На время цензурных приостановок газет подписчики получали по договоренности издателей другой периодический орган.

¹² Статья Е. Маркова была опубликована в «Голосе», в № 101—102, вслед за опубликованием манифеста о начале войны. Следующий номер (№ 103) вышел 25 мая 1877 г.

¹³ От гражданского брака Ф. А. Кони с Каировой было двое детей — Ольга (родилась в 1865 г.) и Людмила (в замуж. Грамматчикова, 1860-е—1937).

¹⁴ О ком идет речь, установить не удалось. То же относится и к ряду других знакомых Кони и Каировой, упомянутых в письме.

¹⁵ Назначение состоялось. В письме к Каировой от 19 июня 1877 г. Кони писал о своей новой работе: «О себе скажу тебе, что я поступил на государственную службу весьма почтенную и почетную: в Высочай^{ше}, учрежденную Комиссию для устройства (в законодательном и материальном отношении) железнодорожного дела в России. Работа кабинетная — дома, начальства никакого, жалованья 200 рублей в месяц. Ну, вот и работа, и мои девочки обеспечены».

¹⁶ Кони имеет в виду сообщение Каировой («Голос», № 95, 7 апреля) о бегстве за границу греческого банкира, члена парламента, Кристаки Заграфоса с бриллиантами, которые отдали ему в заклад жены султана Абдул-Азиза.

¹⁷ Каирова продолжала оставаться в Вене до конца 1877 г.

2

СПб. 28 сент^ября 1877.

Отвечаю, милый друг, на последнее письмо твое, полученное мною вечером. Во-первых, о присланных тобою статьях. Я их рассортировал, привел в порядок и приписал начало по статье о «Тетисе», напечатанной в «Голосе».¹ Затем отнес все это

в «Биржевые» ведомости».² Напечатает ли джентльмен все это или нет — ведает Аллах. Он много обещает и мало сдерживает, как истинный плутократ, по определению Суворина, т. е. плут многократный. Ты, Карлуша, не обижайся, но это так. При этих статьях были два листочка под страницами 10 и 11 без начала, и я не знал, к чему они относятся, их оставил у себя. Также не нашел я тех мест, в которые ты желала сделать вставки. Надо полагать, что часть пакета, назначенного к отсылке ко мне, осталась у тебя. И вставки и листочки я сохранил до дальнейшего разъяснения.

Сегодня я был в редакции «Голкоса», видел Краевского и Бильбасова. Оба тобой чрезвычайно довольны и благодарят за умное распоряжение насчет Сербии,³ вполне доверяя твоему выбору. Бильбасов ропщет, что его письма до тебя не доходят. С твоего отъезда он послал их тебе три, а по ответам твоим выходит, что ты из них получила только одно. Майору Войткевичу высланы деньги; они желают, чтобы он немедленно отправлялся и притом вслед за армиею, писал бы все, что узнает и увидит, не подвергая себя, разумеется, опасности.⁴ Он может оттуда писать в Вену, но только не на твое имя и не на имя твоего «мальчика», вас в Сербии знают и могут возникнуть подозрения, а на имя кого-нибудь из твоих близких знакомых для передачи тебе. Так они думают. Но ты это лучше знаешь и, вероятно, сама придумаешь, как удобнее устроить. Деньги, 800 р., переведены тебе, и из твоей телеграммы я видел, что ты их уже получила. Что касается до ненапечатанных твоих корреспонденций, то таковых не имеется: все до одной вполне напечатаны. Одна, об монсиньере нупции, — в фельетоне и произвела большую сенсацию.⁵ Военному министру я передал твой поклон: он шлет тебе душевный привет и спасибо за память об нем. Что касается твоих ламепатий насчет направления «Голкоса», то я приписываю их отчасти раздраженным нервам, отчасти же влиянию окружающей среды и заграничных газет, для которых закон о «запрещениях», «предостережениях» и о «доме у Цепного моста»⁶ не писан. Мы здесь живем под другим режимом и, если хотим сохранить свою шкуру, должны протягивать ножки по одежке, но только не своей, а какую нам навяжут. Люди не так переменчивы и подлы, как ты думаешь, да плясать-то часто приходится под чужую дудку, а взялся за гуж, не говори, что не дюж, сказался груздем — полезай в кузов, о внутреннем же убеждении тебя не спрашивают. Там ты, у источника, смотришь на «Голкос» с отвращением за его ласкательства, а здесь все убеждены и кричат, что это чересчур либеральная газета и что ее следовало бы запретить. Что прикажешь делать, все мы холопы до мозга костей, и что было в нас славянского при татарских ханах, то осталось и теперь — низость и подъяремность. Я полагаю, что с тех пор как ты участвуешь в прессе, ты убедилась, что печать никогда не выражает того, что чувствуешь и что мыслишь. Она подчиняется направле-

нию ветров, как парус, которому надо надуваться, чтобы судно плыло. У всех газет редакции выходят на сцену якобы с принципами, но это только наряд, сообразный времени, а у всех есть закулисная часть, где они без румян и костюмов. Напрасно думаешь ты, что Катков,⁷ Суворин, Мещерский⁸ ошибающиеся, но честно убежденные люди. Все они настолько умны, чтобы различать сапог от шапки, чтобы понять, что пыл молодежи вовсе не обдуманый заговор о ниспровержении государства, что Черняев⁹ вовсе не стратег славянства, а просто ловкий *chevalier d'industrie*,^a что освобождение крестьян вовсе не подрыв государственного благосостояния и что крепостное право вовсе не отеческая опека над народом, но все кричат *караул* и пропагандируют свои идеи, отнюдь не по внутреннему сознанию, а для того, чтобы выскочить на голову повыше легковерной толпы и тем зашибить себе лишнюю копейку. Но у них есть по крайней мере ловкость и в частных сношениях выдерживать свою роль и показывать вид глубокого убеждения в том, чему они не верят и в душе не поклоняются. Аскоченский¹⁰ надувает бога и людей, стуча лбом о помосты соборов и ставя свечи преподобному Акакию и св. Епистимии, и в то же время пьянствует с попами на деньги, выманенные ими у легковерной толпы своим кувырканьем и козлогласием. Поверь мне, все на один покрой, и нам их не переделать, пока судьба сама не переделает много и многого на свете. Другие по крайней мере сбрасывают рабский костюм за кулисами, и за это я их почитаю.

Но тебе убиваться и крушиться о мнениях других какая же статья? Ты делай свое дело честно, добросовестно и не обращай внимание на то, как это делают другие. Не они дадут отчет твоей совести, и честь твоя за них не в ответе. Отрепшись на время от мнений и веяний, которые вокруг тебя поднимаются, и ты сама, своим практическим умом постигнешь, насколько ты ошибаешься в оценке явления данной минуты, а Газета не что иное, как эфемерное обывденное явление, бабочка, сегодня вылетела из безобразного кокона, а завтра превратилась в ползуна-червяка. Да иначе и быть не может, если только руководители их одарены истинным умом. Убеждение — это китайская стена, непоколебимая, но оно ведет и к китайской неподвижности. А публицистика, как и сама публика, требует жизни, движения, минутного интереса, бега без оглядки, забегания вперед, фимиама для своих кумиров, полетей для врагов. Да ну их!

Дети в восторге от твоих писем. Они здоровы, только немножко кашляют, да теперь весь Петербург кашляет хором. Вчера я получил от Евгения и от жены его¹¹ письмо: зовут крестить внука или внучку; она еще не родила, но по расчету по его должна родить! Что за комиссия, создатель, быть отцом женатых сыновей! Служба идет хорошо; одно дурно — дополнитель-

---

^a Проходимец (*франц.*).

ных денег все еще не выдают. Завтра к тебе пишут также Зотов и мать. Когда ты привыкнешь на письмах выставлять месяц и число? У тебя никогда не узнаешь, откуда и когда отправлено письмо. В будущем месяце придется ехать в Варшаву.¹² Если хватит пороху, проберусь в Вену, чтобы лично обнять и расцеловать тебя, что теперь делаю заочно от всего сердца.

Твой Ф. К.

¹ Имеется в виду статья Каировой «Прощание с Афинами. Пароход „Тетис“, 8-го июля» (Голос, 1877, № 153, 14 июля) за подписью «А. В.». Под этими инициалами помещались все ее корреспонденции, получаемые редакцией из Вены.

² Статьи Каировой в «Биржевых ведомостях» напечатаны не были.

³ Вероятно, речь идет о корреспонденции Каировой, в которой сообщалось о скором вступлении Сербии в войну: «Добрый путь; пора, если она хочет принять участие в нынешней войне» (Голос, 1877, № 206, 5 сентября).

⁴ Войткевич стал военным корреспондентом газеты, в обязанность которого входила посылка «свежей» информации через посредника-«мальчика» к Каировой. Засекреченность, о которой пишет Кони, объяснялась условиями военного времени и опасностью перлюстрации писем.

⁵ Корреспонденция о приезде папского нунция монашера Якобини в Вену по случаю тысячелетнего юбилея бенедиктинского монастыря в Кремсмюнстере и состоящего при нем «училища высших наук» носила ярко выраженный антикатолический характер (Голос, 1877, № 188, 18 августа).

⁶ Намек на III отделение е. и. в. собственной канцелярии, которое помещалось в доме 16 по набережной реки Фонтанки.

⁷ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — журналист и публицист, редактор реакционных «Московских ведомостей».

⁸ Мещерский Владимир Петрович, кн. (1839—1914) — писатель и публицист, издатель реакционной газеты-журнала «Гражданин» (1872—1914).

⁹ Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — генерал. В 1876 г., не заручившись согласием русского правительства, стремившегося разрешить балканский кризис мирным путем, уехал на Балканы и был назначен главнокомандующим сербской армией, но потерпел ряд крупных поражений в сражениях с турками.

¹⁰ Аскоченский Виктор Ипатьевич (1820—1879) — журналист, писатель, известный своими реакционными и обскурантскими взглядами. Издавал журнал «Домашняя беседа» (СПб., 1858—1877).

¹¹ Кони Евгений Федорович (псевд. Евг. Южин, Юша, 1843—1892) — сын Ф. А. Кони, писатель. Печатал стихи и рассказы в «Новом времени» и «Будильнике». Жена его — Любовь Федоровна. Далее в письме перефразы из «Горе от ума» Грибоедова.

¹² Речь идет о служебных поездках Кони.

3

Декабря 3-го 1877. С. П. Бург.

Письмо твое со вложенными письмами к детям, милейший друг, я получил. Не могу это письмо иначе обозначить потому, что по неизменной твоей привычке оно не помечено ни местом, ни месяцем, ни числом. Если все, что ты мне пишешь об этих господах, вполне справедливо, то поведение их ничем оправдано

быть не может, и ты в чувстве твоём совершенно права.¹ Но могло случиться, что и действительно то или другое письмо затерялось. Я тоже некоторых, о которых ты говорила, не получал. У нас идет политический процесс, избобличающий русскую коммуны, навеянную извне.² Не мудрено, что в корреспонденциях отыскивают нити преступления. При этом подчас письмецо может исчезнуть не потому, чтоб его считали опасным, а просто по нашей всероссийской бесцеремонности отношений к частным лицам и бесшабашной чиновничьей лени и небрежности. Бильбасов по крайней мере мне показывал только что полученное письмо с продолжением статьи, начала которой не было. Какая цель подобных проделок, вот что меня занимает? Неужели из одной любви к искусству люди эти притворяются даже в таких простых случаях, как и прочих их отношениях к тебе? Теперь вот уже неделю редкий № обходится без твоей корреспонденции: значит печатают и хотят печатать. Впрочем — да ну их!

Если бы видела, что произвело здесь известие о взятии Плевны,³ то, вероятно, перестала бы смеяться над моей фразой «о пробуждении духа русской народной жизни». Да, он сказал и громко заявил себя и едва ли замолкнет и после войны. Прежде чем успели напечатать и распространить телеграмму, в 10 часов вечера весь Петербург проснулся, запылал огнями и высыпал на улицы. Везде бенгальские огни, крики «ура»; на дворцовой площади, залитой народом, — требование императрицы и громкое «Боже, царя храни», в десять тысяч голосов; разве это не проявление народного и притом чисто русского чувства. Полиция, не предуведомленная и желавшая восстановить так называемый порядок, попряталась — и до белого дня народ гулял, гудел и пел по улицам без дядек, и в первый раз без помочей. Да чего! Девочки в пансионе и те повскакали в классах, затянули ура! и действительно потребовали, чтобы этот день был посвящен торжеству, а не учению. Положим, я привожу тебе комический факт, но и в нем чувствуется что-то самостоятельное и настойчивое. Следующий за тем день был торжеством официальным, но тут уже не было того неподдельного, что высказалось в ночь напрямую, без прикрас, от души. Офицер вбегает в Мариинский театр во время представления «Фауста»⁴ в кресла, громко шикает певцам и оркестру и кричит: «Господа! Плевна взята!». Тотчас же вся масса публики вскакивает с криком ура! на сцене и в оркестре раздаются гимн, и вся публика шесть раз поет его вместе с артистами и хором. Что было во всех других театрах и публичных местах, того и передать нельзя... Одним словом, полиция попряталась. Дальнейших комментариев не нужно. Впервые петербургцы распорядились своими чувствами без приглашения г. Трепова.⁵

Дети сидят у меня и читают. Оля тянется вверх страшно и потому часто хворает, и хворает точно так, как ты бывало в то время, когда считала себя необыкновенно здоровой. Озноб часто,

летучие или, вернее, мимолетные боли то тут, то там, а, впрочем, весела, ест аппетитно, беспуется и шалит страсть. Что же лечить? Природа делает свою работу и к известному сроку ее окончит. Девочке скоро 13 лет: начинает формироваться. Ну, прощай, милый друг, не забывай нас и знай, что здесь о тебе думают и часто тебя поминают те, которые целуют тебя миллион раз.

Твой Ф. Кони.

¹ Письмо Каировой, на которое отвечает Кони, не сохранилось в архиве.

² Имеется в виду «Процесс 193-х» («Большой процесс») в Особом присутствии Правительствующего Сената, проходивший в Петербурге с 18 октября 1877 по 23 января 1878 г.

³ Плевна была взята 28 ноября (10 декабря) 1877 г.

⁴ 29 ноября в Большом театре выступала труппа итальянской оперы, шла опера Ш. Гуно «Фауст».

⁵ Трепов Федор Федорович (1812—1889) — петербургский градоначальник.

Г. А. ЛОПАТИН

ПИСЬМО К С. А. ВЕНГЕРОВУ

Публикация Л. Н. Ивановой

Публикуемое письмо принадлежит виднейшему представителю революционного народничества Герману Александровичу Лопатину (1845—1918), другу Карла Маркса, члену Генерального совета I Интернационала. Оно относится ко времени, когда Лопатин, освобожденный от длительного заключения в Шлиссельбургской крепости (1887—1905), находился в административной ссылке в Вильно. Он был уже стар, отошел от революционной деятельности и занимался литературной работой, главным образом переводами.

Письмо адресовано С. А. Венгеру (1855—1920), известному историку русской литературы, крупнейшему библиографу, редактору многих изданий.

Установить точную дату знакомства Лопатина и Венгерова не представляется возможным, но очевидно, что оно состоялось еще до ареста Лопатина в 1884 г. Венгеров спрашивает у Лопатина 16 марта 1906 г.: «Помните ли наши встречи у Кравцовых?» (ИРЛИ, ф. 534, № 26, л. 1), на что Лопатин отвечает: «Как не помнить, Семен Афанасьевич! Помню и встречи у Кравцовых», и вечерний чай у Вас, и разговор на площадке вагона, и многое другое. Правда, моя память сильно пострадала, но по отношению не к старому, а к новому. А о Вас лично напоминали мне от времени до времени в эти долгие годы отрывочные известия о Ваших литературных трудах, проникавшие невзначай в мою могилу» (ИРЛИ, ф. 377).

В архиве Венгерова среди писем многочисленных корреспондентов находятся письма А. П. и Г. Л. Кравцовых (1879—1916 гг.), которые свидетельствуют о давней дружбе между семьей Кравцовых и Венгеровым.

А. П. Кравцова, урожд. Блюммер (1836—ум. после 1916) — женщина интереснейшей судьбы: она была одной из первых слушательниц университета в России, членом организации «Земля и воля», подвижницей в деле народного просвещения. Ее муж, Г. Л. Кравцов (1840—1890) — крупный специалист-ветеринар. Среди их друзей и знакомых были А. А. и

Н. А. Серно-Соловьевичи, М. А. Антонович, Н. Г. Чернышевский, В. Н. Фигнер. В 70-е годы в петербургской квартире Кравцовых собирались писатели и общественные деятели.¹

Видимо, в доме Кравцовых и произошло знакомство Лопатина, известного уже в те годы революционера, и Венгерова, начинающего литературоведа, проявлявшего интерес к освободительному движению, к его героям.

После освобождения Лопатина из Шлиссельбургской крепости в 1905 г. их знакомство возобновилось. Венгеров, состоявший в те годы членом Комитета Литературного фонда, содействовал назначению пенсии Лопатину. В «Журнале заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд»)» (№ 23 от 7 ноября 1905 г.) записано: «Слушали: Заявление Н. Ф. Анненского, Н. И. Кареева и С. А. Венгерова. Надо прийти на помощь <...> Г. А. Лопатину, освобожденному из Шлиссельбургской крепости. Определили: назначить продолжительное пособие по 40 руб. в месяц на год» (ИРЛИ, ф. 155). В 1906 г. пенсия была продлена еще на год. В дальнейшем Лопатин отказался от нее. В 1908 г. он уехал за границу, откуда вернулся в Россию в 1913 г.

Венгеров состоял казначеем Литературного фонда и в его обязанности входила пересылка пенсии Г. А. Лопатину, о чем свидетельствуют отрезные купоны от бланков денежных переводов в архиве Лопатина за подписью Венгерова. На одном из таких купонов, датированном 16 марта 1906 г., Венгеров впервые обратился к Лопатину: «Пользуюсь случаем передать Вам свой горячий привет» (ИРЛИ, ф. 534, № 26, л. 1). 19 марта 1906 г. Лопатин ответил, между ними завязалась переписка. В архиве Лопатина (ф. 534, № 26) хранится 4 письма Венгерова и 5 его записок на отрезных купонах денежных переводов, а в архиве Венгерова (ф. 377) — 10 писем Лопатина.

Публикуемое письмо связано с редактированием Венгеровым изданий «Библиотеки „Светоча“», посвященной главным образом истории русского освободительного движения (многие из вышедших книг были запрещены ранее царской цензурой, не издавались или же издавались нелегально).² Эта деятельность Венгерова вызывала уважение Лопатина, жившего памятью о героическом прошлом России. Не случайно именно к нему, участнику и свидетелю революционных событий, знавшему многих видных революционеров, обратился Венгеров с вопросами, связанными с истолкованием стихотворения И. С. Тургенева «Порог».

Архив Г. А. Лопатина — до сих пор предмет настойчивых поисков исследователей. Сохранилась лишь малая его часть, находящаяся в разных хранилищах и почти не опубликованная.³

---

¹ См.: Кузнецов В. Хозяйка «ноева ковчега». — В кн.: Собеседник. Портреты. Этюды. Исторические повествования. Очерки. Воронеж, 1973, с. 160.

² О редактировании С. А. Венгеровым «Библиотеки „Светоча“» см.: Ильянский Л. К. С. А. Венгеров. — Изв. Отд. русского языка и словесности Росс. Академии наук, 1923, т. XXVIII, с. 115—117.

³ Давыдов Ю. Судьба архива Германа Лопатина. — Литературная газета, 1974, № 32, 7 августа, с. 7.

Дорогой Семен Афанасьевич!

Прежде всего спасибо за издания «Светоча»,¹ а затем отвечаю на Ваш вопрос:

я безусловно согласен с Вами, что стихотворение Полонского² навеяно «процессом 50-ти»³ и изображает *общий тип* революционерки того времени. Но если какая-нибудь отдельная личность носилась перед умственным взором поэта, то едва ли Бардина,⁴ в которой преобладала *умственность* и которая лишена была *внешнего обаяния* и не обладала избытком сердечности, кротости, скромности и женственности, столь дорогих этому поэту, а скорее Лидия Фигнер,⁵ у которой всего этого было вдоволь и которая несомненно внушила (Бардовскому?) известное стихотворение, начинающееся словами:

Мой страшный грех, мой умысел злодейский
Суди, Судья, но только поскорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей!
и т. д.⁶

Но что касается до «Порога»,⁷ то, вполне соглашаясь с Вами, что это стихотворение относится к девушке *того же типа*, я тем не менее готов поверить тому, что оно было навеяно Софьей Перовской,⁸ и вот почему:

1) Я привык верить *памяти, осторожности и точности* Лаврова⁹ во всяком пустяке, а потому, если он действительно говорил, что он так слышал от Тургенева, то это так и есть. 2) Перовская была девушкой *того же типа*, что и «фричики»¹⁰ (Бардина, Субботина,¹¹ Лидия Фигнер и К°); она большую часть жизни работала *на той же дороге* и лишь под конец свернула на путь политического «терроризма». ¹² В ней было пропасть доброты, сердечности, скромности и всяческой женственности; многие (например, Степняк, но не я) приписывают ей даже внешнюю красоту и обаяние.¹³ Обратите внимание на вопрос: «И на преступление?»¹⁴ *Такого* вопроса не мог поэт (устаами чудовища) задать «фричкам», ибо *ни для одного* просвещенного человека их поступки не могли представляться «преступлениями»...¹⁵ Припомните:

Крестьянские вериги вместо платья
Одев и сняв преступно башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки
и т. д.¹⁶

Поэт (и его чудовище) под «преступлением» разумеют, очевидно, *кровь и тому подобные* вещи, «преступные» в глазах *всех*, а в том числе и самой девушки, медлящей ответом. *Такой* вопрос можно и должно было задать С. Перовской. Тут он пату-

рален. Для меня весь вопрос в том, *когда* написано это стихотворение. Если *после* 1881 г., то без колебаний примыкаю к тому мнению, что оно навеяно С. Перовской.¹⁷ Еще один *отрицательный* довод: я виделся нередко с Тургеневым, когда печатались «Новь»¹⁸ и «Стихотворения в прозе» (в «Вестнике Европы»)¹⁹. Тогда он мне *ни слова* не говорил об этом стихотворении, хотя поводов к тому было довольно. Почему? Думаю, потому, что его еще не было тогда на свете. Но он ничего не говорил мне о нем и позже, перед смертью. Правда. Но я застал его в ужасном уже состоянии и виделся с ним редко, и это был уже не свежий для него факт. Он не сказал мне даже того, для чего нарочно призывал меня к своему смертному одру, так что я даже не узнал и не догадался, о чем он желал поговорить со мною, но отложил до безболезненного момента и более свежей головы.²⁰

Вот Вам мое откровенное и обстоятельное *мнение*. Очень желал бы знать, насколько моим доводам удалось поколебать *Ваше* мнение, основанное тоже только на общих соображениях.²¹

Искренно Ваш

Г. Л.

¹ Отвечая на просьбу Лопатина от 10 мая 1906 г. прислать ему «Письмо Белинского к Гоголю», изданное в «Библиотеке „Светоча“» (ф. 377), Венгеров писал 13 июня: «С особым удовольствием посылаю Вам не только „Письмо Белинского“, но и все издания „Светоча“» (ф. 534, № 26, л. 6). К этому времени в «Библиотеке „Светоча“» вышло 5 выпусков. Среди них, кроме названного: Мильтон. Речь о свободной печати; Венгеров С. А. Эпоха Белинского. (Общий очерк); Самодержавие и печать в России; Тургенев И. С. Порог. (Не вошедшее в собрание сочинений «Стихотворение в прозе»).

² Речь идет о стихотворении Я. П. Полонского «Узница», которое Венгеров напечатал в предисловии к стихотворению в прозе И. С. Тургенева «Порог» (СПб., 1906 (Библиотека «Светоча», вып. 5)). В своем предисловии Венгеров писал, что Полонский «создает удивительно грациозный образ молодой пропагандистки, гибнущей в тюрьме <...> Как всякое истинно художественное произведение, стихотворение Полонского не относится ни к кому в отдельности. В нем схвачены общие черты всего геройского поколения 70-х годов». Современные литературоведы видят в этом стихотворении отклик на дело В. И. Засулич, судившейся за покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г. (Полонский Я. П. Стихотворения. Л., 1954 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 527; см. также: О сь м а к о в Н. В. Поэзия революционного народничества. М., 1961, с. 67—68). Однако точка зрения Венгерова, по-видимому, более соответствует действительности: существует иная, более полная редакция «Узницы», датированная 1877 г., т. е. написанная еще до покушения В. Засулич (Былое, 1906, № 1, с. 99—100).

³ «Процесс 50-ти» (Петербург, 21 февраля—14 марта 1877 г.) продемонстрировал активное участие женщин в освободительном движении России. По «процессу 50-ти» за революционную пропаганду судилась группа девушек, объединившихся еще в Цюрихе: ими был организован женский революционный кружок «фричи» — по имени домашней хозяйки (см.: Процесс 50-ти. М., 1906; Драгоманов М. П. Детоубийство, совершаемое русским правительством. (Женщины процесса московских социалистов). Женева, 1877).

⁴ Лопатин возражает Венгерову, который, заканчивая разговор об «Узнице», писал: «Если уж непременно искать прототип узницы Полонского.

то всего вероятнее образ ее навеян одной из наиболее симпатичных подсудимых процесса „Пятидесяти“ — Софией Бардиной» (Тургенев И. С. Порог, с. 5). С. И. Бардина (1853—1883), организатор кружка «Фричей», также судилась по «процессу 50-ти». На суде ею была произнесена речь, ходившая в списках, а затем изданная в нелегальной печати (Драгоманов М. П. Детоубийство, совершаемое русским правительством, с. 9—12).

⁵ Л. Н. Фигнер (1853—1920), младшая сестра Веры Фигнер, член кружка «Фричей», вела деятельную пропаганду, а затем судилась по «процессу 50-ти». Другие современники также отмечали «внешнее обаяние» Лидии Фигнер. Адвокат А. Л. Боровиковский назвал ее «сказочной красавицей» (письмо к А. Ф. Кони 1877 г., см.: ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 400, л. 6).

⁶ Лопатин приводит четверостишие из стихотворения «К судьям», принадлежащего А. Л. Боровиковскому (1844—1905), либеральному присяжному поверенному, одному из защитников на «процессе 50-ти» и «процессе 193-х». Ошибка Лопатина вызвана тем, что популярнейшее в те годы стихотворение печаталось анонимно и его авторство приписывали разным лицам, в том числе С. И. Бардиной, Л. Н. Фигнер и Г. В. Бардовскому (1848—1880) — адвокату, также выступавшему в качестве защитника на «процессе 50-ти» (Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 768—769). Подлинное имя автора стало известно лишь после выхода в свет статьи В. Н. Фигнер «Процесс 50-ти (1877 г.)» (см.: Фигнер В. Полн. собр. соч. в 7-ми т., т. V. Изд. 2-е. М., 1932, с. 187). Ею же впервые в легальной печати названо имя адресата стихотворения — Л. Н. Фигнер. Эти факты подтверждаются недавно обнаруженным письмом А. Л. Боровиковского к А. Ф. Кони (см.: Бушканец Е. Мнимые стихотворения Софьи Бардиной. — Русская литература, 1961, № 2, с. 170).

⁷ Стихотворение Тургенева «Порог» пользовалось большой популярностью среди революционно настроенной молодежи. При жизни писателя оно не было издано и ходило в списках. Впервые «Порог» был напечатан вместе с прокламацией «Народной воли» (25 сентября 1883 г.), написанной П. Ф. Якубовичем и распространявшейся в день похорон Тургенева (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.—Л., 1930, с. 3—14). В легальной печати стихотворение впервые издано С. А. Венгеровым в «Русском богатстве» (1905, № 11—12, с. 155—157), а затем в отдельном издании «Библиотеки „Светоца“».

⁸ 13 июня 1906 г. Венгеров писал Лопатину: «Очень было бы интересно узнать от Вас что-нибудь о „Пороге“. Странный человек Богучарский. Оба мы с ним, не сговорившись, пришли в разговор к тому убеждению, что „Порог“ навеян Бардиной и вообще московским процессом 1877-го года, а в рецензии он почему-то примкнул к совершенно, по смыслу, неверному сообщению Лаврова, что „Порог“ относится к Софии Перовской. Как Вы думаете? Не можете ли сообщить что-нибудь фактическое?» (ф. 534, № 26, л. 6). Напечатанное вместе с прокламацией в 1883 г., стихотворение это не было датировано, что вызвало неверное толкование. Так, П. Л. Лавров, хорошо знакомый с Тургеневым, предполагал, что оно навеяно образом Софьи Перовской (Лавров П. Л. И. С. Тургенев и русское общество. — В кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, с. 67—70, 74). Это мнение поддержал и известный историк народничества В. Я. Богучарский в рецензии на 2-й и 5-й выпуски «Библиотеки „Светоца“» (Былое, 1906, № 5, с. 295—296). Однако данное предположение не подтвердилось: в 1905 г. стало известно, что стихотворение было написано в мае 1878 г. В дальнейшем удалось установить, что поводом к написанию «Порога» явились политические процессы 70-х годов, и прежде всего процесс Веры Засулич (Никитина А. И. Из истории русской революционной поэзии 1870-х годов. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1963, т. 245, с. 21—22).

⁹ В начале 1870 г. Лопатин, бежавший из ссылки, организовал такой же побег П. Л. Лаврова (1823—1900). Это был год их знакомства и сближения (Лавров П. Л. Герман Александрович Лопатин. Пг., «Колос», 1919;

Лопатин Г. А. 1) Из рассказов о П. Лаврове. — Голос минувшего, 1915, № 9; 2) К рассказам о П. Лаврове. — Там же, 1916, № 4).

¹⁰ Так несколько иронично Лопатин называл девушек-пропагандисток, вышедших из цюрихского кружка «Фричей».

¹¹ В кружок «Фричей» входили сестры Субботины: Евгения, Надежда и Мария.

¹² С. Л. Перовская (1853—1881) в начале своей деятельности занималась революционной пропагандой, судилась в 1877—1878 гг. по «процессу 193-х», но была оправдана; состояла членом Исполнительного комитета «Народной воли». В 1879 и 1880 гг. участвовала в подготовке к покушению на Александра II. По процессу первоуртовцев (1881 г.) приговорена к повешению.

¹³ Лопатин, очевидно, имеет в виду высказывание о Перовской известного революционера и писателя С. М. Степняка-Кравчинского (1851—1895): «Она была хороша собой, хотя наружность ее принадлежала к тем, которые не ослепляют с первого взгляда, но тем больше нравятся, чем больше в них всматриваешься» (Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия. М., 1960, с. 88).

¹⁴ Лопатин неточно цитирует строку из «Порога»: «Готова ли ты на преступление?» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. XIII. М.—Л., 1967, с. 169).

¹⁵ Главной целью судившихся по «процессу 50-ти» была революционная пропаганда среди рабочих.

¹⁶ Лопатин цитирует второе четверостишие из стихотворения А. Л. Боровиковского «К судьям».

¹⁷ См. примеч. 8.

¹⁸ Знакомство Лопатина с Тургеневым состоялось в Париже в начале 1874 г. Очевидно, их познакомил П. Л. Лавров. Писателя сразу покорила этот «несокрушимый юноша», «умница» и «светлая голова», как он называл Лопатина (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. X, с. 331). Во многих письмах к Лаврову Тургенев спрашивался о Лопатине, просил привести его, а позже сожалел о постигшей его участи (аресте в 1879 г.). Через Лопатина поддерживалась постоянная связь между Тургеневым и Лавровым (передача писателем взносов на издание журнала «Вперед!», денежная помощь русским эмигрантам и проч.). О встречах с Тургеневым в период, когда печатался роман «Новь» (Вестник Европы, 1877, № 1—2), Лопатин говорил в своих воспоминаниях (Запись беседы с Г. А. Лопатиным от 3 ноября 1913 года. — В кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, с. 134).

¹⁹ Лопатин ошибается: «Стихотворения в прозе» были напечатаны в 1882 г. (Вестник Европы, № 12), когда он уже отбывал ссылку в Вологде.

²⁰ П. Л. Лавров в очерке о Лопатине писал: «(. . .) в последней записке, полученной мною от Ивана Сергеевича и писанной карандашом за несколько дней до его смерти, Иван Сергеевич выражал желание видеть Лопатина, только что вернувшегося после бегства из Вологды» (Лавров П. Л. Герман Александрович Лопатин, с. 42). Лопатин не смог вторично навесить Тургенева. Воспомята об этом спустя много лет, он признавался: «(. . .) по отношению к Тургеневу у меня осталось тяжелое чувство невыполненного обещания. В свое время я не сделал того, что собирался, а потом уже не пришлось» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, с. 122).

²¹ На отрезном купоне перевода денежного пособия Г. А. Лопатину от Литературного фонда Венгеров написал: «Г. А. Лопатину. 1/VII 1906. Большое спасибо за интереснейшее и при всей краткости содержательное письмо. Неужели Вы не напишете воспоминаний? Это преступление» (ф. 534, № 26, л. 9).

Г. А. ЛОПАТИН

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ¹

Публикация Л. Н. Ивановой

<i>Фамилия</i>	Лопатин
<i>Имя</i>	Герман
<i>Отчество</i>	Александрович.
<i>Когда родился (день, месяц, год)</i>	13 января 1845 г.
<i>Где родился</i>	В Нижнем Новгороде.
<i>Кто были роди- тели</i>	Отец действительный с<татский> с<оветник>, председатель Ставропольской Казенной Палаты Александр Никонович Лопатин. Мать Соф<ья> Ивановна, урожденная Крылова.
<i>Вероисповеда- ние</i>	Крещен и воспитан в недрах греко-восточной церкви. В настоящее время не принадлежу ни к какой религиозной секте, о чем заявил в свое время на суде.
<i>Где получил образование</i>	Сначала на Кавказе, в Ставропольской гимназии, а потом в Петербургском университете (кандидат естественного отделения физико-математического факультета). ²
<i>Звание, долж- ность или за- нятие</i>	По паспорту теперь виленский мещанин ³ (из потомственных дворян). Жил всегда переводами научных сочинений с иностранных языков.
<i>Особенно заме- чательные со- бытия жизни</i>	Привлекался многократно по политическим делам, начиная с каракозовщины. Сидел 27 раз в 18 разных тюрьмах. В 1887 году был приговорен к смерти, но вместо того был заточен в Шлюшин, откуда вышел в октябре 1905 года. ⁴
<i>В каких перио- дических изда- ниях, по преи-</i>	Переводил книги. Немногие мелочи были напечатаны во «Вперед», ⁵ в «Былом», ⁶ в «Мишурных годах», ⁷ в «Современнике» ⁸ (Амфи-

*мушкетеру, уча-
ствовал и по
какому отделу
Перечень от-
дельно издан-
ных книг (же-
лательно ука-
зать год, место
издания, фор-
мат, число стра-
ниц)*

театрова),⁹ в «Речи»,¹⁰ но все, не стоящие
внимания.¹¹

1) Спенсер. «Психология», 4 т. (два издания). —
2) Спенсер. «Социология», 2 т. — 3) Спенсер.
«Этика», 1 т. — 4) Тэн. «Les origines» etc. 1-й том
(два издания). — 5) Тиндаль. «Вещества... в
воздухе». — 6) Роменс. «Над гробом Дар-
вина». — 7) Жоли. «Психология великих лю-
дей». — 8) Грант Аллен. «Виньетки с на-
туры». — 9) Карпентер. «Столоверчение, спиритизм» и пр.¹² — 10) Клиффорд. «Сборник трудов
по физике», 2 т. (за смертью Билибина остался
ненапечатанным, рукопись у меня). —
11) Маркс. «Капитал», т. 1-й. Мною переведена
только $\frac{1}{3}$ тома. Остальное dokonчено после
моего ареста Николаем — оном.¹³

В ранней молодости переводил часть «Зоо-
логических писем» Иегера и редактировал «Хи-
мию кухни» Отто Уле,¹⁴ но вышли ли эти вещи
в свет, не помню. Никаких желательных Вам
подробностей без предварительных справок
дать не могу.

Еще 12) Письма Маркса и Энгельса к Да-
ниельсону (Николай — онъ).¹⁵

Более подробный ответ на Вашу анкету, как
я понял, не требует поспешности и может быть
написан, если удастся, на даче?

¹ Ответы Лопатина на анкету, присланную ему С. А. Венгеровым, кото-
рый собирал материал для «Источников словаря русских писателей», публи-
куются по автографу, хранящемуся в Пушкинском Доме (ф. 377, архив
С. А. Венгерова, 2-е собр. автобиографий). Рукопись, видимо, относится
к 1913—1916 гг.

² Ставропольскую гимназию Лопатин окончил в 1862 г. В Петербург-
ском университете он учился в 1862—1866 гг.

³ После освобождения из Шлиссельбургской крепости в 1905 г. Лопатин
был лишен дворянского звания; его семье с трудом удалось добиться за-
мены поселения в Сибирь административной ссылкой в Вильно, где жил
ранее сосланный туда за революционную деятельность брат Лопатина,
Всеволод Александрович.

⁴ Установить точное число арестов Лопатина трудно. Сам Лопатин
в своей автобиографии (Г. А. Лопатин (1845—1918). Автобиография. Пока-
зания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пг., 1922) при-
водит их всего шесть. Назовем их: в 1866 г. — по «делу Каракозова» (поме-
щен в Петропавловскую крепость, освобожден через два месяца за отсут-
ствием улики); в 1868 г. — за участие в организации так называемого «руб-
левого общества» (помещен в Петропавловскую крепость); в 1869 г. —
вследствие обнаружения его письма при обыске у одного из привлеченных
по так называемому «нечаевскому делу»; в 1871 г. — за попытку освободить
из заключения Н. Г. Чернышевского (сидел в тюрьмах Иркутска, Ви-
люйска); в 1872 г. — за побег из заключения; в 1879 г. — в один из приез-
дов из-за грашпы, куда он бежал в 1873 г.; в 1884 г. — за попытку вос-

становления разгромленной «Народной воли». 26 мая—5 июня 1887 г. судился по «процессу 21-го» (Лопатин был главным обвиняемым, поэтому процесс иногда называют «лопатинским»). После суда Лопатин был навечно заточен в Шлиссельбургскую крепость, в просторечии — «Шлюшин».

⁵ Статьи Лопатина в журнале «Вперед!» (Лондон): «Из Иркутска» (1874, т. II), «Не наши» (1874, т. III); в газете «Вперед!»: «Из Томска» (1876, № 25, 15 (3) января), «А. П. Щапов. Письмо в редакцию» (1876, № 34, 1 июня (20 мая)), «Воспоминания об И. А. Худякове» (1876, № 47, 15 (3) декабря) и др.

⁶ Заметки Лопатина в журнале «Былое» (Пб.): «К истории осуждения доктора О. Э. Веймара» (1907, № 3), «По поводу „Воспоминаний народо-вольца“ А. Н. Баха» (1907, № 4) и др.

⁷ В «Минувших годах» (Пб.) в 1908 г. появилась заметка Лопатина «Примечания к статье „Н. Г. Чернышевский в Вилуйске“» (№ 3) и переводы: «Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю <Даниельс>—оному» (№ 1, 2; затем вышла книга под тем же заглавием — СПб., 1908); «Отрывки из писем Маркса и Энгельса к Зорге, Больте и другим» (№ 2).

⁸ В «Современнике» (Пб., 1911, № 1) был опубликован некролог «В. А. Караулов» Лопатина и перепечатан из журнала «Вперед!» очерк «Не наши».

⁹ Амфитеатров А. В. (1862—1938) — известный писатель и публицист, редактор «Современника» (1910—1911).

¹⁰ В газете «Речь» (Пб.) была напечатана небольшая заметка Лопатина о журнале «Вперед!» под рубрикой «Письма в редакцию» (1916, 20 декабря).

¹¹ Лопатин печатался и в других периодических изданиях; в числе их следующие: «Голос минувшего» — статьи «Из рассказов о П. Лаврове» (1915, № 9) и «К рассказам о П. Л. Лаврове» (1916, № 4); «Русская воля» — «Поблажки династам. Письмо Г. А. Лопатина от 3 марта 1917 г. военному министру А. И. Гучкову по поводу слухов о выезде Николая Романова в ставку» (1917, № 8, 10 марта); «Одесские новости» — «Первые дни революции. Из дневника Г. А. Лопатина» (1917, 12 марта).

¹² О своих переводах Лопатин с некоторыми добавлениями говорит также в письме к Ф. Д. Батюшкову в сентябре 1913 г. (К о н д р а т ь е в Н. Д. Пока свободой горим. (Документальная повесть о Германе Лопатине). Л., 1975, с. 478—480). В настоящей анкете перечислены следующие переводы: Спенсер Г. 1) Основания психологии. Пер. со 2-го англ. изд. Т. 1—4. СПб., И. И. Билибин, 1876; 2) Основания социологии. Т. 1, 2. СПб., И. И. Билибин, 1876; 3) Основания науки о нравственности. Пер. с англ. СПб., И. И. Билибин, 1880; Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. Пер. с 3-го франц. изд. Г. Лопатина. Т. 1. Старый порядок. СПб., И. И. Билибин, 1880 (новое изд.: СПб., М. В. Пирожков, 1907); Т и н д а л ь Дж. Гниение и зараза по отношению к веществам, носящимся в воздухе. Пер. с англ. Г. А. Лопатина. СПб., И. И. Билибин, 1883; Что сделал для науки Чарльз Дарвин. Популярный обзор его главнейших работ по всем отраслям естествознания, сделанный английскими профессорами и учеными — Гексли, Чейки, Роменсом и Дайером. Пер. Г. Лопатина. СПб., Ф. Павленков, 1883; Ж о л и А. Психология великих людей. Пер. с франц. СПб., Ф. Павленков, 1884; Ал л е н Ч. Гр. Вивьетки с натуры и научные доказательства органического развития Джорджа Роменса. Пер. с англ. Г. А. Лопатина. СПб., И. И. Билибин, 1883; К а р п е н т е р В. Б. Месмеризм, одиализм, столоверчение и спиритизм с исторической и научной точек зрения. Лекции. . . Пер. с англ. СПб., И. И. Билибин, 1878.

¹³ Речь идет об издании: М а р к с К. Капитал, т. 1. СПб., 1872. О переводе «Капитала» см. заметку Лопатина «Свое каждому» (Петроградский голос, 1918, 4 июля).

¹⁴ У л е Отто. Химия кухн. Пер. с нем. Тетр. [1]—3. СПб., 1865—1867; И е г е р Г. Зоологические письма. М., 1865.

¹⁵ См. примеч. 7. Кроме всех перечисленных работ, в письме к Ф. Д. Батюшкову Лопатин упоминает свой перевод статьи Э. Бернштейна «Карл Маркс и русские революционеры» (Минувшие годы, 1908, № 10, 11).

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ПИСЬМА К М. А. ВОЛОШИНУ

Публикация В. П. Купченко

«Волошин сразу оценил и полюбил поэзию молоденькой Марины Цветаевой, пригрел ее», — писал Илья Эренбург.¹ Действительно, отзыв Максимилиана Александровича о сборнике начинающей поэтессы был не только первым, но и самым доброжелательным. Для обостренно самолюбивой Цветаевой такое ободрение было крайне важно. «М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта», — отмечала она в 1932 г.²

Большую роль в жизни М. И. Цветаевой (1892—1941) сыграла и дружба с Волошиным. «Макс в жизни женщин и поэтов был providentiel.»,³ — писала она. — Когда женщина оказывалась поэтом, или, что вернее, поэт — женщиной, его дружбе, бережности, терпению, вниманию, поклонению и сотворчеству не было конца».⁴

Не избалованная человеческой теплотой, благодарная за каждое ее проявление, Цветаева пронесла глубокое уважение и дружеское чувство к Волошину через всю жизнь, воздав должное его памяти в очерке «История одного посвящения»,⁵ в стихотворном цикле «Ici haut»⁶ и, наконец, в блестящих по глубине проникновения воспоминаниях «Живое о живом»,⁷ несомненно лучших из всего написанного о Волошине. В этих произведениях Цветаева сама перечислила «дары», которые получила от своего старшего друга.

¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1961, с. 183.

² Цветаева М. Письма к А. Тесковой. Прага, изд. Чехословацкой Академии наук, 1969, с. 101.

³ «Провидением», «даром небесным» (франц.).

⁴ Лит. Армения, 1968, № 6, с. 89.

⁵ Oxford Slavonic Papers, 1965, v. XI, p. 114—136. См. также: Лит. Армения, 1966, № 1, с. 53—69.

⁶ «Здесь на Выоте» (франц.). Цикл опубликован в журналах: Встречи, Париж, 1934, т. IV, с. 160—161; т. V, с. 210—211; Новый журнал, Нью-Йорк, 1953, т. XXXIII, с. 129—130.

⁷ Современные записки, Париж, 1933, № 2, с. 238—261; № 3, с. 215—250. См. также: Лит. Армения, 1968, № 6, с. 78—102; № 7, с. 62—73.

Первым — главным — из этих «даров» было доверие к людям. «Максу и обязана крепостью и открытостью моего рукопожатия и с ними пришедшему доверию к людям. Жила бы как прежде — не доверяла бы, как прежде; может быть, лучше было бы — но хуже».⁸ Волошину Цветаева обязана также целым рядом друзей. Она писала об этом его призвании «сводить людей, творить встречи и судьбы»: «К его собственному определению себя как коробейника идей могу прибавить и коробейника друзей».⁹ В Коктебеле, «у Макса», Цветаева познакомилась с Сергеем Яковлевичем Эфроном (1893—1941), своим будущим мужем. Объектом своеобразного преклонения стала для нее мать Волошина, Елена Оттобальдовна (1850—1923), женщина, по ее словам, «человеческой и всякой исключительности, самоценности, неповторимости».¹⁰ Таким же событием, «как Макс», оказалась в жизни Цветаевой встреча с поэтессой Аделаидой Герцык.¹¹ В Коктебеле под эгидой «Макса» Цветаева познакомилась с А. Н. Толстым, там же началась, по сообщению А. С. Эфрон, ее дружба с Н. В. Крандиевской и состоялась ее первая встреча с О. Мандельштамом. Возможно, именно Волошин «свел» Цветаеву с К. Бальмонтом, своим давним другом; при его посредстве познакомился с ней и И. Эренбург.

Сам Коктебель, обетованная земля для многих поэтов, был еще одним бесценным «даром» Волошина. 30 августа 1921 г. Цветаева пишет его матери: «Коктебель 1911 г. — счастливейший год моей жизни, никаким российским заревам не затмить того сияния». «Одно из лучших мест на земле», — определяет она это выжженное, дикое побережье в 1931 г.¹² И где-то в конце тридцатых годов, уже «подводя итоги», поставит Коктебель в ряд с лучшими воспоминаниями жизни: «Таруса... Коктебель да чешские деревни — вот места моей души».¹³

У зрелой Цветаевой обнаруживается много общего с Волошиным: детскость, отталкивание от мира «взрослых», простота и неприхотливость в быту, неприязнь к «учительству» и к политике, «внецерковность», жесткая требовательность к себе. Общими были у них и непреклонная верность своим убеждениям и беспредельная любовь к поэзии.

Коктебельское лето 1911 г. было для Цветаевой неповторимым, но не единственным. В уже цитировавшемся письме к А. Тесковой она говорила, что обязана Волошину «целым рядом блаженных лет (от лето) в его красном суровом Коктебеле».¹⁴

Но первое знакомство их состоялось в Москве, в самом конце 1910 г. 1 декабря Цветаева дарит Волошину свой первый стихотворный сборник «Вечерний альбом»; 22 декабря датировано обращенное к Цветаевой стихотворение Волошина «К Вам душа так радостно влекома...»;¹⁵ 11 декабря

⁸ Лит. Армения, 1968, № 7, с. 62.

⁹ Там же, № 6, с. 92.

¹⁰ Там же, с. 98.

¹¹ Там же, с. 92—94.

¹² Лит. Армения, 1966, № 1, с. 65.

¹³ Цветаева М. Избр. произв. М.—Л., 1965, с. 762.

¹⁴ Цветаева М. Письма к А. Тесковой, с. 101.

¹⁵ Не к М. Цветаевой ли обращено и стихотворение «Раскрыв ладонь, плечо склонила...», написанное Волошиным 3 декабря? (напечатано в кн.: Ветвь. М., 1917, с. 18).

в газете «Утро России» появляется статья Волошина «Женская поэзия», посвященная Цветаевскому сборнику. С этого времени Волошин становится частым гостем в «старом доме» в Трехпрудном переулке, где жили Цветаевы. Между Мариной и Волошиным возникает переписка.

В первых числах апреля 1911 г. Цветаева уезжает в Крым и 6 и 18 апреля пишет Волошину из Гурзуфа. 26 апреля А. Герцык сообщала Волошину: «От Марины же получаю частые, полные confidences¹⁶ письма, из кот^{ор}ых я, наконец, поняла всю ее детскость и непосредственность. Вчера было такое очаровательное письмо и так много в нем про вас, что мне нужно усилие, чтоб воздержаться и не послать его вам».

5 мая Цветаева впервые приехала в Коктебель, где пробыла до начала июля (8 июля датировано ее и С. Эфрона письмо к Е. О. Волошиной уже из Феодосии, по пути на Урал).

Новые встречи с Волошиным происходят в феврале 1912 г. в Москве. 11 февраля Цветаева дарит ему вторую книгу своих стихов — «Волшебный фонарь»;¹⁷ 27 февраля все «обормоты» (так называли себя «коктебельцы» 1911 г.) собираются у Герцык; 28 февраля С. Эфрон дарит Волошину свою книгу «Детство». На другой день Цветаева и Эфрон (к тому времени уже поженившиеся) уезжают в Италию. Оттуда (из Палермо) ими отправлена 24 марта (6 апреля) 1912 г. открытка Волошину, а затем в переписке наступает перерыв. В начале декабря 1912 г. Волошин вновь приезжает в Москву, где живет у сестер Эфрон. Отсюда он уехал только в начале апреля. В первой половине марта под маркой домашнего «издательства» М. Цветаевой и С. Эфрона «Оле-Лукойе» вышла книга Волошина «О Репине».

В конце апреля 1913 г. в Коктебель приезжает Цветаева с дочерью и мужем; здесь она пробыла до 14 августа.¹⁸ В Доме-музее Волошина сохранился его пейзаж (гуашью) с надписью: «Милой Марине в протянутую руку», датированный 26 апреля 1913 г. Другое свидетельство о пребывании супругов Эфрон в Коктебеле — книга Д. Мережковского «Александр Первый», подаренная с надписью: «Пра¹⁹ — с нежной любовью. Марина Эфрон и Сережа» — и с датой: «21 мая 1913. Коктебель».

Пробыв недолгое время в Москве (где 30 августа скончался отец, Иван Владимирович Цветаев), Марина с семьей снова едет в Крым, в Ялту. Оттуда она посылает 18 сентября фотографию своей дочери Али ее крестной Е. О. Волошиной (сохранилась в фотоархиве Дома-музея Волошина). 17 октября состоялся их переезд в Феодосию,²⁰ и всю зиму 1913—1914 гг. не прекращается частое общение Волошина с Мариной и ее сестрой Анастасией (Асей) и с С. Эфроном. 10 ноября 1913 г. Волошин сообщал Ю. Обо-

---

¹⁶ «Признаний» (франц.).

¹⁷ Эта книга, как и многие другие, упоминаемые далее, сохранилась в библиотеке Дома-музея М. Волошина в Коктебеле (ныне Планерское).

¹⁸ См. письмо Ю. Л. Оболенской от 17 августа 1913 г. к К. В. Канаду-рову: Гос. Третьяковская галерея, Рукописный отдел, № 5/950.

¹⁹ «Пра» — прозвище Е. О. Волошиной (от «Праматерь»), связанное с одной «обормотской» мистификацией (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 97).

²⁰ См. письма к М. Волошину А. М. Петровой и А. Н. Ивановой от 18 октября 1913 г.

ленской: «В Феодосии поселились Марина и Сережа. Устроились они на горе, у дяди и тетки Рагозинского.²¹ Те их утешали <...> И об них там заботятся трогательно».²² 15 декабря сестра С. Я. Эфрона, Е. Я. Эфрон, писала Волошину: «Сейчас получила письмо от Марины <...> в котором она очень живо описывает вечер, проведенный у П. Н. «Лампси», и ваш спор, и твое бешенство». 17 декабря Волошин сообщал матери в Москву: «Я каждый вечер проводил с Мариной и Асей, — говорили мы часов до 2-х, до 3-х ночи, очень дружно и хорошо».

В эту зиму сестры Цветаевы несколько раз выступали перед феодосийцами с чтением (двум) стихов. Так, 24 ноября 1913 г. Цветаевы и С. Эфрон читали на вечере «Еврейского общества пособия бедным»;²³ 15 декабря в «Вечере поэзии и музыки», устроенном феодосийским обществом приказчиков, участвовали и Цветаевы, и Волошин.²⁴ Встреча Нового года в Коктебеле у Волошина, с едва не разразившимся пожаром, освещена в воспоминаниях «Живое о живом»²⁵ и в письме Волошина к матери от 1 января 1914 г. 3 января все они выступали на «студенческом вечере» в феодосийской мужской гимназии.²⁶

В Феодосии сестры Цветаевы и С. Эфрон прожили всю весну 1914 г. Феодосийский художник Н. И. Хрустачев писал А. А. Шемшурину (24 марта) о своем знакомстве «с олимпийцами: М. Волошиным, поэтессой Мариной Цветаевой и ее мужем».²⁷ С. Эфрон готовился держать экзамен на аттестат зрелости, и это обстоятельство задерживало их переезд в Коктебель. В дневнике Цветаевой (по сообщению А. С. Цветаевой) ее приезд туда помечен 1 июня.

Позднее А. Н. Толстой так характеризовал последний перед первой мировой войной «дачный сезон» в Крыму: «<...> легкомыслие и шаткость среди приезжих превзошли всякие размеры, словно у этих сотен тысяч городских обывателей каким-то гигантским протуберанцем, вылетевшим в одно июньское утро из раскаленного солнца, отшибло память и благоразумие».²⁸ Волошин же, вспоминая этот период в одной из своих автобиографий, определил его как «летний вихрь безумия». Этот «вихрь», по-видимому, как-то задел и сестер Цветаевых. Ю. Оболенская писала 9 июля

---

²¹ В. А. Рогозинский — художник-архитектор из круга братьев А. А. и В. А. Весниных, друг М. Волошина. Его тетя и дядя — А. Ф. и Э. М. Редлихи — имели дом в Феодосии в Караимской слободке.

²² Об этом периоде жизни Цветаевой вспоминает ее сестра (Цветаева А. И. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974, с. 451—465).

²³ Жизнь Феодосии, 1913, № 57, 24 ноября, с. 2; Южные ведомости, Симферополь, 1913, № 268, 27 ноября, с. 3.

²⁴ Жизнь Феодосии, 1913, № 67, 18 декабря, с. 3; Южные ведомости, Симферополь, 1913, № 285, 18 декабря, с. 3; Крымское слово, Феодосия, 1913, № 6, 20 декабря, с. 3.

²⁵ Лит. Армения, 1968, № 7, с. 66—68.

²⁶ Жизнь Феодосии, 1914, № 72, 5 января, с. 3; Крымская почта, Симферополь, 1914, № 233, 8 января, с. 3; Южное слово, Симферополь, 1914, № 413, 10 января, с. 4.

²⁷ Гос. Библиотека им. В. И. Ленина, фонд Ф. А. Шемшурин, картон IV, № 8.

²⁸ Толстой А. Н. Хождение по мукам. — Полн. собр. соч., т. 7. М., 1947, с. 100.

своей подруге, художнице М. Нахман, что Марина с Асей «перессорились со всеми дачниками <...> и после грандиозного скандала на днях уехали совсем из Коктебеля».²⁹

Волошин никогда не идеализировал своих друзей и отдавал себе полный отчет в слабостях и недостатках каждого из них. Так, 25 ноября 1911 г. он писал матери: «Я боюсь, что ты Марины не понимаешь: в ней есть действительно много к себе не подпускающего, замкнутого. Но я это объясняю большой полнотой ее натуры и инстинктивной самостоятельностью ума. Но эти качества еще не осознали себя в ней, и она еще слишком инстинктивно защищает свою самостоятельную жизнь, с эгоизмом молодого существа, жившего гораздо больше сердцем в мечте, чем сердцем в действительности». 11 марта 1914 г. Волошин писал ей же, что Цветаевы обе «очень по-детски страдают» самовозвеличиванием, мыслью о своей единственности. 13 августа 1917 г., узнав о личном знакомстве Цветаевой с И. Эренбургом, Волошин написал Марине: «Что от Вашей первой встречи произошел скандал, это совершенно естественно, так как вы оба капризники и задиры». Однако, поняв человека до конца, Волошин принимал его целиком, и ни разочароваться в нем, ни «отречься» от него уже не мог. «Он меня любил и за мои недостатки»,³⁰ — отмечала сама Марина.

Лето 1915 г. Цветаева снова проводила в Коктебеле, но уже без мужа, уехавшего на фронт братом милосердия. Приехала она туда, по-видимому, в конце мая с поэтессой С. Я. Парнок, с которой познакомилась и подружилась весной. Здесь произошло ее знакомство с О. Э. Мандельштамом, впервые упомянутом Е. О. Волошиной в письме к сыну от 14 июля 1915 г. (он был в Париже). 23 июля она сообщала ему же: «Марина с Парнок вчера уехали».

Весной 1916 г., возвращаясь из-за границы в Россию, Волошин на несколько дней (с 17 по 24 апреля) останавливался в Москве. Видимо, в этот короткий срок он все же нашел время повидеться с Цветаевой и был в курсе ее дел, личных и творческих. Узнав о намерении своего товарища, поэта и издателя М. О. Цетлина (псевдоним — Амари) возобновить издательство «Зёрна» (в котором вышла вторая волошинская книга стихов — «Anno mundi ardentus»), Волошин сообщил ему: «<...> сейчас же написал Марине Цветаевой в Москву, чтобы она выслала тебе рукописи своих обеих новых книг стихов и чтобы написала Есенину, так как как я с ним не знаком и не знаю, где он, а она с ним хороша».³¹

Следующие встречи Волошина с Цветаевой произошли в 1917 г. В ту зиму, с 28 декабря 1916 г. по конец апреля 1917 г., он жил с матерью в Москве, активно общаясь с деятелями искусства и литературы. 15 марта 1917 г. он, по-видимому, присутствовал на каком-то выступлении Цветаевой. Сохранилась ее запись стихотворения «Чуть светает» с припиской:

---

²⁹ Нахман Магда Максимилиановна — автор портрета М. И. Цветаевой (по-видимому, 1913 г.), хранящегося в частном собрании в Москве. Письмо Ю. Оболенской хранится в Центральном гос. архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, № 7).

³⁰ Лит. Армения, 1968, № 6, с. 90.

³¹ Письмо находится в частном собрании А. Ф. Маркова (Москва).

«15 марта 1917 г. Литерное кресло „9“ Максимилиану Александровичу Волошину. Оставить в кассе».

4 июня 1917 г. в «Речи» (№ 129) появилась волошинская статья «Голоса поэтов». Перечислив «глубоко индивидуальные голоса» старшего поколения современных поэтов, у которых «лирический голос оставался голосом декламирующим», критик отметил, что «у последних пришельцев стих подошел гораздо интимнее, теснее к разговорному голосу поэта». Слияние стиха и голоса, по его словам, «звучало непринужденно и свободно в поэзии Ахматовой, Марины Цветаевой, О. Мандельштама, Софии Парнок». Волошин писал: «У меня звучит в ушах последняя книга стихов Марины Цветаевой, так непохожая на ее первые полудетские книги, но я, к сожалению, не могу сослаться на нее, так как она еще не вышла».³² В черновом наброске к этой статье сказано: «*Марина Цветаева*. То голос разумного дитя, то мальчишески ломающийся и дерзкий, то с глубоко национальными и длинными бабьими нотами».

Узнав о знакомстве Цветаевой с его бывшей женой М. В. Сабашниковой, Волошин писал последней 26 сентября 1917 г.: «Ты ничего не пишешь, какое впечатление на тебя произвела Марина <...> ее стихи последнего периода с русскими ритмами, я думаю, тебе будут очень близки. Мне они кажутся прекрасными».

Намерение Цветаевой (в письме от 24 августа 1917 г.) приехать в Феодосию «недели через две» все откладывалось. Этот приезд, по-видимому, состоялся только в начале октября: Цветаева (по сообщению ее сестры) еще успела застать в Феодосии О. Мандельштама, уехавшего в Петроград 11 октября.³³ О пребывании Цветаевой в Крыму сам Волошин писал Ю. Оболенской (15 ноября): «Марина как раз в дни Московского боя³⁴ была у нас и, ничего не подозревая, уехала в Москву. И, пробыв там день, немедленно вернулась с Сережей». Вторично в Коктебель Цветаева приехала 10 ноября, «с Сережей и массой рассказов об московских делах» (письмо Волошина к А. М. Петровой от 12 ноября). Поэт посвятил ей цикл из двух стихотворений «Две ступени».³⁵ 25 ноября Цветаева вновь уехала в Москву за детьми, с которыми должна была тотчас же вернуться в Коктебель. Осуществить это уже не удалось. Ноябрьское свидание оказалось последним.

В 1922 г. Цветаева уехала за границу — к мужу в Прагу. Но дружба с Волошиным продолжалась. 15 сентября 1918 г. Волошин писал М. О. Цетлину: «Слышал, что ты издаешь книгу Марины Цветаевой, и очень этому порадовался». 25 ноября 1919 г. он советовал некоей Вере Георгиевне: «Просмотрите с точки зрения формы несколько последних поэтов: Софию Парнок, Мандельштама, Марину Цветаеву. В них есть новые завоевания, которые необходимо знать». Продолжалась, хотя и редкая, с оказаниями, переписка Волошина с Цветаевой. Он продолжал следить за ее судьбой.

Письма Цветаевой к Волошину 1919—1922 гг. полностью не сохранились.

³² Видимо, речь идет о сборнике М. Цветаевой «Версты», вышедшем в Москве в 1922 г.

³³ См. письмо А. А. Новинского к М. Волошину от 13 октября 1917 г.

³⁴ Бой в Москве шли с 27 октября по 3 ноября 1917 г.

³⁵ Волошин М. Демоны глухонемые. Харьков, «Камена», 1919, с. 21.

21 марта 1922 г. А. И. Цветаева сообщила Волошину об отправке ему с оказией книги сестры «Версты»; книга благополучно дошла, но не сохранилась ни в архиве, ни в музее поэта. «Какже великолепные стихи стала писать Марина, — писал Волошин Ю. Оболенской 28 мая. — У меня голова кружится от ее книжки „Версты“». Последняя весточка от Цветаевой пришла в Коктебель из Праги (письмо от 10 мая 1923 г.).

Отвечая на вопрос литературоведа Е. Я. Архипова: «На кого из поэтов современности после 20—21 гг. <...> обращено Ваше внимание?», Волошин в письме от 30 июня 1932 г. назвал имена М. Цветаевой, Вс. Рождественского и С. Парнок. На вопрос же: «Кто вам ближе: Анна Ахматова или Марина?» — он ответил: «Марина ближе как личность и как поэт».³⁶

Из 43 писем М. И. Цветаевой к М. А. Волошину, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, публикуется 21. Здесь же хранятся 2 письма Волошина к Цветаевой и 3 письма Цветаевой к Е. О. Волошиной. Все материалы, которые цитируются в данной публикации без указания источника, находятся в том же фонде Волошина (№ 562).

Составитель выражает благодарность А. И. Цветаевой, А. А. Саакянц и Н. М. Иванниковой за помощь в работе. Отдельные сведения сообщены А. С. Эфрон.

1

Москва, 23-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Примите мою искреннюю благодарность за Ваши искренние слова о моей книге.¹ Вы подошли к ней как к жизни, и простили жизни то, чего не прощают литературе.

Благодарю за стихи.²

Если Вы не боитесь замерзнуть, приходите в старый дом со ставнями.³ Только предупредите, пожалуйста, заранее.

Привет.

Марина Цветаева.

Письмо написано после визита М. Волошина к Цветаевым, о котором А. Герцык писала ему 22 декабря 1910 г.: «Обрадовалась и взволновалась Вашей долгой беседе с Мариной Исааковной». Очень хочу узнать подробности».

¹ Первая книга стихов «Вечерний альбом» (М., 1910) была подарена М. Цветаевой М. Волошину 1 декабря 1910 г. со следующей надписью: «Максимилиану Александровичу Волошину с благодарностью за прекрасное чтение о Villiers de l'Isle-Adam «Вилье де Лиль-Адане». Марина Цветаева» (Библиотека Дома-музея М. Волошина, № 205). 11 декабря 1910 г. в «Утре России» (№ 323, с. 6) появилась статья М. Волошина «Женская

---

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 46.

поэзия», в которой он писал о книге Цветаевой: «Она вся на грани последних дней детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство <...> „Вечерний альбом“ — это прекрасная и непосредственная книга, исполненная истинно женским обаянием». Волошин первым отметил талант начинающей поэтессы. Затем о «Вечернем альбоме» появились отзывы В. Брюсова (Русская мысль, 1911, № 2, отд. II, с. 233) и Н. Гумилева (Аполлон, 1911, № 5, с. 78).

² В «Творческой тетради» стихотворение М. Волошина «К Вам душа так радостно влекома...» датировано 2 декабря 1910 г. (приведено в воспоминаниях М. Цветаевой «Живое о живом»: Лит. Армения, 1968, № 6, с. 83—84).

³ Речь идет о доме Цветаевых в Трехпрудном переулке (дом 8). В верхних, теплых его комнатах Волошин, страдавший от астмы, задышался, а внизу «было холодно зимами» (Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974, с. 49).

2

Москва, 27-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Благодарю Вас за письма.

В пятницу вечером я не свободна.

Будьте добры, выберите из остальных дней наиболее для Вас удобный и приходите, пожалуйста, часам к пяти, предупредив заранее о дне Вашего прихода.

Привет.

Марина Цветаева.

Москва, 27-го декабря 1910 г.¹

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя и Вам нужны игрушки,

Потому я и боюсь ловушки,

Потому и сдержан мой привет.

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:

С бедной куклы рвут, шутя, парик,

Вечно лгут и дразнят каждый миг,

В детях рай, но в детях все пороки, —

Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?

Кто из них не плачет после елки?

Их слова неумолимо-колки,

В них огонь, зажженный мятежом.

Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети — тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы — дитя. Но все ли дети — тайны?!

Марина Цветаева.

¹ Стихотворение написано на отдельном листке, вложенном в то же письмо.

3

Москва, 5-го января 1911 г.

Я только что начала разрезать «La Canne de Jaspe»,¹ когда мне передали Ваше письмо. Ваша книга — все, что мы любим, наше — очаровательна. Я буду читать ее сегодня целую ночь. Ни у Готье, ни у Вольфа² не оказалось Швоба.³ Я даже рада этому: любить двух писателей зараз — невозможно. Будьте хорошим: достаньте Генриха Манна. Если хотите блестящего, фантастического, волшебного Манна, — читайте «Богини», интимного и страшно мне близкого — «Голос крови», «Актриса», «Чудесное», «В погоне за любовью», «Флейты и кинжалы».

У Генриха Манна есть одна удивительно скучная вещь: я два раза начинала ее и оба раза откладывала на грядущие времена. Это «Маленький город».

Вся эта книга — насмешка над прежними, она даже скучнее Чехова.

Менее скучны, но так же нехарактерны для Манна «Страна лентяев» и «Смерть тирана».⁴

Я в настоящую минуту перечитываю «В погоне за любовью». Она у меня есть по-русски, т. е. я могу ее достать.⁵

В ней Вас должен заинтересовать образ Уты, героини.

Но если у Вас мало времени, читайте только Герцогиню⁶ и маленькие вещи: «Флейты и кинжалы», «Актрису», «Чудесное». Очень я Вам надоела со своим Манном?

У Бодлера есть строка, написанная о Вас, для Вас: «L'univers est égal à son vaste appétit». Вы — воплощенная жадность жизни.⁷

Вы должны понять Герцогиню: она жадно жила. Но ее жадность была богаче жизни. Нельзя было начинать с Венеры!

До Венеры — Минерва, до Минервы — Диана!⁸

У Манна так: едет автомобиль, через дорогу бежит фавн. Все невозможное — возможно, просто и должно. Ничему не удивляешься: только люди проводят черту между мечтой и действительностью. Для Манна же (разве он человек?) все в мечте — действительность, все в действительности — мечта. Если фавн жив, отчего ему не перебежать дороги, когда едет автомобиль?

А если фавн только воображение, если фавна нет, то нет и автомобиля, нет и разряженных людей, нет дороги, ничего нет. Все — мечта и все возможно!

Герцогиня это знает. В ней все, кроме веры. Она не мистик, она слишком жадно дышит апрельским и сентябрьским воздухом, слишком жадно любит черную землю. Небо для нее — звездная сетка или сеть со звездами. В таком небе разве есть место Богу?

Ее вера, беспредельная и непоколебимая, в герцогиню Виоланту фон Асси.

Себе она молится, себе она служит, она одновременно и жертвенник, и огонь, и жрица, и жертва.

Обратите внимание на мальчика Нино, единственного молившегося той же силе, как Герцогиня. Он понимал, он принимал ее всю, не смущался никакими ее поступками, зная, что все, что она делает, нужно и должно для нее.

Общая вера в Герцогиню связала их до гроба, быть может и после гроба, если Христос позволил им жить еще и остаться теми же.

Как смотрит Христос на Герцогиню? Она молилась себе в лицах Дианы, Минервы и Венеры. Она не знала Его, не понимала (не любила, значит — не понимала), не искала.

Что ей делать в Раю? За что ей Ад? Она — грешница перед чеховскими людьми, перед *«нрзб»*, земскими врачами, — и святая перед собой и всеми, ее любящими.

Неужели Вы дочитали до сих пор?

Если бы кто-нибудь *«удь»* так много говорил мне о любимом им и нелюбимом мной писателе, я бы.. нарочно прочла его, чтобы так же длинно разбить по всем пунктам.

Один мой знакомый семинарист (Вы чуть-чуть знаете его) шлет Вам привет и просит Вас извинить его неумение вести себя по-взрослому во время разговора.⁹ Он не привык говорить с людьми, он слишком долго надеялся совсем не говорить с ними, он слишком дерзко смеялся над Реальностью.

Теперь Реальность смеется над ним! Его раздражают вечный шум за дверью, звуки шагов, невозможность видеть сердце собеседника, собственное раздражение — и собственное сердце.

Простите бедному семинаристу!

Марина Цветаева.

¹ «Яшмовая трость» — книга рассказов Анри де Ренье (1864—1935), французского писателя, очень ценимого М. Волошиным. М. Цветаева, однако, «ни романов Анри де Ренье, ни драм Клоделя, ни стихов Франси Жамма тогда не привяла» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 85).

² Готье — книгопродавец, Вольф — книгопродавец и издатель.

³ Швоб Марсель (1867—1905) — французский писатель. В 1905 г. Волошин начал его переводить и написал о нем статью для газеты «Русь», видимо утерянную в редакции.

⁴ Имеется в виду роман Г. Манна (1871—1950) «Учитель Гнус, или Конец одного тирана».

⁵ Роман «Погоня за любовью» (перевод В. М. Фриче) был напечатан в «Полном собрании сочинений» (т. 5) Г. Манна, вышедшем в 1910 г. в издательстве «Современные проблемы».

⁶ Имеется в виду трилогия Г. Манна «Богини, или Три романа герцогини Асси».

⁷ М. Цветаева приводит вторую строку из стихотворения Бодлера «Le voyage» («Путешествие»). Точный перевод приводимой ею строки — «Вселенная равна своему огромному аппетиту». Первый переводчик данного стихотворения, П. Ф. Якубович, перевел ее вольно. Стихотворение Бодлера перевела и Цветаева (Бодлер Ш. Цветы зла. М., 1970 (серия «Литературные памятники»), с. 211—217). Однако приводимая ею в публикуемом письме строка в ее переводе также не имеет точного соответствия. В переводе Цветаевой допущены и другие «вольности», связывающие стихотворение Бодлера с ее восприятием образа Волошина. Такова строка: «Вот этот фас дворца, вот этот профиль мыса», вызывающая в памяти контур мыса Малчин в Коктебеле, напоминающий облик Волошина.

⁸ Названия частей трилогии Г. Манна «Богини».

⁹ При первой встрече с М. Цветаевой (в то время она была острижена наголо после болезни) М. Волошин сказал: «Вы удивительно похожи на римского семинариста» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 81).

4

Какая бесконечная прелесть в словах:

«Помяни. . . того, кто, уходя, унес свой черный посох и оставил тебе эти золотистые листья».¹ Разве не вся мудрость в этом: уносить черное и оставлять золотое?

И никто этого не понимает, и все, знающие, забывают это! Ведь вся горечь в остающемся черном посохе!

Не надо забвения, надо золотое воспоминание, золотые листья. «отор»ые можно, разжав руку, развеять по ветру!

Но их не развеешь, их будешь хранить: в них будешь лелеять тоску о страннике с черным посохом. А черный посох, оставленный им, нельзя развеять по ветру, его сожжешь, и останется пепел — горечь, смерть!

Может быть, Ренье и не думал об этих словах, не подозревал всю их бездонную глубину, — не все ли равно!

Я очень благодарна Вам за эти стихи.

Марина Цветаева.

Москва, 7-го января 1911 г.

¹ Строки из стихотворения А. де Ренье «Нет у меня ничего. . .», переведенного М. Волошиным (Волошин М. Лики творчества. СПб.: «Аполлон», 1914, с. 92; первоначально: Аполлон, 1910, № 4, с. 21).

После чтения «*Les rencontres de M. de Bréot*» Régnier.¹

Облачко бело, и мне в облака
 Стыдно глядеть вечерами.
 О, почему за дарами
 К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес
 Ласковой тайны мне снова.
 О, почему у земного
 Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты
 И укоряют в измене.
 О, почему не у тени
 Я попросила мечты?

Вижу, опять улыбнулось слегка
 Нежное личико в раме.
 О, почему за дарами
 К Вам потянулась рука?

МЦ.

Москва, 14-го января 1911 г.

¹ «Встречи господина де Брео» — роман Анри де Ренье. Книга была прислана М. Волошиным. М. Цветаева так вспоминает о ее чтении: «Восемнадцатый век. Приличный господин, но превращающийся временами в фавна. Праздник в его замке. Две дамы — маркизы, конечно, — гуляющие по многолюдному саду и ищущие уединения. Грот. Тут выясняется, что маркизы искали уединения вовсе не для души, а потому, что с утра не переставая пьют лимонад. Стало быть — уединяются. Подымают глаза: у входа в грот, заслоняя солнце и выход, огромный фавн, то есть тот самый Monsieur Bréot. В негодовании захопываю книгу. Эту — дрянь, эту — мерзость — мне?». Однако Цветаева быстро «простила» просчет своего нового друга: «Макс всегда был под ударом какого-нибудь писателя, с которым уже тогда, живым или мертвым, ни на миг не расставался и которого внушал всем. В данный час его жизни этим живым или мертвым был Анри де Ренье, которого он мне с первой встречи и подарил, как самое дорогое, очередное самое дорогое. Не вышло» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 85).

Москва, 23-го марта 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Вчера кончила *Consuelo* и *Comtesse de Rudolstadt*, — какая прелесть! Сейчас читаю *Jacques*.¹

Приходите: есть новости!

Завтра уезжаю за город, вернусь в пятницу.

Драконочка все хворает, она шлет Вам свой привет.²

У нас теперь телефон (181—08), позвоните, если Вам хочется прийти, и вызовите Асю³ или меня.

Лучше всего звонить от 3—4.

Всего лучшего.

За чудную Consuelo я готова простить Вам гнусного M. de Bréot. Привет Вам и Елене Оттобальдовне.

Марина Цветаева.

P. S. Можно ли утешаться фразой Бальмонта: «Дороги жизни богаты»?

Можно ли верить ей?

Должно ли?

¹ Речь идет о романах Жорж Санд (1804—1876) «Консуэло», «Графиня Рудольштадт» и «Жак» (см. высказывания о них Цветаевой: Лит. Армения, 1968, № 6, с. 86, 94).

² Драконочка — Лидия Александровна Тамбурер (ум. 1970?), друг семьи Цветаевых («наша вторая, лирическая мать», по признанию А. И. Цветаевой), зубной врач (о ней см.: Лит. Армения, 1968, № 6, с. 84—85; Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974, с. 276—279). Ей посвящены стихотворения М. Цветаевой «Последнее слово», «Эпитафия» (сб. «Вечерний альбом»), «Если счастье...», «Жажда» (сб. «Волшебный фонарь») и очерк «Лавровый венок» (Простор, 1965, № 10).

³ Ася — сестра М. И. Цветаевой, Анастасия Ивановна (р. 1894).

7

Гурзуф, 18-го апреля 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Пишу Вам под музыку, — мое письмо, наверное, будет грустным.

Я думаю о книгах.

Каж я теперь понимаю «глухих взрослых», не дающих читать детям своих взрослых книг! Еще так недавно я возмущалась их самомнением: «дети не могут понять», «детям это рано», «вырастут — сами узнают».

Дети — не поймут? Дети слишком понимают! Семи лет Мцыри и Евгений Онегин гораздо верней и глубже понимаются, чем двадцати. Не в этом дело, не в недостаточном понимании, а в слишком глубоком, слишком чутком, болезненно-верном!¹

Каждая книга — кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам.

Ведь это ужасно! Книги — гибель. Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье всегда бессознательно, счастье только бессознательность.

Читать все равно, что изучать медицину и до точности знать причину каждого вздоха, каждой улыбки, это звучит сентиментально — каждой слезы.

Доктор не может понять стихотворения! Или он будет плохим доктором, или он будет неискренним человеком. Естественное объяснение всего сверхъестественного должно напрашиваться ему само собой. Я сейчас чувствую себя таким доктором. Я смотрю на огни в горах и вспоминаю о керосине, я вижу грустное лицо и думаю о причине — естественной — его грусти, т. е. утомлении, голоде, дурной погоде; я слушаю музыку и вижу безразличные руки исполняющих ее, такую печальную и нездешнюю. . . И во всем так!

Виноваты книги и еще мое глубокое недоверие к настоящей, реальной жизни. Книга и жизнь, стихотворение и то, что его вызвало, — какие несоизмеримые величины! И я так заражена этим недоверием, что вижу — начинаю видеть — одну материальную, естественную сторону всего. Ведь это прямая дорога к скептицизму, ненавистному мне, моему врагу!

Мне говорят о самозабвении. «Из цепи вынута звено, нет вчера, нет завтра!».

Блажен, кто забывается!

Я забываюсь только одна, только в книге, над книгой!

Но как только человек начинает мне говорить о самозабвении, я чувствую к нему такое глубокое недоверие, я начинаю подозревать в нем такую гадость, что отшатываюсь от него в то же мгновение. И не только это! Я могу смотреть на облачко и вспомнить такое же облачко над Женевским озером и улыбнусь.² Человек рядом со мной тоже улыбнется. Сейчас фраза о самозабвении, о мгновении, о «ни завтра, ни вчера».

Хорошо самозабвение! Он на Генуэзской крепости,³ я у Женевского озера 11-ти лет, оба улыбаемся, — какое глубокое понимание, какое проникновение в чужую душу, какое слияние!

И это в лучшем случае.

То же самое, что с морем: одиночество, одиночество, одиночество.⁴

Книги мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге, — я не говорю о детских воспоминаниях, нет, только о взрослых!

Я мысленно все пережила, все взяла. Мое воображение всегда бежит вперед. Я раскрываю еще нераспустившиеся цветы, я грубо касаюсь самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! Значит я не могу быть счастливой? Искусственно «забываться» я не хочу. У меня отвращение к таким экспериментам. Естественное — не могу из-за слишком острого взгляда вперед или назад.

Остается ощущение полного одиночества, к которому нет лечения. Тело другого человека — стена, она мешает видеть его душу. О, как я ненавижу эту стену!

И рая я не хочу, где все блаженно и воздушно, — я так люблю лица, жесты, быт!⁵ И жизни я не хочу, где все так ясно, просто и грубо-грубо! Мои глаза и руки как бы невольно срывают покровы — такие блестящие! — со всего.

Что позолочено — сотрется,
Свиная кожа остается!⁶

Хорош стих?

Жизнь — бабочка без пыли.

Мечта — пыль без бабочки.

Что же бабочка с пылью?

Ах, я не знаю.

Должно быть что-то иное, какая-то воплощенная мечта или жизнь, сделавшаяся мечтой. Но если это и существует, то не здесь, не на земле!

Все, что я сказала Вам, — правда. Я мучаюсь и не нахожу себе места: со скалы к морю, с берега в комнату, из комнаты в магазин, из магазина в парк, из парка снова на Генуэзскую крепость — так целый день.

Но чуть заиграет музыка, — Вы думаете — моя первая мысль о скучных лицах и тяжелых руках исполнителей?

Нет, первая мысль, даже не мысль — отплытие куда-то, растворение в чем-то. . .

А вторая мысль о музыкантах.

Так я живу.

То, что Вы пишете о море, меня обрадовало. Значит, мы — морские?⁷

У меня есть об этом даже стихи, — как хорошо совпало!⁸

Курю больше, чем когда-либо, лежу на солнышке, загораю не по дням, а по часам, без конца читаю, — милые книги! Кончила «Joseph Balsamo» — какая волшебная книга!⁹ Больше всех я полюбила Lorenz'u, жившую двумя такими различными жизнями. Balsamo сам такой благородный и трогательный. Благодарю Вас за эту книгу. Сейчас читаю M-me de Tencin, ее биографию.¹⁰

Думаю остаться здесь до 5-го мая. Все, что я написала, для меня очень серьезно. Только не будьте мудрецом, отвечая, — если ответите! Мудрость ведь тоже из книг, а мне нужно человеческого, не книжного ответа.

Au revoir, Monsieur mon père spirituel.^а

Граммфона, может быть, не будет.¹¹

МЦ.

¹ В одном из ранних стихотворений — «В зале» («Над миром вечерних видений. . .») — М. Цветаева писала: «Мы старших за то презираем, Что скучны и просты их дни. . . Мы знаем, мы многое знаем Того, что не знают они!» (сб. «Вечерний альбом»). Тождественные взгляды М. Волошин излагал в статье «Откровение детских игр», в которой, в частности, писал:

^а До свидания, мой духовный отец (франц.).

«Ребенок живет полнее, сосредоточеннее и трагичнее взрослого» (Золотое руно, 1907, № 11—12, с. 68).

² В 1903 г. сестры Цветаевы некоторое время жили в пансионе Лаказ в Лозанне. «После обеда мы часто ездили на пароходе вокруг Леманского (Женевского) озера», — вспоминает А. И. Цветаева (Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974, с. 147).

³ Остатки средневековой генуэзской крепости в Гурзуфе сохранились по сей день. В 1911 г. М. Цветаева жила рядом с ней, на даче Соловьевой (письмо к М. Волошину от 6 апреля 1911 г.).

⁴ М. Цветаева признавалась в 1926 г.: «Я, по чести, не люблю моря и не думаю, чтобы его можно было *любить*. Оно несоизмеримо больше меня, я им подавлена» (Цветаева М. Письма к А. Тесковой. Прага, 1969, с. 42).

⁵ Здесь «быт» в смысле «бытие». Быт же как таковой в дальнейшем стал одним из злейших врагов М. Цветаевой. «Все поэту во благо, даже однообразие (монастырь), все, кроме перегруженности бытом, забивающим голову и душу», — писала она 31 августа 1931 г. (Цветаева М. Письма к А. Тесковой, с. 92).

⁶ Цитата из сказки Г. Х. Андерсена (1805—1875) «Старый дом».

⁷ М. Волошин был увлечен гипотезой французского физиолога Рене Кентона (1867—1925) о происхождении жизни из морских глубин, о тождестве «между кровью и морской водой». На М. Цветаеву эта теория произвела впечатление: сам Волошин казался ей «настоящим чадом, порождением, исчадием земли <...> с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 101).

⁸ Имеется в виду стихотворение «Душа и имя» (об. «Волшебный фонарь»).

⁹ Книга Александра Дюма-отца (1803—1870) «Записки врача. Жозеф Бальзамо», посвященная авантюристу, известному под именем графа Калиостро, была подарена Цветаевой Волошиным. В 1932 г. Цветаева писала о «Бальзамо»: «<...> люблю по нынешний день, а перечитывала всего только прошлой зимой — все пять томов, ни страницы не пропустив. На этот раз Макс знал, что мне понравится» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 85).

¹⁰ Мадам де Тансен (1685—1749) — французская писательница, мать философа и математика Д'Аламбера.

¹¹ 1 октября 1911 г. М. Цветаева писала Волошину: «У меня в комнате будут: большой книжный шкаф с львиными мордами из папиного кабинета, диван, письменный стол, полка с книгами и... лиловый граммофон с деревянной (в чем моя гордость!) трубой». А. С. Эфрон вспоминает этот «граммофон с трубой в виде гигантской повилики: в нем жили голоса цыганок» (Звезда, 1973, № 3, с. 164).

8

Усень-Ивановский завод.¹
26-го июля 1911 г.

Дорогой Макс,

Если бы ты знал, как я хорошо к тебе отношусь!

Ты такой удивительно-милый, ласковый, осторожный, внимательный. Я так любовалась тобой на вечере в Старом Крыму,² — твоим участием к Олимпиаде Никитичне,³ твоей вечной готовностью помогать людям.

Не принимай все это за комплименты, — я вовсе не считаю тебя какой-ни<и>б<удь> ходячей добродетелью из общества взаимо-

помощи, — ты просто Макс, чудный, сказочный Медведюшка. Я тебе страшно благодарна за Коктебель, — pays de redemption,^а как называет его Аделаида Казимировна,⁴ и вообще за все, что ты мне дал. Чем я тебе отплачу? Знай одно, Максенька: если тебе когда-нибудь понадобится соучастник в какой-нибудь мистификации,⁵ позови меня. . . Если она мне понравится, я согласусь. Надеюсь, что другого конца ты не ожидал?

Я опять принялась за Jean Paul'a⁶ — у него чудные изречения, например: Т^ак же нелепо судить мужчину по его знакомым, как женщину по ее мужу.

Нравится? Но не это в нем главное, а удивительная смесь прои и сентиментальности. К тому же он ежеминутно насмехается над читателем, вроде Th. Gautier.⁷

Что ты сейчас читаешь? Напиши мне по-настоящему или совсем не пиши.

Последнее мне напоминает один случай из нашего детства. «Он был синеглазый и рыжий», т. е. один чудный маленький мальчик в Nervi⁸ долго выбирал между Асей и мной и в конце концов выбрал меня, потому что мы тогда уехали. В Лозанне мы с ним переписывались обе, и однажды Ася получает от него такое письмо: «Пиши крупнее или совсем не пиши».

Загадываю сейчас на тебя по «Джулио Мости» — драматической фантазии в 4-х действиях с интермедией, в стихах. Сочинение Н. К., 1836 г.⁹

1. *Твое настоящее:*

Чем оправдаешь честного Веррино?

2. *Твое будущее:*

Я у него была: он предлагал
Какую-то свободную женитьбу.

Не моя вина, что выходят глупости!

Загадываю Лиле.¹⁰

1. *Ее настоящее:*

И отпусти ей грех, когда возможно,
И просвети ее заблудший разум,
Но не карай несчастную!

2. *Ее будущее:*

И может быть, вдвоем гораздо больше
Найдешь источников богатства.

1. *Веррино настоящее:*¹¹

Готова ль ты свое оставить место
И домом управлять?

---

^а Страна искупления (*франц.*).

2. Верно будущее:

Что за история! Совсем одета
Т<ак> рано! Не спала, — постель в порядке...

Максинька, об одном тебя прошу: никого из людей не вталкивай в окно сестрам, к<а>к — помнишь? — втолкнул меня. Мне это будет страшно обидно. М<ожет> б<ыть>, ты на меня за что-н<и>б<удь> сердисься и тебе странно будет читать это письмо, — тогда читай все наоборот.

МЦ.

Адрес: Усень-Ивановский завод, Уфимской губ<ернии>, Белебеевского уезда, Волостное правление, мне.

Р. С. Пищи скорей, почта приходит только два раза в неделю и письма идут очень долго.

Скажи Елене Оттобальдовне, что я очень, очень ее люблю, Сережа тоже.

¹ Из Коктебеля М. Цветаева и ее муж С. Я. Эфрон поехали в начале июля в Уфимские степи, на кумыс, так как у Сергея Яковлевича был туберкулез.

² О совместной поездке коктебельцев в Старый Крым рассказывает А. И. Цветаева в своих «Воспоминаниях» (Изд. 2-е. М., 1974, с. 421—422).

³ Сербинова О. Н. (урожд. Ермакова, 1879—1955) — певица, жительница Старого Крыма.

⁴ Герцык А. К., в замуж. Жуковская (1870—1925) — поэтесса, переводчица, критик. 4 декабря 1910 г. она писала Волошину: «Я тоже день назад купила „Вечерний“ Альбом⁴ и с умилением читала его всего подряд, испытывая свежесть весны. И не только полюбила Марину, но хочу непременно ее увидеть и с ней поговорить». О своей дружбе с Герцык Цветаева писала в книге «Живое о живом»: «... она в моей жизни такое же событие, как Макс, а я в ее жизни событие, может быть, большее, чем я в жизни Макса» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 92).

⁵ О мистификации, разыгранной летом 1911 г. в Коктебеле, вспоминает А. Цветаева (Воспоминания, с. 404—412); о страсти М. Волошина «к мифотворчеству» писала и М. Цветаева (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 90).

⁶ Жан Поль — псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (1763—1825), немецкого писателя, сатирика и юмориста. 6 апреля Цветаева писала (из Гурузуфа) М. Волошину, что читает роман Жан Поля «Озорные годы», «бесконечно-очаровательную, грустно-насмешливую, неподдельно-романтическую книгу».

⁷ Готье Теофиль (1811—1872) — французский писатель-романтик.

⁸ О пребывании сестер Цветаевых в 1908 г. в Нерви в Италии пишет А. Цветаева (Воспоминания, с. 103—141). Там же говорится о их дружбе с Володей Миллером, сыном хозяина «Русского пансиона». М. Цветаева посвятила ему стихотворение «На скалах» («Он был синеглазый и рыжий...»), сб. «Вечерний альбом»).

⁹ Речь идет об издании: Джулио Мости. Драматическая фантазия в четырех частях с интермедией, в стихах. Сочинение Н. К. [Н. В. Кукольника]. СПб., 1836.

¹⁰ Лилия — Эфрон Елизавета Яковлевна (р. 1885), старшая сестра С. Я. Эфрона, режиссер.

¹¹ Вера — Эфрон Вера Яковлевна (1888—1945), сестра С. Я. Эфрона, артистка, педагог.

Москва $\frac{22\text{-го сент} \langle \text{ября} \rangle}{5\text{-го окт} \langle \text{ября} \rangle}$ 1911 г.

Милый Макс,

Спасибо за открытки.

Тебя недавно один человек ругал за то, что ты, с презрением относящийся к газетам, согласился писать в такой жалкой, как Московская.¹ Я защищала тебя, как могла, но на всякий случай напиши мне лучшие доводы в твою пользу.

Я не люблю, когда тебя ругают.

Эллис² недавно уехал за границу. Мы вчетвером поехали его провожать, но не проводили, потому что он уехал поездом раньше. Лиля серьезно больна, долгое время ей запрещали даже сидеть. Теперь ей немного лучше, но нужно еще очень беречься. Из-за этого наш план с Сережей жить вдвоем расстроился. Придется жить троим, с Лилей, может быть, даже вчетвером, с Верой, которая, кстати, приезжает сегодня с Людвигом.³ Не знаю, что выйдет из этого совместного житья, ведь Лиля все еще считает Сережу за маленького. Я сама очень смотрю за его здоровьем, но когда будут следить еще Лиля с Верой, согласись — дело становится сложнее. Я бы очень хотела, чтобы Лиля уехала в Париж. Только не пиши ей об этом.

Сережа пока живет у нас. Папа приезжает на верное дней через 5. Ждем все (Сережа, Борис,⁴ Ася и я) грандиозной истории из-за не совсем осторожного поведения. Наша квартира в 6-ом этаже, на Сивцевом-Вражке, в только что отстроенном доме. Прекрасные большие комнаты с итальянскими окнами. Все четыре отдельные.

Ну, что еще? Лидия Александровна Тамбурер в отвратительном состоянии здоровья и настроения. Говорит все так же неожиданно. У нас в доме «кавардак» (помнишь?). Почти ничего не читаю и не делаю.

Максинька, узнай мне, пожалуйста, точный адрес Rostand⁵ и его местопребывание в настоящую минуту! Играет ли Сарра?⁶ Если будет время, зайди Rue Bonaparte, 59 bis или 70 к M-me Gary⁷ и расскажи ей обо мне и передай привет. Она будет очень рада тебе, а я — благодарна.

Ну, до свидания, пиши мне. Сережа, Борис и Ася шлют привет. Лиля очень сердится, что ты не пишешь.

МЦ.

P. S. Макс, мне 26-го будет 19 лет, подумай! А Сереже — 18.

К письму М. Цветаевой сделана приписка рукой Сергея Эфрона, в текст которой ее рукой вставлено: «Милая коктейбельская Макса».

¹ В начале сентября 1911 г. М. Волошин выехал в Париж в качестве корреспондента «Московской газеты», издававшейся под редакцией Э. М. Бескина. «Разве можно быть сотрудником такой бульварщины?», — негодуя спрашивала сына Е. О. Волошина в письме от 19 октября 1911 г. Сам Волошин огорчился «бульварной внешностью и содержанием газеты», но утешал себя тем, что «у нее есть некоторые литературные тенденции», и надеялся, что, «б~~ы~~ть» м~~о~~жет, она еще поправится понемногу» (письмо к матери от 14 октября 1911 г.). Некоторые из сотрудников «Московской газеты» — С. Г. Кара-Мурза, Е. Л. Янтарева — были ему симпатичны. Но, главное, он надеялся на заработок в «Московской газете», который позволил бы ему жить в любимом Париже. Однако редакция подолгу задерживала гонорар, не отвечала на деловые письма и вскоре совсем отказалась от собственного парижского корреспондента. Волошин был только рад этому. «Как только с моих плеч свалилось бремя позора («Московская Газета»), как моя жизнь страшно развернулась и удесятёрпилась», — писал он матери в середине ноября 1911 г.

² Эллис — псевдоним Льва Львовича Кобылинского (1879—1947), поэта и переводчика, учившегося вместе с Волошиным в Московском университете. Сестры Цветаевы познакомились с Эллисом через Л. А. Тамбурера (Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974, с. 279, 305—312).

³ Людвиг — Квятковский Людвиг Луквич (р. 1896), уроженец Феодосии, художник.

⁴ Борис — Борис Сергеевич Трухачев (1892—1949), за которого вскоре вышла замуж А. И. Цветаева.

⁵ Ростан Эдмон (1868—1918) — французский поэт и драматург. «Для меня Rostand — часть души, очень большая часть, — писала М. Цветаева В. Я. Брюсову 15 марта 1910 г. — Он меня утешает, дает мне силу жить одному. Я думаю — никто, никто так не знает, не любит, не ценит его, как я» (Новый мир, 1969, № 4, с. 186).

⁶ Сара Бернар (1844—1923) — французская трагическая актриса, которой очень увлекалась М. Цветаева (см.: Лит. Армения, 1968, № 6, с. 81; также см.: Цветаева А. И. Воспоминания, с. 329).

⁷ По-видимому, хозяйка парижской квартиры (см. также письмо 20).

10

Москва, 28-го октября 1911 г.

Дорогой Макс,

У меня большое окно с видом на Кремль. Вечером я ложусь на подоконник и смотрю на огни домов и темные силуэты башен.¹ Наша квартира начала жить. Моя комната темная, тяжелая, нелепая и милая. Большой книжный шкаф, большой письменный стол, большой диван — все увесистое и громоздкое. На полу глобус и никогда не покидающие меня сундук и саквояжи. Я не очень верю в свое долгое пребывание здесь, очень хочется путешествовать! Со многим, что мне раньше казалось слишком трудным, невозможным для меня, я справилась и со многим еще буду справляться! Мне надо быть очень сильной и верить в себя, иначе совсем невозможно жить!

Странно, Макс, почувствовать себя внезапно совсем самостоятельной. Для меня это сюрприз, — мне всегда казалось, что кто-то другой будет устраивать мою жизнь. Теперь же я во всем буду

поступать, как в печатании сборника. Пойду и сделаю.² Ты меня одобряешь?

Потом я еще думала, что глупо быть счастливой, даже неприлично! Глупо и неприлично так думать, — вот мое сегодня.

Жди через месяц моего сборника, — вчера отдала его в печать.³ Застанет ли он тебя еще в Париже?

Пра сшила себе новый костюм — синий, бархатный с серебряными пуговицами — и новое серое пальто. (Я вместо кафтан написала костюм). На днях она у Юнге⁴ познакомилась с Софией Андреевной Толстой.⁵ Та, между прочим, говорила: «Не люблю я молодых писателей! Все какие-то неестественные! Например», Х. сравнивает Лев Николаевича с орлом, а меня с наседкой. Разве орел может жениться на наседке? Какие же выйдут дети?».

Пра очень милая, поет и дико кричит во сне, рассказывает за чаем о своем детстве, ходит по гостям и хвастается. Лиля все хворает, целыми днями лежит на кушетке, Вера ходит в китайском, лимонно-желтом халате и старается приучить себя к свободным разговорам на самые свободные темы. Она точно нарочно (и, наверное, нарочно!) употребляет самые невозможные, режущие слова. Ей, наверное, хочется перевоспитать себя, побороть свою сдержанность. — «Раз эти вещи существуют, можно о них говорить!». Это не ее слова, по могут быть ею подуманными. Только ничего этого ей не пиши!

До свидания, Максинька, пиши мне.

МЦ.

¹ Цветаева жила в квартире 11 в доме 19 в Сивцевом Вражке.

² Сборник «Вечерний альбом» М. Цветаева издала, еще будучи гимназисткой, за свой счет, в типографии А. И. Мамонтова (Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974, с. 384). И. В. Цветаев, по-видимому, не знал, что его дочь выпустила книгу (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 81).

³ Вторая книга М. Цветаевой, «Волшебный фонарь» (М., «Оле-Лукойе», 1911), вышла с двумя стихотворениями, посвященными «Максу Волошину»: «Жар-птица» («Нет возможности, хоть брось») и «Кошки» («Они приходят к нам, когда...»).

⁴ Юнге Екатерина Федоровна (1843—1913) — дочь художника Ф. П. Толстого, художник, переводчица, автор книги «Воспоминания (1843—1860)» (М., «Сфинкс», 1914).

⁵ Толстая Софья Андреевна (урожд. Берс, 1844—1919) — жена Л. Н. Толстого. М. Волошин писал матери: «О твоём знакомстве с С. А. Толстой мне писала уже Марина, еще подробнее, чем ты (о курице и орле). Это все очень поучительно».

Москва, 3-го ноября 1911 г.

Дорогой Макс,

В январе я венчаюсь с Сережей, — приезжай. Ты будешь моим шафером. Твое присутствие совершенно необходимо. Слушай мою историю: если бы Драконочка¹ не сделалась зубным

врачом, она бы не познакомилась с одной дамой, к которой познакомила ее с папой; я бы не познакомилась с ней, не узнала бы Эллиса, через него не узнала бы Ниллендегра,² не напечатала бы из-за него сборника, не познакомилась бы из-за сборника с тобой, не приехала бы в Коктебель, не встретила бы с Сережей, — следовательно, не венчалась бы в январе 1912 г.

Я всем довольна, январь — начало нового года, 1912 г. — год пребывания Наполеона в Москве.³

После венчания мы, наверное, едем в Испанию. (Папе я пока сказала — в Швейцарию). На свадьбе будут все папины родственники, самые странные. Необходим целый полк наших личных друзей, чтобы не чувствовать себя нелепо от пожеланий всех этих почтенных старших, к которым, потихоньку и вслух негодуя на нас за неоконченные нами гимназии и сумму наших лет — 37, непременно отравят нам и январь, и 1912 год.

Макс, ты должен приехать!

Сборник печатается, выйдет, наверное, через месяц.

Сегодня мы с Асей в Эстетике читаем стихи.⁴ Будут: Пра, Лиля, Сережа, Ася и Борис. Я говорила по телефону с Брюсовым (он случайно подошел вместо Жанны Матвеевны,⁵ просившей меня сообщить ей по телефону ответ), и между прочим такая фраза: «Одна маленькая оговорка, можно?». — «Пожалуйста, пожалуйста!».

Я, робким голосом:

— «Можно мне привести с собой мою сестру? Я никогда не читаю без нее стихов».

— «Конечно, конечно, будем очень счастливы».

Посмотрим, как они будут счастливы!

Я очень счастлива, — мы будем совершенно свободны, — никаких попечителей, ничего.

Разговор с папой кончился мирно, несмотря на очень бурное начало. Бурное — с его стороны, я вела себя очень хорошо и спокойно. — «Я знаю, что (Вам) в наше время принято никого не слушаться»... (В наше время! Бедный папа!)... «Ты даже со мной не посоветовалась. Пришла и — „выхожу замуж!“».

— «Но, папа, как же я могла с тобой советоваться? Ты бы непременно стал мне отсоветывать».

Он сначала: «На свадьбе твоей я, конечно, не буду. Нет, нет, нет».

А после: «Ну, а когда же вы думаете венчаться?».

Разговор в духе всех веков!

Тебе нравится моя новая фамилия?

Мои волосы отросли и вьются. Цвет русо-рыжеватый.

Над моей постелью все твои картинки. Одну из них, — помнишь, господин с девочкой на скамейке? — я назвала «Бальмонт и Ниника».⁶ Милый Бальмонт с его «Vache» и чайными розами!⁷

Пока до свидания, Максинька, пиши мне.

Только не о «серьезности такого шага, юности, неопытности»
и т. д.

МЦ.

¹ См. примеч. 2 к письму 6.

² Нилендер Владимир Оттонович (1883—1965) — поэт, переводчик. Ему посвящены стихотворение М. Цветаевой «Эпилог» (сб. «Волшебный фонарь»), ряд стихотворений в цикле «Любовь» и стихотворение «Невестам мудрецов» (сб. «Вечерний альбом»). См. также: Цветасва А. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974, с. 330, 338—344, 355, 356.

³ Об увлечении М. Цветаевой «с детства» Наполеоном см.: Лит. Армения, 1968, № 6, с. 81—82. 2 февраля 1934 г. М. Цветаева писала А. Тесковой: «С 11 лет я люблю Наполеона, в нем (и его сыне) все мое детство и отрочество и юность — и так шло и жило во мне не ослабевая, и с этим — умру. Не могу равнодушно видеть его имени» (Цветаева М. Письма к А. Тесковой. Прага, 1969, с. 111).

⁴ Об этом выступлении в «Обществе свободной эстетики» вспоминает А. Цветаева (Воспоминания, с. 435—436).

⁵ Брюсова Жанна (Иоанна) Матвеевна (1876—1965) — жена поэта.

⁶ Ниника — Бальмонт (Бруни) Нина Константиновна (р. 1901), дочь поэта.

⁷ Vache — «корова» — (франц.), презрительная кличка полицейских во Франции. В конце ноября 1911 г. М. Волошин писал матери из Парижа: «Почти вся прошлая неделя у меня была занята Бальмонтом. Его судили за оскорбление полиции: проходя мимо городского, он сказал бывшей с ним Е. Цветковской: „Закройте ваш сак“ (по-русски), а городской услышал: „Sale vache“ (грязная корова, — В. К.) — и немедленно его арестовал».

12

Ваше письмо — большая ошибка.

Есть области, где шутка неуместна, и вещи, о которых нужно говорить с уважением или совсем молчать за отсутствием этого чувства вообще.

В Вашем издевательстве виновата, конечно, я, допустившая слишком короткое обращение.

Спасибо за урок!

Марина Цветаева.

Москва, 19-го ноября 1911 г.

О «разминовении» с М. Волошиным М. Цветаева писала: «В ответ на мое извещение о моей свадьбе с Сережей Эфроном Макс прислал мне из Парижа вместо одобрения или, по крайней мере, ободрения — самые настоящие соболезнования, полагая нас обоих слишком настоящими для такой лживой формы общей жизни, как брак. Я, новообращенная жена, вскипела: либо признавай меня всю, со всем, что я делаю и сделаю (и не то еще сделаю!) — либо...» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 100). 12 ноября 1911 г. Волошин писал матери: «Свадьба Марины и Сережи представляется мне лишь „эпизодом“ и очень кратковременным. Но мне кажется, что это скорее хорошо для них, так как сразу сделает их обоих взрос-

лыми. А это, мне кажется, им надо». 14 ноября он сообщал матери: «Вчера Марине отправил большое письмо об ее женитьбе». Ответом на это письмо и явилась публикуемая записка.

13

Москва, 3-го декабря 1911 г.

Дорогой Макс,

Вот Сережа и Марина,¹ люби их вместе или по отдельности, только непременно люби и непременно обоих. Твоя книга — прекрасная, большое спасибо и усиленное глажение по лохматой медвежьей голове за нее.² Макс, я уверена, что ты не полюбишь моего 2-го сборника. Ты говоришь, он должен быть лучше 1-го или он будет плох. «En poésie, comme en amour, rester à la même place — c'est reculer?».³ Это прекрасные слова, способные воодушевить меня, но не изменить! Сегодня вечером с 9-тичасовым поездом уезжают за границу Ася и Лиля. С 10-тичасовым едет факир.³ Увидишь их всех в Париже. Я страшно горячо живу.

Не знаю, увидимся ли в Париже, мы там будем в январе, числа 25-го. Пока до свидания. Скоро мы с Сережей едем к Тию,⁴ в Тарусу, потом в Петербург. Его старшая сестра очень враждебно ко мне относится.⁵

МЦ.

¹ Письмо написано на обороте фотографической карточки М. Цветаевой и С. Эфрона. Очевидно, размолвка кончилась сразу же после ответа М. Волошина на предыдущее письмо М. Цветаевой. «И его ответ: спокойный, любящий, бесконечно-отрешенный, непоколебимо-уверенный, кончавшийся словами: Итак, до свидания — до следующего перекрестка! — т. е. когда снова попаду в сферу его влияния, из которой мне только кажется — вышла» (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 100).

² Неизвестно, о какой книге идет речь. До этого времени у М. Волошина вышла только одна книга («Стихотворения. 1900—1910»), но ее он наверняка уже подарил М. Цветаевой.

³ Имеется в виду Б. С. Трухачев.

⁴ Тيو — домашнее прозвище «тети» сестер Цветаевых, швейцарки Су-санны Давыдовны, второй жены их деда А. Д. Мейна и воспитательницы их матери, М. А. Мейн-Цветаевой.

⁵ Эфрон Анна Яковлевна, в замуж. Трупчинская (1883—1971), педагог, вначале была недовольна ранним браком брата.

---

^a В поэзии, как и в любви, оставаться на одном и том же месте — значит отступать (*франц.*).

Петербург, 10-го января 1912 г.

Милый Макс,

Сейчас я у Серезиных родственников в Петербурге.¹ Я не могу любить чужого, вернее, чуждого. Я ужасно нетерпима.

Нютя² — очень добрая, но ужасно много говорит о культуре и наслаждении быть студентом для Серези.

Наслаждаться — университетом, когда есть Италия, Испания, море, весна, золотые поля. . .

Ее интересует общество адвокатов, людей одной профессии. Я не понимаю этого очарования! И не принимаю!

Мир очень велик, жизнь безумно коротка, зачем приучаться к чуждому, к чему попытки полюбить его?

О, я знаю, что никогда не *научусь* любить что бы то ни было, просто, потому что слишком многое люблю непосредственно!

Уютная квартирка, муж-адвокат, жена — жена адвоката, интересующаяся «новинками литературы». . .

О, как это скучно, скучно!

Дело с венчанием затягивается, — Нютя с мужем выдумывают все новые и новые комбинации экзаменов для Серези. Они совсем его замучили. Я крепко держусь за наше заграничное путешествие.

— «Это решено».

Волшебная фраза!

За которой обыкновенно следуют многозначительные замечания, вроде: «Да, может быть, на это у Вас есть какие-нибудь особенные причины?».

Я, право, считаю себя слишком достойной всей красоты мира, чтобы терпеливо и терпимо выносить каждую участь!

Тебе, Макс, наверное, довольно безразлично все, что я тебе сейчас рассказываю. Пишу все это наугад.

Пра очень трогательная, очень нас всех любит и чувствует себя среди нас, как среди очень родных. Вера очень устает, все свободное время лежит на диване. Недавно она перестала заниматься у Рабенек, может быть Рабенек с ее группой,³ в точности не знаю.

Пока до свидания, пиши в Москву, по прежнему адресу».

Стихи скоро начнут печататься, последняя корректура ждет меня в Москве.⁴

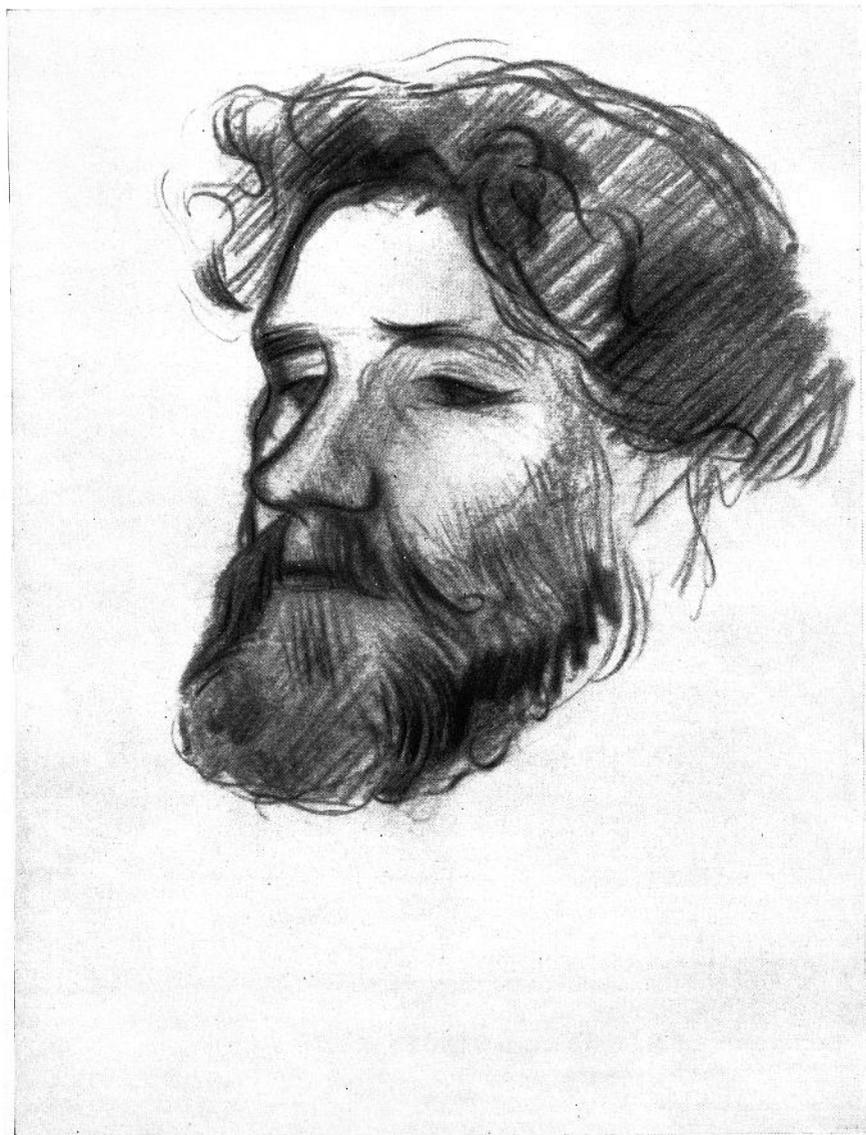
МЦ.

Р. С. Венчание наше будет за границей.⁵

¹ Родственники — А. Я. Эфрон и ее муж, А. В. Трупчинский, юриконсулт. 11 января 1912 г. Е. О. Волошина писала сыну: «Марина с Серезей уехали по делам последнего в Петербург на самый короткий срок, а очутились уже в Финляндии».

М. И. Цветаева и С. Я. Эфрон. Фото 1911 г.

Автопортрет М. А. Волошина. 1920-е годы.

² Т. е. А. Я. Эфрон.

³ Рабенец (Клиппер) Элла Ивановна — танцмейстер, преподаватель сценического движения в Художественном театре, руководитель собственной «школы ритма и грации». М. Волошин был очень увлечен школой Э. Рабенец и пропагандировал ее в ряде статей. Танцами школы Рабенец был очарован Э. Верхарн (Верхарн Э. Московские впечатления. — Русские ведомости, 1914, № 5, 8 января).

⁴ В Доме-музее М. Волошина в Коктебеле хранится корректурный экземпляр второго сборника М. Цветаевой «Волшебный фонарь» (М., «Оле-Лукойе», 1912) со штампом «Скоропечатня А. А. Левенсон. 10 января 1912», с правкой автора и надписью на титуле: «По тщательному исправлению слов и знаков разрешаю печатать в количестве 500 экземпляров». Марина Цветаева. 11 февраля 1912 г. М. Цветаева подарила «Волшебный фонарь» М. Волошину с надписью: «Милому Максусу с благодарностью за Коктебель. Марина. Москва, 11-го февраля 1912» $\left(\text{ГПБ} \frac{128}{3863} \right)$.

⁵ Венчание М. Цветаевой и С. Эфрона состоялось в январе 1912 г. в Москве (сообщено А. И. Цветаевой).

15

В ответ на стихотворение.¹

Горько танть благодарность
И на чуткий призыв отозваться не сметь,
В приближении видеть коварность
И где правда, где ложь угадать не суметь.

Горько на милое слово
Принужденно шутить, одевая ответы в броню.
Было время — я жаждала зова
И ждала, и звала. (Я того, кто не шел, — не виню).

Горько и стыдно скрываться,
Не любя, но ценя и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не суметь отозваться, —
Тяжело мне играть эту первую женскую роль!

МЦ.

¹ Стихотворение написано на обороте открытки с видом Феодосии; предположительно — в 1913—1914 гг.

16

Москва, 7-го августа 1917 г.

Дорогой Макс,

У меня к тебе огромная просьба: устрой Сережу в артиллерию, на юг. (Через генерала Маркса? ¹).

Лучше всего в крепостную артиллерию, если это невозможно — в тяжелую. (Сначала говори о крепостной. Лучше всего бы — в Севастополь).

Сейчас Сережа в Москве, в 56 пехотном запасном полку.² Лицо, к которому ты обратишься, само укажет тебе на форму перехода.

Только, Макс, умоляю тебя — не откладывай.

Пишу с согласия Сережи.

Жду ответа.

Целую тебя и Пра.

М. Эфрон.

(Поварская, Борисоглебский переулочек, д. 6, кв. 3).

¹ Маркс Никаандр Александрович (1861—1921), генерал-лейтенант, летом 1917 г. возглавивший штаб Одесского военного округа, был давним другом М. Волошина. Человек разносторонних интересов, профессор-палеограф, член Московского археологического института, частый посетитель Литературно-художественного кружка, Н. Маркс был знаком и с И. В. Цветаевым. Волошин «тотчас же написал Марксу», о чем сообщил М. Цветаев свой 13 августа. В это время он получил еще одну ее открытку (от 9 августа) с уточнением: С. Я. Эфрон хотел бы в тяжелую артиллерию, а не в крепостную, слишком безопасную.

² С. Я. Эфрон был целыми днями занят обучением солдат (на Ходынке) и при своем слабом здоровье крайне утомлялся. 9 августа 1917 г. он писал М. Волошину: «Прошу об артиллерии <...> потому что пехота не по моим силам. Уже сейчас — сравнительно в хороших условиях — от одного обучения солдат устаю до тошноты и головокружения».

17

Москва, 24-го августа 1917 г.

Дорогой Макс,

Я еду с детьми¹ в Феодосию. В Москве голод и — скоро — холод, все уговаривают ехать. Значит, скоро увидимся.

Милый Макс, спасибо за письмо и стихи. У меня как раз был Бальмонт, вместе читали.²

Макс, необходимо употребить твой последний ход,³ потому что в Москве переход из одной части в другую воспрещен. Но с твоим ходом это вполне возможно. Причина: здоровье. Сережа — блестящее подтверждение.

Макс, поцелуй за меня Пра, скоро увидимся. Пишу Асе, чтоб искала мне квартиру.⁴ Недели через 2 буду в Феодосии.

М. Э.

¹ Дочери М. Цветаевой — Аля (Ариадна, 1912—1975) и Ирина (1917—1920).

² О дружбе М. Цветаевой с К. Бальмонтом писала А. С. Эфрон в «Странцах воспоминаний» (Звезда, 1973, № 3, с. 170, 171, 177—180).

³ «Последний ход» — предлагавшееся Волошиным в письме от 13 августа 1917 г. обращение к Б. В. Савинкову (1879—1925), эсеру, в то время

назначенному помощником военного министра Временного правительства. С Савиновым Волошин познакомился в 1915 г. в Париже.

⁴ А. И. Цветаева переехала в Феодосию 29 июля 1917 г. из Коктебеля, после смерти сына Алеши.

18

Москва, 25-го августа 1917 г.

Дорогой Макс,

Убеди Сережу взять отпуск и поехать в Коктебель. Он этим бредит, но сейчас у него какое-то расслабление воли, никак не может решиться. Чувствует он себя отвратительно, в Москве сыро, промозгло, голодно. Отпуск ему, конечно, дадут. Напиши ему, Максенька! Тогда и я поеду, — в Феодосию, с детьми. А то я боюсь оставлять его здесь в таком сомнительном состоянии.

Я страшно устала, дошла до того, что пишу открытки. Просыпаюсь с душевной тошнотой, день как гора. Целую тебя и Пра. Напиши Сереже, а то — боюсь — поезда встанут.

МЭ.

19

Москва 21 ноября
4 декаб^ря 1920 г.

Дорогой Макс!

Послала тебе телеграмму (через Луначарско^го)¹ и письмо (оказией). И еще писала раньше через грузинских поэтов — до занятия Крыма.

Дорогой Макс, умоляю тебя, дай мне знать, — места себе не нахожу, — каждый стук в дверь повергает меня в ледяной ужас, — ради бога!!!²

Не пишу, потому что не знаю, где и как и можно ли.

Передай это письмо Асе. Недавно ко мне зашел Е. Л. Ланн³ (приехал из Харькова), много рассказывал о вас всех. Еще — устно — знаю от Эренбур^га.⁴ Не трогаюсь в путь, потому что не знаю, что меня ждет. Жду вестей.

Поцелуй за меня дорогую Пра, как я счастлива, что она жива и здорова! Скажи ей, что я ее люблю и вечно вспоминаю. Всех вас люблю, дорогой Максенька, а Пра больше всех. Аля ей — с последней оказией — написала большое письмо.

Я много пишу. Последняя вещь — большая — Царь-Девича.⁵ В Москве азартная жизнь, всяческие страсти. Гощу повсюду, не связана ни с кем и ни с чем. Луначарский — всем говори! — чудесен. Настоящий рыцарь и человек.

Макс! Заклинаю тебя — с первой возможностью — дай знать, не знаю, какие слова найти.

Очень спешу, пишу в Тео⁶ — среди шума и гама — случайно узнала от Э<ренбург>га, что есть оказия на юг.

Ну, будь здоров, целую всех Вас нежно, люблю, помню и надеюсь.

МЦ.

¹ С А. В. Луначарским, народным комиссаром просвещения, М. Цветаева познакомилась в июле 1919 г.

² М. Цветаеву беспокоила судьба С. Эфрона, находившегося в Добровольческой армии и эвакуировавшегося с ней в Галлиполи.

³ Ланн (Лозман) Евгений Львович (1896—1958) — писатель и переводчик; был в Коктебеле в 1917 и в 1919 гг.

⁴ И. Г. Эренбург с женой, Любовью Михайловной (урожд. Козинцевой), жил в Коктебеле с конца 1919 по август 1920 г. «Когда осенью 1920 г. я пробрался из Коктебеля в Москву, я нашел Марину все в том же исступленном одиночестве», — вспоминал он в книге «Люди, годы, жизнь» (М., 1961, с. 371).

⁵ Речь идет о книге: Царь-Девича. (Поэма-сказка). М., 1922.

⁶ ТЕО — Театральный отдел Наркомпроса.

20

Москва, 7-го р<усского> ноября 1921 г.¹

Мой дорогой Макс!

Оказия в Крым! Сразу всполошилась, бросила все дела, пишу.

Во-первых, долг благодарности и дань восторга — низкий поклон тебе за С<ережу>.² 18-го января 1922 г. (через два месяца) будет четыре года, как я его не видела. И ждала его именно таким. Он похож на мою мысль, поэтому — портрет точен. Это моя главная радость, лучшее, что имею, уеду — увезу, умру — возьму.

Получив твои письма, подняли с Асей бурю.³ Ася читала и показывала их всем, в итоге дошло до Луначарского, пригласил меня в Кремль. С Кремлем я рассталась тогда же, что и с Сережей, часто звали пойти, я надменно отвечала: «Сама поведу». Шла с сердцбиением. Положение было странно, весь случай странен: накануне дочиста потеряла голос, ни звука, — только *и!* (вроде верхнего *си* (*si*) Патти!).⁴ Но не пойти — обидеть, потерять право возмущаться равнодушием, упустить Кремль! — взяла в вожатые В<олькен>штейна («Калики» — услужливая академическая бездарность).⁵

После тысячи недоразумений: его ложноклассического пафоса перед красноармей<цем> в будке (никто не понимал моего шепота: *явления* его!) и пр<очего> — зеленый с белым Потешный дворец. Ни души. После долгих звонков — мальчишка в куцавейке, докладывает. Ждем. Большая пустая белая дворянская зала: несколько стульев, рояль, велосипед. Наконец, через секретаря: видеться вовсе не нужно, пусть т<овари>щ напишет. Бумаги нет, чернил тоже. Пишу на чем-то оберточном, собственным

карандашом. Доклад, ввиду краткости, слегка напоминающий декрет: бонапартовский, в Египте. В<олькен>штейн (муж Соши) через плечо подсказывает. Я злюсь. — «Соню! Соню-то!». Я: — «А ччерт! Мне Макс важней!». — «Но С. Я. — женщина и моя бывшая жена!». ⁶ — «Но Макс тоже женщина и мой настоящий (indicatif présent) ^a друг!». Пишу про всех, отдельно Судак и отдельно К<окте>бель. Дорвалась, наконец, до Вас с Пра: «больные, одни в пустом доме»... — и вдруг иронический шип В<олькен>штейна: «Вы хотите, чтоб их уплотнили? Если так, Вы на верном пути!». Опомнившись, превращаю эти пять слов в тайнопись. До клад кончен, уже хочу вручить мальчишке и вдруг: улыбаюсь, прежде чем осознаю! Упоительное чувство: «en présence de quelqu'un». ⁶ Ласковые глаза: «Вы о голодающих К<рыма>? Все сделаю!». Я, вдохновенным шипом: — «Вы очень добры». — «Пишите, пишите, все сделаю!». Я, в упоении: «Вы ангельски добры!». — «Имена, адреса, в чем нуждаются, ничего не забудьте — и будьте спокойны, все будет сделано!». Я, беря его обе руки, самозабвенно: «Вы царственно добры!». Ах, забыла! На мое первое «добры» он с любопытством, верней любознательностью, спросил (сведомился): — «А Вы всегда так говорите?». И мой ответ: «Нет, только сегодня, потому что Вы позвали!». Ласков, как сибирский кот (не сибирский ли?), люблю нежно. Говорила с шип в первый раз. Ася все эти дни вела денежную кампанию, сейчас столько богатых! все торгуют. Кажется, на твою долю выпадает м<иллио>н, от нас с Асей только сто т<ысяч> (сверх м<иллио>на), я знаю, что это — ничто, это мы, чтоб устыдить наших богатых сотоварищей; нужно действовать самыми грубыми средствами: оглушать, — тогда бумажники раскрываются. Дай бог, чтоб все дошло и чтоб это вас с Пра немножко вызволило. ⁷

М. И. К<узнец>ова, наконец, устроилась, — в Летучей Мыши. ⁸ Играет «Женщину-змею» (подходит? у нее ведь змеиные глаза!). С Майей ⁹ вижу редко: дружит с Акс<еновым> (рыжая борода) ¹⁰ и Бобровым, ¹¹ с к<оторы>ми не дружу. Меня почему-то боится. А я *вся так* в С<ереже>, что духу нет подымать отношения. Все, что не необходимо, — лишне. Так я к вещам и к людям. Согласен ли? Я вообще закаменела, состояние ангела и памятника, очень издалека. Единственное мое живое (болевое) место — это С<ережа>. (Аля — тот же С<ережа>). Для других (а *все* — другие!) делаю, что могу, но безучастно. Люблю только 1911 г<од> — и сейчас, 1920 г<од> (тоску по С<ереже> — весть — всю эпопею!). Этих 10-ти лет как не было, ни одной привязанности. Узнаешь из стихов. Любимейшие послать не решаюсь, их увез к С<ереже> — Э<ренбург>г. Кстати, о Э<ренбург>ге: он ока-

^a Указательное настоящее (время) (франц.).

⁶ В присутствии кого-то (франц.).

зался прекрасным другом: добрым, заботливым, *не* словесником! Всей моей радости я обязана ему.¹² Собираюсь. Обещают. Это моя последняя ставка. Если мне еще хочется жить здесь, то из-за С<ережи> и Али, я так знаю, что буду жить еще и еще. Но С<ережу> мне необходимо увидеть, просто войти, чтоб видел, чтоб видела. «Вместо сына», — так я бы это назвала, иначе ничто не понятно.

О М<оск>ве. Она чудовищна. Жировой нарост, гнойник. На Арбате 54 гастр<ономических> магазина: дома извергают продовольствие. Всех гастр<ономических> магаз<инов> за последние три недели 850.¹³ На Тверской гастрономия «L'Estomac».³ Клянусь! Люди такие же, как магазины: дают только за деньги. Общий закон — беспощадность. Никому ни до кого нет дела. Милый Макс, верь, я не из зависти, будь у меня миллионы, я бы все же не покупала окороков. Все это слишком пахнет кровью. Голодных много, но они где-то по норам и трюцобам, видимость блистательна.

Макс, а вот веселая история: в Тифлисе перед б<ольшеви>ками были схоронены на кладбище шесть гробов с монпасье. Священники пели, родные плакали. А потом б<ольшеви>жки отрыли и засадили и священников, и родных. Достоверность.

О литераторах и литературе я тебе уже писала.¹⁴ Та же торговля. А когда не торгующие (хотя и сидящие за прилавком), как Бердяев¹⁵ открывают рот, чтоб произнести слово «бог», у меня всю внутренность сводит от скуки, не потому, что «бог», а потому, что мертвый бог, не растущий, не воинствующий, тот же, что, скажем, в 1903 г<оду>, — бог литературных сборищ.

Только что письмо от Э<ренбург>га: почтой из Берлина. Шло десять дней. Утешает, обнадеживает, С<ережа> в Праге, учится, Э<ренбург> обещает к нему съездить. Завтра отправляю письмо С<ереже>, буду писать о тебе. Писала ли я тебе в прошлый раз (письмо с М<инд>линым)¹⁶ о большой любви С<ережи> к тебе и Пра: «Мои наезды в К<окте>бель были единственной радостью всех этих лет, с Максом и Пра я совсем сроднился». Спасибо тебе, Макс, за С<ережу> — за 1911 г<од> и 1920 г<од>!

Какова будет паша следующая встреча?

Думаю, не в России.¹⁷ Хочешь в Париже? На моей Rue Bonaparte? ^г

---

^в Желудок (*франц.*).

^г Улице Бонапарта (*франц.*).

Герцыкам посылаю другие стихи, если доведется — прочти. Лучшей моей вещи ты не знаешь, «Царь-Девицы». У меня выйдут две книжки: «Версты» (стихи) и «Феникс» (конец Казановы, драматическая сцена).¹⁸ В случае моего отъезда их перешлет тебе Ася. Ася живет очень трудно, хуже меня! Героична, совсем забыла: я. Всем настоящим эти годы во благо!

Поцелуй за меня Пра, прочти ей мое письмо, не пишу ей отдельно, потому что нет времени, поздно предупредили. Будь уверен, милый Макс, что неустанно с Асей будем измышлять всякие способы помочь Вам с Пра. Живя словом, презираю слова. Дружба — дело.

Обнимаю и целую тебя и Пра.

М.

¹ М. Цветаева упорно датировала письма и стихи по старому стилю, хотя порой сама над этим посмеивалась.

² Т. е. за сведения и за отношение к С. Эфрону 26 октября 1918 г. С. Эфрон писал жене из Коктебеля: «Макс вам все расскажет о моей жизни в Коктебеле. Он мне очень помог во время моего пребывания здесь <...> Макс и Пра были для меня, как родные».

³ 10 декабря 1921 г. М. Волошин писал матери из Феодосии: «Я писал Марине отчаянное письмо о положении Герцык, прося привести в Москве все в движение. Они подняли там целую бурю».

⁴ Патти Аделпна (1843—1919) — знаменитая итальянская певица (коплатурное сопрано).

⁵ Волькенштейн Владимир Михайлович (1883—1974) — драматург. М. Цветаева упоминает ему пьесу «Калики перехожие» (1914).

⁶ Речь идет о Парнок Софье Яковлевне (1885—1933) — поэтессе, переводчице, находившейся в то время в Судаке.

⁷ Деньги благополучно дошли: 10 декабря 1921 г. М. Волошин писал матери: «На этой неделе я получил для Герцык 2½ миллиона <...> А 100 тысяч Марина и Ася посылают от себя тебе и мне».

⁸ Кузнецова (Гринева) Мария Ивановна — актриса, вторая жена Б. С. Трухачева. «Летучая мышь» — театр-кабаре Н. Ф. Баллева.

⁹ Кювилье Мария Павловна (р. 1895) — переводчица, поэтесса. В замужестве Кудашева, позднее — жена Р. Роллана.

¹⁰ Аксенов Иван Александрович (1884—1935) — поэт, критик, драматург и переводчик, участник групп «Центрифуга» и конструктивистов.

¹¹ Бобров Сергей Павлович (1889—1971) — писатель, переводчик, участник групп «Лирика» и «Центрифуга».

¹² И. Г. Эренбургу, весной 1921 г. ездившему за границу, удалось узнать местопребывание С. Я. Эфрона и сообщить о нем М. Цветаевой (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1961, с. 372).

¹³ Цветаева говорит о Москве периода нэпа.

¹⁴ Имеется в виду письмо от 14 марта (старого стиля) 1921 г.

¹⁵ Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ-идеалист, в начале XX в. активный участник религиозно-философских собраний. В 1922 г. эмигрировал во Францию, где выступал как идеолог антикоммунизма.

¹⁶ Миндлин Эмилий Львович (р. 1900) — писатель, автор воспоминаний о М. Цветаевой и М. Волошине, см.: Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1968, с. 5—76.

¹⁷ Весной 1922 г. М. Цветаева выехала к мужу за границу. См. письмо 21.

¹⁸ На книге «Конец Казановы» (М., «Созвездие», 1922) дарственная надпись М. Цветаевой: «Моему дорогому Макс-Казанову, которого я так отвергла <нрзб.>, с которым так не могла расстаться. Марина. Москва,

Пасха, 1922 г.». На обороте титульного листа Цветаева написала: «Макс, ни в вишнетке, ни в опечатках не повинна, ибо имела дело с безграмотными негодьями!» (Библиотека Дома-музея М. Волошина, № 465). 14 января 1923 г. М. Волошин писал Ю. Л. Оболенской: «Не согласен с Вами в Вашем суровом суждении о „Конце Казановы“. Его романтизм и сжатость пушкинских маленьких драм мне определенно понравились. И мне пришли на ум именно они, а не Ростан. Может, я подкуплен нежностью к герою? Не знаю». В 1911 г. именно Волошин указал М. Цветаевой на «Мемуары» Казановы, в тот период ею отвергнутые (Лит. Армения, 1968, № 6, с. 86).

21

10-го нов<ого> мая 1923 г.

Мои дорогие Макс и Пра!¹

Пока только скромная приписка:² завтра (11-го нов<ого> мая) — год, как мы с Алей выехали из России, а 1-го августа — год, как мы в Праге. Живем за городом, в деревне,³ в избушке, быт более или менее российский, — но не им живешь! Сережа очень мало изменился, — только тверже, обветренное. Встретились мы с ним, как если бы расстались вчера. Живя *не*-временем, времени не боишься. *Время — не в счет*: вот все мое отношение к времени!⁴

Я много раз тебе писала из Москвы, Макс, но ты все жаловался на мое молчание. Пишу и на этот раз без уверенности, увы, что дойдет! Откликнись возможно скорей, тогда в тот же день напишу тебе и Пра обо всем: о жизни, стихах, замыслах.

Ах, как бы мне хотелось послать тебе и дорогой Пра книги! «Разлуку», «Стихи к Блоку», «Царь-Девицу», «Ремесло».⁵ Не знаю, как осуществить. Оказии отсюда редки. Живой повод к этому письму — твой живой голос в «Новой Книге».⁶ Без оклика трудно писать. Другой постепенно переходит в область сновидения (единственной достоверности!) — *изымается из употребления!* — становится недосыгаемостью. — Тебе ясно? — Это не забвение, это общение *над, вне...* И писать уже невозможно.

Но ты, не зная, окликнул, и я радостно откликаюсь. Здесь (и уже давно в Берлине) были слухи, что Вы с Пра в Москве. Почему не выбрались? (Праздный вопрос, то же, что «почему не сдвинули горы?»).

Целую тебя и Пра, люблю нежно и преданно обоих, напиши, Макс, доходят ли посылки и какие?

МЦ.

Аля растет, пустеет и простеет. Ей 10¹/₂ лет, ростом мне выше плеча. Целует тебя и Пра.

¹ М. Цветаева не знала, что Е. О. Волошина скончалась 8 января 1923 г.

² Письмо Цветаевой написано на обороте письма С. Я. Эфрона от того же числа.

³ В деревне Горни Мокропсы под Прагой.

⁴ В тот же день М. Цветаева написала стихотворение «Хвала времени» (Цветаева М. Избр. произв. М.—Л., 1965, с. 240).

⁵ Имеются в виду книги Цветаевой: Разлука. Книга стихов. М.—Берлин, «Геликон», 1922; Стихи к Блоку. Берлин, «Огоньки», 1922; Царь-Девуца. Поэма-сказка. Пб.—Берлин, «Эпоха», 1922; Ремесло. Книга стихов. М.—Берлин, «Геликон», 1923.

⁶ В журнале «Новая русская книга» (Берлин, 1923, № 2) опубликовано стихотворение М. Волошина «Потомкам».

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

ПИСЬМА К Л. Я. ГУРЕВИЧ

Публикация З. И. Власовой

Дореволюционный период творчества С. Н. Сергеева-Ценского все более привлекает внимание исследователей.¹ Однако литературные взгляды писателя остаются малоизученными. Публикуемые письма к Л. Я. Гуревич помогают раскрытию литературной позиции писателя, отраженной также и в других его письмах.²

Любовь Яковлевна Гуревич (1866—1940) возглавляла в 1891—1898 гг. вместе с А. Л. Волинским (Флексером) журнал «Северный вестник», в котором публиковались произведения старшего поколения символистов и статьи о «новых веяниях» в искусстве и литературе. В дальнейшем Гуревич стала известным литературным и театральным критиком. Ее статьи печатались в «Мире божьем», «Русской мысли», «Образовании», «Северных записках», «Слове», «Речи» и других изданиях. Она выступала и как беллетрист («Седок» и другие рассказы. СПб., 1904; «Плоскогорье». Роман. СПб., 1897). Ранние произведения Ценского, испытавшие влияние модернизма и импрессионизма, были в поле зрения Л. Гуревич.

В 1910-е годы критики, в том числе и Гуревич, отметили начало перелома в творчестве Ценского. «Этот писатель за последние годы многое преодолел в себе, — писала Гуревич. — Он в значительной степени отделался от той истерической развинченности, которая отражалась и на языке его, загроможденном дикими, произвольными, иногда отвратительно безвкусными метафорами»; в произведениях последних лет, по ее мнению, «писательская душа его посветлела, муть как бы отстоялась».³ В обзоре ли-

¹ См.: Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. М., 1975, с. 156—162; Плукш П. С. Н. Сергеев-Ценский — писатель, человек. М., 1975, и др.

² См. письма Сергеева-Ценского к В. С. Миролубову и Е. А. Колтоновской (Русская литература, 1971, № 1, с. 143—160) и письмо Ценского к Л. Андрееву (там же, 1976, № 1, с. 203—207).

³ Гуревич Л. Заметки о современной литературе. — Русская мысль, 1910, № 5, отд. II, с. 170.

тературы за 1912 г. Гуревич, снова отметив рост «изобразительной стороны таланта» и «незаурядное лирическое дарование» Сергеева-Ценского, пришла к выводу, что «эволюция, проделанная писателем за эти годы, огромна и чрезвычайно поучительна».⁴ Когда Ценский, живший в Алуште, приехал в конце 1912 г. в Петербург, Гуревич послала ему отклик своей статьи и письмо. В это время вышел из печати сборник ее статей «Литература и эстетика». Появление его отметили многие журналы, привлек он и внимание Ценского. Интерес автора книги к психологии художественного творчества, к эстетическим воззрениям начала века был вызван раздумьями о путях развития современных литературных направлений — реализма и символизма. А. Г. Горнфельд в рецензии на книгу с одобрением отметил «значительную эволюцию, проделанную бывшим редактором „Северного вестника“ за двадцать лет после выхода первого декадентского журнала», и указал на серьезную работу ее над своими воззрениями.⁵ Гуревич и теперь с сочувствием относилась к символистам, отмечая их заслуги в истории литературы нового времени, но вместе с тем уже критически говорила о символизме как направлении в целом.

Эстетическая позиция Гуревич была близка Ценскому, отстаивавшему в тот период свою писательскую независимость. Он отрицал воздействие на себя как литературных влияний, так и политических идей и партий.⁶ В 1912 г., отвечая на анкету «Что такое красота в современной жизни», Ценский заявил: «Я скажу, что ядро ее всецело базируется на искусстве».⁷ Однако теоретические заявления не всегда совпадали с художественной практикой писателя. Приверженность к концепции «чистого» и «самодельного» искусства, как и протест против общественного и идеологического характера его («Если писатель действительно художник, то он пишет только для себя»⁸), все более вытеснялись в творчестве Ценского показом социальных процессов в народной жизни. В 1910-е годы появятся произведения, свидетельствующие о социальной чуткости художника («Движения», «Печаль полей», «Медвежонок»), хотя он продолжал отстаивать свои литературные воззрения. «Деятельная жизнь порой смущает писателя присутствующим в ней понятием „программы“, узкой цели», — замечает В. А. Келдыш, анализируя этот период творческой деятельности Ценского.⁹

Противоречивость литературной позиции писателя — свидетельство трудного процесса становления его как художника-реалиста. В письмах к Л. Гуревич он отстаивает право писателя на поиски собственного пути и сохранение творческой индивидуальности. Ценский отметил цельность позиций автора «Литературы и эстетики», но тут же возразил против ее стремления выявить общие художественные каноны. Он приходит к мысли, что у каждого большого художника «был свой канон», что ста-

⁴ Гуревич Л. Художественная литература. — Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб., 1913, с. 390.

⁵ Русское богатство, 1912, № 9, отд. III, с. 212—213.

⁶ См.: О «Береговом». (Беседа с Ценским). — Лебедь, 1908, № 1, с. 32—34.

⁷ Черное и белое. Литературно-художественный журнал, 1912, № 2, с. 8.

⁸ Лебедь, 1908, № 1, с. 34.

⁹ Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века, с. 161.

рые эстетические принципы становятся тесными для выполнения новых задач, которые ставит перед писателем его эпоха.

Письма к Л. Гуревич отражают также отношение Ценского к критике. Несогласие с трактовкой его произведений, жалобы на односторонность критических оценок встречаются и в других высказываниях писателя. Так, в 1913 г. он пишет В. С. Миролюбову: «Не везет страшно. Вот я выпустил уже шесть томов, а ко мне все еще относятся с иронической улыбкой».¹⁰ В 1914 г., обращаясь к В. П. Крачихфельду с просьбой прислать оттиск его статьи «Поэт красочных пятен. С. Н. Сергеев-Ценский»,¹¹ Ценский писал: «Ваша статья была и есть дорога мне <...> она первая статья обо мне, более-менее обстоятельная и сочувственная, и я Вам за нее вообще благодарен».¹² Позднее в письме к М. Горькому Ценский говорил, что критика мешала ему, хотя в свое время он весьма пристально следил за ней.¹³

Публикуемые письма хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в фонде Л. Я. Гуревич (ф. 89, № 20081).

1

Многоуважаемая Любовь Яковлевна.

Очень обрадовали меня присылкой оттиска. Содержательную (и очень удачно расположенную) статью Вашу в «Ежегоднике» я читал несколько ранее и искренно благодарен Вам за внимание лестное.¹

Был бы рад познакомиться с Вами, но в Петербурге я пробуду, к сожалению, еще день-два, не больше, а потом поеду к себе на дачу в *Алушту* (Крым).

Насчет рассказа в «Русскую» Молву» — право, не знаю, напишется ли маленький в скором времени.² Хочу поработать над большими вещами, с очень большим количеством действующих лиц (мерещится до трехсот человек на пространстве листов в шестьдесят). Печатать это придется кусками, но все-таки не меньше двух листов в куске, — не для газеты. Если в Крыму напишется что-нибудь маленькое, непременно пришлю Вам.

Может быть, у Вас найдется лишний экземпляр Вашей книги «Литература» и эстетика»? (мой крымский адрес просто: г. Алушта Таврической губернии), а я послал бы Вам в обмен VI-й том свой, который скоро выйдет в «Книгоиздательстве писателей» (собрал разную мелочь в додачу к «Приставу Дерябину» и «Медвежонку»)³

Всего Вам доброго!

С. Сергеев-Ценский.

¹⁰ Русская литература, 1971, № 1, с. 152.

¹¹ Современный мир, 1910, июль, с. 108—129.

¹² ИРЛИ, ф. 528, оп. 1, № 325.

¹³ Письмо Ценского к М. Горькому см. в кн.: Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы <...> Письма. Симферополь, 1963, с. 756.

Уезжая, подпишусь на «Русскую» Молву» и буду читать в Крыму Ваши заметки.

Санкт-Петербург. 19 января 1913 г.

Отвечаю с запозданием не по своей вине: письмо и оттиск посланы были по старому адресу на Васильевский, откуда я съехал с месяца назад.

¹ Речь идет об оттиске статьи Л. Гуревич «Художественная литература» из «Ежегодника газеты „Речь“ на 1912 год» (СПб., 1913), вышедшего в январе.

² «Русская молва» (СПб., 1912—1913) — еженедельная газета, в которой Л. Гуревич вела литературно-театральный отдел.

³ Речь идет об издании: Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч., т. 6. М., «Кн-во писателей в Москве», 1913. Повесть «Пристав Дерябин» впервые напечатана в «Литературно-художественном альманахе изд-ва „Шиповник“» (кн. 14, СПб., 1911); рассказ «Медвежонок» — в «Сборнике первом» «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912).

2

4 апреля 1913.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна.

Большое спасибо за книгу.¹ Я прочитал ее всю и, если бы Вы позволили, по поводу ее мог бы написать Вам то, что передумалось (не по поводу мелочей, а по поводу Вашего канона искусства, ибо нет ничего интереснее для художника, как говорить об искусстве).

Очень жалею я, что письмо с предложением участвовать в пасхальном номере «Русской» Молвы» я получил очень поздно и к пасхальному номеру не могу успеть. Но, может быть, возможно будет поместить небольшой рассказ «Свадьба» (или «Таинство брака») ² на Красную Горку? ³ (Как раз это роковой день для многих и многих). В рассказике будет строк 500—600 — то есть «цена» его равна 250—300 рублям (мой обычный гонорар — 500 р. за лист, а в печатном листе, как известно, тысяча строк газетных).

Если гонорар этот не слишком тяжел для «Русской» Молвы», — то напишите, и я пришлю (предупреждаю, впрочем, что рассказик относится к категории бытовых и глубин, разрешающих бездн, «теней века сего» в нем вообще нет).⁴

Буду ждать ответа. Всего доброго!

С истинным уважением

С. Сергеев-Ценский.

¹ Речь идет о книге Л. Гуревич «Литература и эстетика» (М., 1912).

² Рассказ под названием «Таинство брака» опубликован позднее в «Красной ниве» (1926, № 12).

³ «Красная горка» — народное название первого воскресенья после пасхи (называлось также «Фомино воскресенье»). В этот день было принято устраивать свадьбы.

⁴ Намек на роман Д. А. Абельдяева «Тень века сего. (Записки Абашева)», напечатанный в «Русской мысли» (1912, № 6—12).

3

1 мая <19>13 г. Алушта.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна.

Ваше письмо пришло в мое отсутствие, — вот почему я отвечаю поздно. Признаюсь, тем, что Вы пишете о моем *этом* письме, Вы уж меня смутили. О, конечно, я Вам ничего нового не скажу и не хотел сказать. Ваша книга — очень цельная книга, — это первое впечатление.¹ Вы ее прочно сделали и вполне серьезно обосновали. Канон искусства для Вас был вполне ясен, когда Вы приступали к оценке того или иного явления. Такие статьи, как «От стиля к быту» или «Заветы Толстого», положительно великопелны.² И если я хотел что-то сказать, то имел в виду только этот Ваш канон. Мне, признаться, Брюлловское «Чуть-чуть» больше говорит, чем вся книга Толстого.³ «Чуть-чуть» — это несравненно более вместительный канон, чем толстовский; сказать о «Семке» и «Федьке» то, что сказал Толстой,⁴ можно только из упрямого баловства, и что бы ни говорил Толстой о Ницше и Шекспире, первый отнюдь не «только ловкий немецкий фельетонист», и второй... тоже достаточно талантлив,⁵ гораздо талантливее «крестьянина Семенова»⁶ и «поручика Куприна».⁷

Вы пишете в письме о «камнях», которые Вам встретились и которые Вы только обошли, а не взорвали.⁸

Ох, не прокрустово ли ложе каждый точный канон искусства, и что Вы будете делать с Достоевским, раз Вы идете от Толстого? А вот Достоевский умел восторгаться «Анной Карениной» и писать «Братьев Карамазовых»...⁹ потому, должно быть, что Достоевский «искал» восторга, т. е. был поэт¹⁰ (Толстой никогда не был поэтом; он «утвердил» все, что хотел «преобразить» Достоевский: брак, хозяйственность, евангелие, «портки» и прочее). А Тургенев называл «Преступление и наказание» — «холерными коликами».¹¹ Должно быть, у каждого крупного художника *свой* канон, и то, что будет выведено за скобки, как коэффициент, окажется какою-нибудь нерастворимой штучковиной, отнюдь не служащей ответом на вопрос: что такое искусство? Я лично считаю, что художник должен о себе забыть, когда пишет, и, исходя из этого взгляда, когда я писал «Бабаева», например, я о себе забыл, а помнил только то, что действует, и говорит, и жизнеощущает некий поручик Бабаев, истерического склада субъект.¹² Критика много смеялась над *моей* «истерической развинченностью», — так я был понят. Когда же я написал «Медвежонка»,

в котором действует здоровяк полковник Алпатов, критика отметила, что я «отделался от истерической развинченности».¹³ Уверяю Вас, что если мне вздумается вывести снова *больного* субъекта, обо мне напишут, что я снова развинтился, а ведь вот поди же, «подавал надежды!» В чем же дело? Только в приеме, в претворении писательской личности не только в общие, но и в мельчайшие черты *основного* героя; не только говорить его языком и передать его мироощущения, но мироощущение его передать так, чтобы вас за него ругательски обругали, если он гадок; послали бы в лечебницу, если он болен; неумеренно расхвалили бы вдруг, если он «хорош»; сочли бы поляком или уроженцем юго-запада, если он — Антон Антонович из «Движений»;¹⁴ сочли бы неисправимым «поэтом бесплодия», если вы написали «Печаль полей»;¹⁵ сочли бы поэтом плодовитости, если вы написали «Недра»;¹⁶ покосились бы на вас за «Пристава Дерябина» («не нововременец ли?»¹⁷); признали бы вас эсером за «Сад»¹⁸. . . и так далее (я не о «себе» говорю это, но беру «себя» для примера не «достижения», а «намерения достигнуть»).

Основной камень, который нужно взорвать критику, — это предвзятый взгляд на писателя русского как на проповедника по преимуществу.¹⁹ Конечно, к этому взгляду приучили классики сороковых и далее годов, ибо все они проповедовали, но теперь, когда у нас, слава богу, есть парламент,²⁰ нужно бы эмансипировать не только женщин, но и беллетристику, тоже «женщину слабую и беззащитную». Я поясню это на примере. Вы в статье о «Деревне» и «Движениях» писали о «Движениях», еще не зная конца, и спрашивали, почему повесть названа «Движения».²¹ Вам казалось, что Антон Антонович говорит слишком много. Я же, когда писал, хотел *речь* Антона Антоновича передать ритм движения, а «двигались» у меня (конечно, вместе с Антоном Антоновичем) три цвета: зеленый, голубой, желтый. (Желтый — беспокойный, солнечный — жизнь; зеленый — цвет елей и сосен, мертвых деревьев — смерть; голубой — цвет неба, рок, недреманное око судьбы). Так же точно во всех моих вещах есть те или иные побочные задачи, которые отмечают иногда только беллетристы, а критика, занятая уловлением интеллигентских идей, весьма по заслугам меня возненавидела. Но, скажите, пожалуйста, откуда у Толстого появилась вдруг в частном письме фраза: «*белый* запах цветущих горных лугов» (из Вашей книги)?²² Ах, он, декадент несносный! А вот его профессора беллетристики Семка и Федька никак не могут различить синего от зеленого. Мне кажется, не нужно ограничивать художественные средства приемами классиков, и, думаю я, что то время, в которое мы с Вами живем, — довольно интересное время. Вопрос, который приходит в голову: был ли бы Достоевский Достоевским и Толстой Толстым в *наше* время? Ответ, который напрашивается: ни в коем случае; теперь ни Толстым, ни Достоевским быть нельзя (а вот Пушкиным можно всегда²³).

Мне очень понравилось в Вашей книге то, что она — «Литература и эстетика». Но отчего у Вас нет ни одного чисто эстетического разбора? Как хорошо было бы, если бы Вы написали образцовый эстетический разбор какого-нибудь рассказа (из современных авторов). [Например, если бы Вы убедили меня, что Бунин действительно художник, а не любитель всяких «портков», то есть что для него записная книжка не все, а что есть у него способность фильтровать свои записные книжки и соподчинять детали не только по наклону его личной антипатии или симпатии, но и по требованию художественного образа или идеи].^а

Ну вот, я расплылся и ничего не сказал. Должно быть, в письме это трудно выразить. Всего Вам доброго!

Ваш С. Сергеев-Ценский.

PS. Вы нас с Буниным напрасно соединили: Бунин меня не выносит (считая «декадентом»), — да между нами и действительно нет ничего общего.²⁴

PPS. Два слова о Шмелеве.²⁵ Вы вместе с другими упрекнули его в «обзоре» в многословии, в излишней детализации, тогда как это столь же присущая ему черта, как то, что он блондин.²⁶ Отнимите у него эту черту, и не будет Шмелева. Вот, например, неудобство канона «краткости». Не забывайте, что все современные значительные беллетристы пока еще молодежь. Может быть, у каждого из них есть или будет свой канон.

¹ Ценский имеет в виду книгу Л. Гуревич «Литература и эстетика».

² В статье Л. Гуревич «От быта к стилю» (у Ценского ошибочно переставлены слова в названии) дана оценка литературных направлений начала XX в. В статье «Художественные заветы Толстого» рассмотрены взгляды на художественное творчество и отношение Толстого к эстетическим критериям, которые он ставил в связь с нравственными принципами писателей.

³ В статье о Толстом Гуревич цитирует «тонкое и остроумное» замечание К. Брюллова в разговоре с одним из учеников: «Искусство начинается там, где начинается *чуть-чуть*» (Литература и эстетика, с. 207).

⁴ Семка и Федька — ученики Толстого из яснополянской школы (см. его статью «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят»: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1936, с. 301).

⁵ Известны отрицательные высказывания Л. Толстого о творчестве Шекспира (статья «О Шекспире и драме») и философии Ницше. Ценский, видимо, имеет в виду отзыв о Ницше в статье «Что такое религия и в чем сущность ее»: «Являются бессвязные, самым пошлым образом бющие на эффект писания одержимого манией величия, бойкого, но ограниченного и ненормального немца. Писания эти ни по таланту, ни по основательности не имеют никакого права на внимание публики» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 35, с. 184).

⁶ Семенов С. Т. (1868—1922) — крестьянин, писатель-самоучка, первый рассказ которого «Два брата» напечатан по рекомендации Толстого изда-

^а Квадратные скобки принадлежат автору.

тельством «Посредник». Ценский имеет в виду предисловие Толстого к «Крестьянским рассказам» Семенова (М., 1894), в котором подчеркиваются значительность содержания, простота формы и искренность тона.

⁷ Замечание о Куприне вызвано, по-видимому, известными Ценскому одобрительными отзывами Толстого о творчестве Куприна. Об этих отзывах говорится в письмах А. П. Чехова, П. А. Сергеева, в дневниках А. Б. Гольденвейзера и С. П. Маковицкого. В журнале «Серый волк» была помещена карикатура, изображавшая Толстого и Куприна в форме поручика, с подписью: «Нынешние писатели все что-то крутят. Один только офицер Куприн возьмет кусочек жизни и напишет...» (1908, № 12). Об отношении Толстого к творчеству Куприна также см.: Опульская Л. Д. Толстой и русские писатели конца XIX—начала XX века. — Литературное наследство, т. 69, кн. 1. М., 1961, с. 116—119. Куприн — «первый живой и говорящий писатель», увиденный Ценским. В 1906 г. он специально приехал в Алушту, чтобы пригласить Ценского напечатать свои произведения в журнале «Мир божий». См.: Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч., т. 3, с. 565—567, 654—656).

⁸ В ответе Ценского и, видимо, в письме Л. Гуревич перефразировано популярное в те годы изречение Ницше: «Все пограничные камни сами взлетят на воздух...» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Пер. с нем. Ю. М. Антоновского. СПб., 1907, с. 211).

⁹ Достоевский в «Дневнике писателя за 1877 год» (СПб., 1907, с. 229—234) дал высокую оценку роману Толстого в главе «„Анна Каренина“ как факт особого значения». Сам он писал в то время «Братьев Карамазовых» (роман опубликован в «Русском вестнике» в 1879—1880 гг.).

¹⁰ Ценский высоко ценил творчество Достоевского. Е. Колтоновская отмечала влияние последнего на роман «Бабаев» (Русская мысль, 1913, № 12, отд. II, с. 96).

¹¹ Тургенев писал И. Борису 12 октября 1886 г.: «А „Преступление и наказание“ Достоевского я отказался читать: это что-то вроде продолжительной колики — в холерное время помилуй бог!» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 6. М.—Л., 1963, с. 109).

¹² Роман «Бабаев» вошел в 3-й том «Собрания сочинений» С. Н. Ценского (СПб., «Шиповник», 1910).

¹³ Цитата из статьи Л. Гуревич «Заметки о современной литературе» («Без мерил») (Русская мысль, 1910, № 5, отд. II, с. 146).

¹⁴ Повесть Ценского «Движения» опубликована в «Современном мире» (1910, № 1—3, 6).

¹⁵ Повесть «Печаль полей» опубликована в «Литературно-художественном альманахе изд-ва „Шиповник“» (кн. 9, СПб., 1909). «Поэтом бесплодия» назвал Ценского К. И. Чуковский, см.: Чуковский К. И. Критические рассказы, кн. 1. СПб., 1911, с. 73—88.

¹⁶ Рассказ «Недра» опубликован в «Северных записках» (1913, № 1).

¹⁷ Т. е. не сотрудник ли реакционной газеты «Новое время».

¹⁸ Повесть «Сад» опубликована в «Вопросах жизни» (1905, № 10, 11).

¹⁹ Позднее Ценский писал Горькому, что Толстой и Гоголь «раскололись на художников и проповедников», и это он рассматривал «как печальнейший факт в истории русской литературы после насильственных смертей Пушкина и Лермонтова» (Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч., т. 3, с. 584).

²⁰ Так Ценский иронически называет Государственную думу.

²¹ В статье Л. Гуревич «Без мерил» дана критическая оценка «Древни» Бунина и повести Ценского «Движения», последняя часть которой вышла в «Современном мире» (1910, № 6) почти одновременно со статьей Гуревич.

²² В статье «Художественные заветы Толстого» Л. Гуревич (Литература и эстетика, с. 179) привела цитату из «Путевых заметок по Швейцарии. Дневник 1857 года»: «Вдруг нас поразил необыкновенный, счаст-

ливый, белый весенний запах...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 5, с. 197).

²³ Пушкин с детских лет был любимым поэтом Ценского. Позднее Ценский много работал над воплощением отдельных периодов жизни Пушкина в своем художественном творчестве.

²⁴ Критические оценки Буниным произведений Ценского в печати нам неизвестны. 14 мая 1913 г. он писал М. Горькому: «На „Среде“ я два раза сделал скандал — изругал последними словами Серафимовича, начавшего писать à la Ценский что ли...» (Горьковские чтения. 1958—1959. М., 1961, с. 72). Это, видимо, стало известно Ценскому.

²⁵ Шмелев И. С. (1873—1950) — автор ряда остросоциальных рассказов и повестей («Человек из ресторана», «Распад», «Гражданин Уклеикин» и др.).

²⁶ В статье «Художественная литература» Гуревич писала о Шмелеве: «У него есть тонкая наблюдательность и умение изображать <...> Главным же его недостатком являются многословие и расплывчатость письма» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год, с. 392).

4

Крым, г. Алушта. 26 декабря 1913.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна.

Ваше милое письмо меня даже перекоффузило! Что Вы не ответили мне весною, я понял так, что и отвечать-то не на что было: я не сказал Вам ничего такого, на что действительно можно бы было ответить, — просто не сказалось как-то, потому, должно быть, что предмет очень обширен. А что о деловой стороне Вашего тогдашнего письма я не упомянул, — это вполне понятно: я думал, что, указывая мне цифру гонорара — 300 р., Вы и сами заканчиваете на этом деловые разговоры. Гонорарный вопрос — дело очень щекотливое. Несомненно, раз писатель продает, вынужден продавать, никак не может не продавать того, что напишет, — он уже ремесленник цеха писателей; но писать «много и хорошо» — задача невыполнимая для того, кто хочет остаться хоть чуть самостоятельным в темах и способе обработки тем. Значит, приходится писать немного, а это в свою очередь значит, что получать за написанное нужно столько, чтобы хватило хоть «на холст и краски», говоря языком художников.

Спасибо за хлопоты, если можно назвать хлопотами переговоры со Струве.¹ Но то, что «Наклонная» Елена» делится на три книжки, — не в пользу этого рассказа: хоть бы уж на две.² Здесь экономические соображения пересилили эстетические.

Вы пишете о Бутягиной, но я ведь не прочитаю ее вещи в 12-й книжке за неимением «Русской Мысли».³ Может быть, возможно будет мне прислать эту книжку, тогда я разберусь в рассказе «Вечернее» и Вам напишу.⁴

А что касается молодых сил, то, право, не знаю: я очень уж далеко стою от всякой молодежи и от людей прочих возрастов. В «Заветах» помню некоего Замятина, но по одной его вещи не берусь судить, станет ли он писателем.⁵

Так как письмо мое придет к Вам почти под Новый год, то — с Новым годом! Желаю всяких сил и здоровья.

Душевно Ваш С. Сергеев-Ценский.

¹ Струве П. Б. (1870—1944) — участник сб. «Вехи», с 1910 г. редактировал журнал «Русская мысль».

² Повесть «Наклонная Елена» опубликована в «Русской мысли» (1914, № 1—3).

³ Повесть А. М. Бутягиной «Вечернее» опубликована в «Русской мысли» (1913, № 12).

⁴ С 1913 г. Л. Гуревич вела литературный отдел в журнале «Русская мысль»; ранее она выступала в нем как критик.

⁵ Повесть Е. И. Замятина «Уездное» напечатана в «Заветах» (1913, № 5).

И. С. ШМЕЛЕВ

ПИСЬМО К ЛЕОНИДУ АНДРЕЕВУ

Публикация В. П. Вильчинского

Публикуемое письмо, подлинник которого хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома,¹ связано с попыткой Леонида Андреева привлечь к сотрудничеству в газете «Русская воля» (Пг., 1916—1917), где сам он заведовал отделами литературы, критики и театра, популярных в ту пору писателей. По характеристике В. И. Ленина, «Русская воля» была одной из «погромных», «наиболее гнусных» газет, «основанной на заведомо темные деньги».² Она была создана группой банковских воротил во главе с махровым реакционером А. Д. Протопоповым с тайной целью защиты интересов промышленников в борьбе с нараставшим в стране революционным движением.

Ослепленный «финансовым великолепием» издания, не разобравшись в его истинных целях и наивно поверив в возможность сохранения своей независимости, Леонид Андреев стал активным сотрудником газеты. Этот опрометчивый шаг писателя вызвал осуждение со стороны многих литераторов, в том числе И. С. Шмелева, писательская судьба которого нередко скрещивалась с судьбой Л. Н. Андреева.³ Резко отрицательное мнение Шмелева о «Русской воле» и его категорический отказ от сотрудничества в газете, высказанные в публикуемом письме, весьма огорчили Л. Андреева, охарактеризовавшего это письмо как излишне «решительное и ненужно-страстное». «Мое близкое, фактическое и действительное участие в каком бы то ни было издании, — подчеркивал писатель в своем ответе И. Шмелеву, — служит гарантией полной чистоты этого издания... Боюсь,

---

¹ ИРЛИ, ф. 9, оп. 3, № 63. Небольшой отрывок из письма (8 строчек), ошибочно прокомментированный как свидетельство «мещанской ограниченности идеологического багажа» Шмелева, опубликован в «Литературном наследстве» (т. 2. М., 1932, с. 184).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 207; т. 34, с. 117, 130.

³ См.: Вильчинский В. П. Л. Андреев и И. Шмелев. — Русская литература, 1971, № 4, с. 129—141.

что наше понимание свободы совершенно разное. Для меня единственным моим судьей является моя совесть, личная и общественная. Ваша свобода — это рабство перед общественным мнением и хроникерами: „дабы никто, — пишете Вы, не осмелился сказать про меня — вот какому богу он служит“. Да, Вы правы: про Вас никто не скажет дурного — про меня же говорили и будут говорить. И очень возможно, что среди говорящих дурно будет И. С. Шмелев — он уже сделал это на основании „заметок“,⁴ а их будет много еще! Но как это ни горько мне, я останусь на своем месте, освещенном и совестью моею и сознанием народного блага».⁵

В этих словах отчетливо проявилось непонимание Л. Андреевым эфemerности «независимости» художника в буржуазном обществе. Проницательнее его в данном вопросе оказался И. С. Шмелев, не чуждый, впрочем, и сам, как следует из публикуемого письма, иллюзий о возможности свободы писателя в тогдашних условиях жизни.

24 июля 1916 г.

Владычная слобода.

Дорогой Леонид Николаевич,

Настоятельная потребность высказаться об участии моем в проектируемой газете — все эти дни, после разговора с Вами, волновала меня ежечасно. В итоге размышлений я прихожу к решительному заключению: в этой газете, насколько я ее чую, участвовать своим трудом я никак не могу. Очень досадно, очень жаль, что я не взвесил все это раньше, при свидании с Вами. Тогда я, по всей вероятности, яснее бы мог высказаться и убедительнее, чем смогу сделать это в письме. И доводы мои были бы, глядишь, куда ярче и основательней, ибо я нашел бы иллюстрации. Но попытаюсь, хоть и отрывочно, объяснить.

Как видно из коротеньких хроникерских заметок в *Русских Ведомостях*, *Киевской Мысли* и *Речи*¹ — на эту газету дают деньги такие-то банки. Банки... С этим понятием у меня неразрывно связывается: спекуляция во всех видах и формах. Банки... Я знаю, какими, частью жуткими, путями ходят эти, да, необходимые и небезгрешные учреждения. С этим словом итальянским связываются еще слова — спекуляция, концессия, депрессия, синдикат, конъюнктура, оп сабл,² биржа, проценты, экзекуция. С этими милыми учреждениями связываются имена славных деятелей российских, не раз пытавшихся (и очень подчас удачно) стричь государственную казну, пополняемую еще до сих пор главным образом за счет дырявых карманов миллионеров нищих российских «граждан». Имена сии — Путилов, Вышнеградский, Ковалевский³ и еще десятки и сотни, с мертвой хваткой и ястребиным глазом хищников. С этим понятием —

⁴ Подразумеваются газетные хроникерские заметки о «Русской воле», о которых говорится в письме Шмелева.

⁵ Русская литература, 1974, № 4, с. 138 (письмо от 30 июля 1916 г.).

банк — у меня связывается зрительное впечатление: высоченный дом, с медью, бронзой, окнами в сажень, с сытой мордой галунного пса в дверях,⁴ в кои входят люди с бумажниками и с крепким карманом — все то, что может и умеет выбирать, набирать, собирать и выдирать с тысяч тех, кои ходят и бегут мимо этих зеркальных окон. (Я все время говорю о банках нашего типа, нашего времени. Я очень хорошо понимаю, что банки необходимы, как важный элемент жизни, но только у меня в идее, коей я сочувствую, банки иного типа). Не эти ли милые учреждения помогли создаться дороговизне в нашу тяжелую годину? Это не раз было доказано. Не при помощи ли этих милых и услужливых пособников оперируют господа, подобные разным «Митям»?⁵ Не при помощи ли их капитализм силится и крепче сбивает цепи на рабочем народе? При наших-то условиях. Не банковские ли воротилы получают концессии подкупами и влияниями в разных атмосферах? Не они ли являлись, являются и будут являться теми акулами, теми ташкентцами, о коих ломал перо Щедрин⁶ и сотни честных людей, которые умеют видеть не только голубые просторы будущего с мощью и преуспеяниями российской промышленности и всех «производительных сил», но и серую и бедную действительность, которая на 999/1000 представлена неимущим, полуголодным трудовым народом. Банки... Я знаю, что огромное, сложное и отвратительное часто укрывает это звучное, маленькое слово. Царство денег и сил эксплуатации. Я не убогий партиец,⁷ — Вы знаете это, я недурно знаком с теорией и практикой финансов, политической экономией, — и, конечно, не могу отвергать банки, как естественно необходимый институт современности, но я далек от того, чтобы к этому институту идти на службу. Полезна для государства (и часто необходима) полиция, но я не пойду на службу в полицию ни за какие сотни. Нужны и тюрьмы, но и тюремным смотрителем не пойду. Ибо есть еще во многих отраслях жизнедеятельности государственной, кроме общего, всем видимого и признаваемого обмана, еще дух, душок, который, как капля скверного масла эфирного, способен изгадить самое чудесное блюдо. Этого душка — в банках, в сосредоточиях капитальной мощи — сколько угодно.

Банки — родные матери, вскармливающие капиталистов, создающие их, сплачивающие в синдикаты, в те армии, что завоевывают и держат в тисках иные армии, в миллионы раз большие. Банки со своими сотнями миллионов денег — это крепости, несокрушимые твердыни, о кои будут разбиваться груди будущего сплоченного, завоевывающего право на человеческую жизнь народа. Это полная противоположность того, чему (кому) я хотел бы посильно служить и чему я вольно служил, по внушению сердца, в своих книжках. Судите сами, дорогой Леонид Николаевич! Работать в Современном Мирае, Русском Богатстве, Киевской Мысли, Речи, в прогрессивных и честных поли-

тически органах (о Бирж<евых> Вед<омостях> я вспомню, с горечью, ибо я не знал их)⁸ — и вдруг пойти со своими рассказиками утешать и развлекать гг. банкометов, плутократов, хозяев, фабрикантов и их чад! Ведь даже один из «банков» выразил сомнение, будут ли читатели у этой газеты.⁹

5 миллионов! На газеты 5 миллионов! Ведь не для пустой славы (каковы, дескать, молодцы — для народного просвещения и кования общественно<й> зрелости — 5 миллионов!) бросить деньги!¹⁰ Рубля не бросят люди, у которых на счету каждый грош. А тут — такое единодушие! И г. Протопопов! Уж очень он подвижен, г. Протопопов! Только побывал в Англии — и уже совещание.¹¹ И уже поданы на блюде, как старорусский лебедь на свадьбе, г<спода>м банкам Горький и Л. Андреев. «Это, говорят газеты, произвело впечатление!»¹² И дали 5 000 000. Для прекрасных заплаканных глаз России? Да, глаз России, но не Великой, а иной, маленькой, которую они представляют, сытой России, которая желает быть еще более насыщенной. Г<н> Протопопов! Я слышал (из газет), что этот г. Протопопов хлопочет за М. Руб.¹³ Кто он такой, почему бы я стал ему верить и с ним работать? Я не верю разным выходцам из департаментов, гг. Давыдовым,¹⁴ разным, имеющим вход в министерские передние, гг. Путиловым, Ковалевским — ленцам¹⁵ и прочим, и прочим. Я знаю, что мы, литераторы, что Вы, российский писатель (вплоть до М. Горького, если это верно, что и он),¹⁶ мы, получившие право на внимание за свой труд свободный и прекрасный, мы нужны банкам и гг. Путиловым как украшение их пиршественно<го> стола, как генералы свадебные, которым можно ведь и сказать: а теперь — идите! Ведь Вы и мы — это штемпель, это солидный бланк. «Произвело впечатление!». Почему это произвело впечатление? Горький, Горький! Вы, Леонид Николаевич, как и я, не яркой какой-либо политическо<й> окраски люди, но люди с чистой душой, у нас нет пятен и штемпелков на наших общественно<х> паспортах.¹⁷ И все же... А М. Горький?! Осмелились — да это подходяще — осмелились упоминать и Короленко!¹⁸ И Речь¹⁹ ставит? Это ложь! Но Горький! Я ничего не понимаю.²⁰ Литература и — торговля, промышленность... Что это за проклятый футуризм, где ни формы, ни содержания, где одна бессмыслица, чтобы не сказать больше. Нет, не буду.

Простите, но и Вам не советую. Уже сейчас какой-то неприятный душок идет. Литература вне партий,²¹ но литература, искусство и несомнительными дорогами шествует и не прикрывает вожделений. Литература, искусство прекрасного слова не может жить там, где стучат медяками о прилавки. В храме ее не место торгующим и не ее место прилавков, хотя бы и из дуба с медью.

Я всегда какую-то грусть испытываю, входя в двери банков, и невыразимо отвратительны были мне все г<спода> с «банков-

скими» рылами, посасывающие сигары. И не потому, конечно, что я не могу «посасывать». Нет, не потому. М^{ожет} б^{ыть}», в крови это у меня. И я хочу остаться свободным от всяких пут. Дабы никто не осмелился сказать про меня — вот какому богу он служит.²² У меня один бог — мое внутреннее, радостно принимающее правду, как умеет ее отличать это внутреннее.

Мало я сказал, но Вы меня поймете. Надеюсь, что этот мой отказ от участия в газете не помешает нашим дружеским отношениям.²³

Крепко жму руку, Ив. Шмелев.

12-го уеду на юг, все дожди и кашляю.

¹ Первые сведения о замысле создания крупной общественно-политической газеты промышленников с участием известных писателей и ученых сообщила 26 апреля 1916 г. газета «Речь» в заметке «Новое газетное предприятие». Более подробные данные об условиях издания опубликованы 21 июня в хроникерских заметках, появившихся одновременно в газетах «Русские ведомости» (№ 168), «Киевская мысль» (№ 202), «Речь» (№ 198). Эти-то заметки и имеет в виду И. С. Шмелев.

² Каблограмма — телеграфная депеша, переданная по подводному кабелю.

³ Крупные русские промышленники и банковские деятели 1910-х годов: Путилов Алексей И. — председатель правления Русско-Азиатского банка; Вышнеградский А. И. — председатель правления Международного банка; Ковалевский В. И. — директор Департамента торговли и мануфактур.

⁴ Т. е. швейцара.

⁵ Вероятно, имеется в виду Д. Л. Рубинштейн, председатель правления Русско-Французского банка, привлекавшийся в годы первой мировой войны к ответственности по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Имя «Митьки Рубинштейна» в то время было нарицательным выражением беспешавной беспринципности крупных финансовых воротил, связанных с правящей камарильей.

⁶ Имеется в виду цикл сатирических очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» (1869—1872), отличающих буржуазное хищничество.

⁷ По мнению И. С. Шмелева, принадлежность к какой-либо из многочисленных партийных группировок той эпохи обуславливала односторонность суждений.

⁸ «Биржевые ведомости» (СПб., 1880—1917) — газета, фактическим руководителем которой в 1900—1910-х годах был беспринципный буржуазный журналист М. М. Гаккебуш, ставший вскоре редактором «Русской воли». В «Биржевых ведомостях» в 1914 г. (№ 14575, 25 декабря) Шмелев опубликовал рассказ «Гости», а в 1915 г. (№ 14741, 22 марта) — рассказ «Слепые».

⁹ В заметке об органе, организуемом промышленниками и банкирами, газета «День» (1916, № 199, 22 июля) писала: «С...» представители некоторых банков указали, что едва ли газета достигнет цели, ибо трудно рассчитывать на ее широкое распространение».

¹⁰ В заметках о новом издании газеты отмечали, что его идея «была встречена представителями банков в общем сочувственно, причем размер суммы, необходимых для этого дела (около 5 миллионов), не встретил возражений» (Речь, 1916, № 198, 21 июля). Сумма, отпущенная банкирами, в два раза превышала «стоимость любого из прежних самых крупных издательских предприятий» в России (Литературное наследство, т. 2, с. 174).

¹¹ Инициатором издания «Русской воли» был крупный землевладелец,

промышленник и государственный деятель А. Д. Протопопов. Летом 1916 г. он возглавлял думскую делегацию в Англию. Во время поездки он вел переговоры в Стокгольме с агентом германского правительства, банкиром Варбургом, о возможности заключения сепаратного мира. По возвращении из-за границы Протопопов созвал 15 июля в Петербурге тайное совещание; сведения о нем просочились в печать и послужили основой ряда хроникерских заметок о новой газете.

¹² По утверждениям газет, Протопопов, говоря на совещании 15 июля о необходимости привлечения к сотрудничеству в новом издании известных писателей и ученых, сказал, что «он уже заручился согласием на участие в газете Горького, Андреева и Короленко». Это заявление, подчеркивали хроникеры, «произвело большое впечатление на присутствующих» (Речь, 1916, № 198, 21 июля; Дело, 1916, № 199, 22 июля, и др.).

¹³ Видимо, подразумевается Д. Л. Рубинштейн (см. примеч. 5).

¹⁴ Давыдов А. Ф. — председатель правления Внешнеторгового банка, участник совещания, созванного Протопоповым 15 июля.

¹⁵ Представители банков — А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский и др. — входили в состав правления Англо-Русского общества, владеющего золотыми Ленскими приисками. Расстрел забастовавших ленских рабочих 4 апреля 1912 г. вызвал гневное возмущение русской общественности. «Ленцы» — капиталисты, несущие ответственность за этот расстрел.

¹⁶ Слух об участии М. Горького и В. Короленко в газете, проектируемой промышленниками и банкирами, был очень скоро опровергнут. Уже 25 июля 1916 г. газета «День» опубликовала интервью своего корреспондента, в котором на вопрос: «Насколько верны сообщения, будто бы в новой газете принимают участие Короленко и Горький?» — А. Д. Протопопов вынужден был ответить: «Мне приписали то, чего я не говорил. Я не утверждал в совещании по поводу новой газеты, что Короленко и Горький участвуют в газете. И они действительно в ней не принимают участия» (День, 1916, № 202).

¹⁷ Соглашаясь сотрудничать в «Ежемесячном журнале», Шмелев писал В. С. Миролюбову 23 ноября 1913 г., что смотрит на литературу «как на великую работу, для которой нужно иметь и сердце и руки чистыми» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 1268, л. 13).

¹⁸ Свой официальный отказ от сотрудничества в новой газете, иронически прозванной современниками «Банковской печальницей», Короленко опубликовал в «Русских записках» (1916, № 8, с. 249—267). Отмечая различие во взглядах своих и Шмелева на современную литературу, Л. Андреев писал ему 21 августа 1916 г.: «В заключение два слова о Короленко — вот где особенно сказывается наша разность: Вам он кажется чуть ли не святым, а мне наоборот. Писатель, который два года молчал, молчал во время великого смятения умов и совести, в период такой войны, как настоящая, — мне не кажется человеком, исполнившим свой долг писателя и гражданина. Во мне Короленко вызывает чувство глубокого негодования» (Русская литература, 1971, № 4, с. 139).

¹⁹ С газетой «Речь» Шмелева связывало давнее сотрудничество. 23 ноября 1913 г. он писал о ней Миролюбову как о единственной газете, в которой дважды в год печатает свои рассказы (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 1268, л. 14 об.).

²⁰ Недоумение Шмелева вполне естественно. Помимо общеизвестных истин о невозможности участия М. Горького в газете банкиров, следует еще иметь в виду и то, что участие самого Л. Андреева в ней в известной степени подогревалось желанием противостоять «горьковскому» влиянию в литературе тех лет. В стремлении Л. Андреева «стать редактором отделов литературы, критики и театра в „Русской воле“, — подчеркивает К. Д. Муратова, — большую, даже решающую роль играло желание противопоставить свою общественно-литературную позицию горьковской. Уйдя из лагеря революционной демократии, он стал воспринимать Горького в годы войны как литературно-враждебную силу» (Муратова К. Д. Горький и Леонид Андреев. — Литературное наследство, т. 72. М., 1965, с. 51).

²¹ В этом ошибочном тезисе взгляды Шмелева и Л. Андреева отчасти совпадали.

²² Мнение Л. Андреева по этому вопросу см. в его ответном письме от 30 июля 1916 г., приведенном во вступительной заметке.

²³ Это пожелание Шмелева исполнилось, и его дружеские отношения с Л. Андреевым не прекращались до конца жизни последнего. В ответ на письмо Л. Андреева от 30 июля, которое тот сам считал «слишком резким», Шмелев написал новое, неизвестное нам послание; оно, по словам Л. Андреева, «пзбавило» его «от многих горьких мыслей и тяжелого чувства», родившегося при чтении публикуемого выше письма. «И теперь я больше понимаю Вас, — писал Андреев Шмелеву 21 августа 1916 г. — но совсем едва ли когда-нибудь пойму, как и Вы меня, впрочем. Тут просто сказывается наша разность и разность нашего отношения к жизни. Поясняя свой план организации новой газеты, которую первоначально предполагалось назвать «Зарей» (название «Русская воля» родилось позже), Л. Андреев писал далее, продолжая свой спор со Шмелевым: «О фактах газеты говорить не стоит, их слишком много для письма, и они со временем сами о себе скажут. Скажу только несколько слов о моем личном отношении и намерениях. Из газеты „Заря“ я надеюсь сделать общественно полезное и, конечно, вполне чистое дело; и работать я буду в интересах моих собственных, т. е. интересах демократии, а отнюдь не буржуазии. Если мои надежды не оправдаются, я из газеты уйду» (Русская литература, 1974, № 4, с. 139). Однако свое намерение писателю осуществить не удалось. Сын писателя, В. Л. Андреев, писал, что «только впоследствии, в 1948 году, встретившись в Финляндии с теми, кто в действительности стоял во главе „Русской воли“, — крупными банкирами Блохом и Шайкевичем, отец узнал о целом ряде закулисных интриг, о которых он даже не догадывался, но объектом которых он был» (Андреев В. Детство. М., 1963, с. 151).

Э.-М. ДЕ ВОГЮЭ

ПИСЬМА К РУССКИМ ЛИТЕРАТОРАМ

Публикация П. Р. Заборова

Писатель и литературный критик виконт Эжен-Мелькиор де Вогюэ (1848—1910) особенно известен как неутомимый пропагандист во Франции русского романа. Из всех его соотечественников и современников он в наибольшей степени содействовал ознакомлению французских читателей с творчеством Л. Толстого и Достоевского; вместе с тем деятельность его стимулировала интерес к русской литературе в других европейских странах, способствуя укреплению ее международного авторитета.

Первое знакомство Вогюэ с русской литературой относится к периоду пребывания его в Петербурге, где он находился с декабря 1877 по май 1882 г. в качестве секретаря французского посольства. В России был задуман и главный его труд, первоначально печатавшийся в виде отдельных очерков на страницах «Revue des deux mondes», а затем изданный отдельно. Книга эта — знаменитый «Русский роман» (1886) — сыграла важную роль в литературном движении 80-х годов,¹ и в первую очередь ей Вогюэ был обязан своим ранним избранием во Французскую Академию (1888). Русская литература продолжала его интересовать и в дальнейшем: внимание его привлекли Некрасов и Тютчев, Чехов и М. Горький, а позднее — Леонид Андреев.

Вкладом своим в сближение русской и французской культур Вогюэ законно гордился. «Я был так счастлив, что мне удалось кое-что сделать для ознакомления французской публики с русской литературой. Я писал много о Толстом и Достоевском. В данное время оба эти писателя любимы Фран-

---

¹ См.: Шафаренко И. Я. Вогюэ и его литературно-общественная деятельность. (К вопросу о распространении русской литературы во Франции). Автореф. дис. Л., 1949; Hemmings Fr. W. J. The Russian Novel in France. 1884—1914. Oxford, 1950, p. 27—48; Barry C. A. The role of the «Roman russe» articles of the «Revue des deux mondes» in French literary polemics of the 1880's. — Revue de littérature comparée, 1975, № 1, p. 122—128.

ции и не менее популярны, чем лучшие наши романисты», — заявил он, например, в 1909 г. в свой — оказавшийся последним — приезд в Россию по случаю открытия памятника Гоголю в Москве.²

С Россией Вогюэ был связан прочными узами; у него имелось там немало друзей и почитателей, высоко ценивших его благородную деятельность и литературный талант. Об этом свидетельствуют русские переводы его сочинений и статьи о нем в русской печати, а также его переписка с русскими литераторами, несколько фрагментов которой публикуется ниже по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Три письма (ф. 29, оп. 1, № 106) адресованы Петру Дмитриевичу Боборыкину (1836—1921), прозаику, драматургу, публицисту, литературному и театральному критику. Все они написаны летом 1885 г. К этому времени русский и французский писатели были уже знакомы. Отношения их не прекращались и в дальнейшем, но особой близости между ними не возникло. Сдержанно, хотя в общем сочувственно, отзывался Боборыкин о Вогюэ в книге «Столицы мира. (Тридцать лет воспоминаний)».³

Адресат трех других писем (ф. 137, № 88, л. 71—72, 129; № 120, л. 33) — великий князь Константин Константинович (1858—1915), вошедший в историю русской литературы под именем К. Р. Знакомство с ним состоялось в петербургский период жизни Вогюэ, на которого произвел благоприятное впечатление этот образованный и не лишенный литературной одаренности человек.⁴ Однако, по всей вероятности, последующее общение ограничивалось посылкой выпущенных ими новых книг, благодарственными письмами и т. п.⁵

Наконец, по одному письму (ф. 20, № 15038; ф. 219, № 10; р. I, оп. 41, № 6; ф. 43, № 25) адресовано молодому приват-доценту Петербургского университета, впоследствии видному историку западноевропейских литератур, критику и общественно-театральному деятелю Федору Дмитриевичу Батюшкову (1857—1920), замечательному библиографу Владимиру Измайловичу Межову (1831—1894), философу-позитивисту Евгению Валентиновичу Де-Роберти (1843—1915) и писательнице-беллетристке Марии Григорьевне Веселковой-Кильштет (1861—ок. 1930). Со всеми этими корреспондентами (за исключением Де-Роберти, в 1890-х годах и позднее жившего по преимуществу в Париже) Вогюэ, по-видимому, лично знаком не был. В этом убеждает и самый тон обращенных к ним писем.

---

² Новое, время, 1910, № 12212, 12 марта.

³ Б о б о р ы к и н П. Столицы мира. (Тридцать лет воспоминаний). М., 1911, с. 196—198.

⁴ V o g ü é Е.-М. Journal. Paris—Saint-Pétersbourg. 1877—1883. Paris, 1932, p. 184.

⁵ См. принадлежавший некогда К. Р. экземпляр «Русского романа»

с дарственной надписью Вогюэ в библиотеке Пушкинского Дома (шифр: 68 $\frac{4}{36}$).

Paris, 1/13 Juin 85.

Mon cher Confrère,

Mon ami Mr le Comte d'Haussonville vient de faire publier chez Calmann-Lévy d'intéressants «Souvenirs» de son père, le feu académicien. Vous avez dû voir que la presse française s'est beaucoup occupée de ce livre, qui renferme entre autres choses de si curieux détails sur Chateaubriand. Mr d'Haussonville, mû par un sentiment de piété filiale, désire que la dernière oeuvre de son père soit appréciée à l'étranger comme en France, et il me demande les noms des critiques auxquels il pourrait adresser les «Souvenirs» en Russie. Je lui donne en première ligne votre nom; il vous fera parvenir le volume avec ce mot, et vous sera très-reconnaissant de le signaler aux lecteurs des «Новости» ou à ceux du «Вестник Европы».

Croyez, mon cher Confrère, à mes sentiments de haute considération.

E. M. de Vogüé.

Перевод:

Париж, 1/13 июня <18>85.

Мой дорогой брат,

Мой друг граф д'Оссонвиль издал недавно у Кальмана-Леви интересные «Воспоминания» своего отца, покойного академика.¹ Вы, должно быть, заметили, что французская пресса уделила большое внимание этой книге, в которой, между прочим, заключены столь любопытные подробности о Шатобриане. Движимый чувством сыновней преданности, г-н д'Оссонвиль желает, чтобы последнее сочинение его отца получило признание за границей, подобно тому как это произошло во Франции, и спрашивает у меня имена русских критиков, которым он мог бы эти «Воспоминания» послать. Я назвал ему в первую очередь ваше имя; он направит вам книгу вместе с этой запиской и будет вам очень признателен, если вы укажете на нее читателям таких изданий, как «Новости» или «Вестник Европы».

Примите, мой дорогой брат, уверение в моем глубоком уважении.

Э.-М. де Вогюз.

¹ Речь идет о незавершенных мемуарах французского дипломата и историка, члена Французской Академии Жозефа-Отенена-Бернара де Клерона, графа д'Оссонвиля (1809—1884), посмертно изданных его сыном графом Отененом д'Оссонвилем (1843—1924). Шатобриану была посвящена пятая глава книги (Ma jeunesse. 1814—1830. Souvenirs par le comte d'Haussonville. Paris, 1885, p. 163—222).

Paris, 7 Juillet 85.

Monsieur et cher Confrère,

J'ai bien des remerciements à vous adresser, pour votre lettre, pour l'envoi de votre intéressante plaquette «Le culte du peuple», pour le bienveillant témoignage que vous rendez à mes efforts, dans l'article «Мирное завоевание». J'ai la conscience d'avoir mérité ce témoignage, car sans mes sollicitations pressantes auprès des éditeurs, mes compatriotes auraient ignoré Léon Tolstoï pendant quelques années encore. La traduction «d'Anna Karénine» a paru chez Hachette la semaine dernière, vous pourrez lire dans le «Journal des Débats» d'aujourd'hui, 7 Juillet, un article critique où j'annonce ce grand roman. Malheureusement, la traduction n'est pas assez scrupuleuse. La grande difficulté à laquelle je me heurte, c'est la pénurie de bons traducteurs. Ainsi les «Débats» avaient résolu de publier en feuilleton les «Записки из Мертвого дома» et m'avaient demandé une étude d'introduction. Quand on m'a apporté le premier placard de la traduction, je l'ai trouvé si mauvaise, si anti-esthétique, que je me suis opposé à sa publication dans le «Journal» et que je l'ai déconseillée à l'éditeur Plon. Il me demande de lui indiquer un traducteur, et je n'en trouve pas! Je sais que vous n'aimez pas beaucoup Dostoïevski, mais moi je suis éclectique, je voudrais qu'on pût le juger en France sur toutes pièces.

Mr d'Haussonville vous est reconnaissant de l'intérêt que vous attachez au livre de son père; si vous voulez lui écrire, voici son adresse: 41, rue St Dominique, Paris.

Je ne vous envoie pas les «Débats», vous les trouverez au Casino d'Ems.

A revoir, mon cher Confrère; j'espère bien vous serrer la main avant longtemps, soit à Pétersbourg soit à Paris, et je vous prie de croire à mes sentiments bien distingués.

E. M. de Vogüé.

Перевод:

Париж, 7 июля <18>85.

Милостивый государь и дорогой собрат,

Хочу поблагодарить вас за многое — за ваше письмо, за вашу посланную мне интересную брошюру «Культь народа»,¹ за доброжелательную оценку моих усилий, которую вы даете в статье «Мирное завоевание».² Я сознаю, что заслужил эту оценку, ибо без моих настойчивых ходатайств перед издателями соотечественники мои еще в течение нескольких лет не знали бы Льва Толстого. Перевод «Анны Карениной» появился на прошлой неделе в издательстве Ашетт,³ вы сможете прочесть в сегодняшнем (от

pressantes auprès des éditeurs, mes
compatriotes auraient ignoré Léon
Tolstoï pendant quelques années encore.
La traduction d' Anna Karénine a paru
chez Hachette la semaine dernière, vous
pourrez lire dans le Journal des
Sabats d'aujourd'hui, 7 juillet, un
article critique où j'annonce ce grand
roman. Malheureusement, la traduction
n'est pas assez scrupuleuse. La
grande difficulté à laquelle je me
heurte, c'est la pénurie de bons
traducteurs. Ainsi les Sabats avaient
résolu de publier en feuilleton

Письмо Э.-М. де Вогюэ к П. Д. Боборыкину. 7 июля 1885 г.

7 июля) выпуске «Journal des Débats» критическую статью, в которой я в общих чертах характеризую этот великий роман. К сожалению, перевод — недостаточно тщательный. Огромная трудность, с которой я постоянно сталкиваюсь, это крайний недостаток хороших переводчиков. Так, редакция «Débats» решила опубликовать в фельетоне «Записки из Мертвого дома» и попросила меня написать вводную статью. Когда мне принесли гранки перевода, я нашел его столь скверным, столь антиэстетичным, что воспротивился его появлению в «Journal» и отсоветовал его публиковать издателю Плону. Теперь он просит меня порекомендовать ему переводчика, а я не могу никого найти! Я знаю, что вы не очень любите Достоевского,⁴ я же — эклектик, мне хотелось бы, чтобы о нем могли судить во Франции не понаслышке.

Г-н д'Оссонвиль признателен вам за интерес, проявленный вами к книге его отца; если вы пожелаете ему написать, вот его адрес: улица Сен-Доминик, 41, Париж.

Я не посылаю вам «Débats», вы найдете их в эмском Казино.⁵

До свидания, мой дорогой собрат, очень надеюсь в недалеком будущем — или в Петербурге, или в Париже — пожать вам руку и прошу вас принять уверение в моих лучших чувствах.

Э.-М. де Вогюэ.

¹ Имеется в виду отдельный оттиск статьи Боборыкина «Le culte du peuple dans la littérature russe contemporaine» («Культе народа в современной русской литературе»), напечатанной в журнале «Revue internationale» (1885, вып. VI).

² Статья Боборыкина «Мирное завоевание» появилась в «Новостях и Биржевой газете» 12 (24) июня 1885 г. (№ 159). «Да, мы можем, не хвалясь, сказать, — писал Боборыкин, — что наша родина без крови и насилия завоевала себе в последние годы целую область в Западной Европе <...> Эта область — сочувственное обращение французской публики к русской литературе, к произведениям первых русских беллетристов». Далее следовала исключительно высокая оценка деятельности Вогюэ, «ревнителя нашей художественной словесности, которому мы все должны сказать горячее спасибо как другу и собрату», и особенно его усилий в ознакомлении читающей Франции с творчеством Л. Толстого: «<...> самую большую услугу оказал г. Вогюэ нашей беллетристике своим этюдом о графе Толстом в „Revue des deux mondes“. Он, конечно, заставит прочесть „Войну и мир“ множество народа, который бы и не заглянул в гениальную эпопею русского писателя».

³ Речь идет об издании: Anna Karénine, par le comte Léon Tolstoï. Roman traduit du russe. 2 vol. Paris, libr. Hachette et Cie, 1885.

⁴ Об отношении Боборыкина к Достоевскому см.: Б о б о р ы к и н П. Д. Воспоминания, т. I. М., 1965, с. 280—282, 391, 543.

⁵ Боборыкин в это время находился в Эмсе. См. письмо к нему С. А. Боборыкиной от 16/28 июня 1885 г. (ИРЛИ, ф. 29, оп. 1, № 187, л. 6).

Talloires, lac d'Annecy,
H-te Savoie.
15 Juillet 1885.

Mon cher Confrère,

Votre lettre me revient dans ce coin très-solitaire: c'est vous dire que je ne puis satisfaire à votre aimable demande et vous envoyer un numéro déjà ancien du «Journal des Débats», feuille qui ne pousse pas sur le lac d'Annecy.

Je pense que vous devriez envoyer vos oeuvres de préférence à Plon, avec l'indication de ce que vous croyez vous-même correspondre le mieux aux goûts et aux curiosités de notre public, que vous connaissez fort bien.

Je cherche toujours un traducteur pour le «Мертвый дом», d'autant plus que l'éditeur me presse de réparer le dommage que je lui ai causé, en discréditant la détestable traduction acceptée par lui. J'accepterai avec reconnaissance vos indications: seulement, comme je dois cette fois me porter garant de la bonté du travail, aux «Дébats» et chez Mr Plon, il faudrait de toute nécessité que la personne qui voudrait bien se charger de ce travail me communiquât 4 ou 5 pages d'essai, afin que je fusse en état de juger de ses aptitudes à ce difficile métier de traducteur. Je ferai connaître à cette personne, si elle le désire, les conditions offertes par les éditeurs.

Adieu, mon cher Confrère, croyez encore, je vous prie, à ma considération bien particulière.

E. M. de Vogüé.

Перевод:

Таллуар, озеро Аннеси,
Верхняя Савойя.
15 июля 1885.

Мой дорогой собрат,

Ваше письмо нашло меня в этом уединеннейшем уголке: достаточно вам сказать, что я не могу выполнить вашу столь лестную для меня просьбу и послать вам теперь уже старый номер «Journal des Débats»,¹ листка, который не встречается на берегах озера Аннеси.

Полагаю, что вам следовало бы предложить ваши сочинения прежде всего издательству Плон, указав те из них, которые, как вам самому кажется, больше соответствуют вкусам и интересам нашей публики, столь превосходно вам известной.

Я неустанно ищу переводчика, имея в виду «Мертвый дом», тем более что издатель торопит меня возместить убыток, который я нанес ему, подвергнув уничтожающей критике принятый им отвратительный перевод.

Я с благодарностью приму ваши советы: однако, поскольку на сей раз я несу ответственность перед «Débats» и перед издательством Плон за доброкачественность работы, совершенно необходимо, чтобы лицо, которое пожелает взяться за эту работу, ознакомило бы меня с любимыми 4 или 5 страницами по своему выбору, дабы я был в состоянии судить о его способностях к трудному переводческому делу. Если это лицо пожелает, я сообщу ему условия, предложенные издателями.²

Прощайте, мой дорогой собрат, и примите уверение в моем глубочайшем к вам уважении.

Э.-М. де Вогюэ.

¹ См. предыдущее письмо.

² Во французском переводе «Записки из Мертвого дома» появились в 1886 г.; автор перевода — Шарль Нейру (Dostoïevsky Th. Souvenirs de la Maison des morts, trad. du russe par M. Neyroud. Préface par le v-te E. Melchior de Vogüé. Paris, 1886).

К. Р. (КОНСТАНТИНУ РОМАНОВУ)

1

Paris, 1-г/13 Février 1887.

Monseigneur,

Comme je suis touché de ce souvenir, apporté par des strophes ailées! Mon plaisir n'a pas été d'abord sans quelque embarras. Des vers de Prince! me suis-je dit, il faudra les trouver bons, et ma conscience de critique est très-rebelle aux accomodements de courtoisie. J'ai lu, et après avoir tourné quelques pages, je ne me souvenais plus du Prince, le poète restait seul, avec son naturel, son émotion, sa maîtrise de forme. Que voilà bien une injustice du ciel, de vous dispenser de pareils dons, qui feraient la gloire et la fortune d'un pauvre diable! Mais puisque vous les possédez, n'en soyez pas avare, Monseigneur, faites nous encore rêver, justifiez de nouvelle façon le mot du Prince de Ligne qui disait à votre aïeule, la grande Catherine: «Que ce climat de Russie est extravagant! L'arbre qui y vient le plus facilement, c'est le laurier!».

Je remercie le poète du plaisir qu'il m'a donné, et je prie le Prince d'agréer l'hommage du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être de Votre Altesse Impériale le tout dévoué confrère et très-humble serviteur

E. M. de Vogüé.

Париж, 1/13 февраля 1887.

Милостивейший государь,

О, как я тронут этим знаком внимания, который принесли мне крылатые строфы!¹ Первоначально удовольствие мое было слегка омрачено. Стихи великого князя! сказал я себе, придется одобрить их, а между тем моя совесть критика всячески противится таким уступкам из вежливости. Я начал читать и, пробежав несколько страниц, перестал вспоминать о великом князе, передо мной был только поэт с его характером, душевным богатством и мастерством. Несправедливо, конечно, что именно вам дарованы таланты, которые могли бы составить славу и благополучие простого смертного! Но коль скоро вы наделены ими, не скупитесь, милостивейший государь, дайте нам еще насладиться вашей поэзией, вновь оправдывая слова принца де Линя, который говорил вашей прабабке, великой Екатерине: «Какой странный климат в России! Из деревьев там легче всего приживается лавр!»²

Я благодарю поэта за доставленное удовольствие и прошу великого князя соизволить принять уверение в глубочайшем уважении, с которым я имею честь оставаться вашего императорского высочества преданнейшим собратом и покорнейшим слугой

Э.-М. де Вогиюз.

¹ Речь идет о полученной Вогиюз следующей книге: К. Р. Стихотворения. СПб., 1886.

² Шарль-Жозеф де Линь, принц (1735—1814) — военный деятель, дипломат и писатель; друг австрийского императора Иосифа II; ряд лет провел при дворе Екатерины II, состоял с ней в переписке. См.: P e r e y L. Figures du temps passé. XVIII siècle. Paris, 1900, p. 105—217.

2

Paris, le 24 Mai 1890.

Monseigneur,

Ma belle-mère me fait parvenir un nouveau volume de poésies où je retrouve la grâce, la sensibilité et l'élevation qui marquent vos vers d'un tour si personnel. Je suis bien honoré et touché du bienveillant souvenir de votre main que ce volume m'apporte. Daignez agréer, Monseigneur, l'hommage de ma reconnaissance et l'expression du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être de Votre Altesse Impériale le très-dévoué serviteur,

E. M. de Vogüé.

Перевод:

Париж, 24 мая 1890.

Милостивейший государь,

Теща моя¹ переслала мне новый сборник стихотворений,² в которых я и на сей раз нашел очарование, силу чувств и благородство мыслей, так по-особому присущие вашим стихам. Я весьма польщен и тронут собственноручными знаками вашей благосклонности, которые принесла мне книга. Сблаговолите, милостивейший государь, принять уверение в моей признательности и глубочайшем уважении, с которым я имею честь оставаться вашего императорского высочества преданнейшим слугой

Э.-М. де Вогюэ.

¹ Имеется в виду Вера Ивановна Анненкова, урожд. Бухарина (1813—1902). Вогюэ был женат на Александре Николаевне Анненковой (1848—1914).

² Речь идет об издании: К. Р. Новые стихотворения. СПб., 1889.

3

4 Novembre 1899.

Monseigneur,

Je reçois la traduction d'«Hamlet» que vous avez bien voulu m'envoyer: je suis bien sensible au gracieux souvenir dont témoigne cet exemplaire imprimé à mon nom. Tous ceux qui ont voué leur vie au culte des lettres et de la poésie sont fiers de trouver à leur tête un prince pour lequel ces hautes occupations ne représentent pas un simple passe-temps, mais l'objet d'un sérieux et laborieux amour. J'ai pour ma part cent raisons de me réjouir à la pensée que ce noble exemple nous vient d'un prince de la Maison Impériale de Russie; je me sens profondément honoré et touché de la bienveillance qu'il a toujours daigné me marquer. La nouvelle preuve que j'en reçois augmente encore, Monseigneur, les sentiments de gratitude et de dévouement dont je vous prie de trouver ici la respectueuse expression, et avec lesquels je demeure de Votre Altesse Impériale le fidèle et obéissant serviteur

E. M. de Vogüé.

Перевод:

4 ноября 1899.

Милостивейший государь,

Я получил перевод «Гамлета», который вам было угодно мне послать: ¹ я весьма тронут вашим к себе расположением, о котором свидетельствует этот именной экземпляр. Все, посвятившие жизнь литературе и поэзии,

гордятся тем, что главой их является царственная особа, для которой эти высокие занятия не простое времяпровождение, но объект серьезной и деятельной любви. Что касается меня, то я нахожу множество причин радоваться, что этот благородный пример нам подает особа, принадлежащая к российскому императорскому дому; я глубоко польщен и тронут благоволением, которое она всегда мне выказывала. Полученное мною повое подтверждение этого еще больше усиливает, милостивейший государь, чувства благодарности и преданности, почтительное выражение которых я прошу вас принять и с которыми я остаюсь вашего императорского высочества неизменным и покорным слугой

Э.-М. де Воюэ.

¹ Воюэ получил книгу «Трагедия о Гамлете, принце датском. Перевод К. Р.», т. I (СПб., 1899), т. е. собственно перевод с параллельным английским текстом. В 1900—1901 гг. появились II и III тома, содержавшие всевозможные историко-литературные и историко-театральные материалы, а также обширные примечания и сводку критических суждений об этой трагедии.

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

Paris, 23 Juillet <1888>.

Monsieur,

Je vous remercie pour les volumes que vous avez pris la peine de m'apporter. Je serai heureux de renouer connaissance avec le poète dans cette belle réédition, et je vais écrire à Mr Pompée Batiouchkoff pour l'en féliciter.

Veillez agréer, Monsieur,
l'assurance de mes sentiments distingués.

E. M. de Vogüé.

Monsieur Théodore Batiouchkoff,
12, rue Gay-Lussac
E. V.

Перевод:

Париж, 23 июля <1888>.

Милостивый государь,

Благодарю вас за книги, которые вы взяли на себя труд мне доставить.¹ Я буду рад возобновить знакомство с поэтом в столь превосходном переиздании и напишу г-ну Помпею Батюшкову, дабы поздравить его с этим трудом.

Соблаговолите принять, милостивый государь, уверение в моих лучших чувствах.

Э.-М. де Воюэ.

Господину Федору Батюшкову,
улица Гей-Люссак, 12. Здесь.

Письмо датируется на основании почтового штемпеля.

¹ Имеются в виду трехтомные «Сочинения К. Н. Батюшкова» (СПб., 1885—1887), изданные сводным братом поэта Помпеем Николаевичем Батюшковым (1810—1892), видным чиновником, деятелем народного просвещения. Ф. Д. Батюшков приходился ему внучатым племянником.

В. И. МЕЖОВУ

Paris, 13 Mai 1891.

Monsieur,

Je vous ai la plus grande reconnaissance pour cette belle et utile publication que vous m'avez envoyée avec tant d'obligeance. Je possédais depuis longtemps les deux volumes publiés en premier lieu, ils m'ont été souvent d'un précieux secours dans mes recherches. Me voici mieux armé encore, grâce à vous; il me reste à souhaiter, avec tous les travailleurs russes, que votre tâche se continue pour la période postérieure à 1876. Recevez mes meilleurs vœux pour l'achèvement de ce grand labeur, et croyez-moi, Monsieur, votre très obligé et dévoué

E. M. de Vogüé.

Перевод:

Париж, 13 мая 1891.

Милостивый государь,

Я чрезвычайно благодарен вам за превосходное и полезное издание, которое вы были столь любезны мне послать.¹ В моем распоряжении уже давно имеются два тома, выпущенные раньше, они нередко служили мне ценной подмогой в моих разысканиях. Теперь благодаря вам я оснащён еще лучше; мне, вместе с деятелями русской культуры, остается лишь пожелать, чтобы ваша работа была продолжена для периода после 1876 г. От души желаю завершения этого большого труда и прошу принять, милостивый государь, уверение в признательности и преданности вашего

Э.-М. де Вогюэ.

¹ Речь идет о составленной В. И. Межовым «Русской исторической библиографии за 1865—1876 г. включительно», выходящей с 1882 по 1890 г.

Mardi, 21 Nov. <1893>

Cher Confrère,

J'ai dû vous renvoyer ce matin votre pli, sans même l'ouvrir. Vous savez peut-être la dure bataille que je soutiens: je n'ai pas une minute de loisir depuis quelques jours: ce matin votre envoyé m'a trouvé en train de préparer un mémoire pour la commission où j'étais cité deux heures plus tard. Je ne puis répondre aux lettres les plus urgentes. Et cependant je veux vous dire merci et pardon. Je suis certain que votre rédaction est parfaite et qu'elle n'a nul besoin de mes avis; je lirai avec joie ces pages qui me rappelleront de meilleures heures, quand la meute qui me traque me laissera respirer.

Excusez-moi encore, et croyez-moi bien à vous.

E. M. de Vogüé.

Monsieur de Roberty,
6, rue de Commaille,
Paris.

Перевод:

Вторник, 21 ноября <1893>.

Дорогой собрат,

Сегодня утром я был вынужден отослать назад ваш пакет, даже не вскрыв его. Возможно, вы знаете о трудной борьбе, которую я веду: вот уже несколько дней у меня нет ни одной свободной минуты; сегодня утром ваш посыльный застал меня за работой над объяснительной запиской для комиссии, где мне надлежало быть двумя часами позднее. Я не в состоянии отвечать даже на самые срочные письма. И тем не менее мне хочется поблагодарить вас и попросить у вас прощения. Не сомневаюсь, что ваша редакция безупречна и вы не нуждаетесь в моих советах. Как только свора, меня преследующая, даст мне отдышаться, я с радостью прочитаю эти страницы, которые напомнят мне о лучших временах.¹

Еще раз простите меня и примите уверение в моей вам преданности.

Э.-М. де Вогюз.

Господину де Роберти,
улица Комай, 6. Париж.

Письмо датировано на основании почтового штемпеля.

¹ В письме идет речь о травле, которой Вогюз подвергся после избрания его летом 1893 г. в Палату депутатов от департамента Ардеш (округ Турнон). Избрание его было опротестовано ввиду якобы допущенного им нарушения предвыборной этики. После длительного разбирательства в специально созданной комиссии избрание Вогюза было в конце концов утверж-

дено палатой 271 голосом против 182. См.: Le Temps, 1893, 21 nov., № 11867; 30 nov., № 11876; 13 déc., № 11889; 1894, 8 mars, № 11973.

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТ

Paris, 13 Novembre 1895.

Madame,

Je vous dois la réponse sincère que vous me demandez si gracieusement. Je crois que vous avez entrepris une tâche impossible, et devant laquelle j'ai toujours reculé pour ma part en essayant de traduire littéralement des vers russes en vers français. On a aujourd'hui des exigences excessives pour la facture artistique du vers: la critique reprendrait certainement dans les vôtres une insuffisance du rythme et de la rime. Une bonne traduction en prose serait mieux accueillie, et je ne doute pas que vous ne la meniez à bien avec votre parfaite connaissance de notre langue.

Vous voyez, Madame, que je vous obéis loyalement. Veuillez agréer, je vous prie, l'hommage de mes sentiments respectueux

E. M. de Vogüé.

Russie. Saint-Pétersbourg. Madame Kuhlstaedt.

Ее высокоблагородию Марии Григорьевне Кильштет. Зверинская улица, № 3. С.-Петербург.

Перевод:

Париж, 13 ноября 1895.

Милостивая государыня,

Не могу пренебречь вашей столь скромной просьбой и не ответить вам откровенно. Я полагаю, что вы взяли за невозможное дело, перед которым я, со своей стороны, отступал всякий раз, когда пытался буквально передать русские стихи при помощи французских. В настоящее время предъявляют непомерные требования к художественной отделке стиха: что касается ваших, то критика, конечно, с укоризной отметила бы в них несовершенство ритма и рифмы. Хороший перевод в прозе был бы принят лучше, и я не сомневаюсь, что вы с вашим прекрасным знанием нашего языка могли бы его успешно осуществить.¹

Вы видите, милостивая государыня, что я безропотно и честно выполняю свое обещание. Прошу вас принять уверение в моем глубоком уважении

Э.-М. де Вогюэ.

Россия. Санкт-Петербург. Госпоже Кильштет.

¹ Речь идет об осуществленном М. Г. Веселковой-Кильштет переводе на французский язык фрагмента поэмы Некрасова «Русские женщины» («Княгиня Трубецкая», ч. II). Рукопись перевода сохранилась в архиве писательницы (ИРЛИ, ф. 43, № 25). Перевод этот, «забракованный Мельхиором Вогюэ, нашедшим <...> стихи недостаточно сладкими», упомянут и в ее автобиографии (там же, № 88, л. 2 об.—3).

СТЕФАН ЦВЕЙГ

ПИСЬМА В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

Публикация К. М. Азадовского

Подобно другим крупнейшим зарубежным писателям XX в. (Г. Гауптман, Т. Манн, Р.-М. Рильке), С. Цвейг (1881—1942) был в течение почти всей своей жизни духовно связан с Россией и русской литературой. Им написаны обширные эссе о Достоевском и Толстом, статьи о Максиме Горьком. «Толстой для меня — великий учитель, — говорил Цвейг. — Вся наша юность там, на Западе, пошла по двум руслу, была раздвоена между двумя гениями — Толстым и Достоевским. И благодаря этим писателям Россия стала для нас подлинным проводником к современному искусству».¹

В России имя С. Цвейга приобретает известность лишь в начале 1920-х годов. На Западе к этому времени он был уже широко признанным писателем. Правда, упоминания о С. Цвейге и даже публикации его отдельных произведений появлялись в России и до 1914 г., однако они носили эпизодический характер.² Любопытно, что одним из первых русских писателей, обративших внимание на С. Цвейга, был В. Брюсов, который печатал материалы о нем (точнее — о работах Цвейга, посвященных Верхарну) в «Весах»³ и сам писал о нем в «Русской мысли».⁴ Другие же русские литераторы не проявили в ту пору особого интереса к австрийскому

---

¹ Читатель и писатель, 1928, № 37, 15 сентября, с. 7.

² Одно из стихотворений С. Цвейга было опубликовано в «Ниве» (1906, № 2, с. 24) в переводе В. Лихачева. Первое отдельное издание вышло в 1912 г. (Цвейг С. Из ранней юности. Пер. Р. Маркович. СПб., «Хронос», 1912). Подробнее см.: Стефан Цвейг. Биобиблиографический указатель. Сост. З. В. Житомирская. М., 1976, с. 70 и 77.

³ *** Статья Стефана Цвейга о Э. Верхарне. — Веса, 1904, № 4, с. 75 (раздел «В журналах и газетах»). См. также: Веса, 1907, № 9, с. 89—90 (рецензия В. Гофмана на книгу стихотворений С. Цвейга «Die frühen Kränze»).

⁴ Брюсов В. Stefan Zweig. Emile Verhaeren. Sa vie, son oeuvre... — Русская мысль, 1910, № 8, с. 15—17 (раздел «Литературная жизнь во Франции»).

писателю. Известность Цвейга в России начинается с двух книг, выпущенных в 1923—1924 г. издательством «Атеней» и широко разошедшихся.⁵

Однако подлинную, всеобщую популярность в Советской России С. Цвейг получил лишь после того, как его произведения были выпущены издательством «Время».

Это издательство (или «товарищество»), организованное на кооперативных началах, было оформлено еще в 1922 г., но официально развернуло свою деятельность с 1 марта 1923 г. Его учредителями были И. В. Вольфсон и Г. П. Блок, в прошлом сотрудники издательства З. И. Гржебина. Председателем правления долгое время оставался И. В. Вольфсон.⁶ Характер изданий, которые выпускало «Время», был поначалу весьма неоднороден. Постепенно, однако, издательство нашло свое собственное направление, специализировавшись на издании научно-популярной и иностранной художественной литературы. Довольно скромное в первые годы своего существования, издательство «Время» впоследствии расширило свои возможности. К моменту начала деятельности товарищество насчитывало 10 членов, к 1931 г. оно довело свой состав до 23 человек.⁷ Объем продукции, выпускаемой издательством, постоянно колебался и был различным в разные годы. Наибольшее число названий приходится на 1925—1926 гг. (в 1925 г. — 68 названий, в 1926 г. — 70). В последний период существования издательства число это резко падает (что было отчасти вызвано затруднениями с бумагой): в 1932 г. было реализовано всего 18 названий, в 1933 г. — 19, в 1934 г. — 4. Летом 1934 г. издательство «Время» прекратило свою работу.⁸

Выпуская в свет произведения зарубежных авторов (следует заметить, что среди них иногда встречались случайные и второсортные писатели), издательство «Время» уделяло большое внимание художественной стороне переводов с иностранного языка на русский. В издательстве сотрудничали

---

⁵ С. Цвейг. 1) Амок. Новеллы. Пер. Д. М. Горфинкеля. Пб., «Атеней», 1923; 2) Вторая книга Амока. Новеллы. Пер. И. Б. Мандельштама. Л., «Атеней», 1924.

⁶ Вольфсон Илья Владимирович (1882—1950) — видный советский издательский работник. Учился в Германии (в Лейпциге). В 1911—1912 гг. издавал в Петербурге справочник «Газетный мир». Незадолго до Октябрьской революции работал в редакции газеты «Речь». С 1919 по 1922 г. заведовал петроградским отделением издательства З. И. Гржебина. В 1922 г. возглавил организованное им кооперативное издательское товарищество «Время» и, являясь его основным пайщиком, руководил им до 1930 г. С середины 30-х годов и до конца жизни И. В. Вольфсон работал в московском издательстве «Химия» (сначала в Москве, а затем в Ленинградском отделении этого издательства, где заведовал производственной частью). По словам людей, лично знавших Вольфсона, он был разносторонне образованным и глубоко интеллигентным, мягким и отзывчивым человеком. В то же время он отличался целеустремленностью и упорством, умением доводить до конца любое начатое им дело.

⁷ ИРЛИ, ф. 42, ед. хр. 1, л. 1 (сведения по истории возникновения и дальнейшей деятельности издательства, составленные для представления в Комитет по делам печати и в другие органы, 1929—1934 гг.).

⁸ См.: подробнее: Шомракова И. А. Издательство «Время» (1922—1934 гг.). — В кн.: Книга. Исследования и материалы, т. XVII. М., 1968, с. 199—214.

видные советские поэты и переводчики: В. А. Зоргенфрей, М. А. Кузмин, М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, А. А. Франковский и др. К редакторской и редакционной работе привлекались также Г. П. Блок, В. А. Десницкий, С. Ф. Ольденбург, Б. М. Эйхенбаум (большинство перечисленных авторов считались членами товарищества). С 1931 г. при издательстве работал редакционный совет, председателем которого был избран А. В. Луначарский. Говоря о развитии в нашей стране переводческой культуры и о том высоком профессионализме, который был с годами достигнут в этой области, нельзя не упомянуть о деятельности издательства «Время». «<...> издательство вызывает впечатление очень серьезного и культурного дела», — писал М. Горький из Неаполя 26 февраля 1926 г.⁹

В 1925 г. издательство «Время» выпускает новый сборник новелл С. Цвейга.¹⁰ Вслед за тем, в самом конце 1925 г., оно переиздает книгу «Амок», выпущенную в 1923 г. издательством «Атевей».¹¹ Узнав об этом, С. Цвейг сам обратился в издательство «Время» и изложил свои соображения относительно дальнейшего издания его произведений. Это письмо Цвейга (от 10 декабря 1925 г.) положило начало переписке, завязавшейся между ним и издательством. Известие о том, что его переводят и печатают в России, было воспринято Цвейгом с глубокой радостью. «Когда я впервые узнал, — писал Цвейг позднее, — что мои сочинения распространяются в России без моего разрешения, я испытал — признаюсь чисто-сердечно — искреннюю радость <...> меня глубоко радовало, что мои книги, опередив меня, вошли в ту страну, которую увидеть и духовно сродниться с которой я стремлюсь уже много лет».¹²

Выпущенные «Временем» новеллы австрийского писателя привлекли к себе внимание Горького, который уже ранее был знаком с некоторыми произведениями Цвейга (их переписка завязалась в 1923 г.).¹³ Как известно, Горький признавал в Цвейге большой литературный талант. «Интересны обе книжки Цвейга, это — серьезный писатель и довольно своеобразный», — пишет Горький Вольфсону 17 июля 1926 г.¹⁴ Спустя несколько месяцев, ознакомившись с новым сборником новелл, выпущенным издательством «Время»,¹⁵ Горький восклицает: «Книжка Цвейга — подлинное

⁹ См. его письмо к И. В. Вольфсону в кн.: М. Горький и советская печать, кн. I. М., 1964 (Архив А. М. Горького, т. X), с. 29. См. также письмо М. Горького к Цвейгу из Сорренто от 9 ноября 1926 г., где дана высокая оценка перевода книги последнего «Смятение чувств», подготовленной к печати и выпущенной издательством «Время» (Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960 (Архив А. М. Горького, т. VIII), с. 22).

¹⁰ Цвейг С., автор книги «Амок». Жгучая тайна. Первые переживания. Пер. П. С. Бернштейн и А. И. Каргужанской. Под ред. Г. П. Федотова. Л., «Время», 1925 (впоследствии книга переиздана как первый том собрания его сочинений).

¹¹ Цвейг С. Амок. Новеллы. Пер. Д. М. Горфинкеля. Л., «Время», 1926.

¹² См. предисловие Цвейга к русскому изданию собрания его сочинений (т. I. Л., «Время», 1927, с. 11).

¹³ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, с. 11—50.

¹⁴ М. Горький и советская печать, кн. I, с. 31.

¹⁵ Цвейг С. Смятение чувств. Авторизованный перевод П. С. Бернштейн и С. М. Красильщикова. Л., «Время», 1927 (книга вышла в свет в конце 1926 г.).

искусство, а „Смятение чувств“ — вещь классически-прекрасно сделанная». ¹⁶

Читательский успех, который сопутствовал появлению каждой из новых книг Цвейга на русском языке, заинтересованность самого писателя в распространении его книг в СССР и, наконец, восторженные отзывы Горького о его творчестве — все это в совокупности привело руководителей издательства к мысли издать многотомное собрание сочинений Цвейга. Об этом решении Цвейг был извещен осенью 1926 г., и, как видно из письма от 8 ноября 1926 г., он живо и тепло откликнулся на предложение издательства и заявил, что предоставляет «Времени» право первоизданья своих главных произведений на русском языке. Получив это письмо Цвейга, Вольфсон писал Горькому: «Мы, с согласия Цвейга, решили издать собрание его сочинений. Биографию, по его же, Цвейга, указанию, напишет за границей критик Шпехт. А вот к Вам, Алексей Максимович, такая просьба: так как Цвейга еще мало знают в России, не откажите, пожалуйста, написать хотя бы небольшое предисловие или вступление к собранию сочинений, в котором сможете сказать русскому читателю несколько слов о Цвейге». ¹⁷

А на другой день, 9 декабря, издательство направило письмо С. Цвейгу, где между прочим говорилось: «От нашего друга Максима Горького, который очень хвалил Вашу книгу „Смятение чувств“ и в высшей степени ценит Ваш талант, мы также получили письмо, касающееся Ваших произведений. Так как Горький чрезвычайно популярен у нас, мы обращаемся одновременно и к нему с просьбой написать предисловие к собранию Ваших сочинений. Быть может, Вы сочтете уместным поддержать наше предложение и написать ему от себя несколько слов по этому поводу. Заранее благодарим Вас за это. ¹⁸ Максим Горький знает наше издательство и выпущенные им книги». ¹⁹

М. Горький охотно откликнулся на просьбу И. В. Вольфсона и вскоре прислал написанное им предисловие. ²⁰ Весной 1927 г. первый том собрания сочинений С. Цвейга увидел свет. В проспектах издательства «Время» это издание рекламировалось как «единственное на русском языке, разрешенное автором, с предисловиями Горького и автора, специально написанными для русского издания, с критико-биографическим очерком Рихарда Шпехта (Вена) и портретом автора, сделанным для издательства „Время“ Францем Масерель (Париж)». Собрание сочинений издавалось в течение ряда лет (последний, двенадцатый том был выпущен в 1932 г.). Некоторые тома — вследствие большого читательского успеха — выдержали по два (и даже более) издания. Собрание сочинений включало в себя

---

¹⁶ См. письмо Горького к И. В. Вольфсону от 12 ноября 1926 г. из Сорренто: М. Горький и советская печать, кн. I, с. 35.

¹⁷ См. письмо от 8 декабря 1926 г. из Ленинграда: М. Горький и советская печать, кн. I, с. 36—37.

¹⁸ В опубликованных письмах Цвейга к Горькому за этот период никаких упоминаний о предисловии не встречается.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 42, № 185, л. 14 (на немецком языке).

²⁰ См. письмо Горького к И. В. Вольфсону от 15 декабря 1926 г.: М. Горький и советская печать, кн. I, с. 38.

основные произведения Цвейга, написанные им к тому времени, за исключением его драматических вещей и стихов, которые вообще не публиковались «Временем».

Издание на русском языке собрания сочинений Цвейга еще более сблизило австрийского писателя с Россией. В эти годы Цвейг — что отчасти демонстрируют и его письма в издательство «Время» — не раз выступает как верный друг Советского Союза, как сторонник революционных преобразований в стране. Отношение Цвейга к новой России особенно ярко проявилось осенью 1928 г., когда он, побывав в Москве на торжествах, посвященных столетнему юбилею Л. Н. Толстого, опубликовал по возвращении в Австрию ряд статей (объединенных впоследствии в брошюру), в которых поделился своими впечатлениями о поездке.²¹

Цвейг прибыл в Москву 10 сентября 1928 г.²² Его сопровождала жена, Фредерика Цвейг. Еще в поезде Цвейг дал интервью молодой писательнице Н. Кальма. «Сильнейшее любопытство влечет меня в Россию, — сказал Цвейг. — Вскоре я приеду сюда нарочно и тогда буду настоящему изучать родину, родившую Толстого и Достоевского».²³ В Москве Цвейга ожидало приветственное письмо, направленное ему издательством «Время».

«Всего несколько лет прошло с тех пор, как русский читатель познакомился с Вашими произведениями, — говорилось в письме. — Однако и за этот короткий промежуток времени Вам удалось с немыслимой быстротой утвердиться на русской земле и снискать себе славу и известность у самых широких слоев населения».²⁴

10 сентября вечером Цвейг присутствовал на торжественном заседании в Большом театре. Были заслушаны доклады А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина и др. Затем выступали иностранные гости, приглашенные на толстовские торжества (среди них Б. Келлерман, Э. Лю Гатто и др.); они рассказывали о влиянии Толстого за границей. С краткой речью (ее переводил проф. Е. М. Браудо) выступил и С. Цвейг. «Прошли столетия, — так начал свое выступление австрийский писатель, — прежде чем Западная Европа стала интересоваться русской речью и литературой. Запад смотрел на Россию как на страну, у которой нечему поучиться. Лишь сравнительно недавно в русском народе стали находить источник культурных ценностей. Одним из факторов, содействовавших этому изменению взгляда на Россию, является творчество Толстого».²⁵

11 сентября С. Цвейг посетил Музей изящных искусств, где состоялось торжественное открытие выставки, посвященной Льву Толстому. «По

---

²¹ Z w e i g S. Reise nach Russland. — Neue Freie Presse, 1928, 23., 26. und 28. Oktober. Перепечатано в газете: Königsberger Hartung'sche Zeitung, 1928, 29. November. В том же году вышло в Вене отдельное издание: Z w e i g S. Reise nach Russland. Wien, Sonderdruck, 1928. На русском языке публиковалось в «Красной газете» (вечерний выпуск, 1928, № 297, 299, 306, 326, 27, 29 октября, 5, 26 ноября).

²² См.: Известия, 1928, № 211, 11 сентября, с. 4.

²³ К а л ь м а Н. Литературные встречи. — Красная нива, 1928, № 41, с. 8.

²⁴ ИРЛИ, ф. 42, № 185, л. 46 (на немецком языке).

²⁵ Известия, 1928, № 212, 12 сентября, с. 5.

окончании осмотра выставки юбилейный комитет вместе с иностранными гостями посетил музей Льва Толстого и его дом в Хамовниках», — сообщалось в «Известиях». ²⁶ 12 сентября супруги Цвейг вместе с группой участников толстовских торжеств приехали в Ясную Поляну. Здесь гостей принимала Татьяна Львовна, старшая дочь Л. Толстого. «Гидом» Цвейгов была, по словам жены писателя, С. А. Толстая-Есенина, внучка Толстого. ²⁷ Особенно сильное впечатление произвела на Цвейга могила Толстого. «Ничего более величественного и более впечатляющего я не видел в России», — вспоминал он позднее. ²⁸ О том же говорится в его небольшой заметке «Прекраснейшая в мире могила. (Из воспоминаний о поездке в Россию в 1928 году)». ²⁹

Последующие дни Цвейга в Москве были до предела насыщены событиями, встречами с людьми. 13 сентября в помещении Большой Московской гостиницы (ныне гостиница «Москва»), где жили зарубежные гости, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей устроило прием для иностранцев, прибывших в Москву на празднование юбилея Л. Н. Толстого. Среди присутствовавших был и С. Цвейг. ³⁰ В тот же день, поздно вечером, происходит личная встреча Цвейга с Горьким, находившимся тогда в Москве. «Самым ценным, что я привез домой, была дружба с Максимом Горьким, с которым я впервые увиделся в Москве», — писал Цвейг ³¹ (второе и последнее свидание Цвейга с Горьким состоялось в Сорренто в январе 1930 г.). Среди новых знакомых Цвейга следует отметить известного коллекционера П. Д. Эттингера (с ним Цвейг, как явствует из публикуемых писем, переписывался еще до своего приезда в Россию), грузинского писателя Г. Робакидзе (в 1928 г. в Германии на немецком языке выходит его роман «Змеиная кожа» с предисловием С. Цвейга ³²), писа-

²⁶ Там же.

²⁷ Z w e i g Frederike. Stefan Zweig. Wie ich ihn erlebte. Berlin—Grunewald, 1948, S. 184.

²⁸ Z w e i g S. Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Berlin und Frankfurt a. M., 1962, S. 305.

²⁹ На русском языке опубликовано в кн.: Цвейг Ст. Собр. соч. в 7-ми т., т. 7. М., 1963, с. 349—350.

³⁰ Известия, 1928, № 214, 14 сентября, с. 3.

³¹ Z w e i g S. Die Welt von Gestern, S. 309. В своих неопубликованных «Воспоминаниях о Максиме Горьком» И. В. Вольфсон рассказывает: «Когда в сентябре 1928 года мне пришлось беседовать со Стефаном Цвейгом, во время его приезда в СССР, он с глубоким уважением отослался к Максиму Горькому, считая его наиболее крупным писателем в современной мировой литературе» (Архив А. М. Горького, МОГ 2-19, л. 9). Ср. также письмо Вольфсона к Горькому от 17 ноября 1928 г. из Ленинграда (М. Горький и советская печать, кн. I, с. 47).

³² Robakidse G. Das Schlangenhemd. Ein Roman des georgischen Volkes. Jena, 1928. После отъезда С. Цвейга Робакидзе опубликовал в грузинском журнале «Мнатоби» (1928, № 9—10) статью «Дни Толстого», в которой подробно рассказал о своих московских встречах с Цвейгом (до этого оба писателя ни разу не виделись, лишь переписывались). Особый интерес представляют отзывы Цвейга о советской литературе. По словам Робакидзе, Цвейг знал и высоко ценил творчество А. Белого; он говорил также о Пильняке и Фадееве (пользуюсь случаем выразить благодарность Т. А. Никольской, указавшей мне на статью Г. Робакидзе и предоставившей в мое распоряжение ее конспект на русском языке).

теля В. Лидина (позже он вновь встретится с Цвейгом в Гамбурге).³³ Днем 14 сентября Цвейг написал небольшое предисловие к русскому изданию своей книги о Л. Толстом, которую «Время» уже готовилось выпустить. В тот же день произошла его встреча с режиссером С. М. Эйзенштейном.³⁴ Вечер Цвейг провел в Доме Герцена (ныне — Центральный дом литераторов); здесь он беседовал с группой советских писателей (Вс. Иванов, В. Кириллов, Б. Пильняк, А. Эфрос и др.). Цвейг побывал также в Третьяковской галерее и в Московском Художественном театре (вечером 15 сентября), где видел спектакль по пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14—69», особенно восхитившись игрой Качалова. Вечером 15 сентября Цвейг выехал в Ленинград, где провел один день. Он посетил Эрмитаж и издательство «Время»³⁵ (письма Цвейга в издательство, относящиеся к 1928—1930 гг., свидетельствуют о теплых отношениях, завязавшихся между ним и И. В. Вольфсоном). Вечером того же дня Цвейг смотрел балет в Ленинградском академическом театре оперы и балета; наиболее сильное впечатление произвела на него М. Т. Семенова, о которой он, как рассказывает Г. Робакидзе, все время говорил: «Гениальная, гениальная...».

Прощаясь с Ленинградом, Цвейг сказал: «Теперь я знаю путь в Россию. И я еще не раз приеду сюда, где меня так тепло и радушно встретили».³⁶ О своем намерении «при первом же случае снова приехать в СССР и поближе ознакомиться с жизнью советских народов и написать об этом книгу» Цвейг говорил и на другой день, 17 сентября, уезжая из Москвы в Вену.³⁷ Желание Цвейга посетить вторично Советский Союз было действительно очень сильным и не покидало его вплоть до 1933 г. (см. публикуемые ниже письма от 1 марта 1929 г., 16 ноября 1931 г. и примечания к ним). К сожалению, этому желанию Цвейга не суждено было сбыться.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде издательства «Время» хранится 60 писем С. Цвейга (ф. 42, ед. хр. 184). Все они представляют собой машинопись; на некоторых листах — приписки рукой Цвейга. Первый лист каждого письма имеет печатные знаки: в левом верхнем углу — круг с художественно выполненными инициалами писателя, в правом верхнем углу — адрес (Salzburg, Kapuzinerberg 5). В этом же фонде находятся адресованное в издательство письмо Фредерики Цвейг от 16 апреля 1932 г. (№ 186) и три коротких письма, подписанных секретаршей писателя (№ 187). Письма, не включенные в настоящую публикацию, носят узко деловой характер и особого интереса не представляют.

³³ См.: Лидин Вл. Стефан Цвейг. — Новый мир, 1942, № 1—2, с. 234—237. См. также: Лидин Вл. Люди и встречи. М., 1961, с. 347—363.

³⁴ В архиве С. М. Эйзенштейна сохранились тезисы беседы со Ст. Цвейгом (ЦГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, № 973). О знакомстве Эйзенштейна с Цвейгом см. также: Эйзенштейн С. М. Избр. произв., т. I, М., 1964, с. 415—422.

³⁵ Среди писем С. Цвейга в издательство «Время» хранится его расписка в получении части гонорара, датированная 16 сентября 1928 г. (ИРЛИ, ф. 42, ед. хр. 184, л. 41).

³⁶ Красная газета, веч. вып., 1928, № 256, 16 сентября.

³⁷ Известия, 1928, № 218, 19 сентября, с. 3.

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
am 30. Dezember 1925.

An den Verlag der «Wremya».
Moskau.

Herr Paul Ettinger war so ausserordentlich freundlich, mir ein Exemplar der neuen Auflage von «Amok», die bei Ihnen erschienen ist, zu besorgen und die Mitteilung zu machen, dass Sie eventuell ein neues Buch von mir vor dem Erscheinen in Deutschland übernehmen wollten. Nun werde ich in etwa *drei Monaten* den dritten Kreis meiner Novellen unter dem Titel «*Verwirrung der Gefühle*» herausgeben und bin gerne bereit, Ihnen *zwei Monate vor dem Erscheinen* das ganze Material zur Verfügung zu stellen und würde mich freuen, wenn Sie davon eine Ausgabe machen würden.

Von meinen andern Büchern ist mir eines wichtig, *eine Legende* «*Die Augen des ewigen Bruders*», die in der Inselbücherei erschienen ist. Ich habe eigentlich das Gefühl, dass gerade dieses Buch, das etwa hundert Seiten umfasst, am meisten in Russland Wirkung haben würde. Sollte es noch nicht übersetzt sein, so würde ich mich sehr freuen, wenn Sie es gleichfalls drucken wollten: hier käme ja, da es schon frei ist, ein Honorar nicht mehr in Betracht.

Mit den besten Empfehlungen Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
30 декабря 1925.

В издательство «Время».
Москва.¹

Благодаря исключительной любезности господина Павла Эттингера² я получил новое издание выпущенной Вами повеллы «Амок».³ Он же сообщил мне, что Вы выражали желание напечатать одну из моих новых книг до того, как она появится в Германии. Приблизительно через *три месяца* я собираюсь издать третий цикл моих новелл под заглавием «*Смятение чувств*» и готов предоставить весь материал в Ваше распоряжение *за два месяца до появления книги на немецком языке*. Буду рад, если Вам удастся осуществить это издание.

Среди прочих моих книг особенно важной мне представляется *легенда* «*Глаза извечного брата*», только что выпущенная в серии «*Инзельбухерай*».⁴ Собственно говоря, мне кажется, что именно эта книга, объем которой

около ста страниц, могла бы иметь в России особенный эффект. Если она еще не переведена, можете ее также издать — я буду этому чрезвычайно рад. Поскольку книга уже вышла, вопрос о гонораре снимается.

С наилучшими пожеланиями весьма Вам преданный

Стефан Цвейг.

¹ Ошибка С. Цвейга, который, очевидно, не знал, что издательство находится в Ленинграде. На листе — издательский штемпель «16 янв. 1926» и сделанная рукой помета «из Москвы».

² Эттингер Павел Давыдович (1866—1948) — коллекционер, библиограф и искусствовед. В течение ряда лет сотрудничал в различных немецких изданиях, переписывался со многими видными немецкими коллекционерами. В своих неопубликованных воспоминаниях о Цвейге («In memoriam Stefan Zweig»), написанных (на немецком языке) уже после смерти писателя. Эттингер рассказывает: «Мое личное знакомство со Стефаном Цвейгом произошло во время его пребывания в Москве, куда он приехал на празднование столетнего юбилея Льва Толстого; однако у нас уже раньше завязалась с ним переписка, поводом для которой послужили русские переводы его произведений, сделанные без его разрешения» (Рукописный отдел Гос. музея изобразит. искусств им. Пушкина, ф. 29, оп. 11, № 111, л. 6).

³ Имеется в виду книга Цвейга «Амок», переизданная «Временем». Книга вышла в декабре 1925 г.

⁴ Речь идет о книге: Zweig S. Die Augen des ewigen Bruders. Eine Legende. 3. Aufl. Leipzig, Insel-Verlag (Insel-Bücherei, № 349), 1925 (первое издание — в 1922 г.).

2

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
am 20. März 1926.

Sehr geehrte Herren!

Herzlichen Dank für Ihren freundlichen Brief vom 13. März. Ich sende Ihnen heute das Manuskript der beiden Novellen, die unter dem Titel «Verwirrung der Gefühle» in Buchform im Herbst erscheinen werden. Für die deutsche Ausgabe füge ich vielleicht noch eine dritte kleine Novelle bei, ich glaube aber, es wäre besser, wenn in Russland nur diese beide erschienen, deren Umfang ja dem Format eines Ihrer Bücher entspricht.

Ihre freundliche Nachricht, dass die Legende «Die Augen des ewigen Bruders» bereits russisch erschienen ist, war mir sehr interessant, ich will jetzt trachten, selbst ein Exemplar davon mir zu beschaffen,

Mit den besten Empfehlungen Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Lassen Sie mich nun erklärend beifügen: die erste Novelle des neuen Buches erschien in Zeitungsform und hat viel Aufsehen ge-

macht, die zweite konnte nicht gut in einer Revue wegen ihres difficulten Problems publiciert werden, daher sende ich sie im Manuscript. Ich glaube, die beiden bilden einen vollkommenen Einklang und eine dritte soll in der deutschen Ausgabe vielleicht noch eingefügt werden, in diesem Falle sende ich sie Ihnen noch zu.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
20 марта 1926.

Многоуважаемые господа!

Сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо от 13 марта. Высылаю Вам сегодня рукопись двух новелл, которые осенью будут опубликованы одной книгой под названием «Смятение чувств». Я, может быть, включу в немецкое издание еще одну маленькую новеллу;¹ в России же, мне кажется, было бы лучше издать только эти две, тем более что их общий объем отвечает формату, установленному Вами для одной книги.

Спасибо за любезное сообщение о том, что легенда «Глаза извечного брата» уже вышла на русском языке.² Я постараюсь сам достать себе один экземпляр.

С наилучшими пожеланиями весьма Вам преданный

Стефан Цвейг.

Позвольте сделать несколько пояснений: первая новелла моей новой книги была в свое время напечатана в газете³ и обратила на себя внимание читателей; вторую же не удалось опубликовать ни в одном из периодических изданий из-за ее сложной проблематики. Поэтому посылаю ее Вам в рукописи. Я считаю, что обе новеллы образуют завершенное целое. Если в немецкое издание будет включена еще одна, третья, новелла, то я также пришлю ее Вам.⁴

¹ Речь идет о новелле «Закат одного сердца», включенной в первое немецкое издание книги «Смятение чувств» (Zweig S. Verwirrung der Gefühle. Leipzig, 1927).

² Цвейг С. Глаза убитого. Пер. с немецкого Л. Н. Всеволодской. М., «Солнце», 1925.

³ Речь, видимо, идет о новелле «Двадцать четыре часа из жизни женщины». В какой газете эта новелла печаталась до 1927 г., установить не удалось.

⁴ В первое русское издание книги «Смятение чувств» вошли только две новеллы («Двадцать четыре часа из жизни женщины» и «Смятение чувств»). В 3-й том собрания сочинений Цвейга, также озаглавленный «Смятение чувств» (Л., 1927), была включена и третья новелла — «Закат одного сердца».

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
am 10. Mai 1926.

Sehr geehrte Herren!

Vielen Dank für Ihren Brief vom 4. Mai, den ich schon heute erhielt, was ich als gute Vorbedeutung rascherer Verbindung nehme. Selbstverständlich bin ich mit den Bedingungen einverstanden — die deutsche Ausgabe ist erst für den September projektiert und wird kaum früher erscheinen können.

Nun sende ich Ihnen noch etwas anderes von ungedruckten Sachen, nämlich das Manuskript der Theaterausgabe (es wird noch nicht veröffentlicht) einer *Bearbeitung* des «*Volpone*» von *Ben Jonson*, die allerdings *vollkommen frei* ist und mit dem Original nur mehr ganz wenig zu tun hat. Freunde von mir, die es kennen, glauben, dass das Stück (das im nächsten Jahre in Berlin, Wien und andern Städten zur Aufführung kommt) durch sein Thema sich besonders für Russland eignen würde. Vielleicht könnten Sie ein Theater dafür in Leningrad interessieren, ich würde in diesem Falle dann auch gern das Buch bei Ihnen herausgeben lassen.

Das Exemplar der «*Augen des ewigen Bruders*» ist heute noch nicht in meinen Händen, wird aber wohl bald eintreffen und ich danke Ihnen herzlich, dass Sie es mir senden.

Aus Berlin schrieb mir noch eine Dame, die meinen «*Jeremias*» ins Russische übersetzt hat, sie hätte sich vergebens an Sie gewandt. Ich finde heute selbst das Stück zu wortreich und lange und würde es mindestens um ein Viertel kürzen. Aber es hat in Deutschland und Frankreich eine sehr hohe Auflage gehabt und ich glaube, dass es auch in Russland interessieren würde.

Sollten Sie einmal vielleicht dafür Platz haben, so bitte verständigen Sie mich, dass ich der Uebersetzerin in Berlin Mitteilung machen kann.

Mit den besten Empfehlungen Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
10 мая 1926.

Многоуважаемые господа!

Очень Вам благодарен за Ваше письмо от 4 мая. Я получил его уже сегодня и воспринимаю это как доброе предзнаменование: связь между нами становится все более быстрой. Разумеется, я согласен с Вашими условиями — немецкое издание запланировано лишь на сентябрь и вряд ли увидит свет раньше этого срока.

Посылаю Вам сегодня еще кое-что из моих неопубликованных вещей, а именно: «*Вольпоне*» — обработку пьесы *Бен Джонсона*, еще не принятую

к печати (рукопись размножена лишь для пользования в театре).¹ Обработка сделана *совершенно вольно* и имеет мало общего с оригиналом. Мои друзья, знакомые с этой вещью, считают, что пьеса (она уже принята к постановке в Берлине, Вене и других городах) особенно подошла бы для России благодаря своей теме. Может быть, ею заинтересуется какой-нибудь из ленинградских театров? В этом случае я согласен на публикацию книги в Вашем издательстве.

Экземпляр книги «Глаза извечного брата» я пока еще не получил, но не сомневаюсь, что она прибудет на днях, и сердечно благодарю Вас за то, что Вы мне ее послали.

Я получил письмо из Берлина от одной дамы, которая перевела моего «Иеремию» на русский язык.² Она пишет, что тщетно обращалась к Вам. Я теперь сам считаю, что эта пьеса слишком многословна и длинна, и сократил бы ее по меньшей мере на четверть. Тем не менее в Германии и Франции она разошлась очень большим тиражом, и мне кажется, что она могла бы заинтересовать и русских читателей.

Не могли бы Вы при случае использовать эту вещь? Сообщите мне об этом, пожалуйста, с тем, чтобы я мог написать в Берлин переводчице.

С наилучшими пожеланиями, Вам очень преданный

Стефан Цвейг.

¹ *Volpone. Eine lieblose Komödie in drei Akten (nach Ben Jonson frei bearbeitet von Stefan Zweig). Berlin, 1925.* Издание представляет собой рукопись, размноженную в незначительном количестве экземпляров. Первое многотиражное издание — в Потсдаме в 1926 г. Джонсон Б. (1573—1637) — английский поэт и драматург. Его пьеса «Вольпоне, или Лис» (1605) — «комедия нравов», в которой обличаются стяжательство и корыстолюбие.

² Речь идет о переводе следующей книги: *Zweig S. Jeremias. Eine dramatische Dichtung in neun Bildern. Leipzig, 1917.*

4

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
am 8. November 1926.

Sehr geehrte Herren!

Ich bitte Sie um Verzeihung, wenn ich Ihnen erst verspätet antworte. Ich hatte vorgestern im Wiener Burgtheater die Premiere des «*Volpone*», die auf das allerglücklichste ausfiel und auch bei der Presse einhellige Zustimmung fand. Es ist ein rechtes Stück für Schauspieler, bei dem sie alles hergeben können und ich glaube, es würde auch in Russland seinen Erfolg haben. Der Theaterverlag stellt in etwa zehn Tagen die Kritiken zusammen und ich sende sie Ihnen dann zu, vielleicht dass sie verwertet werden können.

Zum zweiten danke ich Ihnen für den richtigen Erhalt des überwiesenen Betrages und die schönen Exemplare von «*Verwirrung der Gefühle*», und nun zum dritten Erfreulichsten, zu der mir so freundlich von Ihnen angebotenen Gesamtausgabe.

Ich würde diese auf das Herzlichste begrüßen und sehe da zunächst folgende Bände vor: die drei umfangreichen Bände der Novellen «*Erstes Erlebnis*», «*Amok*» und «*Verwirrung der Gefühle*» (der letzte Band mit der dritten bei Ihnen noch nicht enthaltenen Novelle), einen vierten Band «*Legenden*» (Die «*Augen des ewigen Bruders*» und zwei andere Legenden, die ich Ihnen im Manuskript schicken würde). Ein fünfter Band kleinerer Novellen, die in Deutschland verstreut sind, kann leicht von mir zusammengestellt werden.

Von Dramatischem wäre mir wichtig einzig der Band «*Jeremias*», von dem, wie ich höre, eine sehr gute Uebersetzung von Frau Woytinsky druckfertig vorliegt, die ich Ihnen jederzeit übermitteln kann. Von Essays die beiden Bände «*Drei Meister*» und «*Der Kampf mit dem Dämon*».

Auch liegen da natürlich noch weitere Möglichkeiten vor, einzelne Essays, wie jener grosse über Masereel, die Desbordes-Valmore, Walther Rathenau, Freud, ein Band also, den man kurz «*Gegenwärtige Gestalten*» nennen könnte. Ausserdem habe ich ja noch die grosse Biografie Romain Rollands, die in Deutschland in 20 000 Exemplaren und in England, ja sogar in Japan erschienen ist.

Es liegt also ganz an Ihnen, wie weit Sie diese Gesamtausgabe dann ausbauen wollen. Ein Porträt kann ich Ihnen natürlich bestellen, würde aber meinen berühmten Freund Frans Masereel bitten, dazu ein eigenes Holzschnitt-Porträt zu fertigen.

Für die Einleitung würde ich Richard *Specht* vorschlagen, der die grossen Biografien über Schnitzler, Werfel, Richard Strauss geschrieben hat und gern einen grösseren Aufsatz über mein Werk verfassen würde.

Was die materiellen Bedingungen betrifft, so würde ich Sie natürlich nicht belasten wollen, da die Bücher ja alle frei sind, und nur in Hinkunft Ihnen wieder alles Wesentliche, was ich schreibe, im Voraus reservieren.

Teilen Sie mir bitte also freundlichst Ihre Ansicht mit, ich würde mich sehr freuen, wenn wir da zu einer restlosen Einigung kämen. Meinerseits besteht keine Erschwerung durch Forderungen oder Einschränkungen.

Ich sende Ihnen heute noch ein Buch von mir («*Der Zwang*»), das Sie nicht kennen dürften, weil es nur in einer kleinen Auflage erschienen ist, das ich während des Krieges schrieb als Revolte gegen die Zeit und den Kriegsdienst, und das Frans Masereel mit Holzschnitten versehen hat. Ich glaube, es gäbe eine hübsche Separatausgabe in Russland mit diesen Holzschnitten, die Sie natürlich mitreproduzieren müssten und die dem Buche einen besonderen Reiz geben. Ich schicke es Ihnen rekommandiert zu und hoffe, dass Sie es richtig erreicht.

Nochmals viele Grüsse von Ihrem aufrichtig ergebene

Stefan Zweig.

Многоуважаемые господа!

Прошу извинить меня за столь запоздалый ответ. Позавчера в Венском Бургтеатре состоялась премьера *«Вольфоне»*, которая прошла чрезвычайно удачно и была единодушно одобрена прессой.¹ Эта вещь — выигрышная для актеров, в ней они могут показать все, на что они способны, и мне кажется, она имела бы успех и в России. Приблизительно через десять дней театр предполагает издать вместе все появившиеся в печати отзывы, и тогда я пришлю их, может быть, они Вам пригодятся.

Во-вторых, благодарю Вас за своевременный перевод гонорара и за прекрасные экземпляры *«Смятения чувств»*. В-третьих же, — и это самое приятное, — благодарю Вас за любезное предложение издать собрание моих сочинений.

Я самым искренним образом приветствую эту идею и предлагаю Вам выпустить для начала следующие тома: три больших тома с новеллами *«Первые переживания»*, *«Амок»* и *«Смятение чувств»* (в последний том войдет третья, не опубликованная у вас новелла), четвертый том — *«Легенды»* («Глаза извечного брата») и две другие легенды, которые я пришлю Вам в рукописи), пятый том — более мелкие новеллы, рассыпанные по разным немецким изданиям (составить этот том мне будет совсем нетрудно).

Что касается драматических произведений, то мне важно, чтобы отдельный том образовал *«Иеремия»*, который, как я слышал, отлично переведен госпожой Войтинской.² Перевод этот закончен, и я могу прислать его Вам в любое время. Два тома займут эссе *«Три мастера»* и *«Борьба с безумием»*.

Есть, разумеется, и некоторые другие возможности. Например, можно составить том отдельных эссе, включив в него большую работу о Мазерееле, эссе, посвященное Деборд-Вальмор, Вальтеру Ратенау, Фрейду, и коротко озаглавить этот том *«Современники»*. Кроме того, я написал большую биографию Ромена Роллана, изданную в Германии тиражом в 20 000 экземпляров,³ в Англии и даже в Японии.

Итак, решать вопрос о том, насколько полным будет это собрание сочинений, предоставляется всецело Вам. Разумеется, я могу прислать Вам свою фотографию, но предпочел бы попросить моего знаменитого друга Франса Мазерееля изготовить для этой цели специальную ксилографию.

В качестве автора вступительной статьи я порекомендовал бы Вам Рихарда Шнехта,⁴ уже издавшего подробные биографии Шницлера, Верффеля и Рихарда Штрауса; он охотно напишет обстоятельное эссе о моем творчестве.

Что касается денежной стороны, то мне, конечно, не хотелось бы обременять Вас, тем более что все упомянутые книги уже напечатаны, а в будущем я по-прежнему намерен предоставлять Вам право первоиздания всех моих главных произведений.

Итак, сообщите мне Ваше мнение; буду очень рад, если мы достигнем обоюдного соглашения. Я, со своей стороны, не собираюсь осложнять дело никакими требованиями или ограничениями.

Сегодня я отправляю Вам свою книжку («Принуждение»), которая Вам, видимо, неизвестна, поскольку она вышла незначительным тиражом. Я написал ее в годы войны как протест против современных событий и военной службы, а Франс Мазереель сделал к ней несколько гравюр.⁵ Считаю, что ее можно было бы выпустить в России изящным отдельным изданием, сохранив, разумеется, иллюстрации, которые придадут ей особенное очарование. Посылаю Вам ее заказной бандеролью и надеюсь, что она дойдет благополучно.

Еще раз желаю Вам всего хорошего,

искренне преданный Вам Стефан Цвейг.

¹ Премьера «Вольпоне» состоялась в Бургтеатре 6 ноября 1926 г.

² Войтинская (урожд. Шадхан) Э. С. — переводчица, жена известного русского экономиста и общественного деятеля В. С. Войтинского (1885—1960).

³ Z w e i g S. Romain Rolland. Der Mann und das Werk. Frankfurt a. M., 1921 (изд. 2-е — 1923, изд. 3-е — 1926, изд. 4-е, 1929).

⁴ Шпехт Р. (1870—1932) — австрийский литератор.

⁵ Имеется в виду издание: Z w e i g S. Der Zwang. Eine Novelle. Leipzig, 1920 (mit 10 Holzschnitten von Frans Masereel).

5

Kapuzinerberg 5
Salzburg
22. November 1926.

Sehr geehrte Herren!

Ich habe noch keine Antwort auf meinen Brief, der drei Tage abgeschickt wurde, ehe ich Ihr Telegramm erhielt. Ich fahre jetzt zu einer Vortragsreise durch Deutschland und zu einer Premiere des «Volpone» am Dresdner Staatstheater. In Berlin spielt es die *Volksbühne*, das grosse populäre Theater mit radikaler Tendenz und *Piscator*, der ja auch in Russland bekannte Regisseur wird die Regie führen. Hoffentlich gelingt auch eine russische Aufführung.

Ich wurde inzwischen durch einen Brief von Maxim Gorki erfreut, der mir nicht nur wundervolle Dinge über mein Buch sagte, sondern mich auch darauf hinwies, dass die Uebersetzung eine äusserst gute sei. Dafür danke ich Ihnen nun besonders.

Mit den herzlichsten Grüssen und Empfehlungen

Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
22 ноября 1926.

Многоуважаемые господа!

Пока еще я не получил ответа на мое письмо, отправленное за три дня до того как пришла от Вас телеграмма. Я уезжаю сейчас в Германию, чтобы выступить в нескольких местах и присутствовать на премьере «Вольфоне» в Дрезденском государственном театре. В Берлине эту вещь собирается играть «Фольксбюне» — большой народный театр крайнего направления,¹ ставить же ее будет Пискатор,² режиссер, известный, по-видимому, и в России. Надо надеяться, что и постановка в России со временем тоже осуществится.

Я только что получил письмо от Горького, которое меня порадовало. Он написал мне чудесные слова о моей книге и, кроме того, подчеркнул, что перевод чрезвычайно хорош.³ За это особенно благодарю Вас.

С самыми сердечными пожеланиями и приветствиями

очень преданный Вам

Стефан Цвейг.

¹ «Фольксбюне» — (нем. Volksbühne — народная сцена) — театральное объединение, основанное в Берлине в 1890 г. Театр «Фольксбюне» в Берлине выделялся в середине 1920-х годов своей революционной направленностью и ориентацией на массового зрителя.

² Пискатор Э. (1893—1966) — известный немецкий режиссер, один из создателей «политического театра». В 1924—1927 гг. — режиссер берлинского театра «Фольксбюне».

³ Имеется в виду письмо М. Горького к Цвейгу от 9 ноября 1926 г. из Сорренто (Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, с. 22—23).

6

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
15. Dezember 1926.

Sehr geehrte Herren!

Ich komme eben von der Vortragsreise zurück und finde Ihren ausführlichen Brief, den ich nun in's Einzelne gehend beantworte.

Ich finde die Einteilung, wie Sie sie vornehmen wollen, durchaus zweckmässig, dass Sie zuerst die drei Bände «Erstes Erlebnis», «Amok» und «Verwirrung der Gefühle», dann *als 4. Band* die kleineren Novellen bringen wollen, für den ich Ihnen eine noch beilege, die bei uns oft abgedruckt worden ist. Der *5. Band* «Legenden» wird ja inzwischen auch vollkommen fertig sein: er müsste umfassen: «Die Augen des ewigen Bruders» und zwei neue

Legenden, die ich Ihnen baldigst zusende. Ich bin überzeugt, dass dies einen sehr schönen Zusammenhalt ergibt.

Dazu gehörten nun freilich auch die essayistischen Bände, vor allem das Buch über Romain Rolland, «die drei Meister», oder «Kampf mit dem Dämon» und das Drama «Jeremias», von dem ja eine Uebersetzung von Emma Woitinski im Manuskript existiert, die ausserordentlich sein soll und die ich Ihnen jederzeit übermitteln lassen kann. Aber ich verstehe, wenn Sie zuerst nur die erzählerischen Werke bringen würden um des Absatzes willen — obzwar ich überzeugt bin, dass gerade ein Buch wie «Der Kampf mit dem Dämon» in Russland besonderen Erfolg hätte — es hat ihn ja auch in Deutschland gehabt, wo jeder der beiden Bände 20 000 Exemplare verkauft hat, was im Verhältnis eigentlich mehr ist als die doppelten Auflagen der Novellenbände. Ich schicke Ihnen jedenfalls diese beiden Bücher morgen zu.

Für den Band «Verwirrung der Gefühle» hätte ich natürlich gerne, dass Sie auch die dritte Novelle, die in der Original-Ausgabe enthalten ist, einschalten.

Wegen des zusammenfassenden Essays von Richard Specht will ich mich sofort an ihn wenden und möchte nur bitten, da ich mir den Essay doch in einem Umfange von etwa 30 bis 40 Seiten denke, ein Honorar von 150 Dollar für ihn bewilligen zu wollen, was mir nicht viel erscheint, da ich persönlich ja *keine* Ansprüche erhebe und auch das Original von Masereel Ihnen beistelle. Ich schreibe auch gerne dann selbst ein Vorwort für die russische Gesamtausgabe ohne jeden weiteren Honoraranspruch. Mir ist es nur wichtig, dass Richard Specht, der sich grosse Mühe nimmt, entsprechend entschädigt wird.

Selbstverständlich wäre es mir nur eine höchste Ehre, wenn Maxim Gorki einige einleitende Worte schreibt. Ich wage natürlich nicht, selbst ihn darum zu bitten, weil ihm vielleicht eine solche Ablehnung peinlich sein könnte, während sie Ihnen gegenüber leichter möglich ist.

Was nun den «Volpone» betrifft, freue ich mich, Ihnen mitteilen zu können, dass der Erfolg auch in Dresden ein ausserordentlicher war. Nächste Woche ist die Aufführung an der Volksbühne, dem grossen sozialistischen Theater Berlins, das 200 000 Mitglieder hat, so dass auf fünfzig Aufführungen mit Sicherheit gerechnet werden kann. Auch ist das Stück nach dem grossen Erflog bereits in den meisten grossen Städten Deutschlands zur Aufführung angenommen. Ich freue mich natürlich besonders auf eine russische Aufführung und möchte nur bitten, erstens den Herren die ersten Kritiken zu übergeben, die ich hier beilege, und zweitens ihnen zu sagen, dass rein regiemässig inzwischen an allen Theatern der Schluss geändert wurde und eine Art phantastischer Tanz um die goldene Truhe mit Masken und Fackeln und Lichtern das Stück symbolisch beendet. Sobald die Berliner Aufführung da ist, schicke ich dann auch noch Fotografien und weitere Kritiken. Natürlich wäre es mir das liebste,

könnte ich der Aufführung am akademischen Staatstheater selbst beiwohnen.

Selbstverständlich übersende ich Ihnen alles, was ich an neuen Arbeiten habe, anbei, wie gesagt, eine der kleineren Novellen — die andere, «Episode vom Genfersee» habe ich Ihnen ja jüngst schon übersendet.

Mit den herzlichsten Grüßen

Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Ich hoffe, den Holzschnitt Masereels in 10 Tagen zu haben und sende dann auch die Photographie.

Die Premiere des *Volpone* in *Berlin* ist am 23. Dezember (Mittwoch). Vielleicht sagen Sie den Herren vom Akademietheater, sie möchten an einen Vertrauensmann nach Berlin telegraphieren und sich über den Bühneneindruck berichten lassen.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
15 декабря 1926.

Многоуважаемые господа!

Я уезжал выступать, а возвратившись, нашел Ваше подробное письмо, на которое и отвечаю теперь вплоть до мельчайших подробностей.

Намеченное Вами распределение материала представляется мне весьма целесообразным: сначала пойдут первые три тома («Первые переживания», «Амок» и «Смятение чувств»), затем, согласно Вашему плану, 4-й том небольших новелл, к которому я добавлю еще одну новеллу, уже неоднократно издававшуюся у нас. 5-й том («*Легенды*») также будет за это время полностью завершен; в него должны войти «Глаза извечного брата» и две новые легенды, которые я пришлю Вам в ближайшее время. Таким образом, я уверен, будут достигнуты стройность и единство.

За ними должны, конечно, последовать тома, включающие в себя эссе, прежде всего — книгу о Ромене Роллане, «Трех мастеров», «Борьбу с безумием» и драму «Иеремия», существующую в рукописном переводе Эммы Войтинской, который, как говорят, исключительно хорош и который я в любое время могу попросить для Вас. Я понимаю, что Вы сперва — в целях сбыта — собираетесь издать лишь беллетристику, но в то же время я убежден, что такая книга, как например «Борьба с безумием», имела бы в России особенный успех, которым она, впрочем, пользовалась и в Германии, где каждый из обоих томов разошелся тиражом в 20 000 экземпляров, — это, в сущности, выше, чем двойные тиражи томов, включающих новеллы. На всякий случай я завтра же отправлю Вам обе эти книги.

Что касается тома со «Смятением чувств», то мне очень хотелось бы, чтобы в него была включена и третья новелла, которая содержится в немецком издании.¹

zweitens Ihnen zu sagen, dass rein regiemässig inzwischen an allen Theatern der Schluss geändert wurde und eine Art phantastischer Tanz um die goldene Truhe mit Masken und Fackeln und Lichtern das Stück symbolisch beendet. Sobald die Berliner Aufführung da ist, schicke ich dann auch noch Fotografien und weitere Kritiken. Natürlich wäre es mir das liebste, könnte ich der Aufführung am akademischen Staatstheater selbst beiwohnen.

Selbstverständlich übersende ich Ihnen alles, was ich an neuen Arbeiten habe, anbei, wie gesagt, eine der kleineren Novellen - die andere, "Episode von Senforce" habe ich Ihnen ja längst schon übersendet.

Mit den herzlichsten Grüessen

Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig

*Ich hoffe dem Holzdruck hierarchisch in 10 Tagen zu folgen
und heute kann auch eine Photographie*

*Die Premiere des Holzschnitts in Berlin ist am
23. Dezember (Mittwoch) Nächstes liegen die Herren
vom Akademietheater, die möchten an einen bestmöglichen
nach Berlin telegraphieren und sich über den Briefdruck
berichten lassen.*

Письмо С. Цвейга в издательство «Время». 15 декабря 1926 г.

Относительно статьи общего характера я немедленно обращаюсь к Рихарду Шпехту, хотел бы только просить Вас — поскольку его эссе будет насчитывать приблизительно 30—40 страниц — определить ему гонорар в 150 долларов. Эта сумма не кажется мне чрезмерной, ведь я сам ни на что не претендую и сверх того предоставляю в Ваше распоряжение работу Мазерееля в оригинале. Я охотно напишу также предисловие к русскому изданию моих сочинений — опять-таки безвозмездно. Мне важно лишь, чтобы Рихард Шпехт, которому придется затратить немало сил, был бы достойным образом вознагражден.

Я сочту, разумеется, величайшей честью, если Максим *Горький* напишет несколько слов, открывающих издание. Сам я, конечно, не рискну просить его об этом; я считаю, что ему будет крайне неловко ответить мне отказом, в то время как по отношению к Вам он сможет это сделать гораздо легче.

Что касается «Вольпоне», то я рад сообщить Вам, что в Дрездене пьеса имела необыкновенный успех. На следующей неделе ее будут играть в «Фольксбюне» в большом социалистическом театре Берлина, который посещает 200 000 человек, и поэтому можно с уверенностью предсказать, что пьеса пройдет в нем не менее пятидесяти раз. Немалый успех первых спектаклей привел к тому, что пьеса принята к постановке в крупнейших городах Германии. Но меня, конечно, особенно радует, что ее будут ставить в России; я прошу Вас, во-первых, передать постановщикам первые печатные отзывы, прилагаемые к этому письму, а, во-вторых, сообщить им, что концовка пьесы во всех театрах подверглась изменению — исключительно из соображений режиссуры. «Вольпоне» имеет теперь символический финал — некий фантастический танец вокруг золотого ларца, исполняемый в масках при свете факелов. Как только пройдет берлинская премьера, я вышлю Вам фотографии и новые рецензии. Разумеется, мне больше всего хотелось бы самому присутствовать на спектакле Государственного академического театра.²

Я, бесспорно, буду присылать Вам свои новые работы. Сегодня же прилагаю, как уже сказано, одну из своих небольших новелл, другую же — «Случай на Женевском озере» — я уже недавно отправил Вам.

С самым сердечным приветом

Вам очень преданный

Стефан Цвейг.

Надеюсь, что дней через десять я получу от Мазерееля клише и тогда же вышлю Вам фотографию.

Премьера «Вольпоне» в Берлине назначена на 23 декабря (в среду). Не сообщите ли Вы об этом в Академический театр; может быть, они свяжутся по телеграфу с каким-либо доверенным лицом, чтобы получить информацию о том впечатлении, которое пьеса произведет на зрителей.

¹ Т. е. новелла «Закат одного сердца» (см. примеч. 4 к письму 2).

² Постановка «Вольпоне» в Ленинградском государственном академическом театре драмы (с 1937 г. — им. А. С. Пушкина) не состоялась.

Salzburg
Kapuzinerberg 5.
30. Dezember 1926.

Sehr geehrte Herren!

Ich beantworte umgehend Ihren freundlichen Brief und erledige sachlich Punkt auf Punkt. Ich sende also heute

- 1) das Vorwort,
- 2) eine Fotografie,
- 3) Masereels Zeichnung,
- 4) die «Episode vom Genfersee», die mir ganz besonders wichtig ist, weil sie die einzige ist, in der ein Russe bisher in meinen Werken auftritt. Ich hätte sie eigentlich sogar gerne an der Spitze jenes Bandes.

5) den Text der Bescheinigung.

Ferner lasse ich Ihnen noch die gewünschten Bücher zugehen: «Erstes Erlebnis», «Amok», «Die Augen des ewigen Bruders». Die Augen des ewigen Bruders sind selbstverständlich bestimmt für den Band der Legenden, den ich bis Sommer vollkommen fertig zu haben hoffe.

Die Adresse des Herrn Richard *Specht* ist: *Wien* Döbling, Kreindlgasse 8. Ich möchte Sie auch herzlichst bitten, ihm möglichst bald das Honorar von Dollar 150. — zukommen zu lassen.

Die Adresse *Frans Masereels* ist: *Paris* 32, Rue Lamarck. Ich mache Sie übrigens als Verleger auf die herrliche Buchillustration Masereels zu Costers Uilenspiegel aufmerksam sowie auf seine Bildromane, die alle bei Kurt Wolff erschienen sind. Er ist für mein Gefühl der herrlichste unter den lebenden Zeichnern und, wie ich höre, ja in Russland auch sehr bekannt.

Sie können sich denken, wie sehr es mich freut und ehrt, von der Einbegleitung Maxim *Gorkis* zu hören. Vielleicht sind Sie so freundlich, mir einen Durchschlag von der Einleitung schicken zu lassen, auch russisch, ich habe hier schon jemanden, der es mir übersetzt.

Nun noch vielen Dank für alles und die besten Empfehlungen

Ihres sehr ergebenen

Stefan Zweig.

Der Aufsatz von Richard Specht kommt noch *Mitte*, spätestens *Ende* Januar.

Зальбург, Капуцинерберг 5.
30 декабря 1926.

Многоуважаемые господа!

Спешу поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо и отвечаю по пунктам. Итак, сегодня я высылаю Вам

- 1) предисловие,
- 2) фотографию,
- 3) рисунок Мазерееля,
- 4) «Случай на Женевском озере». Эта новелла особенно важна для меня, потому что в ней — впервые в моем творчестве — появляется русский человек. Честно говоря, я с удовольствием поместил бы ее в самом начале этого тома.

- 5) Текст расписки.

В скором времени я отправлю Вам и другие нужные книги: «Первые переживания», «Амок», «Глаза извечного брата». Последняя вещь предназначена, разумеется, для тома легенд, который я надеюсь окончательно завершить к лету.

Адрес господина Рихарда Шпехта: Вена, Дёблинг, Крайндльгассе 8. Хочу обратиться к Вам с убедительной просьбой: выслать ему как можно скорее гонорар в размере 150 долларов.

Адрес Франца Мазерееля: Париж, улица Ламарк 32. Хочу попутно обратить внимание Вашего издательства на превосходные иллюстрации к «Уленшпигелю» Костера, а также на его романы в картинках, которые полностью издал Курт Вольф.¹ Он, по моему убеждению, самый сильный среди ныне живущих граффиков. Насколько я знаю, он очень популярен и в России.

Вы, конечно, понимаете, как меня порадовало известие о том, что вступление напишет Максим Горький. Это для меня большая честь. Не будете ли Вы столь любезны прислать мне машинописную копию, пусть даже на русском языке, здесь есть человек, который сделает для меня перевод.

Еще раз примите благодарность и наилучшие пожелания

от очень преданного Вам

Стефана Цвейга.

Статью Рихарда Шпехта Вы получите в середине, самое позднее в конце января.

¹ Вольф К. — мюнхенский книгоиздатель, выпустивший в 1925—1927 гг. «Мой часослов», «Страсть человека» и другие «романы в картинках» Ф. Мазерееля.

Salzburg
Kapuzinerberg 5.
29. April 1927.

Sehr geehrte Herren!

Ich erhielt eben die Exemplare der russischen Ausgabe und danke Ihnen auf das Herzlichste dafür. Sie sieht wunderschön aus und ich kann meine Freude daran kaum bezähmen. Seien Sie gewiss, dass ich jede Gelegenheit benützen werde, mich Ihnen dafür erkenntlich zu zeigen, und dass ich Ihnen selbstverständlich alles reserviere, was von meinen Büchern vorliegt.

Ich sandte Ihnen jüngst eine Legende und auch die kleineren Arbeiten für den Band, habe aber inzwischen sowohl jenen Aufsatz über Grouchy umgearbeitet und besser gemacht, ausserdem jene Legende stark gekürzt, und sende Ihnen beide gleichzeitig zu. Ich hoffe, bald auch eine grössere Novelle fertig zu haben, die ich Ihnen gleichfalls noch schicke.

Meine eigentliche Arbeit gilt zur Zeit einer grossen Studie über Tolstoi, die über hundert Druckseiten umfassen wird und versucht, dem Problem psychologisch näherzukommen. Es gibt unendlich viel Bücher über Tolstoi und andererseits doch wieder wenige, die ihm entschlossen nähertreten. Hoffentlich gelingt mir diese Arbeit, der ich mich mit aller Energie hingebe.

Was meine Bearbeitung des «Volpone» betrifft, so habe ich aus Russland darüber noch nichts gehört. Er kommt in den nächsten Wochen am tschechischen Nationaltheater in Prag und in New York am Guild-Theater, ebenso in Italien und in Frankreich. Bisher hat sich das kleine Stück überall bewährt und ich hoffe, es wird auch schliesslich in Russland in Erscheinung treten.

Ich schreibe Ihnen dies rasch und in erster Freude. Haben Sie nochmals Dank, aufrichtigen Dank von

Ihrem ergebenen

Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
29 апреля 1927.

Многоуважаемые господа!

Самым сердечным образом благодарю Вас за экземпляры русского издания, которые я только что получил. Оно прекрасно выглядит, и я не в силах сдержать своей радости по этому поводу. Не сомневайтесь, что при первой же возможности я постараюсь доказать Вам мою признательность;

само собой разумеется, я сохраняю за Вами издательское право на все мои книги.

Недавно я послал Вам легенду и несколько более мелких работ. Однако за истекшее время *я переделал и улучшил статью о Груши¹, а кроме того, значительно сократил и легенду.* Высылаю их Вам одновременно с этим письмом. Надеюсь, что *скоро я закончу еще одну новеллу большего объема, которую я Вам тогда тоже отправлю.*

В настоящее время я вплотную занят *большой работой о Толстом, которая будет насчитывать свыше ста страниц печатного текста.* Я сделал попытку разобраться *в проблеме, взглянув на нее с психологической точки зрения.* Существует уже огромное количество книг о Толстом, но, с другой стороны, мало таких, которые помогают понять по существу этого писателя. Надеюсь, что моя работа, которой я отдаюсь со всей энергией, окажется удачной.

Что касается моей обработки *«Вольфоне»,* то из России я не имею никаких вестей. В ближайшие недели пьеса пойдет в Пражском национальном театре и в Нью-Йоркском театре «Гилд», а кроме того — в Италии и Франции. До настоящего времени этот водевиль всюду себя оправдывал, и я надеюсь, что в конце концов он появится и на русской сцене.

Пишу Вам все это наспех, в порыве первой радости. *Примите еще раз благодарность, искреннюю благодарность от*

преданного Вам

Стефана Цвейга.

¹ Груши Э. (1766—1847) — французский маршал. Речь идет об одной из исторических миниатюр Цвейга — «Невозвратимое мгновение. (Ватерлоо, 18 июня 1815 г.)»; вошла в 5-й том собрания сочинений Цвейга, озаглавленный «Роковые мгновения».

9

Salzburg
Kapuzinerberg 5.
11. Mai 1927.

Sehr verehrte Herren!

Darf ich Sie um kleine Gefälligkeit bitten? Ich weiss die Adresse von *Paul Birukoff*, dem Biographen Tolstois, nicht und wäre Ihnen sehr verpflichtet, wollten Sie ihm ehebaldist den beiliegenden Brief übermitteln.

Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
11 мая 1927.

Многоуважаемые господа!

Хочу попросить Вас о небольшом одолжении. Я не знаю адреса *Павла Бирюкова*, биографа Толстого,¹ и был бы Вам очень признателен, если бы Вы переслали ему как можно скорее прилагаемое письмо.

Весьма Вам преданный

Стефан Цвейг.²

¹ Бирюков Павел Иванович (1860—1931) — писатель, общественный деятель, биограф Л. Н. Толстого.

² В своем ответном письме от 24 мая 1927 г. издательство уведомило Цвейга о том, что его просьба выполнена (ИРЛИ, ф. 42, № 185, л. 28).

10

Salzburg
Kapuzinerberg 5.
26. Sept<ember> 1927.

Sehr geehrte Herren!

Ich danke Ihnen vielmals für Ihren guten Brief und schreibe Ihnen sofort. Jene Novelle «Leporella», die ich Ihnen sandte, haben Sie hoffentlich erhalten. Die neue grössere ist leider noch lange nicht fertig, weil ich ganz in meiner Tolstoi-Arbeit aufgegangen bin. Zwischendurch hat sich aus dieser Arbeit etwas Merkwürdiges entwickelt: ich habe nämlich ein einaktiges Stück über Tolstoi geschrieben, eine Art fünften Akt oder Epilog zum unvollendeten Drama «Das Licht scheint in der Finsternis», der den Titel führt «*Die Flucht zu Gott*». Das kleine Stück ist in acht Tagen ausgedruckt und ich schicke Ihnen sofort einige Exemplare zu. Es wird wohl zum 100. Geburtstage Tolstois gemeinsam mit «Das Licht scheint in der Finsternis» gleichsam als Festspiel gespielt werden. Ich bin sehr neugierig, was Sie davon denken, ich übermittle es Ihnen jedesfalls in den nächsten Tagen.

Ich freue mich sehr, auch zu hören, dass eine zweite Auflage der ersten Bände bereits erscheint. Für den vierten dachte ich den Umfang durch «Leporella» vollkommen ergänzt; die grosse Arbeit wird wohl noch drei, vier Monate auf sich warten lassen, aber ich hoffe, das Manuskript des Tolstoi-Essays noch im Oktober abzuschliessen und schicke Ihnen auch davon einen Abzug zu.

«Volpone» ist jetzt über alle deutschen Bühnen gegangen, wurde in ausländischen Sprachen schon gespielt in Budapest, Warschau, Prag und kommt als zweitnächste Premiere in einer Uebersetzung

von Jules Romains in Paris im Theatre des Champs Elysées, in New York im Theatre Guild, in Italien u. s. w. Ich bin sicher, dass es in Russland deshalb nicht minder seine heitere Wirkung üben wird.

Ein Exemplar meines Buches über die Desbordes-Valmore habe ich Ihnen direkt gesandt, ein kleines Aufsatz-Essaybuch lasse ich Ihnen direkt durch den Insel-Verlag zuschicken.

Und nun allerherzlichsten Dank

Ihres immer ergebenen

Stefan Zweig.

Nachtrag: Das Allerwichtigste natürlich zuletzt. Ich bin so viel wie fest entschlossen, im Februar oder März nach Russland zu kommen und zwar auf einen Monat und ohne jede andere Absicht, als endlich einmal das Land kennen zu lernen. In Petersburg darf ich wohl da gewiss auf Ihre freundliche Führung rechnen; in Moskau habe ich manche Freunde. Ich zweifle nicht, dass ich Einreise u. s. w. leicht erlangen werde, da ich politisch in keiner Weise hervortreten will und auch nicht die Frechheit habe, nach vier Wochen Aufenthalt gleich ein Buch über Russland zu schreiben. Aber ich halte es für notwendig, dass jeder geistige Mensch, der unsere Gegenwart und Zukunft wissen will, einmal persönlich nach Russland kommt. Wie sehr ich Russland liebe, hoffe ich auch neuerdings durch die grosse Arbeit über Tolstoi zu bekunden. Ich hoffe auch sehr, dass Sie mir dann verhelfen werden, einige der Künstler persönlich kennen zu lernen.

Und nun fällt mir noch ein Zweites ein: ich habe schon an den Malik-Verlag geschrieben, ob wir nicht irgendeine gemeinsame Manifestation in Deutschland zum 60. *Geburtstage Gorkis* veranstalten könnten, und die Herren sind im Prinzip sehr geneigt. Falls aber Sie (so wie wir es für Rolland getan haben) ein *internationales* Buch^a der Ehrung für Gorki zusammenstellen könnten, so wären Rolland, Duhamel, wir alle in Deutschland sicher freudigst mit am Werke.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
26 сентября 1927.

Многоуважаемые господа!

Глубоко благодарен Вам за Ваше любезное письмо, на которое немедленно отвечаю. Я отправил Вам новеллу «Лепорелла» — надеюсь, Вы ее уже получили. Моя новая новелла, бóльшая по размеру, будет, к сожалению, еще не скоро готова, ибо я с головой ушел сейчас в работу о Толстом.

^a in Ihrem Verlag.

Итог ее пока что весьма необычный: у меня получилась одноактная пьеса о Толстом, своего рода пятый акт или эпилог к его незавершенной драме «И свет во тьме светит». Я назвал ее «Бегство к Богу». Через восемь дней это небольшое сочинение выйдет из печати, и я немедленно пришлю Вам несколько экземпляров.¹ Полагаю, что эту пьесу будут играть у нас на юбилейных торжествах к столетию со дня рождения Толстого одновременно с его драмой «И свет во тьме светит».² Мне очень интересно знать Ваше мнение о ней, обязательно вышлю ее Вам в ближайшие дни.

Очень радует меня также известие о том, что первые тома выходят вторым изданием.³ Состав четвертого тома я предполагал значительно расширить, введя в него «Лепореллу». Окончания моей большой работы придется ждать еще, видимо, три-четыре месяца; что же касается моего эссе о Толстом, то я надеюсь закончить его еще в октябре. Я сразу же пришлю Вам копию рукописи.

«Вольпоне» обошел все немецкие сцены, переведен на иностранные языки и поставлен уже в Будапеште, Варшаве и Праге. Во Франции он объявлен второй ближайшей премьерой в театре на Елисейских полях (перевод сделал Жюль Ромэн⁴), в Нью-Йорке его ставит театр «Гилд», пьеса пойдет в Италии и т. д. Я убежден, что и в России этот водевиль пользовался бы не меньшим успехом.

Экземпляр моей книги о Деборд-Вальмор я уже послал Вам, а небольшая книжка, в которой собраны мои статьи и эссе, будет отправлена Вам непосредственно из издательства «Инзель».⁵

С самой сердечной благодарностью

неизменно преданный Вам

Стефан Цвейг.

Приписка: Самое существенное, разумеется, упустил. Я почти полностью уверен, что в феврале или марте приеду в Россию приблизительно на месяц, причем с единственной целью: узнать Вашу страну. В Петербурге, конечно, рассчитываю на дружеское внимание с Вашей стороны; в Москве у меня уже есть кое-какие знакомства. Я не сомневаюсь, что без труда получу въездную визу и т. п., так как не собираюсь делать никаких политических выступлений и, кроме того, не настолько самоуверен, чтобы, побыв четыре недели в России, тут же писать о ней целую книгу. Мне представляется, однако, совершенно необходимым, чтобы любой человек, живущий духовной жизнью и желающий знать о нашем настоящем и будущем, хотя бы раз побывал в России. Надеюсь, что своей последней большой работой о Толстом я доказал, как сильно люблю Россию. Очень надеюсь также, что благодаря Вам я смогу лично познакомиться с кем-нибудь из художников.

И второе, что занимает мои мысли: я уже написал руководителям издательства «Малик» о том, что нам в Германии следовало бы тем или иным образом сообща отметить 60-летие со дня рождения Горького, и они в принципе изъявили согласие. Однако если бы Вы сумели (как мы это сделали в честь Роллана⁶) издать *международный* сборник, посвященный

^а в вашем издательстве (приписка рукой Цвейга, — К. А.).

Горькому, то и Роллан, и Дюамель,⁷ и все мы, немецкие писатели, охотно приняли бы в нем участие.⁸

¹ Речь идет об издании: Zweig S. Die Flucht zu Gott. Berlin, 1927.

² Премьера состоялась в г. Киле, в Объединенном городском театре, 5 сентября 1928 г.

³ В 1928—1929 гг. шесть первых томов «Собрания сочинений» вышли в издательстве «Время» вторым изданием.

⁴ Ромен Ж. (псевдоним; настоящее имя — Луи Фаригуль, 1885—1970) — французский писатель.

⁵ Имеется в виду издание: Zweig S. Flüchtiger Spiegelblick. Leipzig, 1927.

⁶ Имеется в виду книга, изданная в Лейпциге в 1926 г. под латинским названием «Liber amicorum Romain Rolland... Hunc librum curaverunt edendum Maxim Gorki, Georges Duhamel, Stefan Zweig» («Книга друзей Романа Роллана... Эту книгу подготовили к печати Максим Горький, Жорж Дюамель, Стефан Цвейг»).

⁷ Дюамель Ж. (1884—1966) — французский писатель.

⁸ Международный сборник в честь Горького издать не удалось. Вместо него по инициативе Цвейга был составлен «адрес от писателей, представителей искусства», отправленный Горькому ко дню его рождения (см. письмо С. Цвейга к Горькому от 22 марта 1928 г.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, с. 27).

11

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
31. Januar 1928.

Sehr geehrte Herren!

Ich schicke Ihnen jedesfalls noch in der ersten und arg durchkorrigierten Form den grossen Essay über *Tolstoi*; Sie bekommen dann bald noch die zweite Korrektur. Hoffentlich interessiert Sie die Arbeit, die allerdings an einigen Stellen gegen die Philosophie Tolstois ausfällig wird (ich halte Tolstoi für einen grossartigen Geist, aber für einen recht schlechten und eigenwilligen philosophischen Denker). In Deutschland sind bisher einige Teile erschienen und haben glaube ich, viel Zustimmung geweckt.

Persönlich wird Sie interessieren, dass ein kleiner Kreis bei uns für Gorkis 60. Geburtstag eine Manifestation der Dichter Deutschlands und des europäischen Auslandes plant: auf je einem Blatt wird ihm jeder einen Gruss schreiben und das ganze ihm zum 60. Geburtstag überreicht werden. Ich selbst werde im Piscator-Theater in Berlin und im Radio Berlin am 25. März die Festrede halten, so dass Sie sogar meine Stimme bis nach Leningrad hinüberhören können.

Ich bin sehr glücklich, mein grosses Essaybuch endlich abzuschliessen (Casanova und Stendhal schicke ich Ihnen auch noch rechtzeitig) und nun endlich wieder zur dichterischen Arbeit

zurückzukehren. Ich habe in Plänen und halbfertig zwei, drei Bücher und es wird dann rasch vorwärtsgehen.

Mit den besten Grüßen

Ihr Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
31 января 1928.

Многоуважаемые господа!

Псылаю Вам свое большое эссе о *Толстом*, первый и еще недостаточно отредактированный вариант; вскоре Вы получите и вторую правку. Надеюсь, Вас заинтересует эта работа, которая, правда, во многих местах содержит выпады против Толстого-философа (я считаю Толстого выдающимся духовным явлением, но довольно слабым и своенравным мыслителем). В Германии опубликованы пока лишь отдельные части этой работы, вызвавшие, как я считаю, немало одобрительных откликов.

Вас должен лично заинтересовать тот факт, что у нас образовался небольшой кружок немецких и других европейских писателей, предполагающих отметить 60-летие со дня рождения Горького. Каждый напишет свое приветствие на отдельном листе, и все это вместе будет передано ему в дни юбилея. Я же выступлю с приветственной речью в театре Пискатора в Берлине и по берлинскому радио 25 марта, так что мой голос будет слышен даже у Вас в Ленинграде.¹

Я счастлив тем, что завершил, наконец, большую книгу, состоящую из разных эссе (Казанову и Стендаля я еще пришлю Вам со временем²), и вновь могу теперь вернуться к моим беллетристическим замыслам. У меня уже обдуманы и наполовину готовы две-три книги, поэтому дело будет продвигаться быстро.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Стефан Цвейг.

¹ Речь Цвейга «К 60-летию Максима Горького» («Rede zu Ehren Maxim Gorkis») была впервые опубликована в венской газете «Neue Freie Presse» 25 марта 1928 г. и впоследствии вошла в его книгу «Встречи с людьми, книгами, городами» (Zweig S. Begegnungen mit Menschen, Büchern, Städten. Wien—Leipzig—Zürich, 1937, S. 101—110). На русском языке опубликована в кн.: Цвейг С. Собр. соч. в 7-ми т., т. 7. М., 1963.

² Цвейг имеет в виду книгу «Три певца своей жизни» («Drei Dichter ihres Lebens»), в которую вошли его эссе о Казанове, Стендале и Толстом (первое немецкое издание — в 1928 г.). На русском языке книга вышла в 1929 г. (6-й том «Собрания сочинений») с посвящением М. Горькому.

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
am 1. September 1928.

Sehr geehrte Herren!

Es ist äusserst wahrscheinlich, dass ich die freundliche Einladung zur Tolstoifeier in Moskau annehmen kann und zwischen dem 10. und 17. September in Moskau sein werde, wo ich mich sehr freuen würde, entweder Sie selbst, oder einen Ihrer Herren zu begrüssen.

Mit den besten Empfehlungen Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
1 сентября 1928.

Многоуважаемые господа!

Вполне вероятно, что я смогу принять любезное приглашение из Москвы и приеду на толстовские торжества. Я буду в Москве между 10-м и 17-м сентября и с радостью познакомился бы с Вами или с одним из Ваших представителей.

С наилучшими пожеланиями очень Вам преданный

Стефан Цвейг.

Salzburg
Kapuzinerberg 5.
1. Dezember 1928.

Lieber Herr Wolfsohn!

Vielen Dank für Ihren lieben Brief! Ich komme gerade von Paris, wo «*Volpone*» ein äusserst deutlicher, ja sogar gigantischer Erfolg wurde. Es ist mir eigentlich nicht verständlich, dass gerade dieses Stück, das über die Welt geht und wenn Sie wollen, doch auch eigentlich antikapitalistisch gefärbt ist, in Russland noch nicht gespielt wurde und statt dessen das kleine nichtige Lustspiel, das ich anonym mit einem Freunde gemeinsam in sechs Tagen hinschrieb und auf das ich gar kein Gewicht lege.

Ich freue mich sehr, dass jetzt eine *neue Ausgabe* kommt, und bitte Sie sehr, mir dann Exemplare zuzusenden. Das alte *Bild* kann ja schliesslich bleiben, denn ein neues habe ich nicht zur Hand. Sollte noch eine gute Fotografie nächster Tage gemacht werden, so schicke ich sie Ihnen dann zu.

Wegen des *Vorworts zu Rolland* kann ich Ihnen heute noch nichts Rechtes sagen. Wenn ich in den nächsten Tagen dazukomme, so schreibe ich es noch, aber vielleicht wäre es einfacher, dass Sie mein ganzes Buch über ihn, das ja im Staatsverlag erschienen ist, einfach gleich übernehmen? Ich würde es inzwischen bis auf die neuste Produktion hin ergänzen.

Nehmen Sie dies noch nicht als einen rechten Brief. Ich komme gerade aus Paris und schreibe Ihnen nächstens noch ausführlicher. Ich verhandle übrigens mit einem englischen Konzern wegen einer Aufsatzreihe, die ich *über Russland* schreiben möchte, wenn ich noch einmal hinginge. Ich möchte nämlich die Wolgagegend sehen, den Kaukasus und Georgien, denn ich fühle, dass diese erste Reise nur ein Vorspiel zu wirklich genauerer und gründlicher Kenntniss war.

Mit vielen an Grüßen an Sie und Ihre verehrten Kollegen

Ihr Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
1 декабря 1928.

Дорогой господин Вольфсон!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо! Я только что приехал из Парижа, где *«Вольпоне»* имел весьма ощутимый и даже грандиозный успех. Собственно говоря, мне не совсем ясно, почему именно эта пьеса, которая идет во всем мире и, кроме того, если хотите, имеет антикапиталистическую окраску, не поставлена до сих пор в России,¹ а вместо нее играют маленькую ничтожную комедию, написанную мной анонимно вместе с приятелем за шесть дней, — вещь, которой я не придаю равным счетом никакого значения.²

Меня очень радует, что будет *еще одно издание*.³ Прошу Вас прислать мне несколько экземпляров. Новой *фотографии* у меня нет — на худой конец можно оставить и старую. Если же мне удастся в ближайшие дни изготовить хорошую фотографию, то я пришлю ее Вам.

Относительно *предисловия к Роллану* я не могу сказать Вам сегодня ничего определенного.⁴ Я еще успею написать его, если примусь за него в ближайшее время, но не будет ли проще, если Вы целиком переиздадите мою книгу о Роллане, уже выпущенную в государственном издательстве?⁵ К тому времени, когда она пойдет в производство, я успею сделать ряд добавлений.

Не воспринимайте эти несколько строк как письмо. Я только что вернулся из Парижа, вскоре напишу Вам более подробно. Кстати, я веду сейчас переговоры с одним английским издательством относительно серии статей, которые я предполагаю написать о России, если еще раз приеду в Вашу страну. Мне хочется увидеть Волгу, съездить на Кавказ и в Грузию, — я чувствую, что моя первая поездка была лишь прелюдией к более глубокому и основательному знакомству с Россией.

Желаю Вам и Вашим уважаемым коллегам всего наилучшего

Ваш Стефан Цвейг.

¹ Пьеса «Вольпоне» была поставлена ленинградским театром «Комедия» в марте 1929 г. (режиссер К. П. Хохлов, художник В. М. Ходасевич, авторизованный перевод с немецкого П. С. Бернштейн; в роли Вольпоне — руководитель театра С. Н. Надеждин). Сохранилось письмо Цвейга театру «Комедия», которое содержит ряд советов в отношении предстоящей постановки (опубликовано: Красная газета, веч. вып., 1929, 23 февраля).

² Имеется в виду комедия «Кви про кво», написанная С. Цвейгом в соавторстве с австрийским литератором А. Лернетом-Холения. Оба автора укрылись за псевдонимом «Клемен Нейдиссер». В декабре 1928 г. эта пьеса была поставлена в театре «Комедия» (режиссер В. В. Шимановский, авторизованный перевод с немецкого Н. Н. Надеждиной).

³ В 1929 г. пять томов «Собрания сочинений» Цвейга (т. 1—3, 5 и 6) вышли в издательстве «Время» третьим изданием.

⁴ Речь идет о «Собрании сочинений» Р. Роллана, первый том которого был выпущен издательством «Время» в 1930 г. Предисловие было написано Цвейгом летом 1929 г. (см. его неопубликованное письмо в издательство «Время» от 26 июля 1929 г.).

⁵ См. письмо 4, примеч. 3.

14

Salzburg
Kapuzinerberg 5.
1. März 1929.

Sehr verehrter Herr Wolfsohn!

Ich habe noch eine dreiwöchentliche Reise vor, dann hoffe ich sofort dazu zu kommen, *jene Einleitung für Rolland zu schreiben*. Es soll aber dann gleich geschehen — *innerlich ist ja bereits alles vorbereitet*. Ich stecke gerade in so viel verschiedenen Arbeiten, dass keine recht fertig wird. Sicher ist nur, dass *im Herbst eine Biografie Fouchés* (endlich einmal eine antiheroische) erscheint, die ich Ihnen natürlich viel früher zur Verfügung stelle.

Als kleine Beschwerde muss ich Ihnen mitteilen, dass ich bis heute das Buch Casanova — Stendhal — Tolstoi nicht erhalten habe, nur seinerzeit den Tolstoi allein. Sollte es vergessen worden sein oder verloren gegangen, jedesfalls bitte ich Sie um ein paar Exemplare.

Dieser Tage war *Prof. Sergius Ivanow* bei uns im Hause und ich habe ihm nur die Wahrheit gesagt, wenn ich ihm mitteilte, dass *ich in absehbarer Zeit wieder kommen will*. Ich möchte diesmal in den Kaukasus und bis Turkestan und verhandle schon mit einem auswärtigen Konzern wegen einiger Aufsätze, denn ich stelle mir diese Reise bis in's Turkestanische recht kostspielig vor. Bitte, schreiben Sie mir nun noch aufrichtig, *ob ich Ihnen irgend etwas schicken könnte*, was Sie oder die Ihren freut. Ich gedenke nur noch sehr herzlich Ihrer ausserordentlichen Gastfreundlichkeit.

Mit den besten Grüßen

Ihr Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
1 марта 1929.

Многоуважаемый господин Вольфсон!

Мне предстоит сейчас трехнедельное путешествие, а затем я надеюсь сразу же *приняться за предисловие к Роллану*. Думаю, что сделаю его тогда быстро, ведь *в голове у меня уже все подготовлено*. Я загружен множеством различных дел, и ни одно из них не удастся довести до конца как следует. Несомненно лишь, что *осенью* выйдет в свет *биография Фуше* (накопец-то, антигероическая),¹ которую я, разумеется, гораздо раньше представлю в Ваше распоряжение.

Хочу обратиться к Вам с маленькой жалобой: я до сих пор не получил книгу «Казанова — Стендаль — Толстой», получил лишь в свое время одного «Толстого».² Пришлите мне, прошу Вас, несколько экземпляров этой книги, независимо от того, потерялась она или ее забыли отправить.

На днях у меня дома был *проф. Сергей Иванов*,³ и я сказал чистую правду, сообщив ему, что *в недалеком будущем собираюсь вновь приехать в Россию*. Теперь мне хотелось бы посетить Кавказ и добраться до Туркестана.⁴ Я уже веду переговоры с одним иностранным издательским концерном относительно ряда статей, поскольку такое путешествие — вплоть до самого Туркестана — представляется мне весьма дорогим. Напишите мне, пожалуйста, откровенно, *не могу ли я прислать какой-нибудь подарок*, который доставил бы радость Вам или Вашим близким? Я до сих пор сердечно признателен Вам за Ваше исключительное гостеприимство.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Стефан Цвейг.

¹ Речь идет о книге: Z w e i g S. Joseph Fouché. Bildnis eines politischen Menschen. Leipzig, 1929. Фуше Жозеф (1759—1820) — министр полиции при Директории, Наполеоне, затем Бурбонах, известный своей беспринципностью.

² В первом издании «Собрания сочинений» эссе о Толстом «Певец своей жизни. Лев Толстой» составило отдельный (шестой) том (Л., 1928). Во вто-

ром издания в этот же (шестой) том были включены «Казанова» и «Стендаль» («Три певца своей жизни. Казанова, Стендаль, Толстой»).

³ Иванов С. Л. (1880—1960) — советский ботаник и биохимик, профессор, доктор биологических наук. В феврале 1929 г. ездил в Мюнхен на IV Лако-красочный съезд, где выступал с докладом.

⁴ См. примеч. 1 к письму 16.

15

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
am 11. Dezember 1929.

Lieber Herr Wolfsohn!

Herzlichen Dank für Ihren lieben Brief. Verzeihen Sie, wenn ich diesmal ein wenig opponiere, aber jene Novelle habe ich längst aus dem Buche «Die Liebe der Erika Ewald» zu den Toten geworfen und möchte nicht, dass sie wieder aufersteht. Ich glaube ja zuverlässig, dass noch in diesem Jahr etwas anderes fertig wird (halbfertig ist ja genug), und wir einen neuen Band machen können. Inzwischen können Sie ja vielleicht den «Buchmen-del» in irgend einer Zeitschrift placieren. Sehr freue ich mich über das Erscheinen des «Fouché», der bei uns einen ausserordentlichen Erfolg hat. Wir haben schon 30 000 Exemplare verkauft.

Hoffentlich geht es Ihnen persönlich gut und auch Ihr Fräulein Tochter kann endlich den Wunsch erfüllen, ein Semester auf einer andern Universität zu studieren. Ich würde mich sehr freuen, könnte ich auf diese Art mit ihr und den Ihren wieder zusammenkommen, ich bewahre noch immer an meinem Besuch das herzlichste Gedenken.

Mit den besten Grüßen Ihr

Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
11 декабря 1929.

Дорогой господин Вольфсон!

Сердечное спасибо за Ваше письмо. Простите, однако, если на этот раз я не совсем соглашусь с Вами, ибо эту новеллу из книги «Любовь Эрики Эвальд»¹ я давно уже похоронил и не желаю, чтобы она воскресла из мертвых. У меня есть все основания полагать, что еще в нынешнем году доведу до конца что-нибудь из новых вещей (ведь многое уже наполовину сделано) и мы сможем составить еще один том. Что касается новеллы

«Мендель-букинист», то Вы тем временем сможете, вероятно, пристроить ее в какой-нибудь журнал. Очень радуюсь тому, что «Фухе» выходит в свет, у нас эта книга пользуется огромным успехом. Продано уже 30 000 экземпляров.

Надеюсь, что у Вас лично все хорошо и что Ваша дочь осуществила, наконец, свое желание и перевелась на семестр в другой университет. Я был бы очень рад, если бы мог еще раз встретиться с ней и с Вашей семьей, я по-прежнему храню самые сердечные воспоминания о Вашем гостеприимстве.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Стефан Цвейг.

¹ По-видимому, имеется в виду новелла «Чудеса жизни» («Die Wunder des Lebens») — одна из четырех новелл, образующих раннюю книгу Цвейга «Любовь Эрики Эвальд» (Zweig S. Die Liebe der Erika Ewald. Berlin, 1904). В декабре 1929 г. издательство «Время» предлагало Цвейгу выпустить эту книгу на русском языке (см. письмо издательства от 6 декабря 1929 г.: ИРЛИ, ф. 42, № 185, л. 95). Получив данное (ответное) письмо Цвейга, издательство обратилось к писателю за разъяснениями (26 декабря 1929 г.): «Очень просим сообщить нам, идет ли здесь речь только об *одной* из новелл (и о какой именно) или о *всех* новеллах, входящих в эту книгу, и согласны ли Вы — если наше первое предположение справедливо — разрешить нам выпустить остальные новеллы, не похороненные Вами, отдельным изданием вместе с новорожденным „Менделем-букинистом“?» (ИРЛИ, ф. 42, № 185, л. 100; в оригинале на немецком языке). Замысел издательства не состоялся, и ни одна из новелл книги «Любовь Эрики Эвальд» на русском языке не появилась.

16

Kapuzinerberg 5
Salzburg.
16. November 1931.

Sehr geehrte Herren!

Ich danke Ihnen sehr für Ihren freundlichen Brief und bitte Sie, nicht zu vergessen, mir dann einige Exemplare des «Kampf mit dem Dämon» zu schicken. Was Neues von mir kommt, sende ich Ihnen wie immer regelmässig zu und auch einige Fotografien. Ich hoffe sehr im Frühjahr nach Russland zu kommen und die grossen Fortschritte der letzten Jahre mit bewundern zu können.

Ihr sehr ergebener
Stefan Zweig.

Зальцбург, Каупцинерберг 5.
16 ноября 1931.

Многоуважаемые господа!

Очень благодарю Вас за Ваше любезное письмо и прошу Вас: не забудьте своевременно отправить мне несколько экземпляров книги «Борьба с безумием». Я буду, как обычно, регулярно присылать Вам мои новые сочинения и, кроме того, вышлю несколько фотографий. Очень надеюсь, что этой весной мне удастся приехать в Россию и полюбоваться успехами, достигнутыми за последние годы.¹

Чрезвычайно Вам преданный

Стефан Цвейг.

¹ С этим замыслом, как уже говорилось, Цвейг не расставался в течение нескольких лет. Летом 1931 г. он писал А. В. Луначарскому: «Вам, может быть, интересно будет знать, что я собираюсь приехать на два месяца в Россию вместе с моим другом, известным бельгийским художником Франсом Мазереелем; мы хотим сделать вместе книгу с рисунками, которая выйдет на всех языках и будет — вы знаете нашу точку зрения — резко отличаться от страши низкопробных журналистов, полной лжи и ненависти, — книгу документальную <...> В настоящее время я еще веду переговоры с американским издателем, и мы ждем материальной поддержки от одного нью-йоркского журнала, так как хотим проехать через всю Россию до Туркестана и до китайской границы» (Прометей, т. I. М., 1966, с. 291). Готовясь к приезду Цвейга, а также в связи с 50-летием писателя издательство «Время» собиралось выпустить сборник его избранных новелл. «На это издание нам уже отпущена превосходная бумага, и мы собираемся выпустить его довольно роскошно. В нем будет свыше 60 гравюр на дереве работы А. Кравченко, которого Цвейг, как нам известно, ставит очень высоко», — сообщал Горькому Я. Г. Раскин (заместитель заведующего издательством «Время») 13 апреля 1932 г. В том же письме Я. Г. Раскин предлагал Горькому «написать для этого сборника предисловие, хотя бы очень короткое», и просил его высказаться относительно подбора новелл (Архив А. М. Горького, КГ-Изд. 6—6/32). В письме к Горькому от 8 мая 1932 г., повторяя свою просьбу, Я. Г. Раскин добавляет: «Сборник уже в производстве. А. И. Кравченко приступил к работе. Мы заказали ему свыше 110 досок» (Архив А. М. Горького, КГ-Изд. 6—6/33). Однако 16 апреля 1932 г. Фредерика Цвейг, жена писателя, сообщила в издательство «Время» о том, что «путешествие в Россию отложено», поскольку Цвейг заканчивает «свой новый исторический роман» (т. е. книгу «Мария Антуанетта») (см.: ИРЛИ, ф. 42, ед. хр. 186). Издательство же, значительно сократившее в 1932 г. объем своей продукции, отказалось, видимо, от первоначального замысла, и сборник новелл Цвейга с иллюстрациями А. Кравченко так и не увидел света (выполненные им гравюры на дереве позднее были частично воспроизведены в кн.: Цвейг С. Новеллы. Переводы под ред. В. А. Зоргефрея. М., 1936).

Капуцинерберг 5
 Salzburg.
 am 4. Januar 1933.

Sehr geehrte Herren!

Ich weiss nicht, ob Sie meine «Marie Antoinette» schon bekommen haben und bitte, mir gelegentlich zu sagen, ob Aussicht dafür in Russland besteht, — es handelt sich immerhin um eine Königin. Man hat mir inzwischen für eine russische Ausgabe von einem ausserrussischen Verlag in Paris Anträge gemacht, aber ich habe abgelehnt, weil ich nicht auf jener Seite zuerst erscheinen will. Bitte, sagen Sie mir also offen und frei, ob irgendwelche Schwierigkeiten bestehen. In Deutschland hat das Buch einen ganz ungewöhnlichen Erfolg gehabt, wir drucken jetzt das vierzigste bis fünfzigste Tausend. Mit den besten Grüssen

Ihr Stefan Zweig.

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг 5.
 4 января 1933.

Многоуважаемые господа!

Не знаю, получили ли Вы уже мою «Марию Антуанетту»,¹ но прошу Вас при возможности сообщить мне, реально ли издание этой вещи в России — ведь речь там все-таки идет о королеве. Одно зарубежное русское издательство, находящееся в Париже, уже обратилось ко мне с предложением издать эту книгу, однако я ответил им отказом, потому что не желаю, чтобы мои вещи печатались сначала на той стороне. Скажите мне, пожалуйста, прямо и открыто, есть ли препятствия к изданию этой книги.² Ее успех в Германии был совершенно исключительный; отпечатано уже сорок тысяч экземпляров и сейчас печатаются следующие десять тысяч.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Стефан Цвейг.

¹ Речь идет о книге: Zweig S. Marie Antoinette. Bildnis eines mittleren Charakters. Leipzig, 1932.

² В Советском Союзе роман «Мария Антуанетта» полностью не печатался.

Dr. Stefan Zweig
c/o H. P. Smolka
31 Lawns Court
Wembley Garden
London.

London, den 26. Juli 1934.

Sehr geehrte Herren!

Ich habe lange nichts von Ihnen gehört und komme nun in einem bestimmten Anlass. Ein sehr lieber Bekannter von mir, ein oesterreichischer Schriftsteller, der für Russland die stärksten Sympathien hat, beabsichtigt, in allernächster Zeit nach Russland zu reisen und ich möchte ihm gerne aus meinem Guthaben, das ich noch bei Ihnen in Rubeln habe, für seinen Aufenthalt dort einiges zur Verfügung stellen. Ich weiss nur nicht, wie gross dieser Betrag ist und möchte Sie bitten, dies vielleicht mir noch hierher zu schreiben, damit ich Ihnen und Herrn Smolka dann sagen kann, wie viel er dort in meinem Auftrage beheben kann. Mein neues Buch über «Erasmus von Rotterdam» ist zunächst nur (wegen der deutschen Schwierigkeiten) in einer Privatausgabe erschienen, aber wenn Sie es wünschen, sende ich Ihnen gern ein Exemplar. Ich werde mich sehr freuen, von Ihnen zu hören und bleibe mit den besten Empfehlungen

Ihr sehr ergebener

Stefan Zweig.

Ich bin für längere Zeit von Salzburg abwesend.

Перевод:

Д-ру Стефану Цвейгу
для передачи Х. П. Смолке
31 Лонз Корт, Уэмбли Гарден,
Лондон.

Лондон, 26 июля 1934.

Многоуважаемые господа!

Давно уже не имею от Вас никаких известий и обращаюсь к Вам на этот раз по частному поводу. Один мой очень хороший знакомый, австрийский писатель, чрезвычайно расположенный к России, собирается в самое ближайшее время приехать в Вашу страну. Я охотно предоставил бы ему на срок его пребывания в России кое-что из моих денег, отчисленных Вами в рублях на мое имя. Однако я не знаю, как велика эта сумма, и потому прошу Вас написать мне об этом, лучше всего — прямо сюда, чтобы я мог сообщить Вам и господину Смолке, сколько он может снять со счета по

моей доверенности. Моя новая книга об Эразме Роттердамском, выпущенная в частном издательстве, вышла лишь на днях¹ (по причине трудностей в Германии), но, если Вы пожелаете, я охотно пришлю Вам один экземпляр. Рад буду получить от Вас весточку и остаюсь с наилучшими пожеланиями

весьма Вам преданный

Стефан Цвейг.

Зальцбург я покинул на долгое время.

¹ Речь идет о книге: *Zweig S. Triumph und Tragik des Erasmus von Rotterdam. Wien—Leipzig—Zürich. Herbert Reichner Verlag, 1934.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ¹

- Абдул-Азиз, турецкий султан 136.
Абдул-Хамид II, турецкий султан 133, 135, 136.
Абельдяев Д. А. 190.
Абрамов С. 43.
Авдеев М. В. 105.
Агвийяр, португальская актриса 110.
Агнесса 126, 127.
«Адская почта», журнал 24.
Азадовский К. М. 217.
Азов В. А., псевд. Ашкинази В. А. 43.
Аксаков Г. С. 18.
Аксаков И. С. 3, 12—14, 17, 18, 120, 121.
Аксаков К. С. 3—19.
Аксаков С. Т. 3, 18, 30.
Аксакова В. С. 3, 17—19.
Аксакова Н. С. 17.
Аксакова О. Г. 8.
Аксакова О. С. 17, 19.
Аксаковы 3, 4, 7.
Аксенов И. А. 181, 183.
Александр I 114.
Александр II 74, 112, 116, 133, 134, 136, 147.
Александринский театр 130, 131.
Александрова З. В. 30.
Александровское коммерческое училище 21.
Алексеев А. Д. 100.
Алексеев М. П. 2, 46, 86.
Алексей Михайлович, царь 86.
Аллен И. Гр. 149, 150.
Алмазов Б. Н. 77, 97, 100, 119, 121.
Алянский С. М. 33.
Амари М. О., см. Цетлин М. О.
Амфитеатров А. В. 148, 150.
Андерсен Г. Х. 166.
Андреев В. Л. 202.
Андреев Л. Н. 20, 23, 28, 30, 186, 196—199, 201—203.
Андреев Н. 33.
Аничков Е. В. 33.
Анненков П. В. 86, 88, 105.
Анненкова А. Н., в замуж. де Вогуз 212.
Анненкова В. И., урожд. Бухарина 212.
Анненкова Е. И. 3.
Анненский Н. Ф. 143.
Антонович М. А. 119, 143.
Антоновский Ю. М. 193.
Аптекман О. В. 23.
Архипов Н., псевд. Бенштейна Н. А. 43.
Архиппов Е. Я. 157.
Арцыбашев М. П. 43.
Асенкова В. Н. 129, 130.
Аскочянский В. И. 138, 139.
Асыка, вогульский князь 32, 45.
«Атёней», изд-во 218, 219.
Ауффеберг И., фон, бар. 128.

¹ Составили Л. П. Архипова, Л. К. Воронова и И. М. Юдина.

- Ахматова А. А. 33, 156, 157.
 «Ашетт», изд-во 206.
 Ашкинази В. А., см. Азов В. А.
 Ашукин Н. С. 43.
- Багницкая 135.
 Бадалич Й. 46.
 Байрон Д. 74, 77, 104, 120.
 Балиев Н. Ф. 183.
 Балтрушайтис Ю. К. 33, 36.
 Бальзамо Дж., см. Калиостро А.
 Бальмонт К. Д. 21, 36, 38, 152, 163,
 172, 173, 178.
 Бальмонт Н. К., в замуж. Бруни
 172, 173.
 Бардина С. И. 144, 146.
 Бардовский Г. В. 144, 146.
 Баскаков В. Н. 2.
 Батюшков К. Н. 214.
 Батюшков П. Н. 213, 214.
 Батюшков Ф. Д. 36, 150, 204, 213,
 214.
 Бах А. Н. 150.
 Бахрах А. В. 33.
 Бейль А., см. Стендаль.
 Белинский В. Г. 79, 87, 98, 104, 127,
 128, 145.
 Белый Андрей, псевд. Бугаева Б. Н.
 20, 24, 33, 36, 39, 222.
 Беляев М. Д. 122.
 Бенедиктов В. Г. 8.
 Бенштейн Н. А., см. Архипов Н.
 Бердяев Н. А. 22, 23, 30, 182, 183.
 Бернар С. 169, 170.
 Бернштейн Е. Л., см. Янтарев Е. Л.
 Бернштейн П. С. 219, 248.
 Бернштейн Э. 150.
 Берс С. А., см. Толстая С. А.
 Бескин Э. М. 170.
 Бибиков М. П. 90.
 «Библиотека для чтения» 60, 76, 82,
 89, 91, 96—100, 104, 107, 127, 130.
 «Библиотека „Светоча“» 143—146.
 Билибин И. Я. 41, 149, 150.
 Бильбасов В. А. 134, 136, 137, 140.
 «Биржевые ведомости» 136, 137, 139,
 199, 200.
- Бирюков П. И. 240, 241.
 Благосветлов Г. Е. 106, 107.
 Блок А. А. 20, 26, 28, 33, 36, 184, 185.
 Блок Г. П. 218, 219.
 Блох Г. А. 202.
 Блох М. А. 43.
 Блюммер А. П., см. Кравцова А. П.
 Боборыкин П. Д. 204—209.
 Боборыкина С. А. 208.
 Бобров С. П. 181, 183.
 Богданов А. А., псевд. Малинов-
 ского А. А. 22.
 Богучарский В. Я. 146.
 Бодлер Ш. 159, 161.
 Больте Ф. 150.
 Большаков К. А. 39.
 Большой театр (Москва) 127.
 Борисов И. П. 193.
 Борисяк А. 43.
 Боровиковский А. Л. 146, 147.
 Бородаевский В. В. 36.
 Боткин В. П. 86, 87, 91, 96, 98.
 Браудо Е. М. 221.
 Бретон А. 34.
 Бруни Н. К., см. Бальмонт Н. К.
 Брюллов К. П. 190, 192.
 Брюсов В. Я. 20, 21, 23, 28, 30, 36,
 158, 170, 172, 217.
 Брюсова И. М. 172, 173.
 Бугаев Б. Н., см. Белый Андрей.
 «Будильник», журнал 114.
 «Будущность», журнал 123.
 Бузник В. В. 24.
 Булгаков С. Н. 23.
 Булгарин Ф. В. 127, 132, 133.
 Бунин И. А. 20, 36, 43, 44, 192—194.
 Буняч-Ремизов Б. Б. 20, 36, 45.
 Бурдин Ф. А. 81, 82.
 Бурлюк Д. Д. 35.
 Буслаев Ф. И. 17.
 Бугашевич-Петрашевский М. В., см.
 Петрашевский М. В.
 Бутковская Н. И. 42.
 Бутова Н. С. 45.
 Бутягина А. М. 194, 195.
 Бухарина В. И., см. Анненкова В. И.
 Бушканец Е. Г. 146.
 Быков П. В. 88.

- «Былое», журнал 148.
 Бялковский М. Н. 43.
- Вагнер Н. П.** 18.
Валиханов Ч. Ч. 75, 77, 115, 117—119.
Варбург, банкир 201.
Варен Ш. 130.
Варустин Л. Э. 105, 106.
Веймар О. Э. 150.
Вейсе Ф. Х. 46, 47.
Вельтер В. П. 33, 36.
Венгеро С. А. 142—146, 149.
Верстовская Н. В., см. Репина Н. В.
Верстовский А. Н. 126, 127, 129, 131.
Верфель Ф. 229, 230.
Верхарн Э. 177, 217.
Верховский Ю. Н. 33, 36.
Веселкова-Кильштет М. Г. 204, 216.
Веснин А. А. 154.
Веснин В. А. 154.
 «Вестник Европы» 145.
 «Весы», журнал 217.
Вилле де Лиль-Адан Ф. О. М. 157.
Вильчинский В. П. 196.
Висковатов П. А. 80.
Вишняк В. 33.
Власова З. И. 186.
Воган Т. 59.
Вогау Б. А., см. Пильняк Б. А.
Вогюэ А. Н., де, см. Анненкова А. Н.
Вогюэ Э.-М., де 203—216.
Войтинская Э. С., урожд. Шадхан 229—231, 233, 234.
Войткевич, майор 137, 139.
Волжский, см. Семенов С. С.
Волкович В. А. 43.
Волошин М. А. 24, 151—163, 165—185.
Волошина Е. О. 152—155, 157, 163, 168, 170—174, 176, 178, 179, 181—185.
 «Волшебный фонарь», альбом 61.
Волынский А., псевд. Флексера А. Л 186.
Волькенштейн В. М., 180, 181, 183.
Вольпе Ц. С. 36.
- Вольф К.** 237, 238.
Вольф М. О. 159, 160.
Вольфсон И. В. 218—220, 222, 223, 246—250.
Вонлярлярский В. А. 12.
 «Вопросы жизни», журнал 24, 30, 193.
 «Вопросы театра», журнал 42.
 «Вперед!», журнал 148, 150.
 «Время», журнал 118, 119.
 «Время», изд-во 217—221, 223, 225, 244, 246, 251, 252.
Всеволодская Л. Н. 226.
Вышнеградский А. И. 197, 200, 201.
Вяземский П. А. 106.
- «Газетный мир», справочник 218.
Гаккебуш М. М. 200.
Гаушман Г. 217.
Гегель Г. В. Ф. 7.
Гейман В. Г. 36.
Гексли Т. 150.
Генрих VI, англ. король 59.
Герцен А. И. 18, 19, 98, 146.
Герцык А. К., в замуж. Жуковская 152, 153, 157, 167, 168, 183.
Гершензон М. О. 33, 36.
Гете И.-В. 10.
Гидони А. М. 41.
Гиероглифов А. С. 113, 114.
 «Гилд», театр 242, 243.
Гильфердинг А. Ф. 17, 18.
Гиппиус Вл. В. 36.
Гиппиус Э. Н. 36.
Глазунов А. К. 42.
Гоголь Н. В. 18, 24, 26, 44, 94, 97, 145, 193, 204.
Голенищев-Кутузов А. А. 72.
Головачева А. Я., см. Панаева А. Я
 «Голос», газета 123, 133—137, 139.
 «Голос минувшего», журнал 150.
Гольденвейзер А. Б. 193.
Гоникберг Г. И. 43.
Гончаров И. А. 79, 96—100, 105.
Гончарова Н. С. 41.
Горбунов И. Ф. 81, 82.
Гордин В. Н. 36, 43.
Горнфельд А. Г. 187.

- Городецкий Г. В. 43.
 Горфинкель Д. М. 218, 219.
 Горький М., псевд. Пешкова А. М. 20, 23, 25, 32, 35, 36, 43, 188, 193, 194, 199, 201, 203, 217, 219, 220, 222, 231—233, 236—238, 242—245, 252.
 Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) 3, 20.
 Готье Т. 167, 168.
 Гофман В. В. 217
 Гофман М. Л. 36.
 Гоффер 89, 91.
 «Гражданин», газета-журнал 139.
 Грановский Т. Н. 18, 19.
 Гребенка Е. П. 122.
 Гребенщиков Я. П. 35.
 Греч Н. И. 127, 133.
 Гречишкин С. С. 20.
 Гржебин З. И. 32, 34, 43, 218.
 Грибоедов А. С. 139.
 Григорович Д. В. 10, 90, 91, 92, 101, 107, 122, 123.
 Григорьев Ап. А. 75, 76, 80—82, 96, 98, 100, 102, 104—107.
 Григорьев П. И. 128.
 Гринева М. И., см. Кузнецова М. И.
 «Гриф», изд-во 38, 39.
 Громов А. А. 43.
 Грот Я. К. 95.
 Груши Э. 239, 240.
 «Гудок», журнал 114.
 Гумалик Д. Х. 97, 98.
 Гумилев Н. С. 33, 158.
 Гунн И. М. 43.
 Гуревич Л. Я. 36, 186—190, 193—195.
 Гусятникова Е. П., см. Майкова Е. П.
 Гусятникова Ю. Д., см. Ефремова Ю. Д.
 Гучков А. И. 150.
 Давыдов А. Ф. 199, 201.
 Давыдов И. А. 30.
 Давыдов Ю. 143.
 Дайер 150.
 Д'Аламбер Ж. Л. 166.
 Даль В. И. 20, 35, 40.
 Даниельсон Н. Ф., псевд. — Никололай — он 149, 150.
 Данте А. 84, 86, 87.
 Дарвин Ч. 149, 150.
 Дашков П. Я. 62.
 Деборд-Вальмор М., псевд. Деборд М. 229, 230, 242, 243.
 Деверже 130.
 Де Костер Ш. 237, 238.
 Дементьев А. Г. 91.
 «День», газета 200, 201.
 Десницкий В. А. 219.
 Дестунис Г. С. 106.
 Джонсон Б. 227, 228.
 Дмитриев И. И. 94.
 Добролюбов Н. А. 76, 98, 104, 107, 112.
 Добронравов В. М. 43.
 Добронравов Л. М. 43.
 Добужинский М. В. 20.
 Довгелло (Довгело) С. П., см. Ремизова С. П.
 Долотов М. 43.
 «Домашняя беседа», журнал 139.
 Дом литераторов 25.
 Доменечинис Ф. 19.
 Дориомедов М. 43.
 Достоевский М. М. 119, 132.
 Достоевский Ф. М. 24, 26, 36, 37, 80, 118, 119, 190, 191, 193, 203, 208, 210, 217, 221.
 Драгоманов М. П. 145, 146.
 Драпусов Е. 43.
 Дрезденский государственный театр 231, 232.
 Дружинин А. В. 76, 77, 86, 88, 89, 91, 96—100, 102, 105.
 Дудышкин С. С. 73, 76, 90, 104, 107, 109.
 Дюамель Ж. 242, 244.
 Дюма А., отец 165, 166.
 Дюр Н. О. 125, 128, 130.
 Дядя Пахом, см. Можайский И. П.
 Евгеньев-Максимов В. Е. 91.
 Евреинов Н. Н. 44.
 Еврейское общество пособия бедным 154.

- «Ежемесячный журнал» 201.
 Екатерина II 211.
 Елагин Н. В. 18, 62.
 Елизавета, англ. королева 59.
 Елизавета, англ. принцесса 47, 59.
 Елисеев Г. З. 119.
 Енсен П. А. 30.
 «Ералаш», журнал 61.
 Ермакова О. Н., см. Сербинова О. Н.
 Есенин С. А. 36, 155.
 Ефремова Ю. Д., урожд. Гусятникова 78, 79.
- Жамм Ф. 160.
 Жан Поль, псевд. Рихтера И.-П.-Ф. 167, 168.
 Живокини В. И. 129, 130.
 Жилкин И. В. 43.
 Житомирская З. В. 217.
 Жоли А. 149, 150.
 Жуковская А. К., см. Герцык А. К.
 Жуковский В. А. 9, 94.
- Заблоцкий-Десятковский А. П. 87.
 Заблоцкий-Десятковский М. П. 73, 74, 76, 77, 82, 86, 87.
 «Заветы», журнал 195.
 Загоскин М. Н. 122.
 Заграфос К. 136.
 Зайнчевский П. Г. 114.
 Зайцев Б. К. 44.
 Зайцев П. Н. 43.
 Закревский 105, 107.
 Замятин Е. И. 26, 33, 36, 38, 195.
 Зарецкий Н. В. 34.
 Засулич В. И. 145, 146.
 «Зёрна», изд-во 155.
 Зильберштейн И. С. 98.
 Зискинд А. 33.
 Златковский М. Л. 75, 106.
 Зонов А. П. 41, 42.
 Зорге Ф. А. 150.
 Зоргенфрей В. А. 219, 252.
 Зороастр (Заратустра) 5.
 Зотов В. Р. 60, 62, 89, 90, 123, 131—134, 139.
 Зотов Р. М. 133.
- Иванникова Н. М. 157.
 Иванов А. В. 92.
 Иванов Вс. Н. 223.
 Иванов Вяч. И. 24, 39.
 Иванов Г. И. 36.
 Иванов Е. П. 33.
 Иванов С. Л. 249, 250.
 Иванов-Разумник Р. В. 28, 33, 36, 38.
 Иванова А. Н. 153.
 Иванова Л. Н. 142, 148.
 Ивнев Р., псевд. Ковалева М. А. 39.
 Иегер Г. 149, 150.
 Измайлов А. А. 38.
 Измайлов Н. В. 2.
 «Иллюстрация», журнал 89, 90.
 Ильинский Л. К. 143.
 Имеретинский Н. К. 60.
 «Инзель», изд-во 242, 243.
 Ионов Н. М. 30.
 Иосиф II, австр. император 211.
 Исаков С. 43.
 «Искра», журнал 107, 114.
- К. Р., см. Романов К. К.
 Каверин В. А. 20.
 Казанова Д.-Д. 183, 184, 244, 245, 248—250.
 Каирова А. В. 123—125, 133, 135, 136, 139, 141.
 Калам А. 97.
 Калиостро А. (Бальзамо Дж.) 165, 166.
 Кальма Н., псевд. Анны И. Кальма-нок 221.
 Каляев И. П. 23.
 Камерный театр 42.
 Канадуrows К. В. 153.
 Каплун Э. М. 34.
 Каракозов Д. В. 76, 148, 149.
 Карамзин Н. М. 10, 95, 119, 121.
 Кара-Мурза С. Г. 170.
 Каратыгин П. А. 122.
 Караулов В. А. 150.
 Кареев Н. И. 143.
 Карпентер В. Б. 149, 150.
 Карташевская М. Г. 4—9, 18.
 Карташевский А. Г. 5.

- Картужанская А. И. 219.
 Катков М. Н. 75, 96, 97, 119, 138, 139.
 Качалов В. И. 223.
 Квятковский Л. К. 169, 170.
 Келдыш В. А. 24, 186, 187.
 Келлерман Б. 221.
 Кентон Р. 166.
 Кетчер Н. Х. 62.
 «Киевская мысль», газета 197, 198, 200.
 Киреевский П. В. 19.
 Кириллов В. Т. 223.
 Киселев Н. П. 43.
 Клиффорд 149.
 Клодель П. 160.
 Клюев Н. А. 38.
 «Книгоиздательство писателей в Москве» 39.
 Книппер Э. И., см. Рабенец Э. И.
 Кобылинский Л. Л., см. Эллис.
 Ковалев М. А., см. Ивнев Р.
 Ковалевский В. И. 197, 199, 200.
 Ковалевский Е. П. 111, 112.
 Кодрянская Н. В. 20, 21, 25, 30—32, 34, 35, 44.
 Кодрянский И. В. 27, 31, 35.
 Козинцева Л. М., см. Эренбург Л. М.
 Козьмин Б. П. 114.
 Кокорев В. А. 13.
 Колбасина О. Е. 43.
 Колтоновская Е. А. 186, 193.
 «Комедия», театр 248.
 Комиссаржевская В. Ф. 20, 41.
 Комиссаржевский Ф. Ф. 33, 42.
 Кондратьев А. А. 38.
 Кондратьев Н. Д. 150.
 Кони А. Ф. 122, 123, 146.
 Кони Е. Ф. 123, 138, 139.
 Кони И. С., урожд. Юрьева, по сцене Сандунова 122, 123, 127, 129.
 Кони Люб. Ф. 138, 139.
 Кони Людм. Ф., в замуж. Грамматчикова 135, 136, 139, 140.
 Кони О. Ф. 135, 136, 139—141.
 Кони Ф. А. 110, 122—141.
 Копельман С. Ю. 43.
 Королевское общество северных антиквариив 19.
 Короленко В. Г. 23, 43, 199, 201.
 Коростин А. Ф. 60.
 Корсаков П. А. 122.
 Корш В. Ф. 116, 119.
 Костер Ш., см. Де Костер Ш.
 Костомаров Н. И. 113, 114.
 Кочеткова Н. Д. 46.
 Кошелев А. И. 15, 18.
 Краббе Г. 86, 88.
 Кравцов Г. Л. 142, 143.
 Кравцова А. П., урожд. Блюммер 142, 143.
 Кравченко А. И. 252.
 Краевский А. А. 91, 96, 97, 109, 133, 134, 137.
 Крандиевская Н. В. 152.
 Кранихфельд В. П. 188.
 Красильщиков С. М. 219.
 Краснов Г. В. 105, 112.
 Крашенинников Н. А. 39.
 Крестовский, см. Куликов Н. И.
 Кречетов С., см. Соколов С. А.
 Кроль Н. И. 105, 107.
 Кругликова Е. С. 41.
 Крузе Н. Ф. 19.
 Крученных А. Е. 38.
 Крылова С. И., см. Лопатина С. И.
 Крюгер, фабрикант 22.
 Крючков Д. А. 38.
 Кудашева М. П., см. Кювилье М. П.
 Кузмин М. А. 26, 33, 36, 219.
 Кузнецов В. И. 143.
 Кузнецова (Гринева) М. И. 181, 183.
 Куканов, домовладелец 110.
 Кукольник Н. В. 62, 167, 168.
 Куликов Н. И., псевд. Крестовский 130, 131.
 Кулиш П. А. 17.
 Куприн А. И. 38, 190, 193.
 Куприянов И. К. 113, 114.
 Купченко В. П. 151.
 «Курьер», газета 23, 30.
 Кушелев-Безбородко Г. А., псевд. — Грицко Григоренко 95—100, 103, 105—107.
 Кювилье М. П., в 1-м браке Кудашева, во 2-м браке Роллан 181, 183.

- Лавров Н. В. 129, 131.
 Лавров П. Л. 110, 144, 146, 147, 150.
 Лазаревский Б. А. 43.
 Лакиер П. 95.
 Ламанский В. И. 18.
 Лампси П. Н. 154.
 Ланн Е. Л., псевд. Е. Л. Лозмана
 179, 180.
 Лебедев Г. И. 43.
 Левенсон А. А. 177.
 Левин Ю. Д. 46, 60.
 Левитский В. Н. 43.
 Лемке М. К. 33.
 Ленин В. И. 22, 154, 196.
 Ленинградский государственный
 академический театр драмы 234,
 236.
 Лермонтов М. Ю. 74, 77, 82, 120.
 Лернет-Холения А. 248.
 Лесков Н. С. 24.
 Леткова Е. П., см. Султанова Е. П.
 «Легучая мышь», театр-кабаре 181,
 182.
 Либшютц (Любшютц) Л. Н. 35, 36.
 Лидин В. Г. 33, 223.
 Линцер С. К. 43.
 Лить Ш-Ж., де, принц 211.
 Лисенков И. Т. 128.
 «Литературная газета» 61, 110, 123.
 Литературный фонд 112, 121, 143,
 147.
 Лихачев В. С. 217.
 Ло Гатто Э. 44, 221.
 Лозинский М. Л. 219.
 Лозманн Е. Л., см. Ланн Е. Л.
 Ломоносов М. В. 7.
 Лонгинов М. Н. 19, 60, 61.
 Лопатин А. Н. 148.
 Лопатин Вс. А. 149.
 Лопатин Г. А. 142—150.
 Лопатина С. И., урожд. Крылова
 148.
 Лукан М.-А. 85, 108, 109.
 Лукьянов А. А. 43.
 Луначарский А. В. 22, 23, 30, 36, 39,
 179, 180, 219, 221, 252.
 Лундберг Е. Г. 33, 38.
 Лурье В. 33.
 Лурье Я. С. 34.
 Львов-Рогачевский В. Л., псевд. Ро-
 гачевского В. Л. 38, 39.
 Львова Н. Г. 33.
 Любшютц Л. Н., см. Либшютц Л. Н.
 Люцкий 108, 109, 116, 119.
 Ляцкий Е. А. 12, 38.
 Маделунг О. 30.
 Мазереель Ф. 220, 229—231, 233,
 236—238, 252.
 Мазон А. 38.
 Майков А. Н. 72—121, 132, 133.
 Майков Вал. Н. 78, 79.
 Майков Вл. Н. 90, 92, 100.
 Майкова А. И., урожд. Штеммер 79,
 80, 85, 87, 90, 96, 97, 106, 115.
 Майкова Е. П., урожд. Гусятникова
 79, 96.
 Майковы 74, 87, 109, 115.
 Макашин С. А. 91.
 Маковицкий С. П. 193.
 Маковский С. К. 44.
 Максимов Г. М. 60.
 Максимов С. В. 87.
 «Малик», изд-во 242, 243.
 Малиновский А. А., см. Богданов
 А. А.
 Малый театр 131.
 Малышев В. И. 25, 44.
 Мамонтов А. И. 171.
 Мандельштам И. Б. 218.
 Мандельштам О. Э. 39, 155, 156, 219.
 Манн Г. 159—161.
 Манн Т. 217.
 Мариинский театр 140.
 Мария Александровна, имп. 140.
 Мария Антуанетта 253.
 Марков А. Ф. 155.
 Марков Е. Л. 134, 136.
 Маркович Р. М. 217.
 Маркс К. 21, 142, 149, 150.
 Маркс Н. А. 177, 178.
 Мартов Л., псевд. Цедербаума
 Ю. О. 22, 23.
 Марьянов Д. И. 43.
 Матюшин М. В. 41.
 Машинский С. И. 4.

- Межов В. И. 204, 214.
 Мей Л. А. 77, 89, 90, 91, 103, 104, 106, 107, 113, 120.
 Мей С. Г. 89, 91.
 Мейерхольд Э. Ф. 29.
 Мейерхольд В. Э. 20, 23, 24, 29, 31.
 Мейн А. Д. 174.
 Мейн М. А., см. Цветаева М. А.
 Мейн С. Д. 174.
 Мёллер П. У. 30.
 Мельников-Печерский П. И. 24, 100.
 Мерезжковский Д. С. 36, 153.
 Метерлинк М. 21, 40.
 Мещерский В. П. 138, 139.
 Миллер В. 168.
 Мильтон Д. 145.
 Милюков А. П. 77.
 Милютин Д. А. 133, 137.
 Миндлин Э. Л. 182, 183.
 «Минувшие годы», журнал 148, 150.
 «Мир божий», журнал 186, 193.
 Миролубов В. С. 186, 188, 201.
 Митрохин Д. И. 41.
 Михайлов М. Л. 87, 96, 97, 104—107, 123.
 Можайский И. П., псевд. — Дядя Пахом 75, 113, 114.
 «Молва», газета 15, 16, 136.
 Молдованов Н., см. Ремизов А. М.
 Моллер Е. А. 106.
 «Молодая Россия» 75, 114.
 Морозов В. Ф. 22.
 Морское министерство 87, 90.
 Морской А. 43.
 «Москвитянин», журнал 75, 81, 82, 98, 100, 121.
 «Московская газета» 170.
 Московский главный архив 87.
 Мукалов Н. К. 30.
 Муратова К. Д. 2, 3, 122, 201.
 Мусин-Пушкин М. Н. 62.
 Мюссе А., де 86.
 Надеждин Н. И. 18.
 Надеждин С. Н. 248.
 Надеждина Н. Н. 248.
 Найденов Н. А. 29.
 Наполеон I Бонапарт 172, 173, 249.
 Наполеон II, см. Рейхштадский герцог.
 Нарбут В. И. 38.
 Наркомпрос 25, 39, 44.
 Нахман М. М. 155.
 «Наш век», газета 136.
 Невахович А. Л. 60.
 Невахович Л. Н. 60.
 Невахович М. Л. 60—62.
 Нейру Ш. 210.
 Неклепаев И. А. 30.
 Некрасов К. Ф. 40, 43.
 Некрасов Н. А. 77, 86, 88, 89, 91, 96, 97, 102, 105, 118—120, 122, 203, 216.
 Нечаев С. Г. 149.
 «Нива», журнал 217.
 Никитин В. П. 20, 25, 33, 36, 44.
 Никитин И. С. 86, 88.
 Никитина А. И. 146.
 Николай I 75, 100.
 Николай II 21, 150.
 Николай—он, см. Даннельсон Н. Ф.
 Никольская Т. А. 222.
 Нилендер В. О. 172, 173.
 Ницше Ф. 21, 190, 192, 193.
 Новиков И. А. 38, 39.
 «Новое время», газета 134, 193.
 «Новый путь», журнал 23.
 Нордштейн А. П. 88.
 Норов А. С. 13, 87, 106.
 «Обезвельволпал» 32—34.
 Обневская Л. 135.
 Ободовский П. Г. 128.
 Оболенская Ю. Л. 153, 154, 156, 157, 184.
 Оболенский Д. А. 14, 15.
 Оболенский Ю. А. 18.
 «Образование», журнал 186.
 Общество приказчиков, Феодосия 154.
 «Одесские новости» 150.
 Одинокый, см. Тивяков А. И.
 Окунева А. Т., см. Сабурова А. Т.
 «Оле-Лукойе», изд-во 153.
 Ольденбург С. Ф. 219.
 Ольдريدж А. 110.
 Опульская Л. Д. 193.

- Орешин П. В. 39.
Осипов С. Я. 28.
Осипова А. В. 33.
Осоргин М. А. 35.
Осоргина Т. А. 35.
Оссонвиль Ж.-О.-Б. д' граф 205.
Оссонвиль О. д', граф 205, 208.
Остен-Сакен Д. Е. 13.
Островский А. Н. 73, 75, 80—82, 86,
87, 89—91, 96, 99, 101, 104, 123.
Осьмаков Н. В. 145.
«Отечественные записки» 79, 87—
90, 92, 97, 98, 109, 116, 118, 119.
Отто Н. К. 113, 114.
Оцуп Н. А. 36.
- Павлов Н. Ф. 16.
Панаев И. И. 107.
Панаева А. Я., во 2-м браке Голо-
вачева 60, 89, 91.
Панов В. А. 18.
«Пантеон», журнал 110, 131—133.
«Пантеон и репертуар», журнал 131.
Парнок С. Я. 155—157, 181, 183.
Пастернак Л. О. 37.
Патти А. 180, 183.
Пашуканис В. В. 43.
Пейкер Н. И. 131.
Перовская С. Л. 144—147.
Пестовский В. А., см. Пяст В.
«Петербургские ведомости» 122.
Петр I 17, 18, 27.
Петрарка Ф. 9.
Петрашевский М. В. 79, 80.
Петров-Водкин К. С. 33.
Петрова А. М. 153, 156.
Печаткин В. П. 95, 97, 98.
Пешков А. М., см. Горький М.
Пикассо П. 34
Пильняк Б. А., псевд. Вогау Б. А.
33, 222, 223.
Писемский А. Ф. 78, 80, 82, 87—91,
96—99, 104, 105.
Пискатор Э. 231, 232.
Плетнев Александр П. 95.
Плетнев Алексей П. 95.
Плетнев П. А. 73, 87, 92—95.
- Плетнева А. В., урожд. Щетинина
94, 95.
Плетнева О. П. 95.
Плеханов Г. В. 21.
Плещеев А. Н. 19.
Плон Э. 206, 208, 209.
Плукш П. И. 186.
Погодин М. П. 75.
Познер С. В. 43.
Полетика В. А. 134, 136.
Половский Я. П. 73, 75—78, 95, 97,
98, 100, 105—107, 120, 122, 123,
145.
Поляков С. А. 38.
Полякова Е. А. 42.
Попов А. Н. 8, 12, 14, 18.
Попов А. С., см. Серафимович А. С.
Постников С. П. 33, 38.
Потемкин П. П. 35.
Потехин А. А. 87.
Преображенский И. Д. 43.
Пришвин М. М. 32, 36, 38, 40, 41.
Прокофьев С. С. 33.
Протопопов А. Д. 196, 199, 201.
Прохоров Г. В. 105.
Пугачев Е. И. 22, 29.
Путилов А. И. 197, 199—201.
Путятин Е. В. 112.
Пушкин А. С. 26, 77, 86, 88, 94, 97,
103, 104, 109, 120, 127, 191, 194.
Пяст В., псевд. Пестовского В. А.
39.
- Рабенек (Книппер) Э. И. 176, 177.
Рабинович И. Я. 43.
Рагозинский В. А. 154.
Радлов С. Э. 33.
Радлова А. Д. 34.
Рамазанов Н. А. 91.
Раппопорт В. А., см. Регинин В.
Раскин Я. Г. 252.
Ратенау В. 229, 230.
Рафалович С. Л. 38.
Регинин В., псевд. Раппопорта В. А.
43.
Редлих А. Ф. 154.
Редлих Э. М. 154.

- Резникова Н. В. 20, 36, 44.
 Рейхштадтский, герцог (Бонапарт Ж.-Ф.-Ш.) 173.
 Ремизов А. М., псевд. — Н. Молдованов 20—45.
 Ремизов М. А. 21.
 Ремизов С. М. 43.
 Ремизова М. А. 21.
 Ремизова Н. А. 36, 45.
 Ремизова Н. М. 45.
 Ремизова С. П., урожд. Довгелло 24, 26, 30, 31, 45.
 Ренье А., де 160—162.
 Репин И. Е. 153.
 Решина Н. В., в замуж. Верстовская 126, 127, 129, 131.
 Рерих Н. К. 20, 36, 41, 42.
 «Речь», газета 149, 150, 156, 186, 188, 189, 197—201, 218.
 Риверс, граф 59.
 Рильке Р.-М. 217.
 Рихтер И.-П.-Ф., см. Жан Поль.
 Ричард III, англ. король 46, 47, 61, 62.
 Ричард, принц Йоркский 59.
 Ричмонд Г., граф 47, 59.
 Ришелье А. Э. 5.
 Робакидзе Г. 222, 223.
 Роберти Е. В. де 204, 215.
 Рогачевский В. Л., см. Львов-Рогачевский В. Л.
 Родиславский В. И. 127.
 Родэ А. 31.
 Рождественский Вс. А. 157.
 Розанов В. В. 33, 35, 36.
 Розен И. 43.
 Роллан М. П., см. Кювилье М. П.
 Роллан Ромен 229—231, 233, 234, 242—244, 247—249.
 Романов К. К., вел. кн., псевд. — К. Р. 204, 210—213.
 Романов К. Н., вел. кн. 84, 106.
 Романов П. С. 38, 40.
 Романовский музей, Кострома 26.
 Ромен Ж., псевд. Фаригуля Луи 242—244.
 Роменс Д. 149, 150.
 Ростан Э. 169, 170, 184.
 Ростопчина Е. И., гр., урожд. Сушкова 104, 107, 132.
 Рубинштейн Д. Л. 198—201.
 Рукавишников И. С. 38, 39.
 Руманов А. В. 43.
 «Русская беседа», журнал 10, 15, 90, 104, 107.
 «Русская воля», газета 150, 196, 197, 199—202.
 «Русская молва», газета 188, 189.
 «Русская мысль», журнал 186, 190, 194—195, 217.
 «Русская речь», газета 19.
 «Русские ведомости» 197, 200.
 «Русские записки», журнал 201.
 «Русский вестник», журнал 75, 91, 96, 97, 100, 101, 118, 119, 121, 193.
 «Русский пансион» 168.
 «Русский художественный листок» 80.
 «Русское богатство», журнал 146, 198.
 Русское географическое общество 118.
 «Русское слово», журнал 76, 94, 97, 99, 101, 102, 106, 107, 118, 119.
 «Русь», киностудия 42.
 Рюмин, владелец типографии 99.
 Рязановский И. А. 26, 34, 43.
 Саакянц А. А. 157.
 Сабашников М. В. 23, 43.
 Сабашников С. В. 23.
 Сабашникова М. В. 156.
 Сабурова А. Т., урожд. Окунева 126, 127, 129.
 Савельев П. С. 16.
 Савинков Б. В. 23, 30, 35, 178, 179.
 Савченко А. Г. 44.
 Садовский П. М. 80, 82, 96.
 Садовой Б. А. 38.
 Сакулин П. Н. 221.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 75, 76, 96—98, 104, 198, 200.
 Самарин И. В. 128, 129.
 Санд Ж. 85, 104, 163.
 Сандунова И. С., см. Кони И. С.

- Санин А. А., псевд. Шенберга А. А. 41, 42.
«С<анкт>-Петербургские ведомости» 109, 119.
Сведенборг Э. 34.
Свиясов Е. В. 122.
«Северная пчела», газета 19, 126, 130, 131.
«Северные записки», журнал 186, 193.
«Северные цветы», альманах 23, 30.
«Северный вестник», журнал 186, 187.
Семевский В. И. 43.
Семенов С. С., псевд. — Волжский 38.
Семенов С. Т. 190, 192.
Семенова М. Т. 223.
Сенека Л.-А. 85, 108, 109.
Сенилов В. А. 41.
Сенковский О. И. 127
Серафимович А. С., псевд. Попова А. С. 194.
Сербинова О. Н., урожд. Ермакова 166, 168.
Сергеев, фабрикант 22.
Сергеев-Ценский С. Н. 186—189, 192—195.
Сергеенко П. А. 193.
Серно-Соловьевич А. А. 142.
Серно-Соловьевич Н. А. 143.
Сивачев М. Г. 22.
«Сирин», изд-во 28, 38.
«Скорпион», изд-во 38.
Слепушкин А. 45.
«Слово», газета 186.
Смиренский В. В. 23.
Смирнов Н. М. 97.
Смирнова Т. П. 60.
Смирнова-Россет А. О. 97.
Смирновы 97, 98.
Смолка 254.
«Современник», журнал 75, 77, 79, 87—92, 94, 97, 98, 100, 101, 105, 107, 118, 119, 148, 150.
«Современный мир», журнал 188, 193, 198.
Соколов С. А., псевд. — Кречетов С. 38, 39.
Соколов-Микитов И. С. 32—35, 38, 40, 41.
Соловьева, дачевладелица 166.
Сологуб Ф., псевд. Тетерникова Ф. К. 28, 36, 38.
Сомов К. А. 20, 41.
Сосинский В. Б. 20, 35.
Сосницкий И. И. 129, 130.
Соханская Н. А. 18.
Спенсер Г. 149, 150.
Станиславский К. С. 41.
Станкевич Н. В. 4.
Старов Н. Д. 104, 107.
Старчевский А. В. 89.
Стендаль, псевд. Бейля А. 244, 245, 248—250.
Степанов Н. Л. 109.
Степняк-Кравчинский С. М. 144, 147.
Столица З. К. 43.
Страшинский 91.
Струве П. Б. 38, 194, 195.
Субботины Е. Д., Н. Д. и М. Д. 144, 147.
Суворин А. С. 134, 136—138.
Султанова Е. П., урожд. Леткова 122.
Сутырин Н. М. 43.
Сухова-Кобылин А. В. 5.
Сушкова Е. П., см. Ростопчина Е. П.
Сущинский Ф. 136.
«Сын отечества», журнал 89, 90.
Сюннерберг К. А., см. Эрберг К.
Тамбурер Л. А. 163, 169—172.
Тансен К.-А., де 165, 166.
Театр им. В. Ф. Комиссаржевской 42.
Театр на Елисейских полях 242, 243.
Театральная студия Ф. Ф. Комиссаржевского 42.
Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО) 25, 44.
Тевяшов Е. Н. 60.
«Телескоп», журнал 18.
Терещенко Е. И. 28.
Терещенко М. И. 28, 43.
Терещенко П. И. 28.
Тескова А. 151, 152, 166, 173.

- Теретников Ф. К., см. Сологуб Ф.
 Тимм В. Ф. 80.
 Тиндаль Д. 149, 150.
 Тиняков А. И., псевд. — Одинокий 38.
 Товарищество новой драмы 24.
 Толстая Е. Ф., см. Юнге Е. Ф.
 Толстая С. А., урожд. Берс 171.
 Толстая Т. Л. 222.
 Толстая-Есенина С. А. 222.
 Толстой А. Н. 32, 35, 38, 152, 154.
 Толстой Л. Н. 78, 90—92, 98, 101, 104, 105, 171, 190—194, 203, 206, 208, 217, 221—223, 225, 239—245, 248—250.
 Трепов Ф. Ф. 140, 141, 145.
 Трубецкая Е. И., кн. 216.
 Трубецкой И. Ю. 98.
 Трубецкие 96, 98.
 Труппинская А. Я., см. Эфрон А. Я.
 Труппинский А. В. 176.
 Трухачев А. Б. 179.
 Трухачев Б. С. 169, 170, 172, 174, 179, 183.
 Турбин В. М. 43.
 Тургенев И. С. 3, 10, 35, 78, 90—92, 98, 101, 104, 105, 107, 143, 145—147, 190, 193.
 Тэн И. 149, 150.
 Тютчев Ф. И. 208.
 Уле О. 149, 150.
 Унковский В. Н. 38, 39.
 Устимович М. В. 27.
 Фадеев А. А. 222.
 Фаригуль Луи, см. Ромен Ж.
 Федин К. А. 25.
 Федоров Иван 35.
 Федотов Г. П. 219.
 Фет А. А. 77, 100, 105, 120.
 Фигнер В. Н. 38, 143, 146.
 Фигнер Л. Н. 144, 146.
 Филиппов Т. И. 18, 19, 81.
 Философов Д. В. 38.
 Флексер А. Л., см. Волынский А.
 Фокин М. М. 41.
 «Фольксбюне», театр 231—233, 236.
 Фонвизин П. И. 46.
 Фонвизин С. П. 46.
 Франковский А. А. 219.
 Фрейганг А. И. 62.
 Фрейд Э. 229, 230.
 Фриче В. М. 161.
 Фуше Ж. 248—251.
 Харитонов Е. 43.
 Хмельницкий А. И. 106.
 Ходасевич В. М. 248.
 Хомяков А. С. 18.
 Хохлов К. П. 248.
 Храбровицкий А. В. 20.
 Хрустачев Н. И. 154.
 Худяков И. А. 150.
 Цвейг С. 217—255.
 Цвейг Ф. 221, 223, 252.
 Цветаев И. В. 153, 169, 171, 172, 178
 Цветаева А. И. 153—155, 157, 158, 163, 166—174, 177, 179—181, 183.
 Цветаева М. А., урожд. Мейн 174.
 Цветаева М. И. 36, 151—185.
 Цветковская Е. В. 173.
 Цедербаум Л. О. 23.
 Цедербаум Ю. О., см. Мартов Ю. О.
 Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) 3.
 Цетлин М. О., псевд. — Амари М. О. 155, 156.
 Чацкина С. А. 43.
 Чейки 150.
 Черепнин Н. Н. 42.
 Черкасский В. А. 18.
 Черных Л. В. 87.
 Чернышевский Н. Г. 22, 75, 76, 91, 98, 104, 112, 119, 120, 143, 149, 150.
 Черняев М. Г. 138, 139.
 Чехов А. П. 23, 193, 203.
 Чеховин С. В. 33.
 Чириков Е. Н. 43.
 Чуковский К. И. 105, 193.
 Шавров А. 136.
 Шадхан Э. С., см. Войтинская Э. С.
 Шайкевич Е. Г. 202.

- Шаляпин Ф. И. 36.
 Шапиро И. М. 38, 40.
 Шаповалов Н. И. 100.
 Шафаренко И. Я. 203.
 Шахматов А. А. 38.
 Шварцман Л. И., см. Шестов Л.
 Шверубович В. И., см. Качалов В. И.
 Швоб М. 159, 160.
 Шевырев Н. С. 9, 18.
 Шекспир В. 47, 61, 62, 100, 190, 192.
 Шелгунов Н. В. 97, 106, 107.
 Шелгунова Л. П. 97, 103, 105—107.
 Шемшурин А. А. 154.
 Шемшурин Ф. А. 154.
 Шенберг А. А., см. Санин А. А.
 Шершеневич В. Г. 39.
 Шестов Л., псевд. Шварцмана Л. И.
 33, 35, 36, 38.
 Шик М. Я. 217.
 Шиллер Ф. 9, 10.
 Шимановский В. В. 248.
 «Шиповник», изд-во 28.
 Шишков В. Я. 32, 38, 40, 41.
 Шкапская М. М. 33.
 Шкловский В. Б. 33.
 Шмелев И. С. 43, 44, 192, 194, 196,
 197, 200—202.
 Шницлер А. 229, 230.
 Шомракова И. А. 218.
 Шпехт Р. 220, 229—231, 233, 236—
 238.
 Шпилевский С. М. 16.
 Штакеншнейдер А. И. 89, 91, 98.
 Штакеншнейдер Е. А. 91, 106, 107.
 Штакеншнейдер М. Ф. 96, 98—100,
 103, 105, 107.
 Штейнберг А. Э. 33.
 Штейнберг М. О. 41.
 Штеммер А. И., см. Майкова А. И.
 Штрайх С. Я. 43.
 Штраус Р. 229, 230.
 Щапов А. П. 150.
 Щеголев П. Е. 23, 30, 32, 35, 36.
 Щеколдин Ф. И. 43, 45.
 Щепкин М. С. 129—131.
 Щербина Н. Ф. 72, 106.
 Щетинина А. В., см. Плетнева А. В.
 Эдельсон Е. Н. 81, 82, 96, 100.
 Эдуард IV, англ. король 59.
 Эдуард, принц Уэльский 59.
 Эйзенштейн С. М. 223.
 Эйхенбаум Б. М. 219.
 Эллис, псевд. Л. Л. Кобылинского
 169, 170, 172.
 Энгельс Ф. 149, 150.
 Эразм Роттердамский 254, 255.
 Эрберг К., псевд. Сюннерберга К. А.
 33.
 Эренбург И. Г. 33, 151, 152, 155,
 179—183.
 Эренбург Л. М., урожд. Козинцева
 33, 180.
 Эттингер П. Д. 222, 224, 225.
 Эфрон А. С. 153, 154, 157, 166, 178,
 179, 181, 182, 184.
 Эфрон А. Я., в замуж. Трупчинская
 174, 176, 177.
 Эфрон В. Я. 167—169, 171.
 Эфрон Е. Я. 154, 167—169, 171, 174.
 Эфрон И. С. 178.
 Эфрон С. Я. 152—156, 168, 169, 171—
 174, 176—185.
 Эфрон, сестры 153.
 Эфрос А. М. 223.
 Юнге Е. Ф., урожд. Толстая 107,
 171.
 Юрасов Д. А. 29.
 Юрьева И. С., см. Кони И. С.
 Языков Н. М. 19.
 Якобини Л. 137, 139.
 Якубович П. Ф. 146, 161.
 Ямпольский И. Г. 72.
 Яновский Н. Н. 38.
 Янтарев Е. Л., псевд. Бернштейна
 Е. Л. 170.
 Ясинский И. И. 38.
 Яценко А. С. 33, 35.
 Barry С. А. 203.
 Gary 169.
 Hemmings Fr. W. J. 203.
 Tencin С.-А. de, см. Тансен К.-А.
 де 165, 166.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Письмо К. С. Аксакова к М. Г. Каргашевской	11
Портрет А. М. Ремизова работы Л. О. Пастернака. 1923 г. Литография	32
Ф. М. Достоевский. Рисунок А. М. Ремизова	33
Рисунок А. М. Ремизова «Комета» (для гадальных карт)	37
Письмо А. Н. Майкова к Ч. Валиханову. 10 февраля 1863 г.	117
Письмо М. И. Цветаевой к М. А. Волошину. 3 декабря 1911 г.	175
М. И. Цветаева и С. Я. Эфрон. Фото 1911 г.	176
Автопортрет М. А. Волошина. 1920-е годы	177
Письмо Э.-М. де Вогюэ к П. Д. Боборыкину. 7 июля 1885 г.	207
Письмо С. Цвейга в издательство «Время». 15 декабря 1926 г.	235

СОДЕРЖАНИЕ

І. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

	Стр.
<i>Е. И. Анненкова.</i> Архив К. С. Аксакова	3
<i>С. С. Гречишкин.</i> Архив А. М. Ремизова	20

ІІ. ПУБЛИКАЦИИ

Ф. Х. Вейсе. Ричард Третий, Перевод П. И. Фоввизина (?). <i>Публикация Н. Д. Кочетковой</i>	46
М. Л. Невахович. Эдуард XII, король Англии. <i>Публикация Ю. Д. Левина</i>	60
А. Н. Майков. Письма. <i>Публикация И. Г. Ямпольского</i>	72
Ф. А. Кони. Письма. <i>Публикация Е. В. Свиясова</i>	122
Г. А. Лопатин. Письмо к С. А. Венгерову. <i>Публикация Л. Н. Ивановой</i>	142
Г. А. Лопатин. Ответы на анкету. <i>Публикация Л. Н. Ивановой</i>	148
М. И. Цветаева. Письма к М. А. Волошину. <i>Публикация В. П. Купченко</i>	151
С. Н. Сергеев-Ценский. Письма к Л. Я. Гуревич. <i>Публикация З. И. Власовой</i>	186
И. С. Шмелев. Письмо к Леониду Андрееву. <i>Публикация В. П. Вильчинского</i>	196
Э.-М. де Вогюэ. Письма к русским литераторам. <i>Публикация П. Р. Заборова</i>	203
Стефан Цвейг. Письма в издательство «Время». <i>Публикация К. М. Азодовского</i>	217
Указатель имен, периодических изданий и учреждений	256
Список иллюстраций	269

**ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 1975 ГОД**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*
Корректоры *Э. В. Гришина* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 7/VI 1977 г. Подписано к печати 10/XI 1977 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 17+2 вкл.
(¹/₄ печ. л.) = 17.25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.46.
Изд. № 6399. Тип. вак. № 437. М-24230. Тираж 17000.
Цена 1 р. 50 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В 1978 году будет выпущен очередной сборник **ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА НА 1976 ГОД**

Очередной выпуск «Ежегодника» содержит разнообразный материал по истории общественной мысли и литературы XVIII—XX вв.

В разделе «Обзоры» дается описание фонда Л. Я. Гуревич (журнал «Северный вестник»), альбомов конца XVIII—начала XIX в., материалов фонда М. А. Булгакова, характеризующих его отношение к Н. В. Гоголю. Приводится также перечень новых поступлений в Рукописный отдел за 1974—1975 гг.

Среди публикуемых материалов сатира XVIII в. «Обед Мидасов», письма Н. М. Языкова к родным, И. А. Гончарова к С. А. Никитенко, И. Ф. Анненского к К. С. Маковскому и М. А. Волошину, А. В. Луначарского к С. Д. Балухатому.

Об интернациональных связях русской литературы свидетельствуют письма Т. Гарди, Г. Джеймса и зарубежных корреспондентов А. И. Тургенева.

«Ежегодник» предназначен для филологов и широкого круга читателей, интересующихся русской литературой.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ:

117464, Москва, Мичуринский пр., 12

Магазин «Книга — почтой»

Центральной конторы «Академкнига»

197110, Ленинград, Петрозаводская ул., 7

Магазин «Книга — почтой»

Северо-Западной конторы «Академкнига»